

ФГБОУ ВО Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Экономический факультет
Кафедра политической экономики

На правах рукописи

Теняков Иван Михайлович

**СИСТЕМА ФАКТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА:
РОССИЙСКИЕ ОСОБЕННОСТИ**

Специальность 08.00.01 – Экономическая теория

(Область исследования – 1. Общая экономическая теория: 1.1. Политическая экономия: фазы общественного воспроизводства, взаимосвязь его материально-вещественных и стоимостных факторов; гуманизация экономического роста; состав, структура и динамика национального богатства; формирование экономической политики (стратегии) государства;

1.3. Макроэкономическая теория: теория экономического роста)

Диссертация на соискание ученой степени

доктора экономических наук

Научный консультант –
доктор экономических наук
профессор В.М. Кульков

МОСКВА – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Подходы к исследованию экономического роста	21
1.1. Содержание экономического роста.....	21
1.2. «Два канона» в экономической теории: проекция на проблематику экономического роста	34
1.3. Системно-воспроизводственный подход к экономическому росту	40
1.4. Функционально-экономический подход к экономическому росту.....	49
1.5. Соотношение экономического роста и экономического развития.....	59
1.6. Системное исследование экономического роста.....	82
Глава 2. Источники, факторы и типы экономического роста	85
2.1. Источники и факторы экономического роста.....	85
2.2. Типы экономического роста.....	101
2.3. Системно-историческая типология экономического роста.....	113
2.4. Экономический рост в условиях глобальной турбулентности и «новой нормальности».....	133
2.5. Национальные модели экономического роста.....	139
Глава 3. Качество экономического роста: содержание, измерение, оценка	144
3.1. Качество экономического роста: содержание и подходы.....	144
3.2. Проблемы измерения и оценки показателей качества экономического роста.....	159
3.3. Рекомендации по совершенствованию измерения показателей качества экономического роста.....	176
Глава 4. Факторы в моделировании экономического роста: российские особенности .	180
4.1. Формализованная модель накопления капитала К. Маркса и подход Т. Пикетти.....	180

4.2. Кейнсианские модели экономического роста.....	192
4.3. Неоклассические модели экономического роста	204
4.4. Новая теория роста-1: АК-модели и модель с человеческим капиталом Р. Лукаса.	215
4.5. Новая теория роста-2: шumpетерианский подход.....	227
4.6. Национально-специфические факторы экономического роста: российская модель	238
Глава 5. Российская модель экономического роста: историческая траектория, структурные параметры и качество роста.....	250
5.1. Историческая траектория экономического роста в России	250
5.2. Структурные параметры российской модели экономического роста: совокупный спрос.....	270
5.3. Структурные параметры российской модели экономического роста: совокупное предложение.....	278
5.4. Факторы стагнации 2012 – 2016 гг. как проявления ограничений сложившейся модели экономического роста	290
5.5. Качество экономического роста в России	306
Глава 6. Политика экономического роста: содержание и российская реализация.....	317
6.1. Политика экономического роста: цели, инструменты, мировой опыт....	317
6.2. Особенности реализации политики экономического роста в постсоветской России.....	324
6.3. Альтернативные направления политики экономического роста в современной России.....	334
6.4. Формирование национальной стратегии экономического роста.....	368
Заключение.....	374
Список литературы.....	382
Приложения.....	423

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Проблематика факторов экономического роста является крайне актуальной как в масштабах мировой экономики, так и экономики России. Несмотря на формальное завершение мирового экономического кризиса 2007 – 2009 гг. в мировой экономике не произошло полноценного восстановления экономического роста: наблюдается замедление темпов роста, наиболее явно выраженное в развитых странах, вялая динамика промышленного сектора, сохранение высокого уровня безработицы. Данная ситуация характеризуется в экономической литературе как «новая нормальность»¹. В этой связи актуальным становится переосмысление сложившихся представлений о природе, источниках и факторах экономического роста. Необходимо по-новому взглянуть на сложившиеся подходы к формализации экономического роста, определить соотношение между общесистемными экономическими факторами роста и факторами, относимыми к «неэкономическим», которые могут сыграть важную роль в условиях неопределенности вектора развития мировой экономики на современном этапе.

Проблема экономического роста крайне актуальна для современной российской экономики, перешедшей от восстановительного роста 2010 – 2011 гг. к замедлению экономической динамики и спаду в 2015 – 2016 гг. Задача повышения темпов и обеспечения устойчивости экономического роста, увеличения реальных доходов граждан России и достижения технологического лидерства российской экономики поставлена Президентом Российской Федерации². Хотя в российском научном сообществе, экспертных и правительственных кругах и общепризнан тезис об исчерпании потенциала сложившейся до кризиса модели экономического роста, что, подчеркнул, в частности, Председатель Правительства Д.А. Медведев³, но нет единства в определении контуров новой модели экономического роста,

¹ El-Erian M. Navigation the New Normal in Industrial Countries // Per Jacobsson Foundation Lecture. 2010. URL: www.imf.org

² Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. N 596 «О долгосрочной государственной экономической политике».

³ Медведев Д.А. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики, 2015, № 10.

способной обеспечить всестороннюю модернизацию российской экономики, переход к новому технологическому укладу, повышение уровня и качества жизни в стране. Экономика России, являясь частью мировой, безусловно, испытывает на себе воздействие факторов, формирующих «новую нормальность» на глобальном уровне. Однако невозможно обойти и вопрос о специфически-российских факторах как способствующих экономическому росту в стране, так и препятствующих ему. В этой связи исследование вопроса об источниках, факторах, ограничениях и качестве экономического роста в России с учетом глобального контекста мировой экономики представляется крайне актуальным в практическом плане.

Степень научной разработанности проблемы. Многоаспектность проблематики экономического роста позволяет выделить следующие направления экономической теории, раскрывающие различные аспекты исследуемой проблемы.

Истоки представлений об экономическом росте и его основных детерминантах представлены в трудах классиков политической экономии А. Смита, Д. Рикардо, Т. Мальтуса, а начало измерениям макроэкономических показателей, в том числе характеризующих экономический рост, было положено В. Петти. Раскрытие ключевых структурных факторов экономического роста через призму общественного воспроизводства дано К. Марксом в «Капитале».

Воспроизводственный подход к экономическому росту получил в XX в. широкое развитие в трудах российских экономистов. Г.А. Фельдман предложил модель экономического роста, разработанную на основе схем воспроизводства К. Маркса. Ю.В. Яременко разработал теорию многоуровневой экономики, в которой раскрыл значение фактора неоднородности ресурсов для воспроизводства и экономического роста. Развитие проблематики экономического роста в русле воспроизводственного подхода представлено также в работах А.И. Анчишкина, В.Д. Камаева, К.И. Микульского, А.И. Ноткина. В постсоветский период воспроизводственный подход к экономическому росту развивается в работах Л.И. Абалкина, С.Д. Бодрунова, С.Ю. Глазьева, С.С. Губанова, С.С. Дзарасова, Д.С. Львова, В.И. Маевского, А.А. Пороховского, Б.П. Плышевского, В.Т. Рязанова, А.В. Сидоро-

вича, Д.Е. Сорокина, А.В. Сорокина, О.С. Сухарева, М.Н. Узякова, К.А. Хубиева, В.Н. Черковца.

Проблема количественной и качественной оценки экономического роста в исторической ретроспективе всесторонне исследуется в работах С. Кузнеца, Э. Медисона, Р. Кинга, А. Крюгер, С. Ребело, Т. Пикетти. Необходимость совершенствования системы измерений показателей экономического роста и усиления акцента на его качественных параметрах показана в работах В. Лахмана, У. Нордхауза, К. Плато, А. Сена, Дж. Стиглица, Дж. Тобина, Ж. Фитусси, Ю.Н. Иванова, И.Ю. Соколовой. Экологические ограничения экономического роста рассматривают Д. Х. Медоуз, Д. Л. Медоуз, С. Янг. Социально-психологические аспекты качества экономического роста исследуются в работах Р. Истерлина, Д. Канемана, Р. Лэйярда, Б. Стевенсона, О.Н. Антипиной.

Разработка моделей экономического роста в мировой экономической мысли активно началась после Второй мировой войны. Р. Харрод и Е. Домар представили первые модели экономического роста в русле кейнсианского подхода, сделав акцент на роли факторов совокупного спроса (прежде всего, инвестиций). Кейнсианский подход к экономическому росту развивался в работах С. д'Акунто, Р. Диксона, Н. Калдора, М. Калецкого, П. Коммендаторе, К. Панико, А. Пинто, Дж. Робинсон, П. Сраффы, А. Тирлвола, Дж. Тобина, а его приложение к реалиям российской экономики рассматривалось в работах российских ученых В.Е. Маневича, Л.К. Николаева, В.В. Овсиенко, О.С. Сухарева. Неоклассический подход к моделированию экономического роста, сделавший акцент на вкладе факторов производства в экономический рост, был предложен Р. Солоу и Т. Своном и получил развитие в работах Р. Барро, О. Бланшара, В. Брока, Д. Касса, Т. Купманса, Л. Мирмана, Э. Фелпса, а его применение к исследованию факторов экономического роста отдельных стран представлено, в частности, в работах отечественных ученых В.Г. Варнавского, И.А. Погосова, Е.А. Соколовской, О.С. Сухарева.

«Новая теория роста», переместившая акцент на эндогенные факторы роста и, прежде всего, факторы научно-технического прогресса, прошла несколько этапов развития. На первом этапе акцент был сделан на включение в модели экономиче-

ского роста эффекта «обучения на практике» и человеческого капитала. Данный подход, предложенный К. Эрроу, представлен в работах Д. Аджемоглу, Дж. Вентуры, Р. Кинга, Р. Лукаса, Н. Мэнкью, С. Ребело, П. Ромера, М. Франкеля, Д. Уэйла. Исследование вклада человеческого капитала в экономический рост России представлено в работах Р.И. Капелюшникова, О.Н. Болдова, В.Г. Гребенникова, В.Н. Иванова, И. Любимова, И.Е. Рудаковой, А.В. Суворова, Н.В. Суворова. На втором этапе развития «новой теории роста» акцент в анализе сместился на фактор инноваций и условия их возникновения. «Многопродуктовый подход», предложенный А. Дикситом и Дж. Стиглицем, получил развитие в работах П. Ромера, К. Броды, Дж. Гринфильда, Г. Гроссмана, К. Джонса, М. Кремера, Д. Уэйнстейна, Э. Хелпмана. Дальнейшее развитие «новая теория роста» получила в рамках шumpетерианского подхода, который представил идею «созидательного разрушения» Й. Шумпетера в ряде формальных моделей роста, разработанных Ф. Агийоном и П. Хоуиттом, и развивавшихся в работах А. Батабьяла, Л. Джонса, С. Дж. Йо, Р. Мануэлли, П. Сегестрома, а применительно к российским реалиям – в работах В.Е. Дементьева, О.С. Сухарева и В.А. Цветкова.

Исследования вклада экономических факторов роста были дополнены работами, включившими в анализ неэкономические факторы роста: пространственные, социальные, институциональные, политические, а также факторы распределения. П. Кругман, Г. Гроссман, Э. Хелпман, П. Байрох, Р. Барро, М. Клеменс, Ф. Родригес, К. О’Рурк, К. Сала-и-Мартин, Дж. Уильямсон рассматривали воздействие фактора международной торговли на экономический рост, а Дж. Сакс подчеркнул влияние географического фактора на неравномерность роста разных стран. Взаимосвязь неравенства и экономического роста раскрывается в работах С. Кузнецца, Т. Пикетти, Ф. Агийона, Д. Аджемоглу, А. Алесины, Р. Бенабу, П. Болтона, М. Кремера, Р. Перотти, Т. Перссона, Д. Родрика, Дж. Стиглица, Дж. Табелини, Дж. Уильямсона, А.В. Бузгалина, А.И. Колганова. Г. Мюрдаль, Д. Норт, Д. Аджемоглу, С. Джонсон, В. Истерли, Р. Левин обосновали значимость институциональных факторов экономического роста. М. Олсон, А. Маллиган, С. Хантингтон, Т. Перссон, Г. Табелини, подчеркнули влияние социально-политических факторов

на экономический рост. Институциональные, культурные и политические факторы экономического роста и развития раскрываются в работах российских ученых А.А. Аузана, В.М. Полтеровича, А.Н. Архангельского, П.С. Лунгина, В.А. Найшуля, Р.М. Нуреева, В.В. Попова.

Ряд исследователей рассматривали теорию экономического роста в контексте теории экономической динамики и экономического развития. Н.Д. Кондратьев сделал попытку включить экономический рост в более общую модель долгосрочной экономической динамики. В работах Х. Зингера, Х. Лейбенстайна, Р. Нурксе, П. Розенштейн-Родана, А. Хиршмана, раскрываются структурные аспекты экономического роста в развивающихся странах. Дж. Арриги, Ф. Бродель, И. Валлерстайн, Р. Пребиш исследовали структурную неравномерность экономического роста разных регионов как результат иерархического устройства мировой системы капитализма. Роль базовых технологий и технологических инноваций в экономическом росте представлена в работах как зарубежных (Т. Бреснахан, Н. Кларк Г. Менш, К. Перес, М. Трахтенберг, К. Юма), так и отечественных (С.Ю. Глазьев, С.С. Губанов, В.Е. Дементьев, О.С. Сухарев) ученых.

Особенности факторов экономического роста в России раскрываются в работах А.Р. Белоусова, Д.Р. Белоусова, С.Д. Бодрунова, С.Ю. Глазьева, С.С. Губанова, В.В. Ивантера, М.Ю. Ксенофонтова, В.А. Мау, Б.Н. Порфирьева, А.И. Татаркина, А.А. Широга, Е.Г. Ясина. Российская специфика фактора «труд» как важнейшего фактора экономического роста исследуется в работах Р.И. Капелюшниковой, А.О. Вереникиной, А.А. Зайцева, И.А. Погосова, А.С. Славянова, Е.Ю. Хрусталева. Значение национально-специфических факторов для экономического роста российской экономики подчеркивается в работах С.Д. Бодрунова, В.М. Кулькова, В.Т. Рязанова⁴.

Несмотря на существующее обилие исследований по экономическому росту, в них отсутствует системная концепция экономического роста, а также не раскрыто теоретическое содержание национальной модели экономического роста. Большинство исследователей делает акцент на отдельных группах факторов экономи-

⁴ Работы указанных авторов приведены в списке литературы диссертации.

ческого роста (факторах спроса и предложения, производства, торговли, социокультурных, институциональных и т.д.), включая их проекцию на российскую экономику. Слабо отражена российская специфика с позиций шумпетерианской теории роста. Ограниченно раскрывается действие национально-специфических факторов экономического роста. В этой связи в диссертации повышенное внимание уделяется разработке теоретических основ системы факторов экономического роста и ее российской спецификации в форме национальной модели экономического роста.

Цель и задачи диссертационного исследования. Цель диссертационного исследования заключается в развитии теории экономического роста на основе разработки системной концепции экономического роста в национальной экономике.

Поставленная цель предопределяет необходимость решения следующих задач диссертационного исследования:

- разработать методологические основы и содержательное наполнение системной концепции экономического роста;
- представить системную субординацию факторов экономического роста;
- развить типологию экономического роста с учетом современных условий мирового развития;
- выявить специфику экономического роста в условиях «новой нормальности»;
- раскрыть теоретическое содержание национальной модели экономического роста;
- детализировать понятие качества экономического роста и обосновать систему параметров для его оценки;
- выявить российскую спецификацию факторов экономического роста в основных теоретических моделях экономического роста и предложить эконометрическую модель для оценки основных факторов роста российской экономики;
- выявить особенности долгосрочной траектории экономического роста в России;

- определить национально-специфические факторы, структурные особенности и качество российской модели экономического роста;
- систематизировать факторы стагнации российской экономики в 2012 – 2016 гг.;
- обосновать стратегию перехода к адекватной российским условиям и вызовам национальной модели экономического роста.

Объектом диссертационного исследования является процесс экономического роста на современном этапе развития мировой и российской экономики.

Предметом диссертационного исследования является системная взаимосвязь факторов экономического роста в национальной экономике.

В рамках специальности 08.00.01 – Экономическая теория, предмет диссертационного исследования находится в областях – 1. Общая экономическая теория: 1.1. Политическая экономия: фазы общественного воспроизводства, взаимосвязь его материально-вещественных и стоимостных факторов; гуманизация экономического роста; состав, структура и динамика национального богатства; формирование экономической политики (стратегии) государства; 1.3. Макроэкономическая теория: теория экономического роста.

Методология и методы исследования. Основу применяемой методологии составляет системный подход к исследованию проблематики экономического роста. Системный подход конкретизируется, во-первых, как системно-структурный при раскрытии основных факторов экономического роста, проведении их субординации в рамках абстрактно-теоретических моделей роста и их национальной спецификации применительно к условиям экономики России; во-вторых, как системно-диалектический при конкретизации взаимосвязи экономического роста и экономического развития, а также определения содержания национальной модели экономического роста и ее соотношения с общемировыми тенденциями. В ходе исследования используются общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, абстрагирования, агрегирования и моделирования, математический и статистические методы (анализ динамических рядов, корреляционно-

регрессионный, индексный). Для построения эконометрических моделей использована программа для ЭВМ «Gretl» 1.9.13.

К числу непосредственных методов относятся сбор и обработка статистической информации и фактических материалов, построение регрессий при помощи соответствующего программного обеспечения.

Диссертационное исследование основано на новейших достижениях современной макроэкономической теории, и, прежде всего, теории экономического роста, теории воспроизводства, теории макроэкономической статистики. При раскрытии отдельных параметров экономического роста и его качества применялись подходы теории благосостояния, теории устойчивого развития, экономики счастья.

Информационно-эмпирической базой исследования послужили монографии и статьи ведущих ученых, нормативно-правовые акты, статистические материалы органов управления Российской Федерации: Министерства экономического развития, Министерства финансов, Банка России, Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации; статистическая информация отечественных и зарубежных информационных агентств, данные периодической печати и сети Интернет. Используются аналитические материалы Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП), Международного валютного фонда. Использован широкий круг международных статистических источников: базы данных ООН по макроэкономической статистике, Бюро экономических исследований США, МВФ (World Economic Outlook Database).

Научная новизна диссертационного исследования состоит из следующих положений.

1. Разработана системная концепция экономического роста в национальной экономике. Показано, что с позиций «первого (абстрактно-всеобщего) канона» экономической науки экономический рост раскрывается как форма проявления процесса накопления капитала (физического и человеческого), результатом которого в современных условиях развития становится переход от количественных параметров (рост доходов) к качественным (совершенствование жизненных стан-

дартов). С позиций «второго (конкретно-особенного) канона» экономической науки экономический рост раскрывается как форма развития производительных сил и расширения экономического потенциала национальной экономики, сопровождающаяся повышением уровня и качества жизни в стране, укреплением национального экономического суверенитета и повышением экономического влияния страны в мире. Системная концепция экономического роста раскрывает его содержание в единстве источников и факторов роста, типов и национальных моделей роста, количественных и качественных параметров роста, абстрактно-всеобщих и конкретно-особенных форм роста.

2. Раскрыта и системно представлена классификация факторов экономического роста. По сферам действия выделены экономические и неэкономические факторы (природно-климатические, географические, геополитические, демографические, политические и социокультурные). По отношению к национальной экономике выделены внутренние и внешние факторы. Экономические факторы рассматриваются в нескольких ракурсах. По отношению к процессу воспроизводства они подразделяются на реальные и финансовые (монетарные) факторы; по отношению к хозяйственному механизму – на структурные и институциональные факторы; по уровням – на факторы микроуровня и факторы макроуровня. Реальные факторы по роли в процессе воспроизводства подразделяются на факторы совокупного спроса, факторы совокупного предложения и факторы распределения. Система факторов роста национальной экономики, сформированная в прошлом, формирует фактор «исторической колеи», воздействующий на факторы роста национальной экономики в настоящем. Факторы экономического роста дополнительно характеризуются по параметрам их воздействия на экономический рост: по времени, по устойчивости, по силе, по охвату, по результатам.

3. Разработана системно-историческая типология экономического роста. Базовым критерием выступает технико-экономическая основа экономической системы, характер и качество развития производительных сил: на основе механизации, электрификации, всеобщей цифровизации и автоматизации. Дополнительными критериями являются: доминирующие технологические уклады, качество факто-

ров производства, степень неравенства в распределении доходов, темпы и устойчивость роста. Выделены три системно-исторических типа экономического роста: раннеиндустриальный, зрелый индустриальный и позднеиндустриальный рост. В рамках позднеиндустриального типа роста дополнительно выделены два подтипа: информационно-индустриальный и неоиндустриальный рост.

4. Раскрыты особенности современного экономического роста. Они заключаются в усилении неустойчивости экономического роста в условиях турбулентности мирового экономического развития, расхождении траекторий роста развитых и развивающихся стран, ослаблении позиций ряда ведущих развитых стран (прежде всего – США) в мировой экономике, повышении влияния неэкономических (демографических, геополитических) и структурных факторов роста, а также факторов распределения и «исторической колеи», к которым относятся последствия мирового экономического кризиса 2007 – 2009 гг., сформировавшие «новую нормальность»; трансформации результатов экономического роста в ненаблюдаемые современной статистикой формы (совершенствование жизненных стандартов, не отражающееся в доходных показателях).

5. Разработаны теоретические основы национальной модели экономического роста и раскрыта ее двойственная природа. С позиции «первого (абстрактно-всеобщего) канона» экономической теории национальная модель экономического роста рассматривается как форма спецификации системно-исторических типов роста в условиях конкретной национальной экономики. С позиции «второго (конкретно-особенного) канона» экономической теории национальная модель экономического роста определяется как системный интегратор действия национально-специфических факторов экономического роста (как экономических, так и неэкономических) и целей национального экономического развития, задающий долгосрочную «историческую колею» социально-экономического развития страны.

6. Проведено разграничение между качественным (шумпетерианским) ростом как особым типом экономического роста, основанном на повышении качества факторов производства и сопровождающимся качественным улучшением жизненных стандартов, и качеством роста как интегральной характеристикой факто-

ров и результатов экономического роста любого типа. Сформулирована система параметров для оценки качества экономического роста, интегрирующая структурные, социальные, социально-психологические параметры роста, параметры национальной экономической безопасности.

7. Раскрыта российская спецификация факторов экономического роста, представленных в основных подходах теории экономического роста. Предложена формализация модели расширенного воспроизводства К. Маркса и проведена ее эконометрическая проверка, подтвердившая значимость факторов нормы рентабельности и нормы накопления. Выявлено снижение эффективности инвестиций в российской экономике на макроуровне в рамках кейнсианского подхода. Дана оценка производственной функции в России по методологии неоклассического подхода и отмечен переход от возрастающей к убывающей отдаче по мере исчерпания потенциала восстановительного роста. Выявлено недоиспользование человеческого капитала как фактора роста в России и дана оценка темпов экономического роста в зависимости от динамики занятых с различным уровнем образования в рамках подхода новой теории роста. Отмечено слабое соответствие шумпетерианской теории экономического роста российским реалиям и показана низкая значимость фактора НИОКР для сложившейся модели экономического роста в России.

8. Выявлено изменение долгосрочной траектории экономического роста России в постсоветский период, проявившееся в снижении траектории в ходе социально-экономической трансформации 1990-х гг. На основе принципа упущенной выгоды введено понятие компенсирующего роста – экономического роста, необходимого для компенсации накопленных в ходе трансформационного спада потерь выпуска, доходов, экономического потенциала. Дана оценка накопленных потерь экономического роста в ходе социально-экономической трансформации для экономики России по статическому и динамическому вариантам. Рассчитано, что для перехода на высокую траекторию экономического роста, позволяющую компенсировать указанные потери и соответствующую современному среднеми-

ровому темпу роста, необходим ускоренный рост российской экономики со среднегодовым темпом не менее 8%.

9. Построена эконометрическая модель, характеризующая специфику факторов экономического роста в России. Подтверждена положительная зависимость темпа экономического роста в России от следующих факторов: динамики инвестиций в основной капитал, динамики мировых цен на нефть и динамики реальной денежной массы. Выявлена более значимая роль инвестиций в основной капитал по сравнению с двумя другими факторами роста и построен прогноз на период 2018 – 2020 гг., показывающий возможность выхода на более высокие темпы экономического роста в России по сравнению с прогнозом Министерства экономического развития при условии учета фактора реальной денежной массы.

10. Систематизированы внутренние и внешние факторы стагнации российской экономики в 2012 – 2016 гг., раскрыта специфика структурных факторов, уточнено качество экономического роста российской экономики в период 2000-х гг. и на этапе «новой нормальности». Со стороны совокупного спроса выявлена ускоренная динамика внешнего спроса и потребления домашних хозяйств и дана оценка вклада факторов совокупного спроса в накопленный прирост реального ВВП. Со стороны совокупного предложения зафиксирована ускоренная динамика сектора торгово-посреднических услуг и дана оценка вклада факторов предложения по четырем секторам в накопленный прирост реальной валовой добавленной стоимости. Подтверждено низкое качество сложившейся в 2000-е гг. экспортно-сырьевой модели экономического роста России и отмечено ухудшение структурных и социальных параметров качества роста в период «новой нормальности». Выделены внешние факторы стагнации: неустойчивость мирового экономического роста в условиях «новой нормальности», снижение цен на товары сырьевого российского экспорта, политика санкций в отношении России, отток капитала. Выделены внутренние факторы стагнации: исчерпание потенциала сложившейся модели экономического роста в результате ужесточения структурных, ресурсных, институциональных ограничений, а также проводимой жесткой бюджетно-налоговой и денежно-кредитной экономической политики.

11. Сформулирован авторский подход к определению новой национальной модели экономического роста в России. Показано, что вызовы мирового экономического развития диктуют необходимость развертывания в России неоиндустриальной, инновационно-ориентированной модели экономического роста, сочетающей импортозамещение по ряду видов деятельности, ориентированных на внутренний спрос и необходимых для обеспечения национальной экономической безопасности, с развитием экспортно-ориентированных производств с растущим уровнем добавленной стоимости; нацеленной на широкое использование человеческого потенциала, повышение уровня жизни и совершенствование жизненных стандартов населения России. Проведено сопоставление различных подходов к формированию новой модели экономического роста в России, выделены их достоинства и ограничения. В русле стратегии перехода к новой российской модели роста предложена система мер политики экономического роста, интегрирующая рекомендации шumpетерианского, дирижистского и либерального подходов при сохранении приоритета вектора становления новой индустриальной экономики.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке автором системного подхода к исследованию экономического роста в единстве его источников, факторов и результатов с учетом национальной и мировой экономической среды, дополняющего и развивающего теорию экономического роста; в построении авторской классификации факторов экономического роста; в раскрытии системно-исторической типологии экономического роста и разработке теоретического содержания национальной модели экономического роста; в систематизации подходов, сформировавшихся в теории экономического роста, и раскрытии их российской спецификации. Потенциал разработанной концепции заключается в расширении объяснительных и прогностических возможностей современной теории экономического роста, систематизации новых факторов экономического роста на основе предложенных критериев, углублении понимания роли национально-специфических факторов экономического роста.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных в работе выводов при разработке государственных страте-

гий и программ социально-экономического развития национальной экономики, совершенствовании системы статистического сбора и представления информации о показателях, характеризующих количественные и качественные аспекты экономического роста. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы при чтении курсов «Общая экономическая теория», «Макроэкономика», «Экономика России», «Теория экономического роста», «Теория экономического развития», «Теория общественного богатства», «Экономическая статистика», «Государственное регулирование экономики», «Экономика труда» и разработке новых спецкурсов и учебных программ.

Апробация результатов исследования. Результаты диссертационного исследования докладывались на научных семинарах и круглых столах, организованных проблемной группой «Воспроизводство и экономический рост» и «Центром исследования экономической системы России» кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, а также на Научном совете МГУ по разработке современной экономической теории и российской модели социально-экономического развития (30 ноября 2017 г.).

Основные положения диссертационного исследования докладывались в период 2008 – 2017 гг. на 22 научных конференциях: Международная научная конференция «Инновационное развитие экономики России: национальные задачи и мировые тенденции» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, Экономический факультет, 23 – 25 апреля 2008 г.), Вторая международная научная конференция «Инновационное развитие экономики России: ресурсное обеспечение» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, Экономический факультет, 22 – 24 апреля 2009 г.) Третья международная научная конференция «Инновационное развитие экономики России: роль университетов» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, Экономический факультет, 21 – 24 апреля 2010 г.), Четвертая международная научная конференция «Инновационное развитие экономики России: институциональная среда» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, Экономический факультет, 20 – 22 апреля 2011 г.), Международная научная конференция «Ломоносовские чтения-2011» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, Экономический факультет, 17 но-

ября 2011 г.), Пятая международная научная конференция «Инновационное развитие экономики России: сценарии и стратегии» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, Экономический факультет, 18 – 21 апреля 2012 г.), VII Фестиваль науки (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 13 октября 2012 г.), Шестая международная научная конференция «Инновационное развитие экономики России: региональное разнообразие» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, Экономический факультет, 17 – 19 апреля 2013 г.), VIII Фестиваль науки (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, октябрь 2013 г.), Международная научная конференция «Московский экономический форум-2014: Несырьевое будущее России» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, март 2014 г.), Седьмая международная научная конференция «Инновационное развитие экономики России: междисциплинарное взаимодействие» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, Экономический факультет, 16 – 18 апреля 2014 г.), Международная научная конференция «Экономическая система современной России: пути и цели развития» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 19 ноября 2014 г.), Юбилейная международная научная конференция «Ломоносовские чтения-2015» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 20 января 2015 г.), Вторая международная научная конференция «Развитие современной России: проблемы воспроизводства и созидания» (Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 4 марта 2015 г.), Международная научная конференция «Московский экономический форум-2015: Новый курс. Время не ждет!» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 25 – 26 марта 2015 г.), Международная научная конференция «Ломоносовские чтения-2016» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 18 – 27 апреля 2016 г.), Международная научная конференция «Российское системное перестроение как стратегическая неизбежность: неоэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, Экономический факультет, 7 – 9 декабря 2016 г.), Международная научная конференция «Современная российская экономика: кейнсианский вариант выхода из стагнации» (Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова, Экономический факультет, кафедра политической экономии, 29 марта 2017 г.), Международная научная конференция «Московский экономиче-

ский форум-2017: Поворот мировой истории. Новая стратегия России» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 30 – 31 марта 2017 г.), Международная научная конференция «Ломоносовские чтения-2017» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 18 – 20 апреля 2017 г.), VI Международная научно-практическая конференция «Великие экономисты и великие реформы: "Капитал" К. Маркса: мифы, традиции, современность (к 150-летию выхода в свет первого тома "Капитала")» (Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 28 – 29 сентября 2017 г.); Научная конференция «Великая российская революция 1917 г.: экономические предпосылки, интерпретации, последствия» (Москва, Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 24 – 25 октября 2017 г.).

Разработки автора в области теории экономического роста и его российских особенностей апробированы в преподавании курсов «Макроэкономика», «Теория общественного богатства», «Российская экономическая модель», «Экономика России» (Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, бакалавриат), «Экономика» (Факультет Фундаментальной медицины МГУ имени М.В. Ломоносова), спецкурсов «Национальное экономическое развитие: теория и российская специфика» (магистратура Экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова), «Национальное экономическое развитие: мировая динамика и российская практика» (магистратура Казахстанского филиала Экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова).

Публикационная активность. По теме диссертации опубликовано 55 научных и учебно-методических работ общим объемом 84,5 печатных листов, в том числе 12 статей в научных периодических изданиях, входящих в списки Web of Science, Scopus, RSCI, Список МГУ по экономическим специальностям, 11 статей в научных журналах, рекомендованных ВАК РФ, 1 монография, а также главы в 11 коллективных монографиях, в том числе глава в коллективной монографии на английском языке, 3 учебника и 3 учебных пособия, 14 статей в прочих научных изданиях.

Степень достоверности научного исследования. Диссертационное исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы кафедры политиче-

ской экономики Экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в соответствии с темами государственной регистрации: «Методологические, теоретические и практические проблемы формирования российской экономической модели» (регистрационный номер АААА-А16-116042710118-2) и «Методологические принципы и системный анализ в развитии экономической теории» (регистрационный номер АААА-А16-116042710119-9).

Структура работы. Диссертационное исследование включает введение, шесть глав, заключение, список литературы и приложения. Основной текст работы изложен на 381 странице. Работа включает 30 таблиц, 7 рисунков и 8 приложений. Список литературы включает 556 источников.

Глава 1. Системный подход к исследованию экономического роста

1.1. Содержание экономического роста⁵

«Экономический рост» - термин, который прочно вошел в повседневную общественно-политическую жизнь. Однако, несмотря на его широкое распространение, следует отметить отсутствие единообразной трактовки «экономического роста» со стороны экономистов, политиков, простых граждан. В общественно-политическом дискурсе под экономическим ростом часто подразумевается положительная макроэкономическая динамика. Например, в заявлении председателя Банка России Э.С. Набиуллиной говорится о возобновлении экономического роста в России в 2017 году, которое при этом «будет носить неравномерный характер и может затронуть не сразу все сектора экономики. Мы оцениваем, потенциальные темпы роста ВВП меньше 1,5-2%, если не будет происходить изменений структуры экономики»⁶. В Докладе Группы Всемирного Банка сделан прогноз роста российской экономики в 2017 г. на 1,3%, и на 1,4% в 2018 – 2019 гг., но подчеркиваются ограниченные долгосрочные перспективы экономического роста в России вследствие низкого уровня производительности⁷.

В чем же состоит сущность экономического роста? Что стоит за многообразием фактов роста ВВП, производства, занятости, дохода, повышения уровня жизни, которые чаще всего подразумеваются, когда речь заходит об «экономическом росте»? Рассмотрим данный вопрос последовательно. Сначала обобщим сформировавшиеся в экономической учебной литературе определения экономического роста. Затем остановимся на определении экономического роста в современных обзорных научных исследованиях.

Хотя термин «экономический рост» прочно вошел в научный обиход, его содержание раскрывается не всегда четко, даже в учебной литературе. Чаще опре-

⁵ При написании данного раздела были использованы отдельные положения работы: Теняков И.М. Современный экономический рост: источники, факторы, качество: Монография. – М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2015, сс. 7 – 16.

⁶ Центробанк: возобновление экономического роста в России будет неравномерным. // РИА-новости. 02.12.2016. Электронный ресурс: <https://ria.ru/economy/20161202/1482696845.html> (дата обращения: 26.06.2017).

⁷ Группа Всемирного банка. От рецессии к восстановлению. Доклад об экономике России. Май 2017 г., сс. 9 - 11. Электронный ресурс: <http://pubdocs.worldbank.org/en/894401495493535366/RER-37-May26-FINAL-with-summary-RUS.pdf> (дата обращения: 26.06.2017).

деления экономического роста даются в учебниках базового уровня. Так, в «Словаре понятий и терминов» учебника К. Р. Макконнелла и С. Л. Брю экономический рост трактуется двояко: как увеличение производственного потенциала экономики и как рост реального выпуска (в том числе на душу населения)⁸. Аналогичное определение содержится в учебнике Б. Шиллера: экономический рост – это увеличение выпуска (реального ВВП), а также расширение производственных возможностей⁹. В учебнике П. Самуэльсона и У. Нордхауза экономический рост описывается как «процесс, посредством которого экономики накапливают увеличивающиеся объемы капитального оборудования, расширяют границы технологических знаний и становятся все более продуктивными. Постоянный быстрый экономический рост позволяет передовым промышленным странам предоставить своим гражданам все большее количество разнообразных благ – лучшее питание и большие дома, больше ресурсов для медицинского обслуживания и борьбы с загрязнением, всеобщего образования для детей, лучшего оборудования для военных и государственных пенсий для пенсионеров»¹⁰. А в Словаре терминов содержится более краткое определение экономического роста как «увеличение общего объема производства нации с течением времени. Экономический рост обычно измеряется как годовой темп прироста реального ВВП страны (или реального потенциального ВВП)»¹¹. В учебнике базового уровня М. Рэй и Д. Андерсона экономический рост определяется как «увеличение максимально возможного выпуска экономики»¹², а в глоссарии, приведенном в конце книги, дается близкое определение экономического роста как «увеличение максимального количества товаров и услуг, которое экономика может произвести»¹³. В учебнике Д. Асемоглу, Д.

⁸ Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс. Принципы, проблемы и политика. 14-е издание. М.: ИНФРА-М, 2003. Т. 2. Словарь понятий и терминов, с. 37.

⁹ См.: Bradley R. Schiller. The Macro Economy Today. 11-th edition. Published by McGraw-Hill/Irwin. N.Y., 2008. P. G.2.

¹⁰ Samuelson P.A., Nordhaus W.D. Economics, 19-th edition, McGraw-Hill/Irwin, N.Y., 2010, p. 501.

¹¹ Ibid, p. 660.

¹² Ray M., Anderson D. Krugman's Macroeconomics for AP (Adapted from Macroeconomics, Second edition by P. Krugman and R. Wells). Worth Publishers, USA, 2011, p. 13.

¹³ Ibid, G-3.

Лэйбсона и Дж. А. Листа экономический рост определяется как увеличение реального ВВП на душу населения в экономике¹⁴.

В учебниках промежуточного уровня Дж. Сакса и Ф. Ларрена¹⁵, Р. Дорнбуша и С. Фишера¹⁶ экономический рост характеризуется описательно – как восходящая линия тренда колебаний совокупного выпуска в ходе экономического цикла¹⁷. Аналогичным образом противопоставляет долгосрочный рост и краткосрочные колебания экономики в ходе делового цикла С. Уильямсон, подчеркивая, что «долгосрочный рост относится к увеличению производственного потенциала и среднего уровня жизни нации, который происходит в течение длительного периода времени, тогда как бизнес-циклы - это краткосрочные взлеты и падения, или бумы и спады в совокупной экономической деятельности»¹⁸. В учебнике продвинутого уровня О. Бланшара рост определяется как «устойчивое увеличение совокупного выпуска во времени»¹⁹.

Однако ясно выраженное определение экономического роста представлено далеко не у всех авторов. В ряде зарубежных учебников по макроэкономике четко прописанное определение экономического роста отсутствует, поэтому о содержании экономического роста читателю следует догадываться из контекста. В учебнике базового уровня Н. Г. Мэнкью²⁰ определение экономического роста отсутствует как в глоссарии, так и в соответствующей главе – вместо дефиниции идет описание результатов экономического роста (повышение уровня благосостояния); собственно рост косвенно увязывается со скоростью изменения реального ВВП²¹.

¹⁴ Acemoglu D., Laibson D., List J. A. *Macroeconomics*, 1-st edition, Pearson Education, Inc., 2015, p. 140.

¹⁵ Сакс Д., Ларрен Ф. *Макроэкономика. Глобальный подход*. М.: Дело, 1996.

¹⁶ Дорнбуш Р., Фишер С. *Макроэкономика*. М.: ИНФРА, 1997.

¹⁷ Сакс Д., Ларрен Ф., *Макроэкономика. Глобальный подход*. М.: Дело, 1996., с. 595: «...в гл. 17 мы анализировали проблему бизнес-циклов, т. е. колебаний выпуска, занятости и других экономических переменных вокруг тренда. До сих пор мы оставляли без внимания сам тренд. Для большинства стран тренд за десятилетний (или более) период является возрастающим. Это означает, что в большинстве стран происходит *долгосрочный экономический рост*».

Дорнбуш Р., Фишер С. *Макроэкономика*. М.: ИНФРА, 1997, с. 692: «В этой главе мы перейдем от рассмотрения краткосрочных проблем экономического цикла к изучению долговременного роста и посмотрим, где экономика находилась и куда она движется в длительном периоде. <...> На протяжении длительных периодов выпуск растет относительно устойчиво. Экономический цикл проявляется в виде краткосрочных колебаний вокруг трендовой линии роста выпуска».

¹⁸ Williamson S.D. *Macroeconomics*. 5-th edition, Pearson Education, Inc., 2014, pp. 2 – 3.

¹⁹ Blanchard O. *Macroeconomics*. 7-th edition. Pearson Education, Inc., 2017, p. 199.

²⁰ Мэнкью Н. Г. *Принципы экономикс*. СПб., Питер, 1999.

²¹ Там же, с. 514.

В учебнике промежуточного уровня Э. Абеля и Б. Бернанке²² термин «экономический рост» появляется уже на первых страницах книги при характеристике ключевых макроэкономических проблем, но при этом не получает ясно выраженного определения. Из контекста следует, что авторы отождествляют экономический рост с ростом объемов производства в экономике страны²³, а в главе 6 в Таблице 6.1. происходит отождествление экономического роста с ростом реального ВВП на душу населения²⁴. В известном учебнике промежуточного уровня Н. Г. Мэнкью²⁵ термин «экономический рост» также отсутствует в словаре терминов, хотя там приведено определение термина «эндогенная теория роста». Не содержится четкого определения экономического роста и в соответствующей главе: из контекста можно вывести понимание экономического роста как роста реального ВВП и национального дохода – как в рамках отдельной страны, так и в сравнении с другими странами²⁶. В учебнике Д. Ромера четкое определение экономического роста отсутствует, по содержанию же речь идет о повышении уровня жизни, реального дохода на душу населения, в том числе относительно других стран («чудеса и трагедии роста»)²⁷.

В отличие от многих иностранных авторов, авторы отечественных учебников по макроэкономике стараются, как правило, дать определение экономическому росту прежде, чем переходить к его описанию и моделированию. Особых различий в этом плане между учебниками базового, промежуточного и продвинутого уровней не было выявлено. В учебнике под ред. А.Г. Грязновой и Н.Н. Думной под экономическим ростом понимаются «долговременные тенденции увеличения и качественного совершенствования общенационального продукта и факторов его

²² Абель Э., Бернанке Б. Макроэкономика. 5-е изд. СПб., Питер, 2010.

²³ Там же, с. 26.

²⁴ Там же, с. 280.

²⁵ Mankiw N.G. Macroeconomics. 9-th edition, Harvard University, Worth Publishers, N.Y., 2016.

²⁶ Ibid, p. 211.

²⁷ Ромер Д. Высшая макроэкономика / пер. с англ. М.: НИУ ВШЭ, 2014, с. 22: «Чудом роста называют достаточно продолжительный эпизод, на протяжении которого темпы роста в стране значительно превышают среднемировые темпы, в результате чего страна быстро перемещается к вершине мирового распределения доходов. <...> Трагедии роста – это эпизоды, на протяжении которых темпы роста в стране оказываются значительно ниже среднемировых».

производства»²⁸. Е.И. Лавров и Е.А. Капогузов характеризуют экономический рост как «увеличение по сравнению с предыдущим периодом величины валового внутреннего продукта, приходящегося на душу населения»²⁹, по тексту далее речь идет о реальном ВВП.

А.А. Никифоров, О.Н. Антипина и Н.А. Миклашевская определяют экономический рост как «происходящий в долгосрочном периоде рост реального потенциального ВВП»³⁰. В учебнике под ред. С.Ф. Серegiной экономический рост определяется как «долгосрочная тенденция увеличения реального ВВП»³¹, а в учебнике под ред. А.В. Сидоровича – как долговременная тенденция увеличения реального объема выпуска в экономике³². Л.С. Тарасевич, П.И. Гребенников, А.И. Леусский под экономическим ростом национального хозяйства подразумевают такое его развитие, при котором увеличивается реальный национальный доход³³. В учебнике под ред. К.А. Хубиева в глоссарии дается следующее определение: «экономический рост – увеличение реального дохода, а также увеличение реального дохода в расчете на душу населения, который достигается за счет изменения количества и качества используемых ресурсов»³⁴. В учебнике Н.Л. Шагас и Е.А. Тумановой экономический рост определяется как «рост потенциального выпуска или потенциального выпуска на душу населения»³⁵. Ю.В. Шараев не формулирует четкого определения экономического роста, переходя сразу к проблематике его типологии и моделирования. Из контекста работы следует, что экономический рост отождествляется с долгосрочным ростом подушевого ВВП³⁶.

В современных обзорных работах, посвященных проблематике экономического роста, содержание экономического роста раскрывается, обычно, как повыше-

²⁸ Макроэкономика. Теория и российская практика. / Под ред. А. Г. Грязновой, Н. Н. Думной 6-е изд. М.: КНОРУС, 2011, с. 185.

²⁹ Лавров Е.И., Капогузов Е.А. Экономический рост: теории и проблемы: учебное пособие. Омск, Изд-во ОмГУ, 2006, с. 11.

³⁰ Никифоров А.А., Антипина О.Н. и Миклашевская Н.А. Макроэкономика: научные школы, концепции, экономическая политика. 2-е изд. М.: ДИС, 2010, с. 49.

³¹ Макроэкономика: учебник для бакалавров. / Под ред. С.Ф. Серegiной. 2-е изд. М.: Юрайт, 2013, с. 348.

³² Курс экономической теории. / Под ред. А. В. Сидоровича 3-е изд. М.: ДИС, 2007, с. 424.

³³ Тарасевич Л.С., Гребенников П.И., Леусский А.И. Макроэкономика. 7-е изд. М.: Юрайт-Издат, 2009, с. 516.

³⁴ Макроэкономика. / Под ред. К.А. Хубиева. М.: ТЕИС, 2004, с. 644.

³⁵ Шагас Н.Л., Туманова Е.А. Макроэкономика-2. М.: ТЕИС, 2006, с. 336.

³⁶ Шараев Ю.В. Теория экономического роста. М., Издательский дом ГУ ВШЭ. 2006, сс. 13 – 16.

ние жизненного уровня населения во времени, и более конкретно – как рост реального душевного дохода. Б. Сноудон и Х. Вэйн отмечают, что само явление «экономического роста» возникло вместе с промышленной революцией, поскольку «существенное увеличение как общего ВВП, так и ВВП на душу населения связано с великой трансформацией, порожденной этим событием. Нет никаких сомнений в том, что в течение последних 250 лет основным следствием этого события стало отличительное изменение режима функционирования мировой экономики, которая вступила в новую эпоху, которую С. Кузнец назвал “современным экономическим ростом”»³⁷. Поэтому можно говорить о синонимичности «капитализма» и «современного экономического роста». Его проявлениями являются демографический взлет, увеличение ожидаемой продолжительности жизни, быстрая урбанизация, разнообразные формы занятости и неуклонный рост дохода на душу населения для всего мира, несмотря на в целом неравномерный характер мирового распространения экономического роста³⁸. Таким образом, экономический рост, согласно Б. Сноудону и Х. Вэйну, отражает устойчивое и быстрое (по историческим меркам) повышение уровня жизни населения.

У. Баумоль, Р. Литан и К. Щрам придерживаются схожего подхода к экономическому росту как росту душевного дохода и благосостояния, подчеркивая при этом аспект роста покупательной способности среднего гражданина³⁹.

Р. Лукас также связывает проблемы экономического роста и развития, прежде всего, с ростом реального дохода на душу населения, а также с ростом реального ВВП. «Под проблемой экономического развития, – пишет Р. Лукас, – я понимаю попросту проблему соответствия определенным образцам, существовавшим в разных странах и в разное время, в отношении уровней и темпов роста дохода на душу населения»⁴⁰. Р. Лукас отмечает, что современная теория роста, которая была разработана в 1960-е гг., «создавалась как модель для объяснения недавнего

³⁷ Snowdon B., Vane H.R. *Modern Macroeconomics. Its Origins, Development and Current State*. Edward Elgar Publishing, Inc. Massachusetts, USA, 2005, p. 580.

³⁸ Ibid, p. 580.

³⁹ Baumol W.J., Litan R.E., Schramm C.J. *Good capitalism, bad capitalism, and the economics of growth and prosperity*. Yale University Press, New Haven, London, 2007, pp. 1 - 2.

⁴⁰ Лукас Р. Э. Лекции по экономическому росту / пер. с англ. М.: Изд. Института Гайдара, 2013, с. 37.

прошлого нескольких очень успешных обществ»⁴¹, прежде всего, США, а также послевоенной Японии и Европы. Главную задачу современной теории роста Р. Лукас видит в том, чтобы «достигнуть единого понимания богатых и бедных экономик в мире огромных доходов и различий в темпах роста»⁴².

Темп прироста реального дохода на душу населения в качестве главного измерителя экономического роста называет и Э. Хелпман⁴³. Межстрановые сопоставления экономического роста, которые приводятся в первой главе его работы, связаны с данным показателем или сопряженным с ним показателем ВВП (или ВНП) на душу населения. При этом речь идет о долгосрочной динамике данного показателя – за десятилетие и более. Данный подход представлен и в работе М. Спенса, который, хотя и не дает прямого определения экономического роста, везде отождествляет его с ростом доходов на душу населения⁴⁴, при этом из текста не всегда ясно, идет ли речь о реальных или номинальных доходах. Например, отмечается, что доходы в самых бедных государствах колеблются от 300 до 500 долларов на душу населения, а в передовых странах – от 20 тысяч долларов и выше⁴⁵.

Ф. Агийон и П. Хоуитт пишут, что «экономический рост обычно оценивается как годовой темп прироста валового внутреннего продукта (ВВП) страны. Экономический рост является тем, что в основном определяет материальное благосостояние миллиардов людей. В экономически развитых странах экономический рост с момента промышленной революции позволил почти всему населению иметь такой образ жизни, который могло бы себе позволить лишь привилегированное меньшинство сто лет назад, когда ВВП на душу населения был небольшой частью того, чем он является сегодня»⁴⁶.

Т. Пикетти отмечает, что «рост всегда включает в себя компонент чисто демографический и компонент чисто экономический, причем только второй приводит к улучшению условий жизни»; под «экономическим компонентом» понимается

⁴¹ Там же. С. 14.

⁴² Там же. С. 12.

⁴³ Хелпман Э. Загадка экономического роста / пер. с англ. М., Изд. Института Гайдара, 2011, с. 17.

⁴⁴ Спенс М. Следующая конвергенция: будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях. М., Изд-во Института Гайдара, 2013, с. 18.

⁴⁵ Там же, с. 36.

⁴⁶ Aghion P., Howitt P. The Economics of Growth. MIT, 2009, p. 1.

рост производства на душу населения⁴⁷. Подчеркивается, что измерять экономический рост только показателем дохода на душу населения неправомерно, поскольку «история экономического развития – это прежде всего история растущей диверсификации образа жизни и видов произведенных и потребленных товаров и услуг. А значит, речь идет о многоплановом процессе, который в принципе невозможно точно отобразить одним-единственным показателем»⁴⁸.

Следует отметить, что в ряде рассмотренных выше работ при раскрытии содержания экономического роста зачастую происходит смешение его содержательных аспектов и способа измерения, например, когда рост материального благосостояния и уровня жизни (содержательный аспект) отождествляется с ростом подушевого ВВП (измеритель роста). Проблемы измерения экономического роста будут рассмотрены далее. Здесь же отметим, что в некоторых работах различие между содержанием экономического роста и способом его измерения все же осознается. Так, Р. Эйрес и Б. Варр отмечают, что показатель ВВП не измеряет устойчивый рост, поскольку страна может достичь временного высокого ВВП за счет чрезмерного использования возобновляемых природных ресурсов. Во-вторых, добыча и потребление невозобновляемых ресурсов учитывается как национальный доход, а не (как и должно быть) в качестве амортизации основных фондов. В третьих, из ВВП не вычитается деятельность, которая не дает чистого выигрыша в общественном благосостоянии, а только компенсирует негативные внешние эффекты (например, стоимость очистки загрязненных рек). Поэтому показатель ВВП не может точно измерять благосостояние и уровень жизни, тем более что он не учитывает аспекты, связанные с теневой экономикой, бартером и т.п.⁴⁹ Однако, как пишут далее Р. Эйрес и Б. Варр, «мы продолжаем использовать ВВП как меру экономической деятельности», тем более что «потребление ресурсов и отходы тесно связаны с экономической деятельностью любого рода, независимо от того, является ли она «продуктивной» в смысле создания чистого нового

⁴⁷ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., Ад Маргинем Пресс, 2015, с. 87.

⁴⁸ Там же, с. 99.

⁴⁹ Ayres R.U., Warr B. The Economic Growth Engine. How Energy and Work Drive Material Prosperity. Edward Elgar Publishing, Inc., Cheltenham, UK, Massachusetts, USA, 2009, p. 134.

богатства или просто копает дыры и заполняет их»⁵⁰. Таким образом, подход Р. Эйреса и Б. Варра отличается от подхода исследователей, рассмотренных выше, поскольку Р. Эйрес и Б. Варр делают больший акцент на производстве и потреблении ресурсов, а не на повышении уровня жизни, в том числе из-за ограничений, присущих показателю ВВП как измерителю экономического роста.

Гж. Колодко прослеживает связь экономического роста с расширенным воспроизводством и заключает, что «проще говоря, экономический рост означает постепенное увеличение стоимости продукции – суммы произведенных благ и оказанных услуг. Но поскольку производство одних наименований растет, а других сокращается, то речь идет о росте общего уровня производства»⁵¹. При этом рост производства может и не сопровождаться улучшением условий жизни населения, а потребление многих доходных групп может не увеличиваться – в этом случае правомерно говорить о росте без развития⁵². Однако, термин «развитие» у Гж. Колодко понимается и в более широком контексте, как «движение вверх всей социально-экономической системы» путем количественных и качественных изменений не только в экономике, но и в технологиях, способах управления, институтах, культуре, общественных отношениях, экономической политике, состоянии природной среды⁵³.

Связь экономического роста с расширением масштабов производства характерна в целом для российской школы исследований экономического роста. Так, еще А. И. Анчишкин отмечал, что «экономический рост означает, прежде всего, увеличение производственных ресурсов, расширение масштабов производства, рост выпуска продукции и ее потоков, идущих как на текущее непроизводственное потребление, так и на пополнение производственных и непроизводственных ресурсов»⁵⁴. В. Д. Камаев определял экономический рост как «совокупность процессов трансформации ресурсов материального производства, в результате чего

⁵⁰ Ibid, p. 135.

⁵¹ Колодко Гж. В. Мир в движении. М., Магистр, 2009, с. 350.

⁵² Там же, с. 348.

⁵³ Там же, с. 351.

⁵⁴ Анчишкин А. И. Прогнозирование роста социалистической экономики. – М.: «Экономика». – 1973, с. 13.

увеличивается объем и повышается качество продукции»⁵⁵. Для большинства советских экономистов теория роста выступала как «конкретизация теории воспроизводства с учетом конкретно-исторической специфики тех или иных стран, их экономического потенциала, изменения производительных сил под влиянием научно-технической революции, экономической функции современного государства, глобального развития международных экономических отношений и процесса интернационализации производства в мировом масштабе»⁵⁶. Воспроизводственный подход к экономическому росту сохраняется и у ряда современных российских исследователей. К.А. Хубиев приводит следующее определение экономического роста: «Экономический рост – это изменение национального выпуска (который может быть измерен различными показателями) за счет количества и в особенности качества факторов производства»⁵⁷. В.Н. Черковец, рассматривая вопрос о новом качестве экономического роста, с одной стороны, подчеркивает его зависимость от нового качества технико-технологических факторов процесса производства, определяющих уровень интенсивности экономического роста, а с другой стороны, отмечает значимость социального содержания экономического роста, которое определяется общественно-производственными и хозяйственно-институциональными отношениями, порождающими цели, мотивы, стимулы обеспечения экономического роста⁵⁸. В. Маевский и С. Малков увязывают рост экономики с воспроизводством капитала, который может протекать в двух режимах – совместном, когда воспроизводство основного капитала и производство благ, обеспечивающих воспроизводство рабочей силы, происходят одновременно, и переключающемся – когда указанные процессы осуществляются при помощи различных поколений основного капитала⁵⁹.

⁵⁵ Камаев В. Д. Развитой социализм: темпы и качество экономического роста. М.: Мысль, 1977, с. 24.

⁵⁶ Кузнецова Н. П. Экономический рост в историческом контексте. СПб., Изд-во СПбГУ, 1996, с. 15.

⁵⁷ Экономический рост и вектор развития современной России / Под ред. К.А. Хубиева. М., Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2004, с. 27.

⁵⁸ Черковец В.Н. Размышления о прошлом и настоящем. Очерки политической экономии. М., РГ-Пресс, 2014, с. 218.

⁵⁹ Маевский В., Малков С. Перспективы макроэкономической теории воспроизводства // Вопросы экономики. – 2014. - № 4, с. 142.

Аналогичный подход представлен в работе Г.М. Мишулина и А.В. Стягуна, которые отмечают, что «экономический рост объединяет в единое целое общественное производство, накопление и индивидуальное потребление. Он характеризует, с одной стороны, затраты общественного труда и его производительность, с другой стороны, рост благосостояния отдельных индивидов и общественного богатства»⁶⁰. Систематизируя подходы к экономическому росту разных исследователей, Г.М. Мишулин и А.В. Стягун выделяют общее и особенное в характеристике экономического роста: общее состоит в динамике каких-либо количественных показателей, характеризующих масштабы хозяйственной деятельности и отражающих результат экономического роста, а особенное – в нюансах, на которые обращают внимание отдельные исследователи⁶¹.

О.С. Сухарев отмечает, что экономический рост (особенно в XX веке) «приводил не просто к увеличению создаваемого продукта за счет роста производительности и населения, но и выражался в росте самого населения, причем эти процессы содержали расширение производственных мощностей»⁶². Таким образом, хотя автор и не дает прямого определения экономического роста в тексте своей работы, он рассматривает его в широком контексте – не только как рост доходов и уровня жизни, но и как увеличение производственного потенциала экономики.

Основные подходы к содержанию экономического роста по критерию выделения его главного аспекта систематизированы в Таблице 1. Следует отметить, что ряд авторских определений сочетает в себе несколько аспектов роста, поэтому авторы таких определений представлены в таблице более одного раза.

Из Таблицы 1 следует, что содержательная характеристика экономического роста может даваться с акцентом на разных аспектах. Во-первых, в ресурсном аспекте экономический рост предстает как расширение экономического потенциала во всем его многообразии (физический и человеческий капитал, вовлеченные в экономический оборот природные ресурсы, технологический потенциал и т.п.).

⁶⁰ Мишулин Г.М., Стягун А.В. Экономический рост: факторы, источники, механизмы. Монография. – М.: ЗАО «Издательство современная экономика и право»; Краснодар: Изд. ФГБОУ ВПО «КубГТУ», 2012, с. 7.

⁶¹ Там же, с. 15.

⁶² Сухарев О.С. Экономический рост, институты и технологии. 2-е изд., перераб. М., Финансы и статистика, 2015, с. 209.

Данный подход сближает понятия экономического роста и расширенного воспроизводства. Однако в этом случае на второй план отходят результаты экономического роста – что дает увеличение экономического потенциала для улучшения качества и уровня жизни населения.

Таблица 1. Подходы к определению экономического роста

Главный аспект роста	Обобщенное определение экономического роста	Авторы
Ресурсы экономики	Экономический рост – увеличение производственного потенциала (расширение производственных возможностей, факторов производства, и на их основе - максимально возможного выпуска) экономики.	Гж. Колодко, К.Р. Макконнелл и С.Л. Брю, М. Рэй и Д. Андерсон, П. Самуэльсон и У. Нордхауз, Б. Шиллер, Р. Эйрес и Б. Варр, А.И. Анчишкин, А.Г. Грязнова и Н.Н. Думная, В. Маевский и С. Малков, Г.М. Мишулин и А.В. Стягун, О.С. Сухарев, К.А. Хубиев, В.Н. Черковец
Потенциальный выпуск	Экономический рост – устойчивое увеличение совокупного выпуска во времени, долгосрочный тренд роста потенциального ВВП.	О. Бланшар, Р. Дорнбуш и С. Фишер, Дж. Сакс и Ф. Ларрен, С. Уильямсон, А.А. Никифоров, О.Н. Антипина и Н.А. Миклашевская, С.Ф. Серегина.
	Экономический рост – рост потенциального выпуска на душу населения.	Н.Л. Шагас и Е.А. Туманова.
Реальный доход	Экономический рост – увеличение реального ВВП, национального дохода.	Э. Абель и Б. Бернанке, Н. Г. Мэнкью, Л.С. Тарасевич, П.И. Гребенников, А.И. Леусский, К.А. Хубиев
	Экономический рост – увеличение реального ВВП (дохода, покупательной способности) на душу населения.	Э. Абель и Б. Бернанке, Д. Аджемоглу, Д. Лэйбсон и Дж. А. Лист, У. Баумоль, Р. Литан и К. Шрам, Р. Лукас, К.Р. Макконнелл и С.Л. Брю, Н. Г. Мэнкью, Т. Пикетти, Д. Ромер, М. Спенс, Э. Хелпман, Е.И. Лавров и Е.А. Капогузов, К.А. Хубиев, Ю.В. Шараев.
Жизненные стандарты, качество жизни	Экономический рост – устойчивый рост уровня и качества жизни (жизненных стандартов) населения.	Ф. Агийон и П. Хоуитт, Т. Пикетти, Б. Сноудон и Х. Вэйн, Г.М. Мишулин и А.В. Стягун, О.С. Сухарев, В.Н. Черковец.

Источник: составлено автором.

Во-вторых, экономический рост может рассматриваться в аспекте соотношения потенциального и фактического выпуска (как по абсолютной величине, так и в расчете на душу населения) – в этом случае подчеркивается долгосрочный характер экономического роста, его проявление в долгосрочном периоде как устойчивого восходящего тренда роста выпуска. Данный подход ставит проблему разграничения долгосрочного роста и краткосрочных колебаний деловой активности, и, соответственно, отличий факторов экономического роста от факторов циклической динамики. Однако в ряде современных направлений исследований цикла та-

кой подход отходит на второй план. Например, в теории реального делового цикла считается, что «рост и колебания - это не отдельные явления, которые нужно изучать с отдельными данными и различными аналитическими инструментами»⁶³, поэтому различия между краткосрочным и долгосрочным анализом экономических колебаний и тенденций отсутствуют. Заметим, что схожие соображения высказывались еще Н.Д. Кондратьевым в 1930-е гг. Как отмечает Н. Макашова, Кондратьев не противопоставлял «цикл» и «рост», а стремился объединить их в рамках одной теоретической схемы, в которой динамика является результатом наложения двух процессов: тренда и цикла⁶⁴.

В-третьих, экономический рост понимается как рост реального дохода (как правило, на душу населения). К выделению данного аспекта при определении экономического роста тяготеет большинство современных авторов – как зарубежных, так и отечественных. В этом случае рост оценивается преимущественно «по результатам» и в количественном выражении, как рост подушевого реального ВВП. Проблема ресурсов (затрат), необходимых для достижения роста подушевого ВВП, а также проблема устойчивости и долгосрочности роста доходов отходит на второй план. Однако имеются и возражения против абсолютизации «доходного» подхода к экономическому росту. Так, факт широкого распространения в современных развитых странах элементов «долговой экономики» свидетельствует, что рост доходов и благосостояния в них зачастую происходит в долг, - как за счет ресурсов остального мира, так и за счет будущих поколений, на которые ложится повышенная долговая нагрузка. Например, совокупный государственный и частный долг США в 2010 г. вырос в 81 раз по сравнению с 1957 г. – с 693 млрд. долл. до 57 трлн. долл.⁶⁵ Формально выходит, что «весь экономический рост ВВП США после 1990 г. обеспечивается не ростом производительности, а ростом со-

⁶³ Цит. по: Snowdon B., Vane H.R. *Modern Macroeconomics. Its Origins, Development and Current State*. Edward Elgar Publishing, Inc. Massachusetts, USA, 2005, p. 307.

⁶⁴ Макашева Н. Проблема интеграций теорий экономического цикла и равновесия (вторая половина 1920-х – 1930-е годы) и проект теории экономической динамики Н. Д. Кондратьева // *Вопросы экономики*. – 2014. - № 1, с. 34.

⁶⁵ Hodges Michael W. *The Grandfather Economic Report*. P. 1–2. Электронный ресурс: <http://www.grandfather-economic-report.com/debt-nat-a.htm> (Дата обращения: 30.06.2017).

вокупного долга страны»⁶⁶. Кроме того, имеется ряд возражений против использования показателя ВВП или аналогичных ему доходных показателей в качестве измерителя экономического роста (см. выше).

В-четвертых, экономический рост понимается не просто как повышение реального дохода, но в большей степени как улучшение жизненных стандартов населения. В этом случае акцент с количественных показателей (подушевой ВВП, национальный доход) смещается в сторону качественных показателей (Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) и другие (в том числе не доходные) показатели качества жизни). Тем самым преодолевается ограниченность традиционных – доходных – показателей роста, хотя в качестве недостатка данного подхода можно отметить отсутствие единого общепризнанного показателя роста, что побуждает исследователей все же продолжать использовать доходные показатели (хоть и с оговорками). При этом экономический рост по-прежнему трактуется с позиции «результатов» безотносительно к ресурсам (затратам), необходимым для его достижения. И потому приведенные выше аргументы об ограниченности рассмотрения роста исключительно «по результатам» справедливы и в данном случае.

Различия в подходах к содержанию экономического роста проистекают из методологических особенностей тех или иных направлений экономической теории. Остановимся на них более подробно.

1.2. «Два канона» в экономической теории: проекция на проблематику экономического роста⁶⁷

В экономической теории сосуществуют различные методологические подходы к исследованию экономической реальности. Невозможность широкого использования экспериментальных методов в силу особенности предмета экономической

⁶⁶ Долговая проблема как феномен XXI века. Монография / под ред. А. А. Пороховского. М.: Макс-Пресс, 2014, с. 6.

⁶⁷ При написании данного раздела были использованы отдельные положения работ: Теняков И.М. Современный экономический рост: источники, факторы, качество: Монография. – М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2015, сс. 16 – 33; Теняков И.М., Корчагина З.А. Инновации и традиции в методологии и теории экономических исследований // Философия хозяйства, 2009, № 5.

науки изначально задает многообразие методологических подходов, которые с некоторой степенью упрощения можно свести к двум направлениям, «канонам», «двум типам экономической науки»⁶⁸. Первое направление, или канон (назовем его абстрактно-всеобщим, или «универсалистским»), предполагает универсальность действия экономических законов, которые выводятся дедуктивно на основе исходных предпосылок. Для него характерно использование метафор естественных наук (прежде всего, физики, например, метафора «равновесия»). Основная теоретическая проблема здесь — взаимодействие независимых атомистических экономических агентов. В.С. Автономов включает в первый канон физиократов, представителей классической политической экономии и неоклассиков, правда, подчеркивая, что в рамках каждой из этих школ (да и между отдельными их представителями) имеются существенные отличия⁶⁹. Второе направление, или канон, «основан на опыте, строится снизу вверх. Его идеи часто сначала существуют как практическая политика, из которой потом выкристаллизуется теория»⁷⁰. Он использует обычно метафоры из биологии, а не физики. В.С. Автономов отмечает, что «такой канон основан на представлениях о разнообразии человеческой мотивации и соответственно не отделен «китайской стеной» от других общественных наук. Основные проблемы здесь: развитие национальных хозяйств, изменение структуры экономики. К представителям второго канона можно отнести представителей меркантилистов, экономистов исторической школы, американских институционалистов (по крайней мере, Дж. Коммонса и У. К. Митчелла), Кейнса, немецких ордолибералов»⁷¹. Данное направление можно в целом охарактеризовать как конкретно-особенное, или «почвенническое», так как его теоретические обобщения возникают в ходе решения конкретных проблем экономики (страны или группы стран), т. е. идут от «почвы», снизу вверх. Как отмечает Б.А. Ерзнкян,

⁶⁸ Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014, с. 56.

⁶⁹ Автономов В. Абстракция – мать порядка? (Историко-методологические рассуждения о связи экономической науки и экономической политики) // Вопросы экономики. 2013. № 4, с. 6.

⁷⁰ Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014, с. 56.

⁷¹ Автономов В. Абстракция – мать порядка? (Историко-методологические рассуждения о связи экономической науки и экономической политики) // Вопросы экономики. 2013. № 4, с. 6.

«основное внимание приверженцев второго, менее абстрактного, канона уделяется множественности человеческой мотивации, морально-этическим и нравственным вопросам, которые выходят за рамки экономики в традиционном ее понимании и делают ее подлинно общественной наукой»⁷².

При этом следует согласиться с В.С. Автономовым, что деление экономической теории на два канона «не является в полном смысле слова дихотомией – оно не делит экономистов на две группы без остатка. Два канона – это скорее два ориентира, которых они придерживаются»⁷³.

Таблица 2. Структура статей в ведущих американских экономических журналах по пяти методологическим направлениям (в %).

Год	Теория	Теория с имитацией	Эмпирические: на основе заимствованных данных	Эмпирические: на основе собственных данных	Результаты экспериментов
1963	50,7	1,5	39,1	8,7	0
1973	54,6	4,2	37,0	4,2	0
1983	57,6	4,0	35,2	2,4	0,8
1993	32,4	7,3	47,8	8,8	3,7
2003	28,9	11,1	38,5	17,8	3,7
2011	19,1	8,8	29,9	34,0	8,2

Источник: Hamermesh D. Six Decades of Top Economics Publishing: Who And How? //NBER Working Paper 18635, Cambridge, December 2012.

Анализ публикаций в ведущих экономических журналах США (“American Economic Review” (AER); “The Journal of Political Economy” (JPE); “The Quarterly Journal of Economics” (QJE)) за последние 50 лет (Таблица 2) свидетельствует о снижении доли публикаций, лежащих в русле абстрактной теории, которая представлена преимущественно первым канонам, и увеличении доли статей, выводы которых основаны преимущественно на эмпирических данных – как собранных авторами из разных источников, так и полученных в результате экспериментов. Так, доля статей по «теории» и «теории с имитацией» (т.е. с применением компьютерных моделей и метода калибровки данных) снизилась с 52,2% в 1963 г. до

⁷² Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 35. М., ЦЭМИ РАН, 2016, с. 10.

⁷³ Автономов В. Абстракция – мать порядка? (Историко-методологические рассуждения о связи экономической науки и экономической политики) // Вопросы экономики. 2013. № 4, с. 6.

27,9% в 2011 г., т.е. почти в два раза⁷⁴. Хотя прямо соотнести методы, по которым были сгруппированы экономические публикации в журналах США, с методами, типичными для «универсалистского» и «почвеннического» направлений затруднительно, тем не менее, можно сделать вывод о некотором повышении роли «второго канона», по крайней мере, в его прикладных аспектах.

Далеко не все школы и направления в экономической мысли четко укладываются в схему двух канонов. При соотнесении с ними представителей институционального направления следует уточнять, о каком конкретно институционализме идет речь – «классическом» или новом. Как отмечает А.Е. Шаститко, «если в качестве точки отсчета выбрать неоклассическую теорию, которая одновременно определяется как ортодоксальная, то новая институциональная экономическая теория – модификация неоклассической исследовательской программы, а традиционный институционализм – новая исследовательская программа (по крайней мере, в проекте) с точки зрения таких принципов как методологический индивидуализм, рациональность, экономическое равновесие. <...> практически все исследователи, разрабатывающие или использующие аналитический инструментарий, характерный для нового институционального подхода, реализуют несколько основополагающих принципов исследования: (1) методологический индивидуализм; (2) максимизация полезности; (3) ограниченная рациональность экономических агентов; (4) их оппортунистическое поведение»⁷⁵. Таким образом, новая институциональная экономическая теория по большому счету находится в русле первого канона, в отличие от «классического» институционализма.

Отметим также, что подход К. Маркса, хотя и является близким к абстрактному подходу первого канона, все же существенно отличается от методологии А. Смита и Д. Рикардо. Тем не менее, можно согласиться с В.С. Автономовым в отношении теории К. Маркса к «первому канону» по следующим причинам. Во-первых, для подхода Маркса, как и для подхода «универсалистов» характерно

⁷⁴ Подробнее см.: Теняков И.М. Публикации в экономических журналах США: основные тенденции // США и Канада: экономика, политика, культура. 2013, № 12; Теняков И.М. Современные экономические публикации: американский опыт и российская специфика // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2014, № 1.

⁷⁵ Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория. – 3-е изд., перераб. и доп. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2002, сс. 33 – 34.

направление анализа от абстрактного к конкретному, в частности, преобладание дедукции над индукцией. Различия заключаются в методе исследования: у Маркса это диалектический метод, а у остальных представителей первого канона – формально-логический (в современных исследованиях преобладает метод математического моделирования). Во-вторых, для «универсалистов» характерно движение от общего к частному: сначала строится общая модель, а затем она модифицируется, чтобы отобразить многочисленные «частные» случаи. В неоклассической экономической теории наиболее общей моделью является модель рынка совершенной конкуренции, которая становится исходным пунктом при рассмотрении «частных» случаев. У Маркса – модель абстрактного капитализма, представленная в «Капитале». В-третьих, характер действия экономических законов предполагается универсальным; представители «первого канона» отвергают возможность формирования каких-либо «национально-специфических экономических законов», которые, с позиции «почвенников» вполне возможны. Например, в качестве такого закона называется «традиционно сильная роль государства в экономике России, независимо от господствующего социально-экономического строя»⁷⁶. У Маркса же «национальная специфика» может проявляться как частный случай общей модели капитализма, законы которой, по Марксу, носят универсальный характер⁷⁷. Наконец, в-четвертых, за универсальностью действия экономических законов стоит универсальная модель человека, которой оперируют представители первого канона. Это может быть модель рационального «экономического человека», оптимизирующего выгоды и издержки в ходе многообразного выбора – как на рынках товаров или факторов производства, так и на «рынках» политических, социальных, культурных институтов. Подход к человеку у К.

⁷⁶ Кульков В. М. Современные экономические институты и сравнительный анализ теоретических парадигм // Вопросы политической экономии. 2013. № 3. с. 137.

⁷⁷ «Дело здесь, само по себе, не в более или менее высокой степени развития тех общественных антагонизмов, которые вытекают из естественных законов капиталистического производства. Дело в самих этих законах, в этих тенденциях, действующих и осуществляющихся с железной необходимостью. Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего. <...> Общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития, — а конечной целью моего сочинения является открытие экономического закона движения современного общества, — не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов» (Маркс К., Энгельс Ф., Собр. соч., М.: Госполитиздат, 1960, Т. 23. сс. 6 – 10).

Маркса, хотя и отличается от подхода экономического «мэйнстрима», но предполагает рассмотрение поведения человека как реакцию типичного представителя соответствующего класса – капиталиста, земельного собственника, наемного рабочего – на сугубо *экономические* условия. При этом «неэкономические» аспекты поведения человека у Маркса, в конечном счете, формируются условиями материальной жизни доминирующей экономической системы⁷⁸.

Применительно к проблематике экономического роста следует отметить, что в экономической мысли изучение экономического роста проводилось и проводится преимущественно в рамках «первого канона». Представители «второго канона» в большей степени ориентированы на исследование экономического развития (особенно, если учитывать их тяготение к формированию теоретических обобщений на основе анализа «конкретных ситуаций» в развитии национальных экономик). Экономический рост в этом случае рассматривается как элемент экономического развития, которое исследуется не столько с количественной, сколько с качественной стороны. Представители «первого канона» также уделяют внимание проблематике экономического развития, особенно с середины XX в. после возникновения особого направления в экономической мысли – «экономики развития» (*development economics*). Вопрос о соотношении экономического роста и развития с учетом методологических особенностей двух канонов будет рассмотрен далее.

Остановимся более подробно на особенностях методологических подходов в рамках первого («универсалистского») канона. Существенные отличия методологии К. Маркса и его последователей от методологии «основного течения» экономической науки, в том числе применительно к рассмотрению феномена экономического роста, требуют дополнительного разграничения методологических подходов, в целом разделяющих базовые принципы первого канона. По критерию соотношения каузальности (поиск причинно-следственных связей и выявление

⁷⁸ «Фигуры капиталиста и земельного собственника я рисую далеко не в розовом свете. Но здесь дело идет о лицах лишь постольку, поскольку они являются олицетворением экономических категорий, носителями определенных классовых отношений и интересов. Я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественноисторический процесс; поэтому с моей точки зрения, меньше чем с какой бы то ни было другой, отдельное лицо можно считать ответственным за те условия, продуктом которых в социальном смысле оно остается, как бы ни возвышалось оно над ними субъективно» (Там же, с. 10).

«сущности» экономических отношений) и функциональности (установление количественных взаимосвязей между экономическими явлениями и процессами, отказ от поиска «сущности») могут быть выделены два подхода: *системно-воспроизводственный* и *функционально-экономический*.

1.3. Системно-воспроизводственный подход к экономическому росту⁷⁹

Системно-воспроизводственный подход предлагает взгляд на экономику как на сложную, многоуровневую систему, теоретическое отображение которой также возможно в форме многоуровневой системы категорий и взаимосвязей между ними. В данном подходе особое внимание привлечено к выявлению «первоосновы» экономической системы, соответственно, и экономические отношения необходимо отображать во всей их многомерности, с выделением исходного, основного и производных отношений, разграничения сущности экономических явлений и их форм. Наиболее полно, на наш взгляд, системно-воспроизводственный подход представлен в «Капитале» К. Маркса. Как отмечает В. Н. Черковец, логика «Капитала» есть диалектика познания предмета в форме системы категорий, отражающих его содержание путем восхождения от абстрактного к конкретному с единством логического и исторического подходов. В этой связи возникает проблема субординации категорий как рефлексии субординации реальных производственных отношений, а также проблема «начала» и его развертывания во всей экономической системе⁸⁰.

Рассмотрим содержание экономического роста с методологических позиций системно-воспроизводственного подхода. Для последнего использование самого термина «экономический рост» нехарактерно. К. Маркс в «Капитале» исследует не экономический рост, а процесс накопления капитала в условиях простого и расширенного воспроизводства⁸¹. При этом накопление капитала рассматривается

⁷⁹ При написании данного раздела были использованы отдельные положения работ: Теняков И.М. Воспроизводственный и функционально-экономический подходы в экономической теории // *Философия хозяйства*, 2009, № 6; Теняков И.М. Развитие основных подходов в теории экономического роста // *Журнал экономической теории*, 2016, № 3.

⁸⁰ Черковец В. Н. Политическая экономия. Принципы. Проблемы. Политика. М.: Теис, 2005. С. 49.

⁸¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф., Собр. соч., М.: Госполитиздат, 1960, Т. 23, Т. 24.

двойко: как со стороны стоимости, так и со стороны потребительной стоимости. Применение метода восхождения от абстрактного к конкретному позволяет охарактеризовать экономический рост как *одну из форм, которую принимает процесс капиталистического накопления*. Центральной проблемой воспроизводства является не проблема увеличения конечного продукта (и ее следствия – рост доходов и жизненного уровня населения), а *проблема воспроизводства капитала*. Капитал рассматривается как самовозрастающая стоимость (в отличие от функционально-экономического подхода). По отношению к процессу возрастания стоимости капитал подразделяется на постоянный (средства производства) и переменный (способность к труду наемных рабочих). Самовозрастание капитала невозможно без возмещения и накопления его двух составных частей. Производимый посредством капитала совокупный продукт подразделяется формально на потребляемую и накапливаемую части. Однако и та часть совокупного продукта, которое потребляется классом наемных рабочих, важна для накопления капитала, поскольку позволяет возмещать и наращивать переменный капитал – происходит накопление способности к труду, без которой капиталистическое накопление, в целом, и экономический рост, в частности, невозможны. При этом возмещение и накопление «способности к труду» по натурально-вещественной форме выражается не только в количественном увеличении рабочей силы, но и в ее качественном совершенствовании (замене «простого труда» на все более «сложный труд»). Возмещение способности к «сложному труду» требует потребления (и, соответственно, производства) многообразных товаров, представляющих растущие «жизненные стандарты». При этом и постоянный капитал, соответствующий «сложному труду», претерпевает изменения как по стоимостной, так и по натурально-вещественной форме: простые машины, не требующие особой квалификации работника, замещаются робототехникой, станками с программным управлением и т.п. сложными механизмами, требующими квалифицированной рабочей силы.

Однако рост жизненного уровня населения в ходе расширенного воспроизводства капитала (что на поверхности явлений трактуется как «экономический рост») не является самоцелью капиталистической системы (ее движущая сила, по

Марксу, – самовозрастание стоимости). Это всего лишь следствие процесса накопления капитала, поставленного в такие условия, при которых он может протекать только при использовании все более качественной и квалифицированной рабочей силы. Но если условия капиталистического накопления меняются, то и «экономический рост» исчезает, а воспроизводство и накопление капитала происходит экстенсивно, путем количественного расширения привлекаемой рабочей силы и усилении эксплуатации наемного труда.

Отметим, что «не всякое накопление капитала сопровождается экономическим ростом: например, процесс так называемого «первоначального накопления капитала», наоборот, может сопрягаться с кризисными явлениями в экономике: падением производства, ростом безработицы, как это имело место в России в 1990-е гг. Накопление капитала посредством концентрации и централизации также связано с перераспределением собственности на богатство (активы) и продукт, а не с увеличением общей величины богатства и продукта. Наконец, накопление капитала (особенно в современных условиях) может принимать и чисто финансовые формы, происходя за счет образования разного рода финансовых «пузырей» и переоценки имущества. И хотя рано или поздно «пузыри» лопаются, но свою роль они успевают сыграть – перераспределяя капитал и богатство от одних хозяйствующих субъектов к другим. Таким образом, накопление капитала – сложный социально-экономический процесс, а экономический рост как рост подушевого дохода является лишь одной из его форм и не всегда в экономической истории эта форма оказывалась ведущей формой накопления капитала»⁸².

Развитие системно-воспроизводственного подхода в XX в. оказалось противоречивым. С одной стороны, в западном марксизме социально-философская проблематика стала преобладать над узкоэкономической (например, в работах представителей Франкфуртской школы): в результате системно-воспроизводственный подход практически исчез из экономической теории (тем более – ее «основного течения»), а экономические проблемы (и, прежде всего, проблема воспроиз-

⁸² Теняков И.М. Современный экономический рост как особая форма процесса накопления капитала // Философия хозяйства, 2016, № 2, сс. 112 – 113.

ства и накопления капитала) в западном марксизме «растворились» в социальных и философских проблемах. В числе отечественных авторов, продолжающих развивать традиции западного марксизма, следует отметить А. В. Бузгалина и А. И. Колганова⁸³, которые исследуют экономические проблемы современного мира в контексте глобального перехода от «царства необходимости» к «царству свободы». Помимо марксизма системно-воспроизводственный подход нашел некоторое отражение в трудах посткейнсианцев (Дж. Робинсон, П. Сраффа), в частности, в работе П. Сраффы «Производство товаров посредством товаров»⁸⁴. Однако П. Сраффа не воспринял идею К. Маркса о центральной роли *воспроизводства капитала* в экономическом процессе, а сам капитал у П. Сраффы представлен как товары производственного назначения (что является типичной трактовкой капитала в функционально-экономическом подходе), поэтому модель П. Сраффы не отражала всю глубину и противоречивость капиталистического процесса воспроизводства, хотя и помогла в описании структурных особенностей воспроизводства продукта.

С другой стороны, в рамках советской экономической мысли системно-воспроизводственный подход, хотя и сохранился в своей первоначальной, экономической привязке, во многом был подчинен обоснованию проводившейся политики строительства социализма в СССР. Существовали определенные догматические ограничения, за которые советская экономическая мысль не могла выйти. Во-первых, это нормативное положение о построении социализма «в основном» в результате выполнения второй пятилетки⁸⁵, с которым приходилось сверять теоретическое отображение советской системы и ее реальную действительность, например, примирять наличие форм товарного производства в советской экономике с отсутствием в теории социализма какого-либо товарного производства вообще⁸⁶. Во-вторых, советский опыт строительства социализма считался общезначимым и общезакономерным, по какой причине советские экономисты не могли

⁸³ См., например: Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. В 2-х т. Издание 3-е. М.: Ленанд, 2015.

⁸⁴ Сраффа П. Производство товаров посредством товаров. М., ЮНИТИ-ДАНА, 1999.

⁸⁵ Черковец В. Н. Политическая экономия. Принципы. Проблемы. Политика. М., Теис, 2005. С. 121.

⁸⁶ Там же, сс. 126–127.

использовать формулу «социализм с российской спецификой» наподобие формулы «социализма с китайской спецификой», применявшейся в КНР⁸⁷. Табу на всестороннее выяснение «общего» и «особенного» в российских преобразованиях также не способствовало развитию системно-воспроизводственного подхода, поскольку под «системой» в нем понимается, прежде всего, абстрактная теоретическая система (пусть и со своей субординацией основных категорий), а не национальная экономика как система, которая, например, в СССР, не укладывалась в сформированные теоретические представления об экономической системе социализма.

Более того, ключевые моменты системно-воспроизводственного подхода подверглись выхолащиванию. Например, формула «закона обязательного соответствия производственных отношений характеру и уровню производительных сил», предложенная И. В. Сталиным в работе «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952 г.), советскими философами и экономистами была позднее подвергнута ревизии: указание на «обязательность» было исключено⁸⁸, что открыло дорогу различным авантюрным проектам наподобие концепции развернутого построения коммунизма к 1980 г. – без необходимости создания качественных условий для развития производительных сил в полном соответствии с первоначальной формулировкой данного экономического закона.

Специфика плановой экономики и нормативные ограничения (какое может быть накопление капитала в социалистической стране?) сместили ракурс системно-воспроизводственного подхода с воспроизводства капитала (что исследовал К. Маркс) на воспроизводство *продукта*. Поскольку процесс воспроизводства связывает воедино воспроизводство продукта и воспроизводство социально-экономических отношений, стоимостные и натурально-вещественные пропорции, воспроизводство конечного и промежуточного продуктов и т. д., то экономический рост в этом случае также не может рассматриваться исключительно как долгосрочный рост реального дохода на душу населения. Акцент делается в первую

⁸⁷ Там же. с. 122.

⁸⁸ Проблемы и противоречия воспроизводства в России в контексте мирового экономического развития. Теория. Сопоставления. Поиски / под ред. В. Н. Черковца. М.: Экон. ф-т МГУ, ТЕИС, 2004. С. 12.

очередь на росте экономического потенциала, а уже во вторую – на увеличении национального дохода.

Из схем воспроизводства К. Маркса следует вывод, что экономический рост при расширенном воспроизводстве не может носить произвольный характер, но зависит от сложившихся народно-хозяйственных пропорций в производстве средств производства и производстве предметов потребления. Нарушение таких пропорций ведет к нарушению межотраслевых связей и к прекращению экономического роста. Таким образом, применение системно-воспроизводственного подхода приводит к необходимости раскрытия *структурных факторов* роста.

Советскими экономистами уделялось повышенное внимание проблемам структуры экономики и экономического роста. В концепции многоуровневой экономики, разработанной Ю.В. Яременко, национальная экономика рассматривалась как пирамида хозяйственных уровней, в соответствии с которыми происходит распределение ресурсов⁸⁹. Качественная категория ресурсов в концепции многоуровневой экономики определяется «техническим уровнем средств производства и квалификацией рабочей силы, используемых в целях воспроизводства ресурсов. В конечном счете, это связано с длительностью подготовительного цикла, предшествующего моменту вовлечения ресурсов в производство. Подготовительный цикл охватывает формирование квалифицированной рабочей силы, проектирование и освоение необходимого оборудования, создание материалов с требуемыми характеристиками»⁹⁰. В концепции многоуровневой экономики выделяются эффекты компенсации и замещения в ходе экономического роста. Так, один и тот же уровень выпуска может быть достигнут либо за счет использования большого количества низкопроизводительных дешевых массовых ресурсов, либо за счет привлечения небольшого количества дорогих качественных ресурсов. Нехватка качественных ресурсов компенсируется «применением большого количества массовых ресурсов (эффект компенсации), а нехватка массовых ресурсов

⁸⁹ Яременко Ю. В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики. М.: Наука, 1997.

⁹⁰ Там же, с. 29.

может быть замещена небольшим количеством качественных (эффект замещения)»⁹¹.

Воспроизводство продукта рассматривалось в единстве с воспроизводством социально-экономических отношений, при этом подчеркивались различия в содержании таких категорий, как общественное богатство, стоимость, цена, средства производства и т. п. в социалистической и капиталистической системах. Отмечалось, что для социалистического общества важна, прежде всего, натуральная форма богатства, независимо от того, являются или нет составные элементы этого богатства товарами. Особое внимание уделялось методологии расчета основных показателей воспроизводства. Большинство советских экономистов признавали сферу материального производства как единственную сферу, в которой создается общественный продукт и национальный доход. В расчетах использовались показатели совокупного общественного продукта, конечного общественного продукта, национального дохода, чистого общественного дохода, фондов воспроизводства (фондов возмещения, потребления и накопления). Отечественные экономисты исходили из методологии баланса народного хозяйства (БНХ), в то время как в «основном течении» экономической мысли для определения результатов совокупного производства и подсчета национального дохода использовалась методология системы национальных счетов (СНС).

Особое внимание советскими экономистами уделялось различию между экстенсивным и интенсивным типами общественного производства и роста. Проблематика типов экономического роста тесно увязывалась с проблемой эффективности производства и роста. Советскими экономистами была разработана комплексная система показателей эффективности общественного воспроизводства, включающая показатели технической, экономической и социальной эффективности производства. Например, для советской экономики в качестве показателей, характеризующих социально-экономическую эффективность производства, назывались такие показатели, как фонд потребления, интегральный фонд потребления (фонд

⁹¹ Дзарасов Р. С., Новоженев Д. В. Теория качественной неоднородности ресурсов и условия экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2005, № 5, с. 66.

потребления плюс непроеизводственное накопление), а также фонд материального благосостояния и всестороннего развития личности (интегральный фонд потребления плюс услуги непроеизводственной сферы)⁹².

Тем не менее, нормативные ограничения, в которых вынуждена была существовать советская экономическая мысль, сдерживали развитие системно-воспроизводственного подхода, который по ряду аспектов уступал даже подходу К. Маркса (отход от проблемы воспроизводства капитала в целом как необходимого условия экономического роста в сторону рассмотрения воспроизводства продукта и его структуры). Поэтому нет ничего удивительного в том, что в начале рыночных преобразований 1990-х гг. в России системно-воспроизводственный подход, отождествлявшийся с марксистской политической экономией как таковой, был оттеснен на задний план как якобы не оправдавший себя, и его место занял господствующий в «основном течении» функционально-экономический подход (причем воспринятый весьма поверхностно). Однако с началом мирового экономического кризиса 2007–2009 гг. в мире снова возрос интерес к «Капиталу» К. Маркса и к целостному, системному осмыслению экономической реальности, которого так и не дал господствующий в «мейнстриме» экономической теории функционально-экономический подход. Так, в первые месяцы после начала мирового экономического кризиса в Германии было продано 4500 экземпляров «Капитала»⁹³. Экономический кризис, таким образом, дал импульс более широкому использованию системно-воспроизводственного подхода. И хотя глобальной смены ведущей парадигмы экономической теории в ходе экономического кризиса не произошло, все же доминирующий в «основном течении» функционально-экономический подход уже не представляется таким безальтернативным, каким он казался многим еще двадцать лет назад, а интерес к альтернативным подходам (в частности, к «Капиталу» К. Маркса) повысился.

Ряд современных российских исследователей продолжает развивать теорию экономического роста в русле воспроизводственного подхода. Так, анализ эконо-

⁹² Черковец В. Н. Социализм как экономическая система. М.: Экономика, 1982, С. 281.

⁹³ «Капитал» прирастает тиражом // Известия. 2010. 29 янв.

мического роста современной российской экономики с позиций концепции многоуровневой экономики представлен, в частности, в работах М.Н. Узякова⁹⁴. Воспроизводственный подход к накоплению капитала в рамках теории общественного богатства развивается А.В. Сорокиным⁹⁵, а на уровне построения формализованных моделей воспроизводства капитала – В.И. Маевским⁹⁶. Приверженность базовым принципам системно-воспроизводственного подхода сохраняется в работах В.Н. Черковца⁹⁷. Потенциал воспроизводственного подхода далеко не исчерпан, а его акцент на структурных факторах роста и роли НТП сближает этот подход с подходами эволюционной экономики и неошумпетерианской теории, активно развивающимися в настоящее время и среди западных экономистов.

Подводя промежуточный итог, отметим, что в русле системно-воспроизводственного подхода *экономический рост* можно определить как *форму проявления процесса накопления капитала в ходе расширенного воспроизводства, выражающуюся в количественном увеличении и качественном совершенствовании постоянного и переменного капитала и соответствующем ему повышении национального дохода и улучшении условий материальной жизни*. В этом случае процесс накопления капитала как самовозрастающей стоимости может трактоваться как исходное экономическое отношение, расширенное воспроизводство капитала и продукта – как основное, а рост реального дохода и жизненного уровня – как производные экономические отношения. Диалектический подход к экономическому росту допускает, что его формы могут меняться по мере экономического развития, а результаты экономического роста также претерпевать измене-

⁹⁴ Узяков М. Н. Экономический рост России: количественная и качественная составляющие // Проблемы прогнозирования. 2004, № 3; Узяков М. Н. Эффективность использования первичных ресурсов как индикатор технологического развития: ретроспективный анализ и прогноз // Проблемы прогнозирования. 2011, № 2.

⁹⁵ Сорокин А.В. Модель общественного богатства – матрица синтеза категорий микро- и макроэкономики // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, 2014, том 6, № 1; Сорокин А.В. Кейнсианская проверка теории Маркса // Журнал экономической теории, 2016, № 3; Сорокин А.В. Общая экономика: бакалавриат, магистратура, аспирантура. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2016.

⁹⁶ Маевский В. Воспроизводство основного капитала и экономическая теория // Вопросы экономики. 2010, № 3; Маевский В., Малков С. Перспективы макроэкономической теории воспроизводства // Вопросы экономики. 2014, № 4.

⁹⁷ Черковец В. Н. Политическая экономия. Принципы. Проблемы. Политика. М., Теис, 2005; Черковец В.Н. Размышления о прошлом и настоящем. Очерки политической экономии. М., РГ-Пресс, 2014.

ния: от преобладания количественных аспектов (рост дохода) – к качественным аспектам (рост благосостояния и совершенствование жизненных стандартов).

1.4. Функционально-экономический подход к экономическому росту⁹⁸

Функционально-экономический подход предлагает взгляд на экономическую систему с позиции формальной логики. Вопрос о «природе» экономических явлений, исходном, основном и производных отношениях снимается. Экономические проблемы могут изучаться на любом уровне и в любой последовательности, хотя преобладает все же первичность «микроуровня» по отношению к «макроуровню», и, как следствие, необходимость вывода макроэкономических закономерностей (в том числе феномена экономического роста) из действия микроэкономических факторов.

Функционально-экономический подход получил бурное развитие в ходе маржиналистской революции последней трети XIX в., которая, в свою очередь, была аналогом революции Г. Галилея и И. Ньютона в методе физики. Если основой воспроизводственного подхода в его наиболее развитом виде стал диалектический метод, то функционально-экономический подход основывается на философии позитивизма и принципах формальной логики. Исследователь в этом случае сосредоточен на фиксации преимущественно количественных взаимосвязей между экономическими явлениями, с учетом «прочих равных условий». При этом «установление количественных зависимостей между эмпирически наблюдаемыми явлениями не могло базироваться на совокупности производственных отношений, взятой в целом; метод непосредственного наблюдения неизбежно предполагал выделение (вычленение) отдельных производственных отношений – в первую очередь, тех, которые было проще всего "увидеть" и количественно зафиксировать, например, в сфере обращения (вывод эмпирической зависимости между ценами и количеством спрашиваемых товаров – кривой спроса). При использовании

⁹⁸ При написании данного раздела были использованы отдельные положения работ: Теняков И.М. Воспроизводственный и функционально-экономический подходы в экономической теории // *Философия хозяйства*, 2009, № 6; Теняков И.М. Современный экономический рост: источники, факторы, качество: Монография. – М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2015, сс. 16 – 33; Теняков И.М. Развитие основных подходов в теории экономического роста // *Журнал экономической теории*, 2016, № 3.

функционально-экономического подхода оказывались видны лишь отдельные грани производственных отношений – на микроуровне они были, прежде всего, связаны с оптимизацией использования ограниченных ресурсов. Макроуровень некоторое время был недоступен для непосредственного наблюдения и фиксации количественных зависимостей. Создание "макроэкономического этажа" в экономической теории потребовало разработки соответствующих способов наблюдения, что стало возможным лишь после создания системы национальной экономической статистики (сейчас – Система национальных счетов - СНС)⁹⁹. Кроме того, следует отметить тот акцент, который делается на проблеме «экономии» - максимизации выгод или минимизации затрат. В этом смысле термин «функционально-экономический» указывает не только на особенности применяемого метода (преимущественно математическое моделирование для получения формальных зависимостей между переменными), но и на определенное «видение» экономических проблем со стороны «оптимизации» выгод и издержек, в отличие от системно-воспроизводственного подхода, который (в том числе в своих математических приложениях) ориентирован на решение проблемы *воспроизводства* системы в целом.

Функционально-экономический подход активно использует возможности математического моделирования при исследовании экономических проблем. При этом «реалистичность» предпосылок модели не имеет значения, если предсказания модели адекватно ложатся на эмпирические данные. Как отмечал М. Фридман, «единственным конкретным тестом, позволяющим судить об обоснованности гипотезы, может быть сравнение ее предсказаний с реальностью. Гипотеза отвергается, если ее предсказания противоречат реальным данным»¹⁰⁰. Другое дело, когда модель перестает давать значимые предсказания – причем не только в плане будущих событий, но и относительно прошлого. Многообразие и сложность современных моделей экономического роста связана с попытками получить более

⁹⁹ «Капитал» и экономикс: вопросы методологии, теории и преподавания. Выпуск 5 / под ред. В. Н. Черковца. М.: ТЕИС, 2012, с. 64–65.

¹⁰⁰ Фридман М. Методология позитивной экономической науки // THESIS, 1994. Вып. 4.

точно соответствующее наблюдаемым фактам математическое описание в крайне неустойчивом, быстро меняющемся мире.

Функционально-экономический подход не занимается поиском ответа на вопрос о «сущности» экономического роста, поэтому для его представителей типично определение экономического роста по его наиболее явному проявлению – росту реального душевого дохода. Для моделирования экономического роста в качестве зависимой переменной наиболее удобно брать динамику реального ВВП (в том числе на душу населения), поскольку другие показатели, отражающие рост уровня и качества жизни, не всегда могут быть должным образом формализованы. В соответствии с позитивистской методологией не важно, насколько реалистичны предпосылки модели, важно, чтобы модель давала хорошие предсказания, проверяемые на реальных данных. Нарушение такого соответствия или недостаточная точность модели может стать причиной для поиска другой, более адекватной модели. Например, одной из причин перехода от неоклассической теории роста к новой теории роста явилась неудовлетворенность результатами, которые показывала модель Р. Солоу, когда большая часть прироста национального дохода относилась на невыявленные факторы, скрытые в «остатке Солоу».

Проблематика экономического роста и его математического моделирования активно разрабатывалась еще в 1920-е гг. в Советской России, что было связано с вызовами экономическому развитию в условиях налаживания планового хозяйства. Взяв схемы воспроизводства К. Маркса за основу, некоторые советские экономисты создали ряд макроэкономических моделей, адаптированных к российской экономике того периода. Как отмечал американский экономист Н. Спулбер, «советские экономисты поставили и разрешили ряд проблем, с которыми позже имели дело на Западе на других аналитических основах. Работы Фельдмана, Преображенского и Попова-Литошенко соответствуют некоторым работам западных экономистов, таких как Е. Д. Домар или В. Леонтьев, хотя и не достигают изощренности последних и отличаются от них своими базовыми предпосылками»¹⁰¹. В частности, модель Г. А. Фельдмана описывала влияние на экономический рост

¹⁰¹ Spulber N. *Soviet Strategy for Economic Growth*. Bloomington. L., 1967. P. 38.

распределения инвестиций между отраслями, производящими капитальные и потребительские блага¹⁰². Автор одной из первых моделей экономического роста в рамках кейнсианской теории – Е. Домар был выходцем из Российской империи, эмигрировавшим в США. Он не только был знаком с работами Фельдмана и других советских экономистов, но прямо подчеркивал связь собственной модели экономического роста (1947 г.) с моделью Фельдмана. В 1957 г. он опубликовал работу «Советская модель роста»¹⁰³, в которой подробно изложил, что было и что не было сделано Фельдманом.

Вклад в теорию экономического роста внес и российский экономист Н. Д. Кондратьев, хотя его теория роста, в отличие от теории «больших циклов конъюнктуры», не получила широкой известности¹⁰⁴. Модель роста Н. Д. Кондратьева содержит ряд новаций, которые были получены в экономической теории роста позднее. В частности, она описывает неизбежность замедления роста в отсутствие инноваций – вывод, который был получен в мировой экономической мысли «мэйнстрима» в 1980-е гг.¹⁰⁵ Как было отмечено выше, Н. Д. Кондратьев не противопоставлял «цикл» и «рост», а стремился объединить их в рамках одной теоретической схемы, в которой динамика является результатом наложения двух процессов: тренда и цикла¹⁰⁶.

Однако специфика условий планового хозяйства, для которых создавали свои модели российские экономисты, явилась одним из факторов, способствовавших принижению вклада российских исследователей в теорию и моделирование экономического роста. В современной литературе по теории экономического роста российские экономисты 1920-х гг. почти не упоминаются¹⁰⁷, а в числе первых моделей роста называются неоклассическая модель Ф. Рамсея или кейнсианские мо-

¹⁰² Фельдман Г. А. К теории темпов народного дохода // Плановое хозяйство. – 1928. - №№ 11, 12.

¹⁰³ Domar. E. D. A Soviet Model of Growth // Essays in the Theory of Economic Growth. N.Y., 1957.

¹⁰⁴ Разбор модели роста Н. Д. Кондратьева см. в статье: Клюкин П. Н., Кривенко П. А. Суздальская модель Н. Д. Кондратьева в контексте теорий экономического роста.

Электронный ресурс: <http://www.hse.ru/data/193/418/1241/krivenko-klyukin.doc> (Дата обращения: 04.07.2017)

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Макашева Н. Проблема интеграций теорий экономического цикла и равновесия (вторая половина 1920-х – 1930-е годы) и проект теории экономической динамики Н. Д. Кондратьева // Вопросы экономики. 2014, № 1, с. 34.

¹⁰⁷ Исключением является, пожалуй, «Теория капитала и экономического роста» / под ред. С. С. Дзарасова. М.: Изд-во МГУ, 2004 г. В этой работе широко освещен вклад Г. А. Фельдмана в теорию экономического роста и представлен подробный разбор его модели.

дели Е. Домара и Р. Харрода, которые все же создавались для условий капиталистической экономики.

Как было отмечено выше, функционально-экономический подход использует метод математического описания для построения формализованных моделей роста, которые показывают связь зависимой переменной (как правило, это показатели реального ВВП, реального ВВП на душу населения, или темпы их прироста) с переменными, отражающими наиболее значимые, по мнению автора модели, факторы экономического роста. Более подробно вопрос об особенностях включения тех или иных факторов роста в модели роста будет рассмотрен в соответствующей главе. Здесь же остановимся на содержательных аспектах, отражающих особенности разных школ макроэкономических исследований при изучении проблематики экономического роста.

В западной экономической мысли теория экономического роста первоначально оформилась в рамках кейнсианской школы (неоклассическая модель Ф. Рамсея первоначально не получила широкого распространения). Хотя представления о росте и развитии экономики существовали с самого зарождения экономической науки, в том числе, в работах А. Смита и Д. Рикардо, но они не представляли собой самостоятельной теории роста, а высказывались в контексте исследования проблем экономического развития в целом, поиска ответа на вопрос о «природе и причинах богатства народов». Некоторые современные исследователи, систематизируя достижения классической политической экономии по проблеме экономического развития, представляют их как «классическую теорию роста»¹⁰⁸, однако на наш взгляд, корректнее все же рассматривать подходы классиков политической экономии в контексте теории экономического развития.

Для кейнсианцев важнейшей практической проблемой являлась проблема достижения полной занятости, поэтому первые теории экономического роста Р. Харрода и Е. Домара также рассматривали рост в указанном контексте. Так, Е. Домар отмечал, что его цель – «определить условия, необходимые для поддержа-

¹⁰⁸ См., например: *The Theory of Economic Growth: a 'Classical' Perspective* / Ed. By Salvadory N. Edward Elgar, Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA, 2003.

ния полной занятости в течение длительного времени, или, более точно, найти такой темп роста национального дохода, который соответствует полной занятости»¹⁰⁹. Рост дохода у Домара, таким образом, корреспондирует с ростом экономического потенциала (через рост предложения труда).

Р. Харрод в работе «К теории экономической динамики» проводит подробное разграничение между «статикой» и «динамикой» и, соответственно, между вопросами, которые рассматриваются в рамках экономической статики, и проблемами экономической динамики. Отметим, что теорию промышленного цикла Харрод относит к пограничной области между статикой и динамикой, так как колебания сами по себе вполне могут сочетаться с постоянством основных детерминантов экономической системы в длительном периоде. К предметной области «теории экономической динамики», согласно подходу Р. Харрода, относятся «взаимоотношения, возникающие в ходе экспансии трех основных элементов: 1) рабочей силы; 2) выпуска продукции или дохода на душу населения и 3) размера наличного капитала»¹¹⁰. Таким образом, у Харрода экономический рост также связан как с увеличением реального дохода, так и с расширением экономического потенциала (рост рабочей силы и капитала). При этом общий вывод относительно достижения устойчивого равновесного роста у Р. Харрода пессимистичен: капиталистическая экономика «балансирует на лезвии ножа». Следствием отклонения ключевых факторов (нормы сбережений, отношения «капитал – выпуск», темпа роста населения) от их оптимальных соотношений с точки зрения устойчивого роста становится либо рост безработицы, либо инфляция.

Дальнейшее развитие теория экономического роста в русле функционально-экономического подхода получила в рамках неоклассического синтеза. Поскольку экономический рост рассматривался в долгосрочном периоде, проблема достижения полной занятости в ходе экономического роста была снята. Для долгосрочного периода исследователями использовались предпосылки неоклассической теории – о конкурентных рынках благ и факторов производства, гибких ценах на

¹⁰⁹ Domar E.D. Expansion and Employment // The American Economic Review. 1947. Mar. Vol. 37, № 1, p. 35.

¹¹⁰ Харрод Р. К теории экономической динамики. М.: Гелиос, 1999.

блага и ресурсы и т.п. Так, Р. Солоу, заложивший основы неоклассической теории экономического роста, прежде всего, подверг критике предпосылку о фиксированных пропорциях в соотношении факторов производства в моделях Р. Харрода и Е. Домара. Р. Солоу отмечает, что Р. Харрод и Е. Домар пытались изучать долгосрочные проблемы при помощи использования инструментов краткосрочного анализа (к которым Р. Солоу относит, в частности, мультипликатор и акселератор), в то время как наиболее подходящими инструментами для долгосрочного анализа, по мнению Р. Солоу, является неоклассический анализ с его методом предельных величин, включая процесс приспособления цен, ставки процента и заработной платы к изменяющейся конъюнктуре (например, в ходе естественного увеличения численности рабочей силы)¹¹¹. На основе модели Р. Солоу выросло целое семейство моделей роста, воспринявших базовые предпосылки неоклассической теории (прежде всего – предпосылку о гибкости цен и пропорций между факторами производства в условиях действия конкурентных сил в долгосрочном периоде).

Связь роста дохода с увеличением экономического потенциала и проблемой его полного использования, которая была в центре внимания в кейнсианских моделях роста, в неоклассической теории роста не является актуальной. Поэтому, авторы, разделяющие в целом неоклассические предпосылки при анализе экономического роста, рассматривают экономический рост, прежде всего, как повышение уровня жизни (рост душевого дохода). Для кейнсианцев же важен не столько анализ роста дохода сам по себе, но в большей степени анализ условий, обеспечивающих полное использование экономического потенциала в динамике. Отметим в этой связи, что эффективность экономического роста в неоклассической теории роста рассматривается также через призму потребления. Например, известное «золотое правило накопления» Э. Фелпса¹¹² позволяет определить такую норму сбережения, которая обеспечивает максимизацию потребления на душу населения в ходе устойчивого экономического роста.

¹¹¹ Solow R. M. A Contribution to the Theory of Economic Growth // The Quarterly Journal of Economics. 1956. Feb. Vol. 70. № 1. P. 66.

¹¹² Phelps E.S. The Golden Rule of Accumulation // American Economic Review. 1961. September, p. 638 – 642.

Дальнейшее развитие теории экономического роста в функционально-экономическом подходе шло в русле поиска способов, позволяющих преодолеть ограничения, характерные для неоклассической модели роста Р. Солоу и ее производных. Главным направлением исследований стала разработка моделей экономического роста с эндогенным научно-техническим прогрессом. В то же время эмпирические исследования свидетельствовали о сохраняющемся разрыве подушевых доходов между бедными и богатыми странами, что актуализировало исследования проблематики конвергенции, потребовало включить в теорию роста аспекты неравенства в распределении доходов, влияние международной торговли, а также институциональные и политические факторы. В итоге современная теория экономического роста представлена множеством исследований, предлагающими модели роста, учитывающими различные его аспекты. Г.М. Мишулин и А.В. Стягун насчитывают пять серий моделей роста в рамках современной теории роста, которые охватывают, соответственно, следующие проблемные области: углубленный анализ человеческого капитала (П. Ромер, Р. Лукас, С. Ребело), технический прогресс и производство инноваций (П. Ромер, Ф. Агийон и П. Хоуитт, Г. Гроссман и Е. Хелпман), международную торговлю и степень открытости экономики (Р. Барро, К. Сала-и-Мартин, Дж. Вентура и др.), взаимосвязь технических изменений и роста населения (М. Кремер, Г. Хансен и Е. Прескотт и др.), влияние на экономический рост неравенства в распределении доходов и богатства (А. Алесина и Д. Родрик, Ф. Агийон и П. Болтон и др.)¹¹³. Подробнее анализ указанных моделей представлен ниже.

Подводя промежуточный итог, подчеркнем, что в функционально-экономическом подходе *экономический рост* трактуется по своим результатам – как *повышение реального дохода на душу населения*. Аспекты роста, важные в системно-воспроизводственном подходе (накопление капитала – как физического, так и человеческого) здесь отделяются от содержания роста и рассматриваются как независимые факторы экономического роста. Такая дихотомия «факторы –

¹¹³ Мишулин Г.М., Стягун А.В. Экономический рост: факторы, источники, механизмы. Монография. – М.: ЗАО «Издательство современная экономика и право»; Краснодар: Изд. ФГБОУ ВПО «КубГТУ», 2012, сс. 30 – 31.

результаты роста» объективно обусловлена методологией исследования, характерной для функционально-экономического подхода. Напротив, диалектический метод, применяемый в системно-воспроизводственном подходе, позволяет рассматривать экономический рост и его факторы во взаимно противоречивом единстве. Накопление капитала (как самовозрастающей стоимости) определяет рост продукта и дохода, но и продукт и его структура, в свою очередь, становится определяющим фактором для дальнейшего процесса накопления капитала. Однако диалектическое понимание экономического роста и его факторов усложняет математическое моделирование экономического роста. Ведь в этом случае требуется отразить в математической форме диалектическое единство и борьбу противоположностей, что невозможно в силу ограничений самой математической формы моделирования. Сложность современной мировой экономики и изменение условий хозяйствования в ходе экономического развития (особенно с учетом процессов глобализации) приводят к невозможности построения универсальной модели экономического роста и предопределяют многообразие моделей роста в современной теории экономического роста.

На наш взгляд, системно-воспроизводственный и функционально-экономический подходы могут использоваться совместно. Каждый подход опирается на свои предпосылки и предлагает свой «набор инструментов», а задача исследователя – выбрать наиболее подходящие инструменты для «вскрытия» рассматриваемой проблемы. Применительно к проблематике экономического роста применение системно-воспроизводственного подхода позволяет определить место экономического роста в системе субординированных категорий, отражающих систему социально-экономических отношений, проследить диалектическую взаимосвязь между экономическим ростом и накоплением капитала, конкретизировать роль структурных факторов роста. А использование функционально-экономического подхода помогает уточнять и конкретизировать многообразие факторов экономического роста, прослеживать силу их воздействия на экономический рост, давать рекомендации для экономической политики. Системное исследование экономического роста требует совместного использования двух мето-

дологических подходов при учете их ограничений. Сопоставление указанных подходов к экономическому росту представлено в Таблице 3.

Таблица 3. Сопоставление системно-воспроизводственного и функционально-экономического подходов к экономическому росту.

Критерии сравнения	Системно-воспроизводственный подход	Функционально-экономический подход
1. Методологическая основа	Трудовая теория стоимости, диалектический метод, выделение исходного, основного и производных экономических отношений.	Теория факторов производства, метод формальной логики и математического описания. Экономические отношения считаются равнокачественными.
2. Трактовка экономического роста	Экономический рост – форма проявления процесса накопления капитала в ходе расширенного воспроизводства, которая выражается в количественном увеличении и качественном совершенствовании постоянного и переменного капитала и соответствующем повышении национального дохода и жизненных стандартов.	Экономический рост – наблюдаемое в долгосрочном периоде увеличение реального дохода на душу населения.
3. Взаимосвязь натурально-вещественного и стоимостного аспектов роста	Воспроизводство и рост рассматриваются с учетом взаимосвязи натурально-вещественной и стоимостной форм капитала и продукта; выделяется техническое, органическое и стоимостное строение капитала. Рост выпуска рассматривается по стоимости и по натуральной форме.	Абстрагирование от товарно-денежных отношений, рассматривается рост реального выпуска. Монарные аспекты могут учитываться как независимые факторы экономического роста.
4. Структурные аспекты роста	Выделение двух форм капитала (постоянного и переменного) и двух подразделений совокупного продукта (производство средств производства и производство предметов потребления). Акцент на условиях обмена двух подразделений в целях возмещения и накопления капитала.	Распределение дохода на потребление и инвестиции, связь инвестиций с приростом капитала как запаса средств производства. В неоклассической теории роста – предпосылка полной занятости и трансформации сбережений в инвестиции.
5. Рассматриваемый период	Нет четкого выделения временного периода, разграничения долгосрочного и краткосрочного периодов.	В целом акцент на долгосрочном периоде; в отдельных направлениях (теория реального делового цикла) отсутствует разграничение долгосрочной и краткосрочной экономической динамики.
6. Эффективность экономического роста	Различаются показатели технической, социально-экономической и социальной эффективности.	«Золотое правило накопления» – максимизация потребления на одного занятого как показатель эффективности экономического роста.
7. Моделирование экономического роста	Акцент на содержательной характеристике процесса воспроизводства, диалектической взаимосвязи факторов и результатов роста. Импульс к разработке балансовых моделей, отражающих структурные и <i>воспроизводственные</i> аспекты роста (моделирование происходит по законам функционально-экономического подхода).	Использование множества экономико-математических моделей, показывающих зависимость реального дохода от различных факторов с акцентом на <i>оптимизацию</i> экономического роста (например, в форме «золотого правила»).

Источник: составлено автором.

1.5. Соотношение экономического роста и экономического развития

Анализ системно-воспроизводственного и функционально-экономического подходов к экономическому росту позволил уточнить понимание экономического роста как формы проявления процесса накопления капитала, в ходе которого происходит улучшение материального благосостояния населения. Таким образом, экономический рост характеризуется не только количественными показателями (рост ресурсов и реального душевого дохода), но и качественными (совершенствование факторов производства, представляющих постоянный и переменный капитал, а также материальных жизненных стандартов). В этой связи возникает проблема разграничения экономического роста и экономического развития, поскольку последнее также проявляется в ряде качественных изменений экономической системы.

В экономической мысли вопрос о соотношении экономического роста и развития решается по-разному в зависимости от тяготения исследователей к «первому» или «второму» канонам экономической теории, а также методологических особенностей конкретного направления. Можно выделить направления, образующие «мэйнстрим» теории экономического развития, которые тяготеют к первому канону и рассматривают экономическое развитие как движение по универсальной в целом траектории, хотя понимание универсальности может различаться («рыночная колея» либо всеобщая закономерность смены способов производства в рамках экономической общественной формации). Напротив, в других направлениях акцентируется внимание на национально-специфических и цивилизационных траекториях развития, которые не обязательно должны сходиться к некоей единой и общей для всех народов «колее». Рассмотрим эти направления более подробно.

В классической политической экономии проблематика роста и развития рассматривалась в общем контексте поиска «природы и причин богатства народов». При проведении исторических экскурсов существующая система экономических отношений противопоставлялась некоторому «примитивному состоянию», характеризующемуся слабым разделением труда и неразвитым обменом. Вопрос о

смене социально-экономических систем не ставился: в этом смысле существующая в ведущих западных странах экономическая система (за образец бралась, прежде всего, экономика Великобритании) признавалась по умолчанию конечным пунктом развития всех остальных наций. Данный подход к экономическому развитию восприняла и пришедшая на смену классической политэкономии неоклассическая теория. Например, А. Маршалл рассматривал экономическое развитие в контексте дихотомии «дикости» и «цивилизации»¹¹⁴, а ключевой характеристикой современной ему экономической системы называл «свободу производства и предпринимательства»¹¹⁵. При этом экономическое развитие Маршалл рассматривал в соответствии с «принципом непрерывности», согласно которому «природа не делает скачков»¹¹⁶.

Распад колониальной системы в XX в. и обретение политической независимости странами «третьего мира» сделали феномен развития предметом исследования «экономической теории развития» (development economics). Изначально предполагалось, что проблемы развивающихся стран аналогичны проблемам, которые в прошлом решили развитые рыночные экономики. Так, М. Тодаро отмечает, что «в чисто экономическом понимании термин "развитие" означает способность экономики, долгое время находившейся в состоянии относительного статического равновесия, создавать импульсы и поддерживать годовые темпы роста ВВП на уровне 5–7 % и более»¹¹⁷. Считалось, что стоит лишь обеспечить необходимый уровень инвестиций посредством удвоения доли накопления в национальном доходе, и этот «инвестиционный толчок» стимулирует переход экономики к самоподдерживающемуся росту, индустриализации и созданию современного промышленного сектора. В теории стадий экономического роста У. Ростоу развитие рассматривалось в контексте модернизации экономики, перехода от аграрно-традиционного к индустриально-рыночному хозяйству. Первоначально У. Ростоу выделил три стадии: стадия, предшествующая взлету, взлет (take-off), дальнейший

¹¹⁴ Маршалл А. Принципы экономической науки. М.: Прогресс, 1993. Т. 3. С. 143–184. (Приложение А).

¹¹⁵ Маршалл А. Указ. соч. Т. 1, с. 65.

¹¹⁶ Там же, сс. 48–52).

¹¹⁷ Тодаро М. Экономическое развитие. М.: Изд-во МГУ, ЮНИТИ, 1997. С. 28.

устойчивый рост¹¹⁸, затем увеличил число «стадий роста» до пяти: 1) традиционное общество; 2) создание предпосылок для взлета; 3) взлет (take-off); 4) движение к зрелости; 5) эпоха высокого массового потребления¹¹⁹. Критерием выделения стадий у Ростоу являются технико-экономические характеристики: уровень развития техники, отраслевая структура хозяйства, доля производственного накопления в национальном доходе и т. д. Ключевую роль в переходе от аграрного к индустриальному обществу (стадия взлета), по Ростоу, играет удвоение доли инвестиций в национальном доходе, то есть чисто количественный показатель.

Теория экономического развития сближалась с теорией модернизации, а под модернизацией понималась, прежде всего, вестернизация, внедрение в странах «третьего мира» социально-экономических достижений ведущих индустриальных стран. М. Тодаро отмечает: «Экономика развития изучает экономические, культурные и политические условия, необходимые для осуществления быстрой структурной и институциональной трансформации различных обществ, с тем, чтобы наиболее эффективными путями распространить результаты прогресса на возможно более широкие слои населения»¹²⁰. В чисто количественном аспекте экономическое развитие перестало отождествляться с экономическим ростом как ростом подушевого реального дохода; «в понятие "экономическое развитие" стали включать рост грамотности и улучшение здоровья населения, сокращение масштабов нищеты, неравенства и безработицы»¹²¹. Всемирный банк в «Докладе о мировом развитии» 1991 г. провозгласил целью развития улучшение качества жизни, которое означает не только увеличение доходов, но «включает в себя, в частности, лучшее образование, питание и здравоохранение, сокращение масштабов нищеты, оздоровление окружающей среды, равенство возможностей, расширение личной свободы и более насыщенную культурную жизнь»¹²². Ежегодные «Доклады о мировом развитии», подготавливаемые Группой Всемирного банка, дают оценку экономическому развитию мира в целом и отдельных стран по ши-

¹¹⁸ Rostow W.W. The Take-Off into Self-Sustained Growth // The Economic Journal, Vol. 66, No 261 (Mar. 1956).

¹¹⁹ Rostow W. W. The Stages of Economic Growth: A Non-communist Manifesto. Cambridge: Univ. press, 1960.

¹²⁰ Тодаро М. Экономическое развитие. М.: Изд-во МГУ, ЮНИТИ, 1997. С. 23.

¹²¹ Там же, с. 28–29.

¹²² World Bank. World Development Report. 1991. P. 4.

рокому кругу социально-экономических индикаторов. Однако экономическое развитие, понимаемое как улучшение условий жизни, не сильно отличается от современных трактовок экономического роста, учитывающих его качественные аспекты.

Институциональный подход к экономическому развитию акцентирует внимание, прежде всего, на взаимосвязи между формальными и неформальными институтами и социально-экономическими показателями развития. Институциональная среда во многом определяется сложившейся системой социокультурных ценностей, поэтому прямой «экспорт» институтов развитых стран в развивающиеся не всегда приносит ожидаемые результаты. Одним из первых обратил внимание на роль социокультурных ценностей в странах Азии Г. Мюрдалль в работе «Азиатская драма: исследование нищеты народов», а Э. де Сото в работе «Иной путь. Невидимая революция в третьем мире» проанализировал роль трансакционных издержек в возникновении и воспроизводстве неформальных экономических отношений и теневой экономики, заложив основы экономико-правовых концепций развития¹²³.

Д. Норт развил институциональный подход к проблемам экономического роста и развития в историческом контексте. Он отметил роль перехода от личного к безличному обмену и создание институтов, существенных для динамического капитализма и преодолевающих «врожденную генетическую предрасположенность, вышедшую из охотничье-собиральной среды», роль государства, создающего «экономические правила игры, которые способствуют развитию стимулирующей структуры для длительных инноваций, включая конкурентную структуру, позволяющую рыночным игрокам соревноваться на равных условиях и с общественной выгодой»¹²⁴. Работы Д. Норты, в частности, исследование «эффекта колеи» (path dependence) и «социальных порядков»¹²⁵, стимулировали широкие исследования в области новой экономической истории и институционального под-

¹²³ Подробнее см.: Нуреев Р.М. Экономика развития. М., Норма, 2008, сс. 67 – 88.

¹²⁴ Норт Д. Капитализм и экономический рост // Журнал экономической теории, 2005, № 3, с. 8.

¹²⁵ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономик. М., Начала, 1997; Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества /Пер. с англ. М., 2011.

хода к экономическому развитию. Согласно подходу Д. Норта, социальные порядки различаются тем, как и для кого элиты создают законы (для других с исключениями для себя, или для себя, распространяя их на других), как функционируют организации (создаются и умирают вместе со своими организаторами, или переживают их), как распределяются инструменты насилия (между группами элиты или в системе коллективного контроля)¹²⁶.

Подход Д. Норта разграничивает институты («правила») от организаций («игроков»). А. Грейф расширил определение институтов, включив в них также и организации (институт – это «система правил, убеждений, норм и организаций, которые совместно порождают регулярность (социального) поведения»¹²⁷). Он провел разграничение между функционалистским и структурным подходами к институтам. Если в первом случае именно индивиды создают институты для достижения своих целей, то во втором случае институты структурируют человеческие взаимосвязи, формируют потребности и возможности людей. Функционалистский подход характерен для экономической теории, а структурный – для социологии. По мнению А. Грейфа, оба эти подхода должны быть соединены, поскольку каждый из них отражает важные черты реальности¹²⁸. В монографии «Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли»¹²⁹ А. Грейф представил сравнительный анализ институтов в средневековом европейском и мусульманском мире и выявил особенности европейских институтов, которые способствовали формированию современной рыночной экономики. Роль институтов в экономическом развитии раскрывается в работах Д. Асемоглу, С. Джонсона, Дж. Робинсон¹³⁰, Г. Хофстеде¹³¹, Т. Перссона, Г. Табеллини¹³² и др.

¹²⁶ Подробнее см.: Аузан А.А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика, 2015, № 1, с. 10.

¹²⁷ Грейф А. Институты и путь к современной экономике: уроки средневековой торговли // Экономическая социология, Т. 13, № 2, Март 2012, с. 36.

¹²⁸ Там же, с. 45.

¹²⁹ Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. /пер. с англ. И. Кушнаревой. М., Изд. дом Высшей школы экономики, 2013

¹³⁰ Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. Institutions as a Fundamental Cause of Long-term Growth / Ed by Ph. Aghion, S.N. Durlauf // Handbook of Economic Growth. 2005. Vol. 1. Part A.

¹³¹ Hofstede G.H. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations across Nations. Sage, 2001.

¹³² Persson T., Tabellini G. The Growth Effect of Democracy: Is It Heterogenous and How Can It Be Estimated? // CESifo Working Paper Series. 2007. N 2016.

Неоинституциональный подход к экономическому развитию активно разрабатывается и в трудах российских ученых. «Эффект колеи», роль социокультурных факторов в экономическом развитии всесторонне исследуется в работах А.А. Аузана¹³³, А.Н. Архангельского, П.С. Лунгина, В.А. Найшуля¹³⁴, В.М. Полтеровича, В.В. Попова¹³⁵. А.А. Аузан отмечает, что экономико-статистические исследования позволили выделить две траектории роста подушевого дохода, по которым движутся страны. Эти траектории являются достаточно устойчивыми: в XX в. только пяти странам удалось перейти с нижней траектории на верхнюю (Япония, Южная Корея, Гонконг, Сингапур и Тайвань). Выбор траектории определяется институтами, а превращение ее в устойчивую колею происходит под воздействием культуры¹³⁶.

Можно констатировать, что в современном мейнстриме «экономики развития» происходит сближение содержания «роста» и «развития». Как отмечает Т. Ито, «в прошлом, экономическое развитие и экономический рост представляли собой два различных явления. С одной стороны, развитие касается долгой истории, институционального строительства, крупномасштабной государственной политики, структурных изменений... <...> С другой стороны, (прежняя) экономическая теория роста подчеркивает черты сходства у различных стран. Рост имеет место тогда, когда страна обеспечивает себя капиталом, трудовыми ресурсами, технологиями. <...> С появлением новой теории роста, граница между теориями развития и роста начала размываться»¹³⁷. При этом Т. Ито подчеркивает, что страны, не дошедшие до стадии «взлета» (по Росту), некорректно рассматривать вместе с новыми индустриальными странами Азии в рамках одной модели или концепции

¹³³ Аузан А.А. Национальные ценности и модернизация. М., 2010; Аузан А.А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика, 2015, № 1.

¹³⁴ Аузан А.А., Архангельский А.Н., Лунгин П.С., Найшуль В.А. Культурные факторы модернизации. СПб., 2011.

¹³⁵ Полтерович В.М., Попов В.В. Демократизация и экономический рост // Общественные науки и современность. 2007. № 2.

¹³⁶ Аузан А.А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика, 2015, № 1, с. 8.

¹³⁷ Юсуф Ш., Дитон А., Дервиш К., Истрели У., Ито Т., Стиглиц Дж. Экономика развития сквозь десятилетия. Критический взгляд на 30 лет подготовки Докладов о мировом развитии. Всемирный банк. Издательство «Весь мир». М., 2012, с. 167.

роста, а важность институтов и политических реформ в наибольшей степени проявляет себя именно на этапе «взлета»¹³⁸.

Для мейнстрима «экономики развития» сохраняется понимание экономического развития как движения по «рыночной колее», проложенной западными странами в ходе Промышленной революции конца XVIII – начала XIX вв. Целью экономического развития для всех остальных стран становится переход на «рыночную колею», что требует модернизации не только технологий и факторов производства, но и институтов и культуры. Концептуальный зазор между «ростом» и «развитием» сужается; оба явления оцениваются схожим набором показателей, главным из которых остается уровень душевого дохода. В этой связи разграничение между «ростом» и «развитием» может быть проведено следующим образом: при анализе «роста» институциональные, политические и социокультурные аспекты рассматриваются в качестве *факторов роста*, в то время как при исследовании феномена «развитие» указанные аспекты становятся частью его содержания, а не чисто сторонними факторами. Например, В.М. Полтерович формирует долгосрочную цель развития России следующим образом: «встать в один ряд с западноевропейскими странами по уровню технологий и человеческого капитала, развитости гражданского общества, качеству государственного управления и политических институтов»¹³⁹. Западноцентричный подход к экономическому развитию обуславливает самоценность институтов гражданского общества и государственного управления, характерных для западных стран, в то время как при постановке в качестве цели достижения устойчивого экономического роста – данные институты учитывались бы только как средства, которые могут быть факторами роста (а могут и не быть таковыми).

Альтернативные мейнстриму подходы к экономическому развитию в экономической мысли можно классифицировать по их отношению, во-первых, к безальтернативности траектории развития в форме «рыночной колеи», и, во-вторых,

¹³⁸ Там же, с. 168.

¹³⁹ Полтерович В.М. Куда идти: двадцать четыре тезиса // Экономическая наука современной России, 2014, № 3 (66), с. 8.

к универсальности такой траектории либо возможности разнообразных (национально-специфических) траекторий развития.

В теории К. Маркса, как и в целом в марксизме, развитие рассматривается через призму диалектического метода как трансформация экономической системы в ходе разрешения противоречий между производительными силами и производственными отношениями. В более широком плане развитие включает смену социально-экономических систем, происходящую в результате разрешения противоречий предыдущей системы: «В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»¹⁴⁰. Критерием разграничения этапов экономического развития является, прежде всего, уровень и качество развития производительных сил. «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда»¹⁴¹. По мере развития производительных сил происходит обострение противоречий между ними и производственными отношениями. Разрешение противоречий знаменует переход общества на новый этап развития, в том числе – к новому способу производства. Буржуазный способ производства (рыночная экономика) не является поэтому застывшим и окончательным этапом развития экономической истории человечества; другое дело, что определение способа производства, который должен прийти ему на смену, - крайне сложная задача, окончательно не решенная и в настоящее время.

Экономический рост, будучи помещен в контекст накопления капитала в ходе расширенного воспроизводства, строго говоря, относится к периоду буржуазного способа производства, хотя практика построения «социалистической экономики» в СССР и ряде других стран в XX в. побудила исследователей рассматривать проблему экономического роста вне рамок экономической системы капитализма. Понятие воспроизводства внеисторично – оно характеризует все способы производства, все экономические системы. Экономический рост в связи с расширенным

¹⁴⁰ Маркс К. К критике политической экономии. М., Политиздат, 1990. С. 5.

¹⁴¹ Маркс К. Маркс К., Энгельс Ф., Собр. соч., М.: Госполитиздат, 1960, Т. 23, с. 191.

воспроизводством поэтому может рассматриваться не только в условиях капиталистической экономики. Но если при исследовании развития главное – диалектика производительных сил и производственных отношений, то при рассмотрении экономического роста производственные отношения, в отличие от производительных сил, не входят в его содержание, хотя могут выступать в качестве факторов роста. Разграничение «роста» и «развития» в марксистском подходе подобно их разграничению в институциональном подходе: институты (как и производственные отношения) содержательно включаются в понятие «развитие», в то время как для «роста» они являются лишь внешними факторами.

Институционально-технологическое направление (к нему можно отнести «классический институционализм», последователей Й. Шумпетера, эволюционную экономику) сделало акцент на технологической стороне экономического развития, взаимосвязи технологий и институтов. Как отмечает А.И. Московский, «технология одно из главных понятий, которое исследует институционализм и которая будучи *процессом*, является глубинной основой *эволюции* институтов»¹⁴². Отметим, что Й. Шумпетер одним из первых поставил вопрос о разграничении «роста» и «развития» и определении критериев экономического развития. Рост экономики, «выражающийся в увеличении населения и богатства, не рассматривается здесь как процесс развития, поскольку он не порождает новые в качественном отношении явления, а всего-навсего дает толчок процессам их приспособления»¹⁴³. Экономический рост является лишь условием развития, во многих отношениях он делает развитие возможным, но не создает его сам по себе¹⁴⁴. Экономическое развитие связывалось Шумпетером с появлением «новых комбинаций» в экономике: изготовлением новых благ, внедрением новых способов производства и коммерческого использования товаров, освоением новых рынков сбыта и т. д., а ключевой фигурой, форсирующей развитие, Шумпетер называл предпринимателя-инноватора. Отметим, что подход Й. Шумпетера был воспринят в новой

¹⁴² Московский А.И. Современные экономические институты. М., Экономический факультет МГУ, ТиРу, 2012, с. 69.

¹⁴³ Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982, с. 154.

¹⁴⁴ Там же. С. 196–197.

теории экономического роста, в которой «созидательное разрушение» рассматривается как генератор экономического роста на микроуровне. Поэтому дихотомия «роста» и «развития» Й. Шумпетера, во многом справедливая в условиях начала XX в., теряет свою остроту в XXI в. Этот аспект будет рассмотрен подробнее при характеристике типов экономического роста.

Последователи Й. Шумпетера обратили внимание на неоднородный характер инноваций. Г. Менш¹⁴⁵ выделил базисные инновации, инновации усовершенствования и псевдо-инновации. Базисные инновации создают новые отрасли в экономике, а инновации усовершенствования развивают уже существующие виды деятельности. Со временем инновации усовершенствования замещаются псевдоинновациями (например, изменение дизайна продукта). Г. Менш также установил, что базисные инновации возникают не равномерно, а группами, примерно раз в 50 лет, и выделил три периода таких инноваций: 1820-е, 1880-е и 1930-е гг. Н. Кларк и К. Юма¹⁴⁶ развивали нешумпетерианские идеи технического прогресса как внутренне присущего экономике динамического процесса. НТП рассматривался ими в качестве основного двигателя экономического и социального развития. Технические изменения являются результатом двух социоэкономических стимулов: институционального давления, связанного с развитием самой научно-технической системы, и требований со стороны рынка. Однако научно-технические системы не являются однородными. Кларк и Юма выделили три типа научно-технической системы: инкрементальная, в которой нововведения вызывают незначительные вариации существующего производственного процесса; радикальная, создающая совершенно новые процессы производства и виды продукции, и революционная: в этом случае нововведения производят сдвиги во всей экономической системе. Революционная технология характеризуется способностью генерировать крупномасштабное снижение издержек, вызывать значительное улучшение качественных характеристик технологического процесса и производимой продукции, воздействовать на широкие межотраслевые связи. Новая

¹⁴⁵ Mensch G. *Stalemate in Technology: Innovations Overcome the Depression*. Cambridge, 1979.

¹⁴⁶ Clark N., Juma K. *Long-term economics: An Evolutionary Approach to Economic Growth*. L.; N.Y., 1987.

научно-техническая парадигма складывается в ходе конкурентной борьбы между различными нововведениями. Революционная технология играет роль фундаментального двигателя эволюции экономической системы и производит ряд институциональных перемен в обществе.

Революционные технологии, к которым можно отнести, например, изобретение паровой машины, электричества и компьютера, качественно меняют технологический процесс во всей экономической системе, что отражается на характере экономического роста. Экономический рост, вызванный появлением таких технологий, отличается от роста, вызванного обычными инновациями, неравномерностью: низкие темпы роста на первом этапе сменяются ускоренным ростом, который затем снова затухает.

В работах К. Перес¹⁴⁷, Д.С. Львова и С. Ю. Глазьева¹⁴⁸ сделана попытка выделить определенные стадии технико-экономического развития в зависимости от характера доминирующих базовых технологий. При этом общая логика экономического развития в целом близка к марксовской схеме «производительные силы – производственные отношения». Как отмечает К. Перес, «всякая технологическая революция вызывает шок, и ее распространение встречает противодействие со стороны уже существующих институтов», однако по мере раскрытия созидательного потенциала технологической революции происходят «изменения в регулятивной инфраструктуре всех рынков и всех видов экономической активности, обновление целого ряда институтов, начиная с правительства и финансового регулирования и заканчивая образованием, а также перемены в общественном поведении и идеологии»¹⁴⁹. Отличия от подхода К. Маркса заключаются в применяемом

¹⁴⁷ Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / пер. с англ. Ф. В. Маевского. М.: Дело АНХ, 2011; Perez C. Structural Change and the Assimilation of New Technologies in the Economic and Social Systems // *Futures*, 1983, Vol.15, No. 5, pp. 357–375; Perez C. Technological revolutions and techno-economic paradigms // *Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics*, Working Paper No. 20, Tallin: Norway and Tallinn University of Technology, Tallinn 2009.

¹⁴⁸ Львов Д.С., Глазьев С.Ю. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // *Экономика и математические методы*. 1986, № 5; Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВлаДар, 1993; Глазьев С.Ю. Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов // *Вопросы экономики*, 2009, № 3; Глазьев С.Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики // *Экономическая наука современной России*, 2012, № 2 (57).

¹⁴⁹ Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / пер. с англ. Ф. В. Маевского. М.: Дело АНХ, 2011. С. 50.

методе, для которого характерен преимущественно описательный характер (хотя и без чрезмерной математизации, характерной для работ в русле «мейнстрима»), в результате происходит смешение сущностных отношений в экономической системе и непосредственно наблюдаемых форм их проявления.

К. Перес и С.Ю. Глазьев рассматривают экономическое развитие последних 200 лет как последовательность стадий, ассоциированных с пятью технологическими революциями (технологическими укладами - ТУ). Критерии выделения стадий включают в себя: доминирующую технологию широкого применения, тип инфраструктуры, энергоносители, доминирующие отрасли. Имеются некоторые отличия в датировке этапов развития, так у С.Ю. Глазьева продолжительность этапов примерно одинакова и составляет около 50 лет. Следует отметить влияние на данную концепцию идей Н.Д. Кондратьева, выделившего «большие циклы конъюнктуры»¹⁵⁰, с которыми во многом совпадают стадии развития К. Перес и С.Ю. Глазьева. Данное направление исследований широко представлено среди российских авторов¹⁵¹. Как отмечает С.Ю. Глазьев, «основная идея концепции технологических укладов заключается в том, что технологическая сопряженность порождает синхронность в эволюции образующих воспроизводящую целостность производств, что и создает материальную основу циклических колебаний. Развитие и расширение каждого технологического процесса обусловлено развитием всей группы сопряженных технологических систем. Технологический уклад является самовоспроизводящейся целостностью, вследствие чего техническое развитие экономики не может происходить иначе как путем последовательной смены технологических укладов. Жизненный цикл каждого из них образует содержание соответствующего этапа технико-экономического развития. На разных

¹⁵⁰ Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М., Экономика, 1989.

¹⁵¹ См., например: Яковец Ю.В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. М., 1999; Дементьев В.Е. Длинные волны экономического развития и финансовые пузыри. М., ЦЭМИ РАН, 2009; Дементьев В.Е. Финансовые пузыри на длинных волнах экономического развития // Экономика и математические методы. 2011. Т. 47. № 1; Сытник А.А. Современные подходы к определению технологических укладов // Вестник Саратовского государственного социально-экономического института. 2011, № 3(37); Акаев А.А., Румянцева С.Ю., Сарыгулов А.И., Соколов В.Н. Причины длинных волн и проблема неравномерного экономического развития мировой экономики // Кондратьевские волны: аспекты и перспективы. 2012; Дементьев В.Е. Роль фирм разных размеров на отдельных фазах длинной волны // Экономика и математические методы. 2012. Т. 48. № 4; Белоусов Д.Р., Апокин А.Ю., Пенухина Е.А., Сабельникова Е.М., Фролов И.Э. Развитие науки и технологий: возможности и риски для общества. М., МГИУ, 2015.

фазах жизненного цикла технологического уклада меняется соотношение эволюционного и революционного, фондо- и трудосберегающего НТП, специализированных и универсальных, диверсифицированных и концентрированных производств»¹⁵².

Таблица 4. Характеристика технологических укладов (парадигм) экономического развития.

Название уклада (парадигмы) и период существования	Страна (страны) экономического «ядра»	Базовые ресурсы и двигатель	Новые технологии и отрасли	Новая Инфраструктура
1. Промышленная революция (1771–1829 или 1770–1830)	Великобритания	Водяной двигатель, переход к использованию пара	Механизованная текстильная промышленность	Каналы и водные пути, магистральные дороги
2. Эпоха пара и железных дорог (1829–1875 или 1830–1880)	Великобритания, континентальная Европа и США	Паровой двигатель, каменный уголь	Строительство железных дорог, угледобыча, черная металлургия	Железные дороги, почта, телеграф, порты, городской газопровод
3. Эпоха стали, электричества и тяжелой промышленности (1875–1908 или 1880–1930)	США и Германия, перенимающие инициативу у Великобритании	Электрический двигатель, специализация паровых двигателей	Электрометаллургия, химическая промышленность (основная химия), электроприборы, медь и кабели, консервированная еда, бумага и упаковка	Всемирное мореплавание и железные дороги, телеграф, телефон, электрические сети (освещение и промышленное использование)
4. Эпоха нефти, автомобиля и массового производства (1908–1971 или 1930–1980)	США, позднее Европа	Двигатель внутреннего сгорания, нефть	Автомобилестроение, органическая химия, производство товаров длительного пользования	Дорожные сети, порты и аэропорты, нефтепроводы. Повсеместное использование электроэнергии, аналоговые телекоммуникации
5. Эпоха информации и телекоммуникаций (с 1971 г. или с 1980 г.)	США (распространяется на Европу и Азию)	Микропроцессор, природный газ	Микроэлектроника, компьютеры, программное обеспечение, телекоммуникации, управляемая компьютерами биотехнология и новые материалы	Всемирные цифровые телекоммуникации, Интернет, гибкие электросети, скоростной транспорт

Составлено по: Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / пер. с англ. Ф. В. Маевского. М.: Дело АНХ, 2011. с. 34, 38–39; Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар, 1993, с. 100–111.

¹⁵² Глазьев С.Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России, 2012, № 2 (57), с. 29.

В Таблице 4 представлены обобщенные характеристики пяти ТУ на основе работ К. Перес и С.Ю. Глазьева.

Специфика «информационной революции», в ходе которой сформировался пятый ТУ с его всеобщей компьютеризацией и информатизацией и повышением роли сферы услуг, оказала влияние на исследования в области будущего социально-экономического развития мира. Возникли концепции «постиндустриального общества», «информационной экономики», «экономики, основанной на знаниях» и др., которые получили широкое распространение в 1990-е – начале 2000-х гг. и были представлены в работах Д. Белла¹⁵³, Э. Тоффлера¹⁵⁴, В.Л. Иноземцева¹⁵⁵, О.Н. Антипиной¹⁵⁶, А.В. Бузгалина, А.И. Колганова¹⁵⁷ и др. Представлялось, что на смену индустриальной экономической системе придет постиндустриальная экономика со своими отношениями и закономерностями. Более подробно анализ постиндустриальных аспектов будет представлен ниже в контексте исследования типологии экономического роста. Здесь же отметим, что в целом «постиндустриальная эйфория» оказалась преждевременной, поскольку глобальной смены социально-экономической системы не произошло.

В отличие от институционально-технологического направления, в мир-системном анализе акцент сместился с технологической доминанты на рассмотрение эволюции экономических отношений в ходе развития капитализма, выделении различных типов или «эшелонов» капитализма, изучение особенностей системы экономической власти. Данное направление зародилось еще в начале XX в. (работы Дж. Гобсона¹⁵⁸, В.И. Ленина¹⁵⁹) и получило широкое развитие с 1970-х гг. в трудах Ф. Броделя¹⁶⁰, И. Валлерстайна¹⁶¹, Дж. Арриги¹⁶². Так, И. Валлерстайн

¹⁵³ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999.

¹⁵⁴ Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004.

¹⁵⁵ Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология/Под редакцией В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.

¹⁵⁶ Антипина О.Н. Информационная экономика: современные технологии и ценообразование. М., ТЕИС, 2009.

¹⁵⁷ Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. В 2-х т. Издание 3-е. М.: Ленанд, 2015.

¹⁵⁸ Гобсон Дж. А. Империализм. Л.: Рабочее издательство «Прибой», 1927.

¹⁵⁹ Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // ПСС. Т. 27. М., Издательство политической литературы, 1969.

¹⁶⁰ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. В 3-х тт. М., Издательство «Весь мир», 2006.

¹⁶¹ Wallerstein I. World-Systems Analysis // Social Theory Today/ Ed.by A.Giddens & J.H.Turner. Cambridge: Polity Press, 1987.

рассматривает развитие через призму таких исторических форм как минисистемы, мир-империи и мир-экономики. «Мир-империи» представляют собой обширные политические структуры, логика воспроизводства которых заключается в извлечении дани из одновременно локально самоуправляющихся непосредственных производителей, которая отправляется в центр и перераспределяется в пользу управленческого аппарата (чиновников). «Мир-экономики» формируются неравномерными сетями экономических структур, рассеченных многочисленными политическими структурами. При этом накопленная прибыль распределяется неравно в пользу тех, кто в состоянии достичь различных видов временных монополий в рыночных сетях. Рассматривая проблему направленности «исторической колеи», И. Валлерстайн отмечает, что идею прогресса необходимо убрать из положения траектории и раскрыть ее как аналитическую переменную. Исторические системы могут быть лучше и хуже (и мы можем спорить о критериях оценки), но совсем не обязательно, чтобы была линейная тенденция — вверх, вниз или прямо вперед. Возможно, линия тенденции — колеблющаяся; или, возможно, неопределенная.

В концепции системных циклов накопления капитала Дж. Арриги (далее – СЦН) процесс накопления капитала связывается с доминирующей системой «мира-экономики». Дж. Арриги выделяет четыре СЦН: генуэзский, голландский, британский и американский. При этом в рамках каждого СЦН выделяются две фазы – материальная и финансовая. На первой фазе накопление капитала идет преимущественно на основе материального производства и торговли, в то время как финансы играют вспомогательную роль. Вторая фаза, напротив, в рамках каждого цикла связана с доминированием финансового сектора над реальным, а накопление капитала в этой фазе продолжается, прежде всего, при помощи финансовых инструментов: «На фазах материальной экспансии денежный капитал "приводит в движение" растущую массу товаров, включая товаризованную рабочую силу и природные ресурсы; а на фазах финансовой экспансии растущая масса денежного

¹⁶² Арриги Дж. Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени / пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельмана. М.: Территория будущего, 2006.

капитала "освобождается" от своей товарной формы, и накопление осуществляется посредством финансовых сделок, как в сокращенной формуле у Маркса: $D - D'$. Вместе эти две эпохи, или фазы, составляют полный системный цикл накопления ($D - T - D'$)»¹⁶³. Может показаться, что наступает высшая эпоха развития мирового капитализма, связанная с «финансовым капиталом», однако Дж. Арриги подчеркивает, что имеет место циклический процесс: «Финансовый капитал не является особой стадией развития мирового капитализма, не говоря уже о том, чтобы быть его последней и высшей стадией. Скорее, он представляет собой повторяющееся явление, которым отмечена капиталистическая эпоха с самого своего начала в Европе позднего Средневековья и раннего Нового времени. На всем протяжении капиталистической эпохи финансовые экспансии свидетельствовали о переходе от одного режима накопления в мировом масштабе к другому»¹⁶⁴. Фаза финансовой экспансии способствует ускорению становления глобальных экономических связей, но из цикличности накопления капитала следует вывод, что глобализация также носит циклический характер. Под глобализацией здесь следует понимать не столько усиление взаимозависимости национальных экономик, сколько «замещение (вытеснение) интегрированным экономическим пространством национальных хозяйственных систем»¹⁶⁵.

В ходе смены СЦН происходит крах сформировавшихся сетей власти и деловых кругов каждого данного СЦН. Переход внутри СЦН от материальной к финансовой фазе накопления сопровождается «сигнальными кризисами», свидетельствующими об исчерпании потенциала роста прибыли за счет материального производства и торговли. В.Т. Рязанов, разделяя концепцию СЦН Дж. Арриги, подчеркивает, что мировой экономический кризис 2007 – 2009 гг. выступает одновременно как провозвестник кризиса глобализации «по-американски» с ее «долларовым империализмом», усилением социальной поляризации в мировом масштабе, деиндустриализацией. В.Т. Рязанов рассматривает четыре возможных

¹⁶³ Там же, с. 44.

¹⁶⁴ Там же, с. 33–34.

¹⁶⁵ Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономика кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016, с. 17.

будущих сценария мирового развития: 1) реставрация неолиберальной глобализации, 2) формирование протекционистской модели «закрытых» экономик, 3) регионализация вместо глобализации («малая глобализация»), 4) деглобализация, восстанавливающая национальные регулирующие механизмы¹⁶⁶. «Деглобализация – это процесс возвращения рынка под контроль и регулирующее воздействие суверенного государства, его институтов и норм, не исключая проведение согласованной политики странами и международными экономическими институтами»¹⁶⁷.

Хронологические рамки фаз четырех СЦН представлены в Таблице 5.

Таблица 5. Системные циклы накопления капитала Дж. Арриги.

Системные циклы накопления капитала	Фаза материальной экспансии (Д – Т)	Фаза финансовой экспансии (Т – Д')
I. Генуэзский	1460–1560	1560–1630
II. Голландский	1630–1740	1740–1780
III. Британский	1780–1870	1870–1920
IV. Американский	1920–1960	с 1960

Составлено по: Дж. Арриги. Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени / пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельмана. М.: Территория будущего, 2006. С. 282.

Сопоставление концепций СЦН Дж. Арриги и технологических парадигм (укладов) К. Перес – С. Ю. Глазьева показывает, что концепция ТУ охватывает только два последних СЦН. При этом на британский СЦН приходится три ТУ (первый и второй – на фазу материальной экспансии, третий – на фазу финансовой экспансии). Лидерство в рамках третьего ТУ переходит от Великобритании к США и Германии. В схватке за лидерство выигрывает США, в результате четвертый ТУ формируется уже в рамках американского СЦН (а не теоретически возможного германского). Из схемы Дж. Арриги следует сокращение продолжительности существования каждого последующего СЦН: так, фаза материальной экспансии американского СЦН приходится уже на один ТУ, а не на два, как в британском. Пятый ТУ, связанный с информационно-коммуникационными технологиями, соответствует финансовой фазе экспансии американского СЦН, которая, если следовать общей схеме Дж. Арриги, близится к завершению. Вопрос о том,

¹⁶⁶ Там же, сс. 287 – 292.

¹⁶⁷ Там же, с. 292.

какой СЦН придет на смену американскому, пока остается открытым. С одной стороны, бурное развитие Китая, начиная с 1980-х гг., указывает на потенциальную возможность формирования Азиатского СЦН. С другой стороны, не следует исключать в более широком контексте возникновение Евразийского СЦН, в котором наряду с Китаем ведущую роль будет играть Россия и ряд республик бывшего СССР. Однако, как показывает история перехода от британского СЦН к американскому, момент перехода отличается повышенной турбулентностью и нестабильностью, когда усиливается роль неэкономических факторов развития, прежде всего, геополитического, развязываются войны и осуществляются революции как на локальном, так и на глобальном уровне.

В завершение обзора концепций экономического развития остановимся на подходах, для которых характерен акцент на национально-специфических (цивилизационных) параметрах развития, которые не могут быть целиком сведены к представлению о единой траектории развития ни прямо (например, через смену социально-экономических систем), ни косвенно (как в мир-системном анализе, когда доминирующая «мир-экономика» или центр накопления капитала подчиняет себе развитие остального мира).

Национально-ориентированный подход в экономической мысли впервые был ярко представлен немецкой исторической школой, которая противопоставила универсализму классической политической экономии анализ конкретной национальной экономики и факторов, определяющих «национальную самобытность». Так, по мнению В. Рошера, для исследования общества должны использоваться в единстве семь основных показателей: язык, вера, искусство, наука, право, государство и хозяйство. Шмоллер считал главными регуляторами в экономике не экономические законы, а обычай, право и нравственные нормы. Отсюда проистекало повышенное внимание к этической стороне в экономике: утверждению честного предпринимательства, с одной стороны, и реализации идеи справедли-

ности – с другой¹⁶⁸. Ф. Лист сформулировал ряд принципиальных положений, отличающих национально-ориентированный подход от подхода «космополитической экономии» классиков. Национальная экономия, согласно Ф. Листу, «учит, каким образом данная нация при современном положении всего света и при наличности особых национальных отношений может сохранять и улучшать свое экономическое положение»¹⁶⁹. «Теории меновых ценностей» английских политэкономов Лист противопоставил «теорию производительных сил», отметив, что для их развития необходимы в том числе «всякие расходы на воспитание юношества, на правосудие, на оборону страны и т. д.»¹⁷⁰, то есть такие расходы, которые классическая политическая экономия относилась к непроизводительным. Ф. Лист подчеркивал, что национальное экономическое развитие не укладывается в схему, нарисованную английскими политэкономистами: «Господствующая теория имеет в виду исключительно космополитические требования будущего, и даже самого отдаленного будущего. Не понимая требований настоящего и природы национальности, она игнорирует даже самое существование наций, а вместе с тем и принцип воспитания нации для самостоятельности»¹⁷¹. Ф. Лист подверг критике теорию сравнительных преимуществ Д. Рикардо, отметив, что она применима лишь к странам, находящимся на одной стадии развития. Страны, находящиеся на разных стадиях (например, аграрной и аграрно-промышленной), если они не хотят прекратить свое существование, с неизбежностью должны использовать протекционизм в целях развития собственных производительных сил: «Можно установить, как правило, что целые народы погибли из-за того только, что вывозили пищевые продукты и сырье, а ввозили исключительно продукты фабрично-заводской промышленности»¹⁷². Как отмечает Г.Г. Попов, концепция экономического развития Ф. Листа прошла проверку временем – достаточно рассмотреть

¹⁶⁸ Цит. по: Рязанов В. Т. Об универсальности экономики и возможностях универсального экономического знания // Экономическая теория на пороге XXI века. Т. 1 / под ред. Ю. М. Осипова, В. Т. Пуляева. СПб., Петрополис, 1996. С.195.

¹⁶⁹ Лист Ф. Национальная система политической экономии. М.: Европа, 2005, с. 116.

¹⁷⁰ Там же. С. 127.

¹⁷¹ См. там же. С. 25–26.

¹⁷² Там же. С. 182.

«кейсы» Германии, Японии, да и США, которые на этапе осуществления модернизации придерживались рекомендаций Ф. Листа, а не А. Смита и Д.Рикардо¹⁷³.

Представителей исторической школы Германии справедливо критиковали за чрезмерный эмпиризм и отсутствие теории. Однако, как отмечает Г.Г. Попов, Ф. Лист не был чистым «эмпириком», а стремился скорее стать реформатором классической школы¹⁷⁴. Интерес к его идеям усилился в конце XX - начале XXI вв. в связи с возникновением рисков для развития национальных экономик в ходе глобализации. Как отмечает А.А. Пороховский, экономический кризис 2007 – 2009 гг. не только всколыхнул всю рыночную систему, но и вообще вынудил всех обратить внимание на «системное перестроение» как мирового хозяйства, так и отдельных национальных экономик. И США, и Китай, и другие развитые страны используют прагматичный подход к национальной экономической политике, однако в России «торжествует неоклассическая догма, которая положена в основу государственной экономической политики. Это тормозит перестроение России на современные методы решения проблем»¹⁷⁵.

Помимо исторической школы, универалистскому подходу противостоят «цивилизационные» концепции, для которых характерен междисциплинарный подход (Н. Я. Данилевский¹⁷⁶, А. Тойнби¹⁷⁷, О. Шпенглер¹⁷⁸, С. Хантингтон¹⁷⁹ и др.). Развитие рассматривается в них как результат взаимодействия нескольких одновременно сосуществующих локальных цивилизаций, каждая из которых подчиняется своим внутренним закономерностям. Как отмечал еще Н.Я. Данилевский, «прогресс состоит не в том, чтобы все шли в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходить в разных направлениях, ибо доселе он таким именно образом проявлялся»¹⁸⁰.

¹⁷³ Попов Г.Г. Национальное экономическое развитие в условиях глобализации: Фридрих Лист vs классическая школа // Экономический вестник Ростовского государственного университета, 2007, т. 5, № 4.

¹⁷⁴ Там же, с. 73.

¹⁷⁵ Пороховский А.А. Системное перестроение российской экономики: возможности «рыночной колеи» // Философия хозяйства, 2017, № 1, с. 99.

¹⁷⁶ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Известия, 2003.

¹⁷⁷ Тойнби Дж. Постигание истории. М., Айрис-Пресс, 2002.

¹⁷⁸ Шпенглер О., Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том. 1., М., Мысль, 1993.

¹⁷⁹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., АСТ, 2006.

¹⁸⁰ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Известия, 2003, с. 110.

Хотя в локальных цивилизациях могут существовать схожие социально-экономические системы, что дает повод критикам говорить о наличии всего лишь «национальной спецификации» универсальной социально-экономической системы (например, «азиатская» и «англосаксонская» модели капитализма), но такая схожесть является обманчивой: закономерности развития, полученные на материале одной цивилизации («западных стран», или, более конкретно, Великобритании и США для капитализма), не могут в полной мере объяснить развитие других цивилизаций (например, Китая или России). Национально-специфические факторы развития оказываются в ряде случаев более значимыми, чем «универсальные» экономические законы, характерные для абстрактных социально-экономических систем (например, «рыночной экономики»). Цивилизационный подход, выделяя неэкономические факторы (природно-климатические, социокультурные, геополитические), характеризующие специфику каждой цивилизации позволяет лучше понять развитие соответствующих стран. Так, ярко выраженная в экономических отношениях социокультурная специфика ряда исламских стран Азии и Африки позволила сформировать представление об «исламской экономической модели» как особой социально-экономической системе, не сводимой к капитализму или социализму с национальной спецификой, и даже заявить об «исламской экономической теории» как о новой парадигме в экономической мысли¹⁸¹. Ряд современных авторов рассматривают и экономическое развитие России в контексте цивилизационного подхода как развитие «экономики русской цивилизации»¹⁸², «хозяйственного строя»¹⁸³, «национальной экономической системы»¹⁸⁴. Последняя может быть охарактеризована как «система экономических отношений в единстве с присущими стране экономическими и неэкономическими, внутренними и внеш-

¹⁸¹ См.: Беккин Р. И. Исламская экономика: между капитализмом и социализмом // Вопросы экономики. 2007. № 10; Беккин Р. И. Исламская экономическая модель и современность. М.: ИД Марджани, 2009; A. A. F. El-Ashker, R. Wilson. Islamic Economics: a Short History. Leiden – Boston, 2006; A. Necati. Redefining Islamic Economics as a New Economics Paradigm // Islamic Economic Studies. Vol. 21. 2013. June. № 1. (1–34).

¹⁸² Платонов О. Экономика русской цивилизации. М.: Институт русской цивилизации, 2008.

¹⁸³ Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб.: Наука, 1998; Рязанов В. Т. Хозяйственный строй России. На пути к другой экономике. СПб.: Издат. дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2009; Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016.

¹⁸⁴ Кульков В. М. Параметры исследования и формирования национальной экономической системы в России // Экономическое возрождение России, 2014, № 3.

ними факторами, отражающая воздействие всех этих факторов на экономику страны, обеспечивающая ее устойчивое функционирование и развитие, поддержание жизнедеятельности и расширенного воспроизводства на национальной территории и реализующая стоящие перед страной долгосрочные цели развития и национальные интересы»¹⁸⁵. А.В. Сидорович выделяет два уровня национальной экономической системы: во-первых, тип экономической системы, который воспроизводится в стране, и, во-вторых, совокупность неэкономических факторов, предопределяющих (даже в условиях одной экономической системы и одного технологического базиса) различия в экономическом строе различных государств¹⁸⁶.

Однако, в отличие от концепции «исламской экономики», широко представленной в экономической литературе (и прежде всего – в англоязычной), концепция «российской экономической системы» представлена гораздо скромнее, что связано во многом с приверженностью большинства российских авторов, затрагивающих проблемы национальной экономики, к универсалистскому подходу (как в его марксистской разновидности, так и в форме современного экономического мейнстрима). Например, в концепции технологических укладов С. Ю. Глазьева развитие России рассматривается исключительно как догоняющее: развитие очередного ТУ в России происходит с существенным запаздыванием по сравнению со странами «ядра», и главная задача экономического развития видится лишь в ускоренном преодолении указанного разрыва. При такой постановке вопроса из виду упускаются существенные цивилизационные особенности России, которые могут модифицировать траекторию «догоняющего развития» и (возможно) даже превратить ее в траекторию «опережающего развития».

В современных условиях ужесточения мировой конкуренции, замедления темпов роста мировой экономики, неопределенности перспектив экономического развития в результате исчерпания потенциала пятого технологического уклада и

¹⁸⁵ Кульков В. М. Национальная ориентация политической экономики: необходимость и формы реализации // Журнал экономической теории. 2013. № 2. С. 109.

¹⁸⁶ Сидорович А.В. Экономическая теория – основа экономической стратегии государства // Экономическая теория. 2010, Т. 7, № 1, с. 14.

близящейся смене системного цикла накопления капитала востребованность национально-ориентированного подхода объективно растет. Универсалистский подход, по определению, не может учитывать все нюансы и специфику национального развития, в то время как такие нюансы могут стать ключевыми факторами, способными обеспечить национальный экономический прорыв и перехват лидерства в мировой экономике. Необходимость формирования концепции национального экономического развития является крайне актуальной для России на современном этапе.

Подводя итоги, отметим следующее. Во-первых, соотношение между экономическим ростом и экономическим развитием в современной экономической теории не является строго дихотомичным, а скорее имеет место континуум, на котором рост трансформируется в процесс развития. При этом в рамках подхода экономического мейнстрима, показатели роста и развития сближаются, а основным показателем остается показатель подушевого дохода. Во-вторых, содержательная характеристика экономического развития включает в себя производственные отношения, институциональные и социокультурные аспекты, в то время как применительно к экономическому росту указанные аспекты выступают как его факторы. В-третьих, представления о «колее» экономического развития различаются в разных школах: это либо универсальная «рыночная колея», либо всеобщий закон смены социально-экономических систем, допускающий переход от «рыночной колеи» к «колее» какой-то новой социально-экономической системы («пострыночной», «постиндустриальной» - пока ясности нет), либо принципиальное отсутствие единой «колеи» для стран и локальных цивилизаций, которые выстраивают собственные траектории развития, которые в чем-то совпадают (и тогда может быть выделена некоторая более-менее общая траектория, например «рыночная»), а в чем-то расходятся. В-четвертых, национально-специфические особенности стран (или локальных цивилизаций) могут рассматриваться как национально-специфические факторы экономического роста и, таким образом, теория экономического роста получает дополнительное измерение. При этом применение национально-ориентированного подхода позволяет расширить понимание эконо-

мического роста, выделив в его содержании национально-специфические аспекты. Критерий роста подушевого дохода оказывается недостаточным, экономический рост может рассматриваться в контексте воспроизводства национальной экономики как системы, что требует исследования воспроизводства и развития национальных экономических и неэкономических факторов.

1.6. Системное исследование экономического роста.

Системное исследование экономического роста позволяет сочетать методологические принципы двух канонов экономической теории, а в рамках первого канона – сочетать воспроизводственный и функциональный подходы. Поскольку перехода от индустриальной экономической системы к некоторой новой («постиндустриальной») системе не произошло, а «постиндустриальная эйфория» в экономических исследованиях оказалась преждевременной, экономический рост необходимо рассматривать в рамках *индустриальной экономической системы в широком смысле*, с учетом ее модификаций (в частности, такой модификацией являлась экономика СССР и ряда стран бывшего «социалистического лагеря»). Применение национально-ориентированного подхода к экономическому росту позволяет выделить его национально-специфическое измерение. Оно состоит в том, что экономический рост рассматривается в аспектах реализации воспроизводственного потенциала национальной экономики. Тем самым «результаты» роста (повышение уровня жизни, доходов и благосостояния) ставятся в соответствие с развитием производительных сил национальной экономики и действием национально-специфических факторов.

С учетом вышесказанного, отметим, что с позиций «первого (абстрактно-всеобщего) канона» экономической науки экономический рост раскрывается как *форма проявления процесса накопления капитала (физического и человеческого), результатом которого в современных условиях развития становится переход от количественных параметров (рост доходов) к качественным (совершенствование жизненных стандартов)*. С позиций «второго (конкретно-особенного) канона» экономической науки экономический рост раскрывается как *форма развития*

производительных сил и расширение экономического потенциала национальной экономики, сопровождающаяся повышением уровня и качества жизни в стране, укреплением национального экономического суверенитета и повышением экономического влияния страны в мире.

Национально-специфическое измерение экономического роста («второй канон») позволяет дополнительно структурировать исследование экономического роста следующим образом.

По отношению к национальной экономике можно выделить внутриэкономические и внешнеэкономические аспекты роста. Внутриэкономические аспекты «по затратам» могут рассматриваться двояко. Со стороны совокупного спроса – как рост совокупных расходов, необходимых для реализации воспроизводственного потенциала национальной экономики (инвестиционные расходы, расходы на НИОКР, расходы на образование и здравоохранение и т.д.). Со стороны совокупного предложения – как соответствующий рост и качественное развитие воспроизводственного потенциала в его натурально-вещественной форме (производство нового капитального оборудования, превращение науки в непосредственную производительную силу, формирование человеческого потенциала и т.п.). Внутриэкономические аспекты роста «по результатам» также могут быть представлены двояким образом. Во-первых, как рост доходов, измеренных в постоянных ценах, однако безотносительно к их натурально-вещественному наполнению. Во-вторых, как рост выпуска, отражающий натурально-вещественный аспект: структуру выпуска по видам экономической деятельности, по видам продукции и т.п., что позволяет соотнести рост абстрактного реального дохода и динамику конкретных жизненных стандартов, отражающих качество жизни в стране. Указанные аспекты роста «по затратам» и «по результатам» следует дополнить параметрами распределения – совокупных расходов, факторов производства, доходов, жизненных стандартов.

Внешиэкономические аспекты роста, во-первых, отражают соотношение «национальной траектории роста» с траекторией роста остального мира, ведущих развитых стран, мировой экономики в целом и т.д. Это соотношение носит коли-

чественный характер и зависит от соотношения скоростей роста рассматриваемой экономики и других стран (или мировой экономики, взятой в целом). Во-вторых, внешнеэкономические аспекты роста дают новое измерение структурных параметров роста. Так, в приведенном выше определении экономического роста был сделан акцент на развитии национальных производительных сил, в результате которого происходит повышение уровня и качества жизни в стране. Однако в реальности полностью закрытые экономики не существуют. Развитие национальных производительных сил происходит во взаимодействии с другими национальными экономиками и с мировой экономикой в целом. Внешнеэкономические аспекты роста отражают это взаимодействие, показывая: какая доля совокупных расходов формируется за счет собственных источников, а какая – за счет остального мира; в какой степени воспроизводственный потенциал страны формируется на внутренней основе, а в какой – за счет внешних факторов производства (например, «приток мозгов» для одних стран, «утечка мозгов» - для других); насколько рост реальных доходов обеспечивается за счет национального воспроизводства, а насколько – за счет внешних источников (например, заимствований), в какой степени повышение жизненных стандартов опирается на внутренние ресурсы, а в какой – на импортируемые, а также в какой степени развитие национальных производительных сил трансформируется в повышение качества жизни в стране, а в какой – обеспечивает экономическое развитие и рост благосостояния в странах остального мира.

Национально-специфическое измерение экономического роста позволяет дополнительно конкретизировать источники, факторы и типы экономического роста, выделить национально-специфические факторы и национально-специфические типы роста, определить содержание и параметры национальных моделей экономического роста. Последовательно рассмотрим все эти вопросы ниже.

Глава 2. Источники, факторы и типы экономического роста

2.1. Источники и факторы экономического роста

В экономической литературе, в том числе учебной, понятия «источники» и «факторы» экономического роста зачастую употребляются как синонимы, отсутствует их строгое разграничение. Так, П. Самуэльсон и У. Нордхауз отмечают, что независимо от того, насколько богата или бедна страна, «двигатель экономического прогресса должен ездить на четырех колесах. Эти четыре колеса, или факторы роста, включают: человеческие ресурсы (предложение труда, образование, навыки, дисциплина, мотивация), природные ресурсы (земля, полезные ископаемые, топливные ресурсы, качество окружающей среды), капитал (заводы, механизмы, дороги, интеллектуальная собственность), технологические изменения и инновации (наука, инженерное дело, управление и предпринимательство)»¹⁸⁷. Отметим, что каждый фактор роста у П. Самуэльсона и У. Нордхауза является набором или пучком более частных параметров, характеризующих количественные и качественные стороны каждого фактора. Четыре «фактора роста» соответствуют четырем факторам производства типичной производственной функции. С. Уильямсон при характеристике модели Р. Солоу использует понятие «источники экономического роста»¹⁸⁸. Д. Асемоглу, Д. Лэйбсон и Дж. А. Лист не используют термин «факторы роста», вместо этого они связывают рост ВВП с двумя факторами производства: физическим капиталом и общей эффективностью единицы труда, а также с технологическим уровнем экономики в целом, который охватывает знание, доступное в экономике, и эффективность производства¹⁸⁹.

Н.Г. Мэнкью не рассматривает специально «источники» и «факторы» роста, помещая их в контекст изложения моделей роста и характеризуя как «силы, регулирующие долгосрочный рост»¹⁹⁰. Капитал, труд и технология называются им как три источника роста и их влияние раскрывается при описании конкретных моде-

¹⁸⁷ Samuelson P.A., Nordhaus W.D. Economics, 19-th edition, McGraw-Hill/Irwin, N.Y., 2010, p. 503.

¹⁸⁸ Williamson S.D. Macroeconomics. 5-th edition, Pearson Education, Inc., 2014, p. 237.

¹⁸⁹ Acemoglu D., Laibson D., List J. A. Macroeconomics, 1-st edition, Pearson Education, Inc., 2015, p. 147.

¹⁹⁰ Mankiw N.G. Macroeconomics. 9-th edition, Harvard University, Worth Publishers, N.Y., 2016, p. 241.

лей роста. О. Бланшар, описывая модель роста Р. Солоу, называет накопление капитала и технологический прогресс двумя факторами роста, которые воздействуют на рост по-разному¹⁹¹.

Д. Ромер использует термины «источники» и «факторы» роста как синонимы. Например, при характеристике модели Р. Солоу технический прогресс называется в числе «других возможных *источников* экономического роста»¹⁹², а на следующей странице при характеристике эндогенной теории роста, Д. Ромер отмечает, что «эндогенный технический прогресс почти наверняка является важнейшим *фактором* мирового экономического роста»¹⁹³ (курсив мой – И.Т.).

Р. Лукас избегает употребления терминов «источники» и «факторы» роста, переходя непосредственно к описанию моделей роста и характеристике их объясняющих переменных. Термин «источник роста» проскальзывает однажды при упоминании экзогенных технических изменений¹⁹⁴. Э. Хелпман предпочитает употреблять термин «факторы роста», например, он отмечает, что «специалисты по макроэкономике подчеркивают значение накопления физического и человеческого капитала как важных факторов, обуславливающих рост доходов»¹⁹⁵. При дальнейшем изложении выявляется многоуровневый характер факторов роста. Так, характеризуя влияние совокупной производительности факторов производства (СФП) на рост доходов, Э. Хелпман подчеркивает в главе 4, что на нее, в свою очередь, влияет фактор технологического прогресса. В главе 5 Э. Хелпман пишет: «чтобы понять, что является источником экономического роста, необходимо выяснить, чем вызван рост производительности»¹⁹⁶, после чего разбирает ряд факторов, оказывающих противоречивое воздействие на производительность: условия торговли, диффузию знаний, НИОКР, торговую политику. В завершении обзора Э. Хелпман отмечает, что «рост конечного объема производства обусловлен сочетанием роста СФП и накопления капитала. Растущая производительность

¹⁹¹ Blanchard O. Macroeconomics. 7-th edition. Pearson Education, Inc., 2017, p. 212.

¹⁹² Ромер Д. Высшая макроэкономика / пер. с англ. М.: НИУ ВШЭ, 2014, с. 24.

¹⁹³ Там же, с. 25.

¹⁹⁴ Лукас Р. Э. Лекции по экономическому росту / пер. с англ. М.: Изд. Института Гайдара, 2013, с. 19.

¹⁹⁵ Хелпман Э. Загадка экономического роста / пер. с англ. М., Изд. Института Гайдара, 2011, с. 24.

¹⁹⁶ Там же, с. 85.

стимулирует приток инвестиций в капитал, что повышает капиталовооруженность. Производство растет по обеим причинам. Около 2/3 роста напрямую обусловлено увеличением производительности, а в основе оставшейся трети лежит производное накопление капитала»¹⁹⁷.

В отличие от рассмотренных выше авторов, Б. Сноудон и Х. Вэйн проводят разграничение между «ближайшими и фундаментальными причинами роста. Ближайшие причины связаны с накоплением факторов, таких как капитал и труд, а также переменными, которые влияют на производительность этих ресурсов, таких как экономия на масштабе и технологические изменения»¹⁹⁸. Отмечается, что в работах Э. Денисона¹⁹⁹, Д. Джоргенсена²⁰⁰ и Э. Мэддисона²⁰¹ присутствует классификация «ближайших источников роста», а неокейнсианские, неоклассические и эндогенные теории роста, как правило, концентрируются на моделировании этих переменных. «Основные или глубинные источники роста связаны с теми переменными, которые оказывают важное влияние на способность страны накапливать факторы производства и вкладывать средства в производство знаний»²⁰². Разные исследователи называют различные «глубинные источники роста». Так, Дж. Темпл рассматривает влияние на рост со стороны роста населения, финансового сектора, общей макроэкономической среды, торговых режимов, размера правительства, распределения доходов, политической и социальной среды²⁰³. Дж. Галлуп, Дж. Сакс и А. Меллинджер²⁰⁴, а также К. Гордон²⁰⁵ отмечают влияние на

¹⁹⁷ Там же, с. 131.

¹⁹⁸ Snowdon B., Vane H.R. *Modern Macroeconomics. Its Origins, Development and Current State*. Edward Elgar Publishing, Inc. Massachusetts, USA, 2005, p. 596.

¹⁹⁹ Denison, E.F. *Why Growth Rates Differ: Post-War Experience in Nine Western Countries*. 1967, Washington, DC: The Brookings Institution; Denison, E.F. *Accounting for United States Growth, 1929–1969*. 1974, Washington, DC: The Brookings Institution; Denison, E.F. *Trends in American Economic Growth, 1985*, Washington, DC: The Brookings Institution.

²⁰⁰ Jorgenson, D.W. *Postwar US Economic Growth*. 1996, Cambridge, MA: MIT Press; Jorgenson, D.W. and Stiroh, K. *Raising the Speed Limit: US Economic Growth in the Information Age // Brookings Papers on Economic Activity*, 2000; Jorgenson, D.W. *Information Technology and the US Economy // American Economic Review*, 2001, March.

²⁰¹ Maddison, A. *Explaining Economic Growth*. // *Banca Nazionale del Lavoro Quarterly Review*, 1972, September; Maddison, A. *Growth and Slowdown in Advanced Capitalist Economies: Techniques of Quantitative Assessment // Journal of Economic Literature*, 1987, June; Maddison, A. *Explaining the Economic Performance of Nations*, Aldershot, UK and Brookfield, USA: Edward Elgar, 1995.

²⁰² Snowdon B., Vane H.R. *Modern Macroeconomics. Its Origins, Development and Current State*. Edward Elgar Publishing, Inc. Massachusetts, USA, 2005, p. 596.

²⁰³ Temple, J. *The New Growth Evidence // Journal of Economic Literature*, 1999, March.

²⁰⁴ Gallup, J., Sachs, J.D. and Mellinger, A. *Geography and Economic Development // NBER Working Paper*, No. 6849, 1998, December.

экономическое развитие географической среды. На «социальный потенциал» экономики обращает внимание М. Абрамовиц²⁰⁶, а на «социальную инфраструктуру» - Р. Холл и К. Джонс²⁰⁷. В работах Группы Всемирного банка широко представлено мнение о том, что «хорошее» управление, институты и структуры стимулирования являются важной предпосылкой успешного роста и развития²⁰⁸.

У. Ростоу подчеркивал, что «с восемнадцатого века до настоящего времени теории роста основывались на одной формулировке универсального уравнения или производственной функции»²⁰⁹. В записи, предложенной еще И. Адельманом²¹⁰, производственная функция выглядит следующим образом:

$$Y_t = f(K_t, N_t, L_t, A_t, S_t) \quad (1),$$

где K_t , N_t , L_t соответствуют «услугам» капитала, природных ресурсов (определяемых географией), и трудовых ресурсов, A_t соответствует запасу прикладного знания в экономике, а S_t представляет «социокультурную среду» (по И. Адельману) или «социальный потенциал» (по М. Абрамовицу), в рамках которого функционирует экономика. Современные исследователи (Р. Лукас, П. Ромер и др.) выделяют человеческий капитал как ключевой фактор роста, отделяя его влияние от воздействия численности занятых. «Социокультурная среда» включает влияние на экономический рост как со стороны экономических, так и неэкономических факторов, в частности, институтов, правил, стимулов и др. На анализе последних концентрируются современные исследования в области институциональной теории экономического развития, которые были рассмотрены в первой главе. Следует отметить также исследования взаимосвязи неравенства и экономического роста, которые активизировались в последнее время²¹¹.

²⁰⁵ Gordon C., Sachs, J.D. Development, Structure and Transformation: Some Evidence on Comparative Economic Growth // NBER Working Paper, No. 19512, 2013, October.

²⁰⁶ Abramovitz, M. Catching Up, Forging Ahead, and Falling Behind // Journal of Economic History, 1986, June.

²⁰⁷ Hall, R.E. and Jones, C.I. Levels of Economic Activity Across Countries // American Economic Review, 1997, May; Hall, R.E. and Jones, C.I. Why Do Some Countries Produce So Much More Output Per Worker Than Others? // Quarterly Journal of Economics, 1999, February.

²⁰⁸ World Bank. Building Institutions for Markets. 2002, Oxford: Oxford University Press.

²⁰⁹ Rostow, W.W. Theories of Economic Growth from David Hume to the Present, 1990, Oxford: Oxford University Press.

²¹⁰ Adelman, I. Theories of Economic Growth and Development, 1958, Stanford: Stanford University Press.

²¹¹ См.: Aghion P., Banerjee A., Piketty T. Dualism and Macroeconomic Volatility. Mimeo, University College London, 1997; Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., Ад Маргинем Пресс, 2015; Агийон Ф., Уильямсон Дж. Экономический рост, неравенство и глобализация: теория, история и политическая практика. М., Издательский дом «Дело» РАН-ХиГС, 2015.

Д. Родрик²¹² подразделяет детерминанты роста на три группы: эндогенные, частично эндогенные и экзогенные. К эндогенным детерминантам относятся вклад ресурсов (главным образом накопление физического и человеческого капитала) и их производительность. К частично эндогенным детерминантам роста относятся институты и международная торговля. Наконец, экзогенным детерминантом роста является географический фактор. Модифицируя схему Д. Родрика, Б. Сноудон и Х. Вэйн²¹³ показывают, что ресурсы и производительность соответствуют первым четырем переменным в производственной функции (1), а институты соответствуют пятой переменной (S_T). Фактор «географии» определяет природные ресурсы, климат, рельеф местности и экологические условия.

Особняком стоит технологический подход Р. Эйреса и Б. Варра, которые подчеркивают, что «основным недостающим компонентом теории роста является роль природных ресурсов, материалов, энергии и термодинамическое количество, известное как полезная работа»²¹⁴. Комментируя схему экономики, в которой производятся абстрактные товары и услуги при помощи труда и денег, Р. Эйрес и Б. Варр отмечают, что «недостающим элементом является тот факт, что товары (в отличие от денег или услуг) имеют материальную основу; и реальные физические материалы не производятся сами по себе и не потребляются в буквальном смысле. Материальные товары производятся из сырья и сначала превращаются в полезные товары, а в конечном итоге в остатки отходов. Во время этого процесса создается энтропия»²¹⁵. Авторы ссылаются на Н. Джеоджеску-Роджена²¹⁶, который подчеркивал, что экономическая система – это система обработки материалов, которая преобразует сырье высокого качества (и с низкой энтропией) в товары и услуги, а также рассеивает растущие количества материалов с высокой энтропией и энергетических отходов. Экономические системы менее развитых стран по-прежнему

²¹² Rodrik, D. (ed.) *In Search of Prosperity: Analytic Narratives on Economic Growth*, 2003, Princeton: Princeton University Press.

²¹³ См. схему: Snowdon B., Vane H.R. *Modern Macroeconomics. Its Origins, Development and Current State*. Edward Elgar Publishing, Inc. Massachusetts, USA, 2005, p. 634.

²¹⁴ Ayres R.U., Warr B. *The Economic Growth Engine. How Energy and Work Drive Material Prosperity*. Edward Elgar Publishing, Inc., Cheltenham, UK, Massachusetts, USA, 2009, p. 135.

²¹⁵ Ibid, p. 137.

²¹⁶ Georgescu-Roegen N. *The Entropy Law and the Economic Process*, 1971, Cambridge, MA: Harvard University Press.

связаны с солнечной энергией, превращенной фотосинтезирующими растениями в продукты питания и корм для людей и животных. Экономические системы развитых индустриальных стран обусловлены главным образом энергией, которая была сохранена и накоплена сотни миллионов лет назад в виде ископаемых углеводородов. Подводя итоги обзору теорий роста, Р. Эйрес и Б. Варр характеризуют процесс экономического роста и его ключевой фактор следующим образом: «Энергия превращается в промежуточную услугу («полезную работу»), приводящую в действие машины и заменяющую труд людей и животных. Из-за снижения стоимости других продуктов и, таким образом, увеличения спроса и производства, эта долгосрочная замена стала доминирующим фактором экономического роста за последние два столетия. В этом контексте услуги энергии (полезная работа) можно рассматривать как фактор производства, дополняющий услуги капитала и труда»²¹⁷. Р. Эйрес и Б. Варр выделяют энергию («полезную работу») как отдельный фактор в производственной функции и рассматривают его вклад в экономический рост с использованием различных производственных функций. Подход Р. Эйреса и Б. Варра, подчеркивая роль энергии в процессе индустриального производства и экономического роста, одновременно помогает выделить ключевую особенность индустриальной экономической системы – использование техногенной энергии, существенно повышающей производительность труда.

Среди факторов производства многие исследователи подчеркивают особую роль инфраструктуры как фактора экономического роста, отмечая ее отличия от фактора «капитал». П. Розенштейн-Родан описывал инфраструктуру как совокупность отраслей энергетики, транспорта и связи, развитие которых предшествует более быстроокупаемым и прямопроизводительным инвестициям²¹⁸. Роль инфраструктурных отраслей в стимулировании экономического роста в ходе «большого толчка» подчеркивали Р. Нурксе и А. Хиршман. У. Ростоу отмечал, что на стадии «массового потребления» необходимым условием экономического роста стано-

²¹⁷ Ayres R.U., Warr B. *The Economic Growth Engine. How Energy and Work Drive Material Prosperity*. Edward Elgar Publishing, Inc., Cheltenham, UK, Massachusetts, USA, 2009, p. 168.

²¹⁸ Rosenstein-Rodam P. *The Notes of the Theory of the "Big Push" in Economic Development for Latin America*. London – New York, 1961, p. 60.

вится накопление капитала в обслуживающих отраслях (в частности, в транспорте)²¹⁹. Д. Ошауэр²²⁰ обосновывал влияние инвестиций в инфраструктуру на производительность труда и экономический рост. Положительное влияние государственных инвестиций в транспортную инфраструктуру на экономический рост отмечал Б. Джонсон²²¹. С. Страуб на основе анализа работ, посвященных влиянию инвестиций в инфраструктуру на экономический рост, сделал вывод, что в 56% работ наблюдается положительная значимая связь, в 38% статистически значимая связь отсутствует, а в 6% работ получена статистически значимая отрицательная зависимость²²². О. Сахин, Н. Кан и Е. Демирбас показали, что инвестиции в железнодорожный и автомобильный транспорт, телекоммуникации и энергетику положительно влияют на современный экономический рост европейских стран²²³. Инвестиции в инфраструктуру как фактор экономического роста исследуют и российские ученые – А.Г. Исаев²²⁴, А.В. Козельский²²⁵, Е.А. Коломак²²⁶, В.Б. Кондратьев²²⁷, Ю.А. Щербанин²²⁸.

Хотя большинство исследователей экономического роста абстрагируются от монетарных факторов, рассматривая исключительно «реальные» переменные, все же имеются основания для включения монетарных (и шире – финансовых) факторов в модели роста. Одним из первых рассмотрел финансовый фактор роста Дж. Тобин, введя в свою модель правительственные облигации как альтернативный способ размещения сбережений населения и показав, как использование дефицитного финансирования бюджета позволяет избежать «тупика Харрода» и выйти

²¹⁹ Rostow W. W. The Stages of Economic Growth: A Non-communist Manifesto. Cambridge: Univ. press, 1960, p. 138.

²²⁰ Aschauer D. Is Public Expenditure Productive? // Journal of Money, Credit and Banking. 1989. Vol. 23.

²²¹ Jonson B. K. Contributions of Public Infrastructure Investment to Economic Growth: New Estimates Using Ridge Regression // Bronx, New York, Ph. D., 1996.

²²² Straub S. Infrastructure and Development: A Critical Appraisal of the Macro Level Literature // The World Bank. 2007.

²²³ Sahin O., Can N., Demirbas E. The Effects of Infrastructure Determinants on Economic Growth: European Union Sample // Eurasian Journal of Business and Economics 2014. Vol. 7 (13).

²²⁴ Исаев А. Г. Транспортная инфраструктура и экономический рост: пространственные эффекты // Пространственная экономика. 2015. № 3.

²²⁵ Козельский А.В. Эволюция сферы инфраструктурных услуг как фактор экономического роста // Terra Economicus, 2013, Том 11, № 4.

²²⁶ Коломак Е. А. Эффективность инфраструктурного капитала в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2011, № 10.

²²⁷ Кондратьев В.Б. Инфраструктура и экономический рост // Мировая экономика и международные отношения. 2011, № 11.

²²⁸ Щербанин Ю. А. Транспорт и экономический рост: взаимосвязь и влияние // Евразийская экономическая интеграция. 2011, № 3.

на траекторию «естественного роста»²²⁹. Монетарные факторы роста рассматриваются в работах А. Орфанидес и Р. Солоу²³⁰, П. Гомме²³¹, Дж. Андрес и И. Хернандо²³², Л. Аугьера и Дж. Сгари²³³, А. Беренцена, М. Брю и Ш. Ши²³⁴, Дж. Миао и Д. Кси²³⁵, а также российскими учеными – С.Ю. Глазьевым²³⁶, М. Ершовым²³⁷, Ф. Картаевым²³⁸ и др. Влияние долговой нагрузки на экономический рост исследуют К. Рейнхарт и К. Рогофф²³⁹, К. Чечерита и Ф. Ротер²⁴⁰, У. Паницца и А. Пресбитеро²⁴¹, российские ученые – А.А. Пороховский, К.А. Хубиев и др.²⁴². Тем не менее, в «мэйнстриме» теории экономического роста влияние монетарных факторов недооценивается, что связано с длительной традицией неоклассического подхода к моделированию роста как процессу, описываемому исключительно реальными переменными.

Среди отечественных исследователей также присутствует многообразие трактовок источников и факторов роста. Большинство авторов придерживаются классификации, близкой к подходу П. Самуэльсона и У. Нордхауза, так или иначе выделяя в числе главных факторов экономического роста *факторы производства*. Так, в трактовке В.Д. Камаева выделяются «непосредственные» и «косвенные» факторы роста. К первым он относит рабочую силу совокупного работника, производственные фонды, технологию и организацию производства, управление об-

²²⁹ Тобин Дж. Денежная политика и экономический рост / пер. с англ. М., Книжный дом «Либроком», 2010.

²³⁰ Orphanides A., Solow R.M. Money, Inflation and Growth // Handbook of Monetary Economics / ed. by B. M. Friedman and F. H. Hahn, 1990, Elsevier Science Publishers B. V., Amsterdam.

²³¹ Gomme, P. Money and Growth Revisited: Measuring the Costs of Inflation in an Endogenous Growth Model // Journal of Monetary Economics, 1993, Vol. 32(1).

²³² Andrés, J, Hernando I. Does Inflation Harm Economic Growth? Evidence from the OECD // The Costs and Benefits of Price Stability /ed. by Martin Feldstein, University of Chicago Press, January 1999.

²³³ Augier L., Sghari J. Money Supply in a Simple Economic Growth Model and Multiple Steady States Equilibria // Frontiers in Finance and Economics, Vol. 6, No.2, October 2009.

²³⁴ Berentsena A. Breu M.R., Shi S. Liquidity, Innovation and Growth // Journal of Monetary Economics, Vol. 59, Issue 8, December 2012.

²³⁵ Miao J., Xie D. Economic growth under money illusion // Journal of Economic Dynamics & Control, No 37, 2013.

²³⁶ Глазьев С. О практичности количественной теории денег или сколько стоит догматизм денежных властей // Вопросы экономики, 2008, № 7; Глазьев С. О таргетировании инфляции // Вопросы экономики, 2015, № 9.

²³⁷ Ершов М. О «длинных деньгах» в посткризисных условиях // Вестник Финансового университета. 2011, № 4.

²³⁸ Ф. Картаев. Полезно ли инфляционное таргетирование для экономического роста? // Вопросы экономики, 2017, № 2.

²³⁹ Reinhart C. M., Rogoff, K. S. Growth in a Time of Debt // American Economic Review: Papers & Proceedings, 2010, 100, pp. 573-578.

²⁴⁰ Checherita C., Rother P. The Impact of High and Growing Government Debt on Economic Growth. An Empirical Investigation for the Euro Area // European Central Bank, Worker Paper Series, № 1237, August 2010.

²⁴¹ Panizza, U., Presbitero, A. F. Public debt and economic growth: Is there a causal effect? // POLIS Working Papers, № 198, April 2012.

²⁴² Долговая проблема как феномен XXI века. Монография / под ред. А. А. Пороховского. М.: Макс-Пресс, 2014.

ществственным производством; ко вторым – трудовые ресурсы, систему общего и специального образования, демографические процессы, НИОКР, используемые природные ресурсы, окружающую среду²⁴³. Н.П. Кузнецова называет в числе факторов роста известные факторы производства: рабочую силу человека, производственные ресурсы общества, технологию, природу и сырьевые ресурсы²⁴⁴. Б.П. Плышевский сводит факторы развития экономики к трем группам: 1) реальные факторы (труд, капитал, природные ресурсы и параметры их эффективности), 2) экономические механизмы и инструменты управления и 3) социально-политические факторы. При этом вторая и третья группы воздействуют на рост и развитие косвенно, через влияние на первую группу факторов²⁴⁵. С.С. Губанов подразделяет факторы роста на главные и второстепенные, прямые и косвенные. В числе главных прямых факторов называются: промышленные капиталовложения, инновации и высокие технологии, компьютеризированные рабочие места, покупательная способность денег, производительность труда, техническое и организационное строение производства и т.п. В числе главных косвенных факторов отмечаются: критерии и системы оплаты труда, принципы и порядок налогообложения, механизм ценообразования, механизмы слияний и поглощений корпораций²⁴⁶. Е.И. Лавров и Е.А. Капогузов выделяют три группы факторов экономического роста: факторы предложения, факторы, зависящие от распределения, и факторы спроса. При этом к ключевым факторам, влияющим на темпы экономического роста, авторы относят качество трудовых ресурсов, наличие запасов и степень освоенности природных ресурсов, уровень технологического развития общества и социально-экономическое устройство общества (институциональные факторы)²⁴⁷. Д.В. Андросов и А.А. Головин называют в числе факторов роста затраты труда и качество труда, которое зависит от образования, подготовки кадров, профессионализма; объем основного капитала, технический прогресс как наиболее

²⁴³ Камаев В. Д. Развитой социализм: темпы и качество экономического роста. М.: Мысль, 1977, с. 32.

²⁴⁴ Кузнецова Н. П. Экономический рост в историческом контексте. СПб., Изд-во СПбГУ, 1996, сс. 97 – 100.

²⁴⁵ Экономический рост и вектор развития современной России / Под ред. К.А.Хубиева, М., ТЕИС, 2004, с. 167.

²⁴⁶ Там же, с. 39 – 40.

²⁴⁷ Лавров Е.И., Капогузов Е.А. Экономический рост: теории и проблемы: учебное пособие. Омск, Изд-во ОмГУ, 2006, сс. 69 – 70.

важный фактор роста, а также изменения в управлении производством на разных уровнях, наличие и разработку природных ресурсов и прочие факторы, включающие структурные факторы (структура производства и совокупных расходов), условия торговли, социальную, культурную и политическую атмосферу в стране²⁴⁸. И.А. Погосов разграничивает прямые и косвенные факторы роста: к первым он относит факторы производства (труд, капитал, природные ресурсы и технология), ко вторым – состояние денежно-кредитной и бюджетно-налоговой систем, уровень монополизации рынка, конкурентоспособность, деловой климат и т.д.²⁴⁹

Г.М. Мишулин и А.В. Стягун проводят разграничение между источниками и факторами экономического роста. К источникам экономического роста они относят «совокупность социально-экономических, политических и психологических элементов экономической системы, генерирующих импульс роста, воздействующий на сферу общественного производства», а к факторам экономического роста – «явления и процессы, определяющие темпы и масштабы долгосрочного увеличения реального объема производства, возможности повышения эффективности и качества роста», подразделяя их на факторы предложения (труд, земля, капитал, технология) и факторы спроса (структура совокупных расходов и доходов в экономике, а также налоговый климат, эффективность кредитно-банковской системы, монополизация рынка и др.)²⁵⁰. К источникам экономического роста Г.М. Мишулин и А.В. Стягун относят: международные экономические отношения, институты и механизмы принятия и реализации управленческих решений, рост потребностей, конкуренцию и истощение ресурсного потенциала²⁵¹. Данный подход в целом лежит в русле подходов Д. Родрика, Б. Сноудона и Х. Вэйна, с его делением причин роста на ближайшие (факторы производства, спроса) и фундамен-

²⁴⁸ Андросов Д.В., Головин А.А. Измерение и факторы экономического роста // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии, 2010, Т. 4, № 4.

²⁴⁹ Погосов И.А. Факторы долгосрочного экономического роста: научно-технический прогресс и капиталоемкость производства // Проблемы прогнозирования, 2015, № 5, с. 11.

²⁵⁰ Мишулин Г.М., Стягун А.В. Экономический рост: факторы, источники, механизмы. Монография. М.: ЗАО «Издательство современная экономика и право»; Краснодар: Изд. ФГБОУ ВПО «КубГУ», 2012, с. 84.

²⁵¹ Там же, с. 93.

тальные (институты, международная торговля, а также география, детерминирующая природно-ресурсный фактор).

Исследование институциональных факторов экономического роста как наиболее «глубинных» широко представлено в работах отечественных ученых. А. Радыгин и Р. Энтов отмечают, что «в последнее время и представители академического мейнстрима начали склоняться к мысли, что институциональные структуры, а среди них – прежде всего права собственности и права и обязанности, фиксируемые системой контрактов, оказываются наиболее глубоким источником долгосрочного развития и экономического роста»²⁵². А.А. Аузан подчеркивает роль социального капитала, формальных и неформальных институтов и «эффекта колеи» как глубинных факторов, определяющих экономический рост и развитие²⁵³. Социальный капитал как фактор экономического роста исследуется в работах Н.И. Ларионовой²⁵⁴, Т. Натхова²⁵⁵, Л. Полищук, Р. Меняшева²⁵⁶. А.В. Горшков и Е.С. Силова отмечают в числе факторов экономического роста качество институциональной среды, которая включает социокультурные нормы и ценности, правовое поле и институциональные организации²⁵⁷. М.В. Лоскутова прослеживает действие институциональных факторов как воздействие культуры и сферы воспитания и образования, с одной стороны, на человеческий и социальный капитал, а с другой стороны, на правовые и этические нормы и институты, что повышает творческие стимулы, креативность, ускоряя инновации и тем самым экономический рост²⁵⁸. И.В. Рябов, О.О. Смирнова, Е.В. Агапова рассматривают влияние институциональной среды на экономический рост посредством воздействия ее составляющих (культурных норм, законов и регламентов) на ресурсы, технологии, организаци-

²⁵² Радыгин А., Энтов Р. В поисках институциональных характеристик экономического роста (новые подходы на рубеже XX – XXI вв.) // Вопросы экономики, 2008, № 8, с. 6.

²⁵³ Аузан А.А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014; Аузан А.А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика, 2015, № 1.

²⁵⁴ Ларионова Н.И. Экономический подход к социальному капиталу // Экономика образования. 2014, №4.

²⁵⁵ Натхов Т. Образование, социальный капитал и экономическое развитие (обзор основных исследований) // Вопросы экономики. 2014, № 8.

²⁵⁶ Полищук Л., Меняшев Р. Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. 2011, № 12.

²⁵⁷ Горшков А.В., Силова Е.С. Качество институциональной среды как фактор экономического роста // Известия Уральского государственного экономического университета, 2006, № 4 (16).

²⁵⁸ Лоскутова М.В. Социокультурные факторы экономического роста // Социально-экономические явления и процессы, 2011, № 10, с. 115.

онную эффективность и рынки конечной продукции²⁵⁹. И.Е. Рудакова выделяет две группы факторов экономического роста: ресурсные, связанные с динамикой, распределением и накоплением ресурсов, и факторы нересурсного порядка, к которым можно отнести психологические и социальные факторы (мотивацию людей к труду, корпоративную культуру, социальный капитал, инвестиционный климат, доверие)²⁶⁰.

На основании проведенного обзора подходов разных исследователей к источникам и факторам экономического роста представим следующие выводы. Так, в литературе по экономическому росту отсутствует единообразное понимание источников и факторов роста, а также общепризнанная необходимость их специального разграничения, по какой причине эти термины часто употребляются как синонимы. На наш взгляд, необходимо все же разграничивать источники и факторы роста при том, что такое разграничение не является жестким: источники роста могут трактоваться как его исходные факторы и в качестве таковых учитываться при моделировании роста. Критерий разграничения заключается в том, что *источники экономического роста* определяют принципиальную возможность процесса экономического роста, как он был определен в первой главе, являются его необходимыми условиями. *Факторы экономического роста* конкретизируют такую возможность, превращая ее в действительность, или, другими словами, определяют достаточные условия для экономического роста в конкретной национальной экономике.

К источникам экономического роста относится, прежде всего, способность к труду и «технологический потенциал природы» (природные ресурсы, из которых, в конечном счете, производятся все блага). Поскольку способность к труду не может существовать в отрыве от конкретного процесса производства, а для трансформации природных ресурсов в блага необходимы средства производства и научно-технологические знания, то к указанным двум источникам роста следует

²⁵⁹ Рябов И.В., Смирнова О.О., Агапова Е.В. Подходы к оценке влияния институциональных факторов на экономический рост // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2013, № 5, с. 153.

²⁶⁰ Рудакова И.Е. Проблема экономического роста: роль ресурсных и нересурсных факторов // Философия хозяйства, 2015, № 2.

добавить еще два – производительный капитал и технологию в широком смысле как сумму накопленных и используемых в общественном производстве научно-технических знаний. Четыре источника экономического роста соответствуют, таким образом, четырем основным факторам производства (труд (L), капитал (K), природные ресурсы (N) и технология (A)). Если экономический рост имеет место, то в экономике так или иначе взаимодействуют его четыре источника. Однако обратное утверждение неверно: само по себе наличие источников роста не означает, что процесс экономического роста автоматически будет запущен. В противном случае не было бы необходимости в многочисленных исследованиях факторов экономического роста.

Факторы экономического роста – это силы, которые приводят в действие механизм экономического роста, его четыре источника. Если для источников роста в экономике сложилась благоприятная социокультурная среда, выстроена оптимальная система институтов, проводится грамотная экономическая политика, соблюдается баланс между спросом и предложением, осуществляется оптимальное распределение доходов и т.д., то этого достаточно для запуска процесса экономического роста. Обратное утверждение неверно: если имеет место экономический рост, это не означает автоматически наличия благоприятной социокультурной среды, экономической политики и т.д., а только то, что механизм экономического роста (его четыре источника) работает. Достаточно же для этой «работы» количество факторов роста может различаться в разных национальных экономиках, а также в разные исторические эпохи.

Таким образом, количество факторов роста потенциально неограниченно. Тем не менее, необходимость в классификации и систематизации факторов экономического роста, позволяет объединить их в близкие группы («пучки факторов») по ряду содержательных критериев. На основе вышеприведенного обзора литературы можно выделить следующие критерии при характеристике факторов экономического роста.

1) *По сфере возникновения:* экономические и неэкономические. Среди неэкономических факторов роста выделены: природно-климатические, географические,

демографические, геополитические, социокультурные, политические. Отметим, что деление по сферам возникновения не является строго дихотомичным: имеются общие области на пересечении различных сфер возникновения факторов роста (например, экономико-географические, экономико-демографические, экономико-политические факторы).

2) *По способу воздействия на экономический рост* – прямые («поверхностные», экзогенные, действующие непосредственно, «ресурсные» – как, например, факторы производства) и косвенные («глубинные», эндогенные, несущие опосредованное воздействие, «нересурсные» – как, например, институты, культура или более частные факторы – доверие, мотивация).

3) *По отношению к национальной экономике*: внутренние, формирующиеся в рамках национальной экономики, и внешние, связанные с международной торговлей, экономическим взаимодействием стран и т.д.;

Экономические факторы следует рассматривать в нескольких ракурсах:

- *по отношению к процессу воспроизводства*: реальные и финансовые (монетарные) факторы;

- *по отношению к хозяйственному механизму*: структурные и институциональные факторы; структурные факторы, в свою очередь, могут быть классифицированы на факторы совокупного спроса (например, соотношение внутреннего и внешнего спроса, норма инвестиций), факторы совокупного предложения и факторы распределения. При этом следует учитывать двойственность трактовки факторов предложения – с одной стороны, это фактор структуры совокупного продукта в «натуральной» форме (по видам экономической деятельности, по отраслям); с другой стороны, под факторами предложения понимаются характеристики факторов производства (источников роста) – например, уровень и качество человеческого капитала, инфраструктуры, основных фондов, природных ресурсов, инновационность, а также параметры производительности;

- *по уровням*: факторы микроуровня (например, норма сбережений в экономике в целом) и факторы макроуровня (индивидуальные склонности к сбережению).

Указанные классификации факторов роста могут быть дополнены измерением, характеризующим параметры их воздействия на экономический рост: по времени (факторы кратко-, средне- и долгосрочного действия), по устойчивости (постоянные и переменные факторы), по силе (сильнодействующие и слабодействующие факторы), по охвату (интегральные, влияющие на процесс экономического роста в целом, и селективные, оказывающие воздействие на отдельные его параметры), а также по результатам (позитивные и негативные факторы). Например, факторы спроса являются факторами преимущественно краткосрочного действия в отличие от долгосрочных по своему характеру факторов предложения. При этом и факторы спроса, и факторы предложения являются сильнодействующими, поэтому их легче учитывать при моделировании экономического роста в отличие от институциональных, политических, социокультурных, природно-географических и геополитических факторов. В то же время политические и геополитические факторы могут быть весьма сильнодействующими, но неустойчивыми во времени, по какой причине могут не найти адекватного отражения при моделировании роста. Наиболее долгосрочные по своему воздействию, при этом слабо выраженные по непосредственной силе воздействия факторы, - социокультурные, природно-географические, а также связанные с ними геополитические факторы. По большому счету именно эти группы факторов и задают ту «историческую колею», в рамках которой происходит развитие национальной экономики в течение длительного исторического времени.

Наличие в литературе различных классификаций факторов экономического роста тем не менее носит недостаточно системный характер, поскольку большинство исследователей концентрируются на отдельных группах факторов, опуская остальные. Системный подход к экономическому росту диктует необходимость сведения всех выявленных групп его факторов в единую систему, которая носит открытый характер в том смысле, что позволяет включать в себя также новые, ранее не исследованные факторы роста. Систематизированные группы факторов роста, таким образом, образуют пересекающиеся и взаимно вложенные множества, открытые для новых факторов.

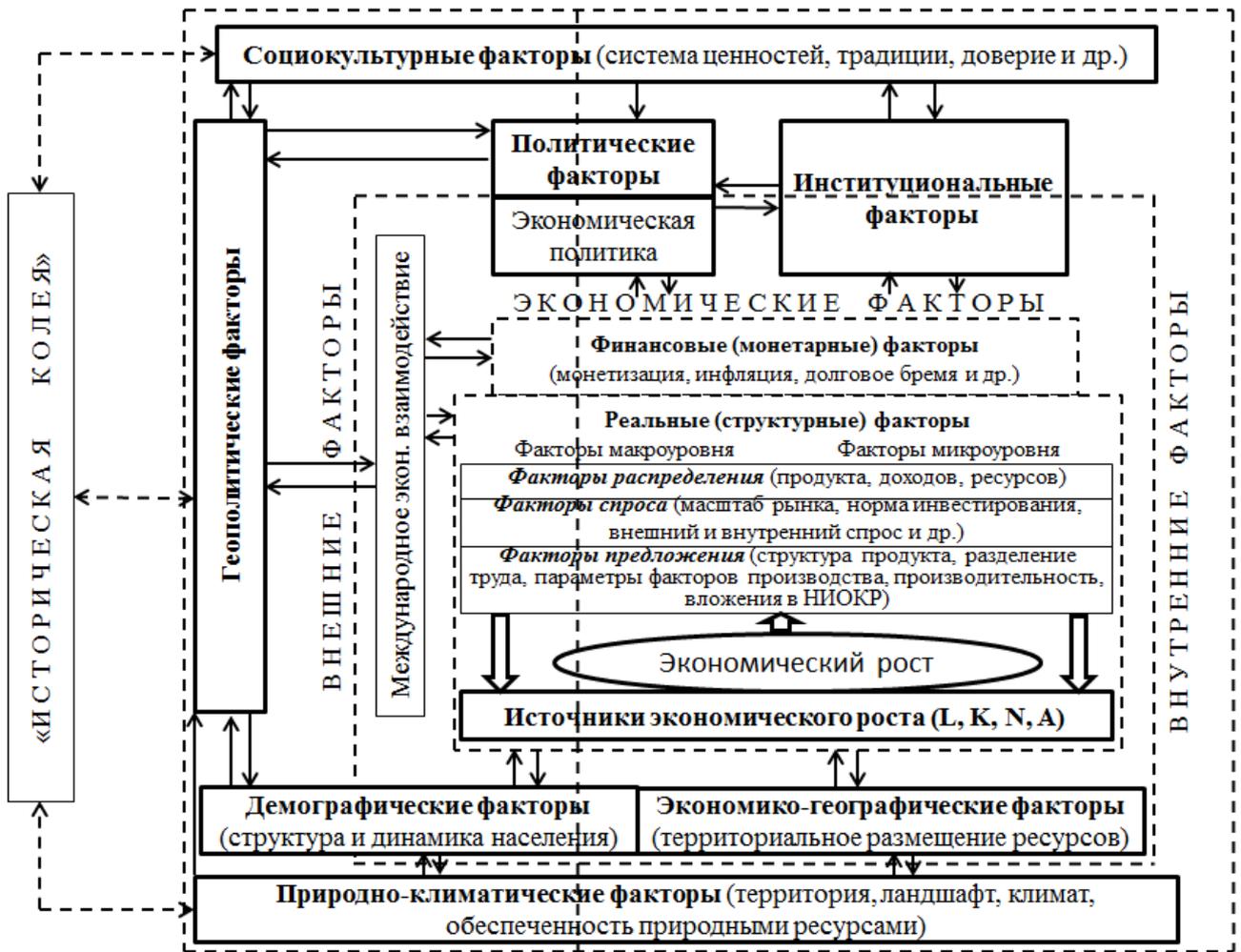

Рис. 1. Система источников и факторов экономического роста.

Система источников и факторов экономического роста представлена на Рис. 1. Сплошными стрелками показаны направления влияния групп факторов на источники роста, а также обратное влияние со стороны результатов экономического роста. Пунктирными стрелками показано формирование долгосрочной «исторической колеи» развития национальной экономики под влиянием групп факторов, а также обратное влияние на указанные группы факторов со стороны сложившейся траектории развития. Влияние экономического блока факторов на источники экономического роста, как и обратные связи в этом блоке, показаны в целом (широкие стрелки), без выделения направлений по отдельным группам факторов.

2.2. Типы экономического роста

Группы факторов, оказывающих длительное и устойчивое воздействие на экономический рост, накладывают отпечаток на его показатели и результаты. *Экономический рост, характеризующийся особым, достаточно устойчивым на протяжении длительного периода времени соотношением факторов и результатов роста, может быть определен как тип экономического роста.* В зависимости от преобладающих факторов роста, специфики его результатов могут быть выделены различные типы экономического роста. Типологии экономического роста могут быть построены по различным критериям. Рассмотрим их более подробно.

1) *По отношению к факторам производства: экстенсивный и интенсивный рост.*

В экономической литературе стандартная типология экономического роста, как правило, сводится к выделению экстенсивного и интенсивного типов роста, а также их смешанных разновидностей. Критерием стандартной типологизации экономического роста является отношение к факторам производства. Так, еще К. Маркс отмечал, что расширенное воспроизводство может осуществляться «экстенсивно, путем строительства новых фабрик в дополнение к старым, или интенсивно, путем увеличения масштаба производства на данном предприятии»²⁶¹. *Экстенсивный рост* – это рост на основе количественного увеличения используемых факторов производства при неизменной технологии их соединения. При этом происходит общее увеличение валового внутреннего продукта (ВВП) страны, но ВВП на душу населения остается неизменным, как и производительность труда. *Интенсивный рост* – это рост на основе качественного совершенствования используемых факторов производства, что означает применение более совершенной технологии их соединения. Количество факторов производства может не увеличиваться – рост достигается за счет повышения производительности каждого фактора, а также многофакторной производительности. Для интенсивного роста характерно: «применение ресурсосберегающих технологий, переход к более эффективным производственным ресурсам, сокращение численности занятых при росте

²⁶¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., Госполитиздат, 1961, Т. 24, с. 360 – 361.

квалификационного уровня рабочей силы, опережение темпа прироста национального продукта по сравнению с динамикой физического объема факторов производства в стране»²⁶². Отметим, что при интенсивном росте происходит увеличение не только общего уровня дохода, но и рост дохода на душу населения, что также отмечается исследователями. Например, В. Лахман прямо разграничивает экстенсивный и интенсивный типы роста по критерию повышения доходов на душу населения²⁶³. Отметим, что исследователи, которые определяют экономический рост через повышение подушевого дохода, по умолчанию не рассматривают экстенсивный тип роста, концентрируя анализ на факторах интенсивного экономического роста. Экстенсивный и интенсивный типы экономического роста являются «чистыми» или «идеальными» типами. На практике встречаются смешанные типы роста с преобладанием экстенсивной или интенсивной составляющей. Соответственно, их можно определить как «преимущественно экстенсивный» или «преимущественно интенсивный» типы экономического роста²⁶⁴. Кроме того, рост факторов производства может происходить неравномерно. В этом случае может выделить такие подтипы экономического роста как капиталосберегающий, трудосберегающий, ресурсосберегающий²⁶⁵.

2) По макроструктурным параметрам: устойчивый и неустойчивый, сбалансированный и несбалансированный рост.

Типология экономического роста возможна по его макроструктурным параметрам: соотношению спроса и предложения в динамике, структуре выпуска и т.д. Так, Р. Харрод отмечал, что экономический рост может носить устойчивый характер, когда совокупный спрос и совокупное предложение растут синхронно, либо принимать различные неустойчивые формы, если нарушается динамическое равновесие между спросом и предложением. В модели Р. Харрода представлены три типа роста по критерию поддержания динамического макроравновесия: фак-

²⁶² Салийчук В.Ф. Экономический рост: теоретические аспекты. Курган, Изд-во Курганского гос. ун-та, 2004, сс. 144 – 149.

²⁶³ Лахман В. Экономика народного хозяйства. М.: Волтерс Клувер, 2008, с. 232.

²⁶⁴ Салийчук В.Ф. Экономический рост: теоретические аспекты. Курган, Изд-во Курганского гос. ун-та, 2004, с. 155.

²⁶⁵ Лавров Е.И., Капогузов Е.А. Экономический рост: теории и проблемы: учебное пособие. Омск, Изд-во ОмГУ, 2006, сс. 28 – 29.

тический, гарантированный и естественный. *Фактический рост* - реально наблюдаемый рост выпуска при сложившейся норме сбережений и коэффициенте капиталоемкости продукции. *Гарантированный рост* определялся Р. Харродом исходя из ожиданий предпринимателей как «тот всеобщий темп продвижения вперед, который, будучи осуществлен, оставил бы предпринимателей в настроении готовности продолжать и дальше двигаться таким же образом»²⁶⁶. Иначе говоря, гарантированный рост – это рост при полной загрузке капитального оборудования. *Естественный рост* в модели Харрода – это рост при полной занятости трудовых ресурсов. Он определяется темпом роста предложения труда и темпом роста его производительности.

Р. Харрод допускал возможность расхождения между темпами фактического, гарантированного и естественного роста, тем самым подкрепляя вывод Дж. М. Кейнса о внутренней нестабильности, присущей капиталистической системе. Однако в дальнейшем «мэйнстрим» теории экономического роста сместился в сторону неоклассического направления с его предпосылками о гибкости цен и ресурсов в долгосрочном периоде и автоматическом достижении равновесия спроса и предложения, поэтому типология Р. Харрода не получила широкого распространения, за исключением ряда исследований роста в развивающихся странах, для которых были характерны определенные структурные диспропорции.

Так, в кейнсианских теориях «большого толчка», уделявших повышенное внимание структурной перестройке экономики и становлению развитого промышленного сектора, были выделены сбалансированный и несбалансированный типы роста. Р. Нурксе трактовал сбалансированность как соответствие спроса и предложения. На начальном этапе модернизации такой сбалансированности нет. Однако синхронное приложение капитала к широкому кругу отраслей материального производства позволит преодолеть узость рынка развивающихся стран и обеспечить сбалансированный рост. При этом набор инвестиций, согласно Р.Нурксе, тоже должен быть сбалансирован (по отраслям, секторам), что требует огромного количества финансовых ресурсов, а они у стран «третьего мира» огра-

²⁶⁶ Цит. по: Теория капитала и экономического роста / Под ред. С.С.Дзарасова. М., Изд-во МГУ, 2004, с. 196.

ниченны²⁶⁷. В отличие от Р.Нурксе, А.Хиршман предложил концепцию несбалансированного роста. Первоначальные инвестиции нарушают равновесие – выпуск растет быстрее в том секторе, куда направляются инвестиции, что приводит к изменению отраслевой структуры экономики.²⁶⁸ Дальнейшее развитие концепция сбалансированного роста получила в работах Х. Зингера²⁶⁹ и Х. Лейбенштейна²⁷⁰. Х. Лейбенштейн сосредоточил анализ на двух группах факторов: стимулирующих и тормозящих рост. К первым он отнес инвестиционную активность, ко вторым – т.н. предпринимательскую деятельность с нулевым результатом, сопротивление нововведениям, высокий уровень непроизводственного потребления и др. Для модернизации экономики требуются крупные инвестиции (12-15% национального дохода), но на добровольной основе их мобилизовать невозможно, поэтому приходится прибегать к мерам бюджетно-налоговой и кредитно-денежной политики. В более поздних неоклассических вариантах теории сбалансированного роста Дж. Фея и Г. Раниса рассматривается ситуация, когда для поддержания роста необходимо перераспределение ресурсов из одного сектора экономики в другие (в частности, из сельского хозяйства в промышленный сектор)²⁷¹. Модель сбалансированного роста была характерна для послевоенного развития Японии, Тайваня, Ю. Кореи. В этих странах наблюдался последовательный переход в приоритетах развития от сельского хозяйства к легкой промышленности и далее к тяжелой промышленности и точным технологиям, что нашло отражение в модели «летающих гусей» К. Акамацу²⁷². Как отмечает Селищев А.С., по траектории несбалансированного роста развивались Китай и КНДР, где осуществлялось приоритетное развитие тяжелой промышленности за счет сельского хозяйства и легкой промышленности, делался упор на капиталоемкий рост²⁷³.

²⁶⁷ Nurkse R. *Equilibrium and Growth in the World Economy*. Cambridge, 1961.

²⁶⁸ Hirshman A.O. *The Strategy of Economic Development*. New Haven, 1961, p. 50-54.

²⁶⁹ Singer H.W. *International Development: Growth and Change*. N.Y. 1964.

²⁷⁰ Leibenstein H. *Economic Backwardness and Economic Growth*. N.Y., 1957.

²⁷¹ Квашнина Н.А. *Экономический рост и инвестиционный процесс: вопросы методологии, теории и практики (региональный аспект)*. Иваново. Ивановский гос. Ун-т, 2004, сс. 45 – 48.

²⁷² Akamatsu K. *A Theory of Unbalanced Growth in the World Economy* // *Weltwirtschaftliches Archiv*. 1961, № 86.

²⁷³ Селищев А.С. *Сравнительный анализ моделей экономического роста (на примере стран Восточной Азии)*. СПб, 1995, с. 15.

Хотя теории «сбалансированного роста» были разработаны применительно к развивающимся странам, понятие «сбалансированного» и «несбалансированного» роста можно использовать и для характеристики экономического роста в развитых и бывших социалистических странах. *Сбалансированный экономический рост* можно определить как такой тип экономического роста, при котором макроструктурные параметры (соотношение спроса и предложения, потребления и инвестиций, структура отраслей и т.д.) претерпевают незначительные колебания вокруг некоторого устойчивого состояния. Напротив, *несбалансированный тип экономического роста* означает, что макроэкономическая структура претерпевает существенные изменения по важнейшим параметрам. При этом такие изменения могут оцениваться как со знаком «плюс», так и со знаком «минус» - например, если в ходе экономического роста происходит примитивизация отраслевой структуры экономики, снижение доли отраслей, производящих продукцию с высокой добавленной стоимостью, усиление износа основных фондов, деградация человеческого капитала и т.д. Понятие «голландской болезни» относится к одному из случаев несбалансированного роста со знаком «минус». Другой термин, характеризующий подобную ситуацию и часто применяющийся при характеристике особенностей роста российской экономики в 2000-е гг., - «рост без развития»²⁷⁴.

3) *По характеру международного экономического взаимодействия: импортозамещающий и экспортоориентированный рост.*

В основе третьей типологии экономического роста находится отношение роста к внешнеэкономическим факторам – прежде всего, к фактору международной торговли. Если экономический рост ориентирован на отечественное производство, замещающее импортируемую продукцию, то такой тип роста определяется как *импортозамещающий*. Напротив, экономический рост называется *экспортоориентированным*, если его ведущим фактором становится экспорт продукции, а в формировании совокупного спроса существенная доля приходится на внешний спрос. В реальности может иметь место и смешанный тип роста по указанному

²⁷⁴ Губанов С. Рост без развития // Экономист, № 9, 2003; Губанов С. Рост без развития и его пределы // Экономист, № 4, 2006.

критерию, когда по одним позициям (товарным группам) происходит импортозамещение, а другие отрасли, наоборот, усиливают свою экспортную ориентацию. Для Японии и новых индустриальных стран Юго-Восточной Азии во второй половине XX в., а также современного Китая характерен экспортоориентированный рост. Страны Латинской Америки в 1960-е – 1980-е гг., напротив, ориентировались на импортозамещающий тип экономического роста.

4) По особенностям действия политико-институциональных факторов.

Типологии экономического роста могут быть выстроены и по особенностям действия косвенных (в другой формулировке – «глубинных») факторов роста. Так, У. Баумоль, Р. Литан и К. Шрам рассмотрели четыре модели капитализма и их влияние на экономический рост. Они выделили «государственно-регулируемый капитализм», «олигархический капитализм», «капитализм больших фирм» и «предпринимательский капитализм»²⁷⁵. «Государственно-регулируемый капитализм существует там, где правительство, а не частные инвесторы, определяет, какие отрасли и даже какие отдельные фирмы должны расти. Инструменты экономической политики затем используются, чтобы помочь избранным «победителям»²⁷⁶. В качестве примеров приводятся Япония и Южная Корея, а также ряд стран Юго-Восточной Азии при том, что элементы такого подхода присутствуют и в странах Европы (Франция, Германия), и в США. Можно отнести, с некоторыми оговорками, в первую группу и тип экономического роста в СССР (начиная с 1930-х гг.), хотя он, строго говоря, происходил вне рамок «капитализма».

Вторая модель – «олигархический капитализм» – существует там, где государство и его институты ориентированы на реализацию интересов крайне узкого круга лиц, или правящей автократии и ее друзей и родственников²⁷⁷. Экономический рост в таком обществе не является центральной задачей правительства, поскольку оно сосредоточено, прежде всего, на поддержке и улучшении положения немногочисленных олигархических групп, контролирующих основные ресурсы страны.

²⁷⁵ Baumol W.J., Litan R.E., Schramm C.J. Good capitalism, bad capitalism, and the economics of growth and prosperity. Yale University Press, New Haven, London, 2007, pp. 60 – 61.

²⁷⁶ Ibid, p. 62 – 63.

²⁷⁷ Ibid, p. 71.

Экономический рост может поддерживаться, если он позволяет правящей элите повысить накопление в своих руках национального богатства. Экономический рост при олигархическом капитализме характеризуется высокой степенью имущественного неравенства, значительная доля экономической активности осуществляется в неформальном секторе, широко распространена коррупция. В качестве примера авторы называют страны Латинской Америки. Тем не менее, в отдельных случаях, когда олигархия, сращенная с государством, контролирует сырьевые ресурсы (например, нефть), «олигархический капитализм» может показывать неплохие результаты в достижении благосостояния населения (Саудовская Аравия, ОАЭ).

«Капитализм больших фирм» - модель капитализма, в которой экономическая система определяется крупными компаниями, основатели которых либо отошли от дел, либо не сохраняют контроля за их деятельностью. Имеется широкий круг собственников таких компаний (включая институциональных инвесторов), а непосредственное управление осуществляют наемные менеджеры, что порождает противоречия в отношениях «принципал – агент»²⁷⁸. Данную модель капитализма можно также охарактеризовать как «олигополистический капитализм». У. Баумоль, Р. Литан и К. Щрам распространяют ее на современные США, Западную Европу, Японию, Южную Корею. Как показал еще Дж. К. Гэлбрейт²⁷⁹, данная модель капитализма способствует экономическому росту, однако, имеет и свои недостатки. Исследователи отмечают, что инновационный процесс в «больших фирмах» рутинизируется, хотя из-за своих масштабов такие компании способны массово выпускать продукцию, являющуюся результатом их инноваций. При этом большим компаниям выгодно лишь адаптировать продукцию, делая ее более «дружественной к потребителю», вместо того, чтобы осуществлять радикальные нововведения. Последние зачастую приобретаются крупными компаниями у более мелких фирм, которые их впервые осуществили. Сохраняется опасность «обюрокративания» крупных фирм, снижения их стремления к инновациям, что

²⁷⁸ Ibid, p. 80.

²⁷⁹ Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. Избранное / Дж. К. Гэлбрейт. – М.: Эксмо, 2008.

ставит под угрозу будущее современного экономического роста. При этом в США сохраняется устойчивость корпоративного «ядра». Как показывает список 500 крупнейших корпораций, составляемый журналом «Форчун», ряд корпораций – лидеров американского бизнеса – неизменно сохраняют свои позиции в списке с 1954 г. Это лидеры американского автомобилестроения («Дженерал Моторз» и «Форд») и концерны - представители других отраслей («Дженерал электрик», «Ай-би-эм», «Дюпон», «Эксон мобил», «Боинг», «Проктэр энд Гэмбл», «Кока-кола» и др.). При этом 500 крупнейших корпораций производят почти две трети ВВП США²⁸⁰.

«Предпринимательским капитализмом» У. Баумоль, Р. Литан и К. Щрам называют такую модель капитализма, в которой «большое число агентов в экономике не только имеет высокое стремление и стимулы к инновациям, но также возможности для *коммерциализации* результатов радикальных инноваций»²⁸¹. Экономический рост в этом случае порождается радикальными инновациями (изобретение автомобиля, полупроводников, микропроцессора и т.п.). Однако, в отличие от предыдущих моделей капитализма, «предпринимательский капитализм» не может характеризовать экономику отдельных стран в чистом виде – он сосуществует с другими моделями капитализма – в США, Западной Европе, а также в ряде стран, которые еще недавно можно было целиком отнести к модели «государственно-регулируемого капитализма» (Китай, Индия).

Представленная классификация, хотя и позволяет сгруппировать политико-институциональные факторы роста в четыре группы и на этой основе выделить соответствующие четыре типа роста (*государственно-регулируемый, олигархически-регулируемый, корпоративно-регулируемый и предпринимательский*), но также допускает и различные смешанные варианты, а также одновременное сосуществование разных типов роста в одной национальной экономике, что усложняет их идентификацию. Косвенный характер воздействия на экономический рост

²⁸⁰ Пороховский А.А., Фомина В.С. Большой бизнес в США: динамика и сферы влияния // США – Канада: экономика, политика, культура, 2017, № 10, с. 10.

²⁸¹ Baumol W.J., Litan R.E., Schramm C.J. Good capitalism, bad capitalism, and the economics of growth and prosperity. Yale University Press, New Haven, London, 2007, p. 86.

большинства институциональных и социокультурных факторов затрудняет выделение устойчивых связей между факторами и результатами роста и построение на этой основе дополнительных типологий экономического роста.

5) *По качественным характеристикам факторов и результатов роста: количественный и качественный рост.*

Данная типология экономического роста хотя и близка типологии роста по факторам производства (экстенсивный и интенсивный рост), все же имеет и ряд отличий, поскольку делает акцент на параметрах экономического роста в целом, а не только на показателях факторов производства. *Количественный экономический рост* – экономический рост на основе увеличения количества факторов производства и их производительности в пределах данной совокупности базовых технологий, сопровождающийся количественным увеличением дохода, в том числе на душу населения, в рамках сложившихся жизненных стандартов. Количественный рост характеризуется неизменным технологическим уровнем производства и применяемых базовых технологий, хотя и допускает повышение производительности факторов производства в пределах данного уровня. Уровень жизни растет в количественном отношении: производится и потребляется больше благ на душу населения при неизменных качественных характеристиках этих благ. Массовое производство стандартизированной продукции – пример количественного роста.

Качественный (шумпетерианский) экономический рост – экономический рост на основе повышения качества факторов производства, сопровождающийся качественным улучшением уровня жизни. Он становится связующим звеном между процессами экономического роста и экономического развития. Системная характеристика качественного экономического роста может быть дана с учетом ракурсов рассмотренных в первой главе методологических подходов. С позиций системно-воспроизводственного подхода качественный экономический рост можно определить как такую форму накопления капитала, которая сопровождается качественными сдвигами в структуре производительных сил (например, переходом к более прогрессивным технологическим укладам или к более совершенным технологиям в рамках данного технологического уклада) и производствен-

ных отношений (например, трансформация отношений между «капиталом» и «трудом» в связи с возникновением «среднего класса»). С позиций функционально-экономического подхода качественный экономический рост сопряжен с изменением соотношения между факторами производства (происходит повышение роли «человеческого капитала» и технологического фактора), возрастанием реального дохода на душу населения на основе НТП, а также недоходных параметров жизненных стандартов (свободное время и активный отдых, качество окружающей среды и др.). В последнем аспекте качественный экономический рост отличается от интенсивного типа экономического роста, который, хотя и происходит на основе НТП и повышения производительности факторов производства, но не учитывает недоходные факторы благосостояния. Более того, интенсивный рост, если он связан с интенсификацией использования фактора «труд», может вести к сокращению таких важных для определения качества жизни параметров, как свободное время, социальные взаимоотношения и др. По этой причине отождествлять качественный экономический рост и интенсивный экономический рост неправомерно. С позиций национально-ориентированного подхода качественный экономический рост сопрягается, прежде всего, с процессом национального экономического развития. Важнейшим критерием в этом случае становится соответствие экономического роста и его результатов целям национального экономического развития, в том числе обеспечению национальной экономической безопасности, утверждению прогрессивной и адекватной для страны системы институтов, повышению конкурентоспособности страны в мире, сохранению ценностей национальной культуры и т. д.

От качественного экономического роста как особого типа экономического роста следует отличать качество роста как характеристику экономического роста любого типа по ряду параметров. Качественный экономический рост по определению обладает высоким качеством, но качественные характеристики роста могут быть оценены и для других его типов, при этом отдельные показатели качества могут оказаться высокими, а другие – низкими. Более подробно проблема качества экономического роста будет рассмотрена в третьей главе.

б) По характеру долгосрочного экономического тренда.

Типология экономического роста может проводиться и по параметрам, отражающим внешние проявления роста: характер динамики подушевого дохода, скорость роста по сравнению с другими странами, предыдущим периодом и т.д., ее изменения. Единой системы типов роста в этом случае нет. Так, Л. Притчетт, используя данные по 111 странам за 1960 – 1985 гг. выделил шесть типов экономического роста, назвав их по аналогии с географическими объектами: «крутые холмы», «холмы», «плато», «горы», «равнины», ускорение или «денвер»²⁸².

П. Ромер выделяет «чудеса» и «трагедии» роста: «Чудом роста называют достаточно продолжительный эпизод, на протяжении которого темпы роста в стране значительно превышают среднемировые темпы, в результате чего страна быстро перемещается к вершине мирового распределения доходов. <...> Трагедии роста – это эпизоды, на протяжении которых темпы роста в стране оказываются значительно ниже среднемировых»²⁸³.

При исследовании динамики национальной экономики часто возникает задача сравнения уровней выпуска и дохода за разные интервалы времени, на протяжении которых имели место как долгосрочные подъемы, так и затяжные спады. Особенно актуальна данная задача для российской экономики, которая в XX веке пережила несколько катастроф, отразившихся на характере экономической динамики и тренде долгосрочного экономического роста, прерывавшемся несколько раз в периоды кризисов (последствия Первой мировой войны, революций и гражданской войны; разрушения экономики, произведенные противником в ходе Великой Отечественной войны; «трансформационный кризис» 1990-х гг.). На основе сопоставления экономической динамики и результатов роста за различные периоды развития национальной экономики могут быть выделены следующие типы экономического роста: *восстановительный и компенсирующий рост*.

Концепция восстановительного роста была разработана в 1920-х гг. советскими экономистами В.Г. Громаном и В.А. Базаровым. От прочих типов экономиче-

²⁸² Pritchett L. Understanding Patterns of Economic Growth // The World Bank Economic Review. 2000. Vol. 14. N 2.

²⁸³ Ромер Д. Высшая макроэкономика / пер. с англ. М.: НИУ ВШЭ, 2014. С. 22.

ского роста восстановительный рост отличается тем, что характеризует отдельные, исключительные моменты развития национальной экономики, связанные с восстановлением промышленного потенциала, достижением полной занятости ресурсов. Согласно В.Г.Громану, *восстановительный рост* происходит при использовании ранее созданных производственных мощностей и ранее обученной рабочей силы. Восстановление хозяйственных связей позволяет вновь объединить факторы производства и запустить производственный процесс²⁸⁴. Восстановительный рост отличается неравномерностью – на начальных стадиях для него свойственны высокие темпы, а затем – по мере достижения полной занятости ресурсов – они снижаются. В широком смысле восстановительный рост – тип экономического роста, обеспечивающий достижение докризисных показателей развития производительных сил и уровня жизни. Так «восстановительный рост» советской экономики в 1920-е гг. компенсировал последствия экономической разрухи, вызванной Первой мировой и гражданской войнами. Ряд авторов относят к восстановительному росту также рост, наблюдающийся в России и других бывших социалистических странах в конце 1990-х – 2000-х гг.²⁸⁵. Е.Т. Гайдар подчеркивал, что восстановительный рост в России напрямую связан со сменой социально-экономической системы: «постсоциалистическая рецессия (адаптационный спад производства) и последующее восстановление – это единый процесс, сущность которого заключается в структурной перестройке экономики»²⁸⁶. К.А. Хубиев отмечает, что спад 1990-х гг. и восстановительный рост 2000-х гг. в России являются частью единого процесса – большого трансформационного цикла²⁸⁷.

Следует отметить, что в ходе длительного спада происходит не просто сокращение объемов выпуска, дохода, используемых ресурсов и т.п., а *потеря национальной экономикой исторического времени*. Страны, не испытывающие спада, в

²⁸⁴ Громан В. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруженных в нашем народном хозяйстве // Плановое хозяйство. 1925, № 1,2, с. 101.

²⁸⁵ Гайдар Е.Т. Восстановительный рост и некоторые особенности современной экономической ситуации в России // Вопросы экономики, № 5, 2003; Узиков М.Н. О перспективах экономического роста в России // Проблемы прогнозирования. 2002, № 4.

²⁸⁶ Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М., Дело, 2005, с. 399.

²⁸⁷ Хубиев К.А. Большой трансформационный цикл и императивы посткризисного развития // Проблемы современной экономики, 2010, № 4.

этот период продолжают расти, повышая уровень производительных сил и подушевых доходов. Когда национальная экономика оправляется от кризиса и выходит на докризисные показатели, то остальной мир успевает уйти гораздо дальше, в результате страна нуждается в ускоренном экономическом росте для того, чтобы «догнать» остальной мир или, иначе говоря, компенсировать накопленные потери в ходе кризисного спада и посткризисного восстановительного роста. В этом случае можно рассматривать особый тип роста – *компенсирующий рост* – как экономический рост, необходимый для компенсации накопленных в ходе кризисного спада потерь выпуска, доходов, ресурсов. Накопленные потери могут быть рассчитаны разными способами. Например, путем сопоставления траектории роста мировой экономики (либо группы передовых стран) и траектории экономической динамики (включающей спад и восстановительный рост) данной страны. Другой вариант основывается на методологическом принципе упущенной выгоды. В этом случае фактическая траектория экономической динамики в стране сравнивается с гипотетической траекторией роста страны, которая имела бы место в случае сохранения докризисных темпов роста. Более подробно соотношение трансформационного спада, восстановительного и компенсирующего роста для России будет рассмотрено в пятой главе.

Рассмотренные типологии экономического роста были построены на основе выделения отдельных групп факторов роста и не имели жесткой привязки к процессу развития индустриальной экономической системы в целом. Однако возможно построение и более широкой, системно-исторической типологии экономического роста, основанной на нескольких критериях и соотносимой с этапами социально-экономического развития. Рассмотрим этот вопрос более подробно.

2.3. Системно-историческая типология экономического роста²⁸⁸.

В экономической литературе имеется ряд попыток построения системно-исторической типологии экономического роста. Так, Е.И. Лавров и Е.А. Капогу-

²⁸⁸ При написании данного раздела использовались основные положения работы: Теняков И.М. Системно-историческая типология экономического роста // Журнал экономической теории, 2017, № 4.

зов выделяют *доиндустриальный*, *индустриальный* и *постиндустриальный* типы экономического роста²⁸⁹. При этом доиндустриальный тип роста охватывает несколько веков, предшествующих XIX веку в развитых капиталистических странах, при нем основной отраслью экономики является сельское хозяйство. Индустриальному типу роста соответствует развитие промышленности, он приходится в развитых странах на XIX – XX вв. Постиндустриальный тип роста – «это такой тип экономического роста, когда в центр экономической системы перемещается человек с его потребностями. Его настоящее и будущее – главная забота всего общества»²⁹⁰. На первое место выдвигается сфера услуг, «что касается материального производства, то оно уйдет в основание системы, в фундамент, который никто не будет замечать»²⁹¹.

Представляется, что подобная классификация выходит за рамки теории экономического роста и в большей степени описывает этапы развития экономики (причем в рамках нескольких социально-экономических систем). Следует отметить, что экономический рост в системно-историческом плане рассматривается, начиная с периода становления индустриальной экономики. Разумеется, и в доиндустриальную эпоху имели место периоды расширения производства и повышения доходов населения, однако они не носили устойчивый характер: как показывают исследования²⁹², экономический рост как долгосрочная тенденция увеличения реального дохода, в том числе на душу населения, характерен для индустриальной эпохи. Так, по оценкам, приводимым Т. Пикетти, за период 1 – 1700 гг. мировое производство увеличивалось со среднегодовым темпом 0,1%, так же как и мировое население, в результате производство на душу населения не менялось. Для периода 1700 – 1820 гг. среднегодовой темп роста мирового производства составил уже 0,5%, из которых 0,4% соответствовало среднегодовому темпу роста населения, и только 0,1% приходилось на рост производства на душе насе-

²⁸⁹ Лавров Е.И., Капогузов Е.А. Экономический рост: теории и проблемы: учебное пособие. Омск, Изд-во ОмГУ, 2006, сс. 29 – 36.

²⁹⁰ Там же, с. 32.

²⁹¹ Там же, с. 33.

²⁹² Kuznets S. Economic growth and income inequality // The American Economic Review, Vol. XLV, March, 1955, No 1; Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории / пер. с англ. М.: Изд. Института Гайдара, 2012; Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., Ад Маргинем Пресс, 2015.

ния²⁹³. XIX век продемонстрировал ускорение мировой динамики производства как в абсолютном, так и в относительном (на душу населения) выражении: так, за период 1820 – 1913 гг., по оценкам Т. Пикетти, мировое производство на душу населения росло в среднем на 0,9%. В XX в. этот темп вырос до 1,6%. Однако, показатели XX в. отличаются неоднородностью. По оценкам Т. Пикетти, если для периода 1913 – 1950 гг. характерны крайне низкие темпы роста мирового производства на душу населения (0,9% в год), то для периода 1950 – 1970-х гг., напротив, темпы роста были максимальны за весь XX век, составив 2,8% в год. Следующий подъем пришелся на период 1980 – 2012 гг., но и в этом случае темпы роста не достигали предыдущего максимума, составив только 2,1%²⁹⁴.

Таким образом, в историческом плане рассматривать экономический рост корректнее все же не ранее конца XVIII в. (в наиболее передовых странах), а в целом – с XIX в., что совпадает с началом индустриализации (потому тип «доиндустриального роста» становится избыточным). Что касается «постиндустриального роста», то в настоящее время имеются серьезные сомнения в соответствии теорий «постиндустриальной экономики» реальной экономической практике развитых стран. Как было отмечено в первой главе, «постиндустриальная экономическая система» нигде еще не сложилась, а отдельные «ростки» постиндустриализма вполне вписываются в обновленную индустриальную парадигму.

В работах зарубежных исследователей историческая типология экономического роста привязывается к имевшим место *индустриальным* революциям. Р. Гордон увязывает три исторических типа экономического роста с тремя индустриальными революциями²⁹⁵. Первая индустриальная революция пришлась на 1750 – 1830 гг. и была связана с изобретением парового двигателя, механизацией легкой промышленности, строительством железных дорог и развитием пароходства. Вторая промышленная революция датируется 1870 – 1900 гг., она ознаменовалась внедрением электричества, современного водопровода и породила вал

²⁹³ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., Ад Маргинем Пресс, 2015, с. 88.

²⁹⁴ Там же, с. 107.

²⁹⁵ Gordon R.J. Is US economic growth over? Faltering innovation confronts the six headwinds //CEPR. Policy Insight, No 63, September 2012.

изобретений (автомобили, самолеты, бытовая техника и т.д.). Третья промышленная революция началась с 1960 гг. в связи с изобретением микропроцессора и последующим распространением информационных технологий. Р. Гордон отмечает, что первое удвоение уровня жизни потребовало пять столетий в развитых странах (с 1300 г. по 1800 г.). Затем наметилось ускорение: уровень жизни удвоился в течение XIX в., следующее удвоение заняло 28 лет в период с 1929 г. по 1957 г., новое удвоение заняло 31 год (1957 – 1988 г.). Однако в последующем темпы роста замедлились, в итоге прогноз Р. Гордона пессимистичный: очередное удвоение жизненного уровня может занять до 100 лет²⁹⁶.

Выделенные Р. Гордоном три типа роста недостаточно раскрыты в аспектах влияния на них различных групп факторов (автор подробно раскрывает лишь роль инноваций, неравенства и процессов глобализации в ходе третьей промышленной революции). Системная типология экономического роста может быть развернута более широко.

Построим системно-историческую типологию экономического роста, выделив основные типы роста по отношению к этапам технико-экономического развития. Базовым критерием выступает технико-экономическая основа экономической системы, характер и качество развития производительных сил. Дополнительными критериями являются: доминирующие технологические уклады, качество факторов производства, неравенство в распределении доходов, темпы и устойчивость роста и др. Выделенные по указанным критериям типы роста можно обозначить как системно-исторические, поскольку, с одной стороны, они характеризуются набором параметров, позволяющих выявить системное качество каждого типа роста, а, с другой стороны, они реально представлены в экономической истории человечества как сменяющие друг друга этапы исторического процесса.

Выделим три системно-исторических типа экономического роста: *раннеиндустриальный, зрелый индустриальный и позднеиндустриальный*. Последний тип роста, в свою очередь, может быть подразделен на *информационно-*

²⁹⁶ Ibid, p. 4.

индустриальный и *неоиндустриальный* подтипы. Далее раскроем специфику каждого типа роста подробно в привязке к основным критериям классификации.

1) *Раннеиндустриальный тип роста* соответствует первому этапу индустриализации, начавшейся в Англии в конце XVIII в. и затем распространившейся в Западной Европе, США и России. Технико-экономической основой этого типа роста является механизация экономики: становление системы машинного производства на основе парового двигателя, дополненное в дальнейшем развитием инфраструктуры (прежде всего, это развитие системы железных дорог, морских путей сообщения) и производства средств производства. Раннеиндустриальный тип роста соответствует первой промышленной революции, которая приходится на первые два технологических уклада и в ведущих странах охватывает период с конца XVIII в. до 70-х гг. XIX вв.

Развитие механизации производства в указанную эпоху, тем не менее, требовало использования преимущественно низкоквалифицированной рабочей силы и могло быть удовлетворено за счет вовлечения все возрастающей массы труда в индустриальный сектор, включая детский и женский труд. Практически полная взаимозаменяемость работников, высочайший уровень конкуренции на рынке труда, отсутствие системы социальной защиты трудящихся в совокупности с институциональными факторами, стимулировавшими ускоренное перемещение больших масс людей из деревни в город – все эти факторы способствовали относительному снижению доходов наемных рабочих. В результате рост конечного продукта мог сопровождаться длительным периодом стагнации доходов рабочего класса и возникновением различных «социальных язв» капитализма, что, в частности, было отмечено К. Марксом в «Капитале». Современные исследования подтверждают выводы К. Маркса. Как отмечает Т. Пикетти, с 1800 по 1860 гг. зарплаты рабочих не росли, оставаясь на неизменном уровне, а порой опускаясь даже ниже, чем в XVIII в. Зато росла доля капитала в национальном доходе. И лишь в

период с 1870 по 1914 гг. произошла стабилизация неравенства, но на высоком уровне²⁹⁷.

Для раннеиндустриального типа экономического роста характерна неустойчивость темпов, поскольку экономическая динамика в указанный период была подвержена ярко выраженным колебаниям. В рассматриваемом случае зафиксировать долгосрочную тенденцию экономического роста да еще в отсутствии достаточно разработанной системы показателей, отражающих результаты общественного производства, оказывается проблематично. По этой причине теория экономического роста в XIX в. не сформировалась ни в классической политической экономии, ни в пришедшей ей на смену в ходе маржиналистской революции 1870-х гг. неоклассической теории. В лучшем случае экономисты рассматривали отдельные аспекты экономического роста – увеличение производства, рост доходов, роль факторов труда и капитала в создании и умножении «богатства народов», но требовалось время, чтобы долгосрочная и пока еще слабо выраженная тенденция положительной динамики среднедушевого дохода нашла свое теоретическое отражение. Зато первые теории экономических циклов и кризисов, отражавшие непосредственно наблюдаемую реальность XIX в., были предложены уже в работах классиков политической экономии.

Отметим также, что раннеиндустриальный тип роста характеризовался крайней неравномерностью распространения в мире. В то время как страны «ядра» капиталистической «мир-экономики» вступали в этап индустриализации и пожинали плоды раннеиндустриального роста, страны периферии оставались в значительной степени на доиндустриальном этапе развития. В дальнейшем, однако, ряд стран, чье технико-экономическое развитие шло с запозданием по отношению к ведущим странам, получали шанс «проскочить» или существенно сократить период развертывания раннеиндустриального типа экономического роста, проводя индустриализацию в XX в. уже не на основе угля и пара, а на основе электрификации народнохозяйственного комплекса, и таким образом переходя к следующему типу экономического роста – зрелому индустриальному росту.

²⁹⁷ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., Ад Маргинем Пресс, 2015, с. 26.

В итоге раннеиндустриальный тип экономического роста можно охарактеризовать как рост, основанный на механизации производства, использовании массовой дешевой неквалифицированной рабочей силы, сопровождающийся высокой поляризацией доходов между трудом и капиталом, крайне неустойчивый, подверженный сильным колебаниям и неравномерно распределенный во времени и пространстве.

2) *Зрелый индустриальный тип экономического роста* соответствует второму этапу индустриального развития, второй промышленной революции: развитию машинного производства на основе широкомасштабной электрификации ведущих отраслей экономики и появления электрифицированной системы машин. В ходе зрелого индустриального роста изменяется не только сфера производства, но и сфера потребления. Она также переводится на промышленную электрифицированную основу (многоквартирные дома с системой центрального отопления, единой электрической сетью), что позволяет добиться качественного улучшения условий быта (появление таких товаров как газовые и электрические плиты, холодильники, телевизоры, стиральные машины) и повысить качество жизни в отличие от этапа раннеиндустриального роста, во время которого бытовые условия жизни большинства населения оставались в значительной степени на уровне доиндустриальной эпохи.

Зрелый индустриальный тип роста возникает уже в ходе третьего технологического уклада (конец XIX – 30-е гг. XX в.), но достигает полного выражения в ходе четвертого уклада (30 – 70-е гг. XX в.). Данный тип роста требует нового качества как средств производства (электрифицированная система машин), так и рабочей силы. Массовый неквалифицированный труд уже недостаточен для приведения в действие сложной системы машин. Требуется более высокий уровень человеческого капитала работников по сравнению с тем, который обеспечивал раннеиндустриальный рост. Разумеется, неквалифицированный труд не исчезает полностью, но его доля сокращается. Требование всеобщей грамотности и обеспечение базового уровня образования и здравоохранения диктуется запросами зрелого индустриального роста. Эти требования невозможно обеспечить силами

только «свободного рынка», поэтому объективно возрастает экономическая роль государства, которое из «ночного сторожа» превращается в активного участника экономического процесса: с одной стороны, обеспечивая достаточный уровень подготовки работников, с другой, - регулируя экономическую активность в целях недопущения широкомасштабных кризисов при помощи кейнсианских мер стимулирования совокупного спроса и сглаживания социального неравенства. Соответственно, данный тип роста впервые приводит к повышению доходов не только собственников капитала, но и наемных работников. Формируется «общество двух третей», «государство всеобщего благосостояния», возникает «средний класс». Данная особенность индустриального роста сказалась на выводах некоторых ученых относительно дальнейших перспектив развития капиталистической экономики. Так, С. Кузнец считал, что неравенство в доходах спонтанно уменьшается на поздних стадиях развития капитализма вне зависимости от проводимой политики и особенностей страны и затем стабилизируется на приемлемом уровне. По расчетам С. Кузнеца, доля доходов самых богатых 5% британцев последовательно снижалась с 46% в 1880 г. до 43% в 1910 г., 33% в 1929 г. и до 24% в 1947 г. Доля 85% населения с наименьшими доходами составила 41 – 43% в 1880 – 1913 гг., и повысилась до 55% в 1947 г. В США доля доходов двух нижних квинтилей населения выросла с 13,5% в 1929 г. до 18% после Второй мировой войны, в то время как доля доходов верхней квинтили сократилась соответственно с 55 до 44%²⁹⁸. Как отмечает Т. Пикетти, если в 1910 – 1920-е гг. самые богатые 10% американцев получали до 45 – 50% национального дохода, то уже в конце 1940-х гг. их доля сократилась до 30 – 35%²⁹⁹. Данный вывод был обобщен с введением в научный оборот «кривой Кузнеца», отражающей изменение неравенства в распределении доходов в ходе экономического развития: рост неравенства на начальной стадии развития капитализма и его снижение на стадии зрелого капитализма. Однако, «кривая Кузнеца» отражала опыт развития экономики на основе лишь двух типов экономического роста: раннеиндустриального с его высоким социальным

²⁹⁸ Kuznets S. Economic growth and income inequality // The American Economic Review, Vol. XLV, March, 1955, No 1.

²⁹⁹ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., Ад Маргинем Пресс, 2015, с. 31.

неравенством, и зрелого индустриального роста XX в., характеризовавшегося существенным снижением неравенства. Предсказания будущего снижения неравенства на основе «кривой Кузнецца» не оправдались, так как в 1970-е гг. экономика ведущих капиталистических стран начала переход к новому типу экономического роста, для которого стало характерно новое усиление неравенства.

Отметим, что зрелый индустриальный рост по-прежнему требует использования массовых ресурсов – как капитала, так и труда, и нацелен на производство стандартизированной продукции для массового потребления. Но качество этих массовых ресурсов уже на порядок выше, чем качество массовых ресурсов, соответствующих раннеиндустриальному типу роста. Важную роль в ходе зрелого индустриального роста начинает играть массовый человеческий капитал, создаваемый в ходе всеобщего образования. Работники более не являются абсолютно заменяемыми; для электрифицированной, достаточно сложной системы машин требуются работники с соответствующим уровнем подготовки и квалификации. Повышается роль «техноструктуры» в принятии управленческих решений, на что указывал в своих работах Дж. К. Гэлбрейт³⁰⁰. Если проводниками раннеиндустриального роста в организационно-институциональном плане преимущественно выступали фирмы, находившиеся в индивидуальной частной собственности или в форме партнерства, то зрелый индустриальный рост опирается на корпоративную частную собственность в форме акционерных обществ, где капитал-собственность и капитал-функция во многом разделены. Зрелый индустриальный тип роста наблюдался как в странах классического капитализма – Западной Европе, США, Японии, так и в странах, вставших на путь построения альтернативной социально-экономической системы, – России (СССР) и странах советского блока.

Переход от раннеиндустриального к зрелому индустриальному типу экономического роста в истории ведущих капиталистических стран сопровождался широкомасштабными кризисами, наиболее известным из которых стала Великая депрессия 1930-х гг. Система крупного электрифицированного производства требует для своего устойчивого развития государственного регулирования, и такое ре-

³⁰⁰ Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. Избранное / Дж. К. Гэлбрейт. – М.: Эксмо, 2008.

гулирование в той или иной форме было введено в практику после Великой депрессии. После этого зрелый индустриальный рост смог раскрыть свой потенциал в полную силу – и тридцатилетие роста после Второй мировой войны показало самые высокие темпы повышения национального дохода на душу населения, которые когда-либо наблюдались в истории ведущих капиталистических стран. Так, за период 1950 – 1973 гг. мировой ВВП увеличивался в среднем на 5% в год, подушевой ВВП рос на 3%, а мировая торговля – почти на 8%³⁰¹. В отличие от неустойчивого раннеиндустриального роста, зрелый индустриальный рост в своем наивысшем проявлении носил устойчивый характер и подобный феномен не мог не найти свое теоретическое отражение.

В итоге возникновение теории экономического роста в экономической мысли приходится на эпоху зрелого индустриального роста. Как было отмечено выше, практическая задача обеспечения сбалансированного роста отраслей народного хозяйства и повышения на этой основе национального дохода возникла в плановой экономике Советской России. В итоге, если в мировой экономической мысли тематика экономического роста стала активно разрабатываться в период после Второй мировой войны, то в Советской России первые модели роста появились еще в 1920 – 1930-е гг. При этом в мировой экономической мысли первые (кейнсианские) модели роста описывали в значительной степени еще раннеиндустриальный тип роста: отмечалась неустойчивость роста в рыночной экономике, возможность неполного использования труда (и как следствие – рост безработицы), не уделялось достаточно внимания научно-техническому прогрессу. В неоклассической модели роста, предложенной Р. Солоу, кейнсианские предпосылки были сняты, однако НТП по-прежнему оставался экзогенным фактором роста, не выводимым из модели. Как отмечает Р. Лукас, модель Солоу удачно объясняет фактические данные по США, изученные Э. Денисоном за период 1909 – 1957 гг., когда реальный выпуск в США рос со среднегодовым темпом в 2,9%, занятость в чело-

³⁰¹ Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории / пер. с англ. М.: Изд. Института Гайдара, 2012, с. 469.

веко-часах в 1,3%, а запас капитала в 2,4%³⁰². Однако повышение необъяснимого из модели вклада «остатка Солоу» в динамику подушевого дохода требовало разработки новой модели роста с эндогенным НТП. Одним из вариантов стала модель Р. Лукаса, в которой был сделан акцент на факторе накопления человеческого капитала³⁰³. Отметим также и разработку в 1930-1940-х гг. системы национальных счетов, благодаря которой стали возможны измерения долгосрочного роста национального дохода.

Таким образом, зрелый индустриальный тип экономического роста можно охарактеризовать как рост, основанный на системной электрификации производства (и в значительной степени - потребления), использовании массовой рабочей силы средней квалификации (с тенденцией к ее всеобщему повышению – роль человеческого капитала усиливалась), сопровождающийся расширением государственного регулирования экономики, и в совокупности приводящий к сокращению поляризации доходов между трудом и капиталом, возникновению «среднего класса», рост – устойчивый, со слабыми циклическими колебаниями и более равномерно распределенный во времени и пространстве по сравнению с раннеиндустриальным типом роста: модернизации в развивающихся странах Азии и Африки в середине XX в. были попытками перехода именно к зрелому индустриальному типу роста.

3) *Позднеиндустриальный тип экономического роста* начал формироваться в развитых странах с 1980-х гг. на основе достижений научно-технической революции 1960-х – 1970-х гг. (третья промышленная революция) и становления экономики знаний и инноваций. Переход от зрелого индустриального к позднеиндустриальному росту сопровождался рядом кризисных явлений (нефтяные кризисы 1970-х гг.) и структурной перестройкой мировой экономики. Материально-технической основой позднеиндустриального роста стало распространение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и формирование 5 технологического уклада с перспективой перехода к 6 укладу. Следует отметить, что ин-

³⁰² Лукас Р. Э. Лекции по экономическому росту / пер. с англ. М.: Изд. Института Гайдара, 2013, с. 43.

³⁰³ Lucas R. On the Mechanics of Economic Development // Journal of Monetary Economics. 1988. Vol. 22(1).

форматизация производительных сил является необходимым условием для их последующей автоматизации, которая находится еще только в начальной стадии развития. Позднеиндустриальный тип роста, таким образом, объединяет в себе два более частных типа роста, которые можно назвать *информационно-индустриальным* (на основе информатизации) и *неоиндустриальным* (основа – автоматизация) типами роста. Остановимся на их характеристике более подробно.

3а) *Информационно-индустриальный тип роста* соответствует росту на основе 5 уклада, в ходе которого происходит информатизация производительных сил. Повышение производительности труда в отраслях материального производства и насыщение базовых потребностей населения в ходе зрелого индустриального роста приводит к высвобождению значительной части рабочей силы, которая перенаправляется в сферу услуг. На смену производству стандартизированной продукции приходит диверсификация производства (в том числе умножение количества стилей, марок, фасонов и т.п. разновидностей продукции одного функционального назначения), что также сопровождается увеличением деятельности в сфере рекламы, маркетинга и послепродажного обслуживания. Согласно классификации «стадий роста» У. Ростоу, наступает стадия поиска качества жизни. Поскольку промышленному сектору не требуется прежнее большое количество работников, избыток рабочей силы направляется в сферу услуг. Это одна из отличительных особенностей индустриально-информационного типа роста: сфера услуг начинает лидировать и по темпам роста, и по доле в ВВП, доходя до 70- 80% в развитых странах. А сопутствующие институциональные изменения (окончательный отрыв доллара от привязки к золоту и становление системы свободно плавающих валют, что сняло последние ограничения на эмиссию денег со стороны ведущих центробанков, прежде всего, ФРС США) способствуют умножению количества разного рода услуг, которые теперь учитываются при определении ВВП. Мощный импульс к развитию получает сектор финансовых услуг, для которых жизненно необходимым оказывается всеобщее распространение ИКТ. Последние позволяют в режиме реального времени совершать многочисленные сделки с финансовыми активами из любой точки земного шара, не требуя какого-либо «мате-

риального» капитала. Финансовый сектор, вооруженный современными ИКТ, постепенно начинает доминировать над реальным сектором экономики, происходит «финансиализация» экономической деятельности.

Роль материального производства как бы отходит на второй план, что было отмечено в многочисленных исследованиях как формирование «постиндустриальной», «информационной» экономики, «Интернет-экономики», «экономики знаний», общества «третьей волны» и т.п. (работы Д. Белла, Э. Тоффлера, В.Л. Иноземцева, О.Н. Антипиной, А.В. Бузгалина, А.И. Колганова и др.³⁰⁴). Однако назвать по аналогии данный тип роста «постиндустриальным ростом» все же некорректно. Как показало развитие экономик ведущих стран в начале XXI в., «постиндустриальная эйфория» оказалась преждевременной, роль индустрии в генерировании тенденций экономического роста не только не исчезла, но даже возросла, что дает повод характеризовать наступающий этап не как «постиндустриальный», а скорее как «неоиндустриальный». Подлинного становления «постиндустриальной экономики» - даже в ведущих странах – так и не произошло, потому представляется правомерным при характеристике данного типа роста оперировать термином «информационно-индустриальный тип роста», подчеркивая тем самым особую роль ИКТ в его формировании.

Следует отметить крайне неравномерное распространение информационно-индустриального роста в мировой экономике. Данный тип роста проявился в 1980-х – начале 2000-х гг. в ведущих развитых странах, прежде всего, в США, а также странах Западной Европы, Японии. Однако по сравнению с периодом зрелого индустриального роста, информационно-индустриальный рост в указанных странах продолжался около 15 – 20 лет и был прерван глобальным экономическим кризисом 2007 – 2009 гг., после которого восстановления прежних темпов роста в развитых странах так и не произошло.

³⁰⁴ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999; Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004; Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология/Под редакцией В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999; Антипина О.Н. Информационная экономика: современные технологии и ценообразование. М., ТЕИС, 2009; Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х т. Издание 3-е. М.: Ленанд, 2015.

На фоне распространения в развитых странах «постиндустриальных» тенденций, в крупнейших развивающихся странах (Китай, Индия, страны Юго-Восточной Азии) продолжалось развертывание зрелого индустриального типа роста, ориентированного на массовое производство и потребление. Дополнительным стимулом явились и процессы «оптимизации» издержек корпорациями развитых стран: перенос реального производства в развивающиеся страны с относительно дешевой и массовой рабочей силой. Развитые страны оставляли за собой, прежде всего, контроль за развитием базовых технологий и регулирование их распространения через систему патентов и лицензий. Таким образом, становление информационно-индустриального типа роста в развитых странах оказалось взаимосвязано с дальнейшим распространением зрелого индустриального типа роста в развивающихся странах.

Важнейшей особенностью информационно-индустриального типа роста (как и в целом позднеиндустриального роста) является переход к использованию качественной, высококвалифицированной рабочей силы и превращение науки в непосредственную производительную силу. При этом неизбежно возникает дифференциация существующей рабочей силы: большая часть работников вытесняется в сферу услуг, зачастую не требующих высокой квалификации и качественного человеческого капитала; меньшая часть работников (с качественным человеческим капиталом) переходит от непосредственного производства товаров к проектированию и управлению производством (сфера НИОКР, автоматизированное производство и т.п.). Массовый индустриальный квалифицированный работник уже не требуется развитым странам, зато возрастает значение специфических компетенций и видов деятельности, не носящих массовый характер. Указанная дифференциация является одним из факторов, способствующих усилению неравенства в распределении доходов, которое наблюдалось на протяжении последних тридцати лет, что было отмечено, в частности, в отчете ОЭСР³⁰⁵.

Помимо усиления неравенства доходов и дифференциации факторов производства, становление информационно-индустриального типа роста сопровожда-

³⁰⁵ The productivity-inclusiveness nexus. OECD. Paris, 1-2 June 2016. <http://www.oecd.org>

лось крупнейшими геополитическими и геоэкономическими событиями: распад СССР и социалистического лагеря, возникновение группы «стран с переходной экономикой» из числа бывших социалистических стран, усиление процессов глобализации и формирование «однополярного мира» с претензией на ведущую роль со стороны США, ослабление государственного регулирования, характерного для этапа доминирования зрелого индустриального роста, и ускорение формирования транснационального капитала в форме ТНК и ТНБ, оптимизирующего издержки и прибыль на глобальном уровне. Однако мировой экономический кризис 2007 – 2009 гг. обнажил противоречия сложившейся системы мирового экономического развития. Гипертрофированное разбухание финансового сектора поставило под угрозу развитие реальной экономики, а сфера услуг в отрыве от материального производства оказалась недостаточна для поддержания устойчивого экономического роста. Насыщение экономик развитых стран технологиями 5 уклада показало, что информатизация автоматически не приводит к формированию «постиндустриального общества». Таким образом, в рамках позднеиндустриального типа роста наметился сдвиг к его новому подтипу, который выше был определен как *неоиндустриальный рост*.

Сомнения в отношении «постиндустриального» характера будущего общества, возникшие среди ряда ученых, привели к формированию «неоиндустриальной парадигмы» исследований процессов развития современной экономики, которая получила теоретическое и методологическое обоснование, прежде всего, в работах С.С. Губанова. Им был обоснован тезис о двухфазном характере индустриализации. Если первая ее фаза заключается в электрификации производительных сил, то вторая фаза состоит в их всеобщей автоматизации. «Автоматизировать можно лишь такие и только такие средства производства, которые уже электрифицированы»³⁰⁶. Автор также подверг критике тезис о «доминировании сектора услуг» в экономике развитых стран. Обращаясь к данным межотраслевых балансов, С.С. Губанов показал, что доля производства средств производства во всех

³⁰⁶ Губанов С.С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист, 2008, № 9, с. 17.

странах «большой семерки» превышает 50%, а роль сферы услуг искусственно преувеличивается, в том числе из-за особенностей статистической методологии учета видов деятельности и занятых в этих видах деятельности.

По вопросам неоиндустриализации развернулась широкая дискуссия (см. публикации А. Амосова³⁰⁷, Н.А. Душковой³⁰⁸, В.Л. Иноземцева³⁰⁹, В.М. Кулькова³¹⁰, В.Г. Наймушина³¹¹, Е.А. Поздняковой³¹², В.Т. Рязанова³¹³, Н.Н. Семенов³¹⁴, С.Д. Бодрунова³¹⁵ и др.) Исследователи подтверждают тезис о том, что «индустрия» в развитых странах никуда не исчезает, поскольку при внимательном рассмотрении «оказывается, что в основе многих новых достижений лежали преимущественно изменения в самом индустриальном базисе или сопряженные с ними, а за «постиндустриализм» выдавалось то, что можно было бы считать качественно новым этапом индустриального общества»³¹⁶.

Идея продолжения индустриализации развивается и западными исследователями – в форме «третьей промышленной революции»³¹⁷ и тем более «четвертой промышленной революции»³¹⁸, которая началась на рубеже XXI в. Как отмечает К. Шваб, «ее основные черты – это «вездесущий» и мобильный Интернет, миниатюрные производственные устройства (которые постоянно дешевеют), искусственный интеллект и обучающиеся машины»³¹⁹. В. Байнев подчеркивает станов-

³⁰⁷ Амосов А. К дискуссии о новой индустриализации // Экономист, 2009, № 6.

³⁰⁸ Душкова Н.А. К дискуссии по вопросу об обществе будущего: постиндустриальном или неоиндустриальном // Вестник Воронежского государственного технического университета, 2013, № 4, том 9.

³⁰⁹ Иноземцев В. Будущее России – в новой индустриализации // Экономист, 2010, № 11.

³¹⁰ Кульков В.М. О позиционировании новой индустриализации // Экономист, 2014, № 10; Кульков В.М. Постиндустриализация или новая индустриализация // Проблемы современной экономики, 2014, № 3.

³¹¹ Наймушин В.Г. «Постиндустриальные» иллюзии или системная «неоиндустриализация»: выбор современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2009, № 2.

³¹² Позднякова Е.А. Неоиндустриализация как новый этап экономического развития // Журнал экономической теории, 2013, № 1.

³¹³ Рязанов В.Т. Новая индустриализация России как реальная цель и постиндустриальный идеал // Проблемы современной экономики, 2014, № 4; Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016.

³¹⁴ Семенова Н.Н. Неоиндустриальная модернизация как закономерный этап общественного развития // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2015, № 31.

³¹⁵ Бодрунов С.Д. Новое индустриальное общество. Структура и содержание общественного производства, экономические отношения, институты // Экономическое возрождение России, 2015, № 4; Бодрунов С.Д. Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты // Экономическое возрождение России, 2016, № 2.

³¹⁶ Кульков В.М. Постиндустриализация или новая индустриализация // Проблемы современной экономики, 2014, № 3, с. 53.

³¹⁷ Rifkin J. The Third Industrial Revolution. Palgrave Macmillan, 2011.

³¹⁸ Шваб К. Четвертая промышленная революция: пер. с англ. М.: Издательство «Э», 2017.

³¹⁹ Там же, с. 16.

ление благодаря компьютеризации и Интернету «интеллектуальных предприятий и интеллектуальных производственных систем», т.е. развертывание «интеллектуализации производства в целом»³²⁰. Однако, следует отметить, что третья и четвертая промышленные революции дифференцированы не так четко, как первая и вторая, и в значительной степени перетекают друг в друга. Как отмечает Р. И. Капелюшников, «разговоры о Четвертой промышленной революции начались, хотя ее плодов – во всяком случае пока – в общем-то и не видно. <...> По существу, предметом обсуждения оказывается не столько реальное, сколько некое ожидаемое положение вещей, относительно которого ни у кого не может быть уверенности — наступит оно или нет. В этом смысле характерно, что многие исследователи расценивают происходящие сегодня технологические изменения не как проявления уже наступившей Четвертой, а всего лишь как «хвост» Третьей промышленной революции – как ее отдаленные, причем ослабленные, последствия»³²¹.

По этой причине правомерно объединить информационно-индустриальный тип роста (соответствующий третьей промышленной революции) и неоиндустриальный тип роста (которому в большей степени соответствует четвертая промышленная революция при всей неоднозначности данного явления) в рамках более общего – позднеиндустриального типа роста.

3б) Неоиндустриальный тип роста. Что касается характеристик собственно неоиндустриального типа роста, то они остаются все еще достаточно противоречивыми, поскольку данный тип роста только начинает свое становление. Его основу, исходя из логики развития производительных сил, будет составлять полностью автоматизированное производство (а в перспективе – и потребление). Соответственно меняются требования к факторам производства. Повышаются требования к квалификации и качеству труда – работник превращается в управляющего системой машин. Многие профессии, не требующие высокой квалификации, отмирают, поскольку соответствующие виды деятельности могут выполняться ав-

³²⁰ Байнев В. «Четвертая промышленная революция» как очередной этап экономической интеграции // Экономист, 2017, № 2, с. 5.

³²¹ Капелюшников Р.И. Технологический прогресс – пожиратель рабочих мест? // Вопросы экономики, 2017, № 11, с. 113.

томатикой. Это, с одной стороны, обостряет проблему распределения доходов, так как поляризация доходов между низкоквалифицированными и высококвалифицированными работниками усиливается. С другой стороны, при отмирании низко- и даже среднеквалифицированного труда исчезает и основа для поляризации доходов. Как отмечает А. Сундарараджан, история механизации отдельных отраслей не подтверждает прогнозов о возникновении чрезмерного уровня безработицы: например, в США, доля занятых в сельском хозяйстве снизилась с 41% в 1900 г. до 2% в 2000 г., а призрак безработицы в масштабе всей экономики так и не материализовался³²². Угроза роста «технологической безработицы» вследствие роботизации в целом не подтверждается, делает вывод Р. И. Капелюшников на основе систематизации многочисленных исследований о влиянии технологических инноваций на занятость³²³. При этом «роботизация, в отличие от компьютеризации ведет к снижению спроса на низкоквалифицированную и к увеличению спроса на высококвалифицированную рабочую силу, но не к падению спроса на работников средней квалификации. Иными словами, от роботизации следует ожидать скорее улучшения (upgrading) структуры рабочих мест, чем ее поляризации»³²⁴. Кроме того, роботизация охватывает не столько «профессии» целиком, сколько отдельные операции, поддающиеся автоматизации, в рамках каждой «профессии». Работники же будут переключаться с рутинных на нерутинные операции – даже в пределах одной «профессии», а вовсе не переходить в категорию безработных.

Возникает возможность возродить средний класс, значительно «размытый» в эпоху доминирования информационно-индустриального типа роста, на новой, неоиндустриальной основе. Неоиндустриальный тип роста не совместим с разгулом «финансомики» и требует подчинения финансового сектора интересам реального производства (как это было и в ходе раннего и зрелого индустриального роста), возврату к приоритету реального производства над оказанием финансово-посреднических услуг. Отметим, что в развитых странах переход к неоиндустри-

³²² Сундарараджан А. Будущее работы // Финансы и развитие. Июнь 2017 г.

³²³ Капелюшников Р.И. Технологический прогресс – пожиратель рабочих мест? // Вопросы экономики, 2017, № 11.

³²⁴ Там же, с. 131.

альному типу роста сопровождается процессом реиндустриализации – возвращением ранее выведенных в развивающиеся страны производств, но уже на неоиндустриальной технологической основе. Для России же неоиндустриальный рост связан с решением проблемы деиндустриализации экономики, имевшей место в ходе рыночных преобразований в 1990-е гг. и нерешенной в ходе восстановительного роста экономики в 2000-е гг.

Замедление темпов роста в развитых странах после исчерпания потенциала информационно-индустриального роста 1990-х – начала 2000-х гг. вызвало активное обсуждение в литературе гипотезы новой «вековой стагнации». Как отмечает Р. Капелюшников³²⁵, существуют три версии этой гипотезы: 1) переход экономики с более высокой на более низкую траекторию потенциального роста; 2) сохранение в длительном периоде разрыва между потенциальным и фактическим выпуском, когда экономический рост по сути совмещается с длительной устойчивой безработицей; 3) возврат экономики на прежнюю линию тренда после длительных кризисных потрясений, которые будущий рост еще должен компенсировать. При этом следует отметить, что многие эффекты от нововведений Третьей промышленной революции не поддаются точному денежному учету, а внедрение информационных технологий и робототехники в промышленные отрасли находится еще на начальном этапе. В этой связи можно предположить, что т.н. «вековая стагнация» - это временное снижение темпов экономического роста при переходе от информационно-индустриального к неоиндустриальному типу роста. При этом, для отдельных стран (например, США) такое снижение может и затянуться в той степени, в какой имеет место исчерпание их национально-специфических факторов и условий роста.

Специфика позднеиндустриального типа экономического роста не могла не найти свое отражение в теории экономического роста. Выше уже отмечалось, что даже модель Солоу не совсем точно подходила для описания зрелого индустриального роста, поскольку оставляла необъясненным действие фактора НТП. В 1980-е гг. стала формироваться эндогенная теория роста, главным вопросом кото-

³²⁵ Капелюшников Р. Идея «вековой стагнации»: три версии // Вопросы экономики, 2015, № 5, с. 105.

рой стало включение фактора НТП в модели роста и объяснение его формирования. Если в модели Р. Лукаса делался акцент на человеческом капитале (значение которого для позднеиндустриального типа роста еще больше возросло), то в моделях, берущих свое начало от работы П. Ромера³²⁶, был сделан акцент на механизме возникновения инноваций в ходе экономической деятельности фирм. Данное направление теории роста получило название «шумпетерианская теория роста», поскольку восприняло идею, высказанную Й. Шумпетером в начале XX в. об инновациях как процессе «созидательного разрушения». В настоящее время шумпетерианская теория роста активно развивается, и, что важно, позволяет связать инновационную деятельность фирм на микроуровне и ее последствия в форме современного экономического роста на макроуровне³²⁷.

Подводя итоги, сведем краткие характеристики четырех рассмотренных типов экономического роста в таблицу.

Таблица 6. Системно-исторические типы экономического роста.

Критерий	Типы роста			
	Раннеиндустриальный	Зрелый индустриальный	Позднеиндустриальный	
			Информационно-индустриальный	Неоиндустриальный
Технико-экономическая основа	Механизация	Электрификация	Информатизация	Автоматизация
Соответствующие технологические уклады	Первый и второй	Третий и четвертый	Пятый	Шестой
Результат промышленной революции	Первой	Второй	Третьей	Четвертой
Преобладающее качество труда	Неквалифицированный массовый, отдельные представители высококвалифицированного труда	Среднеквалифицированный массовый с постепенным движением к высококвалифицированному труду	Поляризация труда: высококвалифицированный (наука, НИОКР) и низкоквалифицированный (массовые услуги)	Высококвалифицированный, автоматизация низкоквалифицированного труда
Характер человеческого капитала (ЧК)	Единичный	Массовый (всеобщее начальное и среднее образование)	Рост специфического ЧК при сохранении массового (всеобщее	Специфический ЧК (обучение в течение всей жизни)

³²⁶ Romer P. Endogenous Technological Change // Journal of Political Economy. 1990. Vol. 98(5).

³²⁷ Aghion P., Howitt P. Endogenous growth theory. MIT Press. 1988; Aghion P., Howitt P. A model of growth through creative destruction // Econometrica, 1992, No 60; Aghion P., Akcigit U., Howitt P. What do we learn from Schumpeterian Growth Theory? // NBER Working Paper 18824, Cambridge, February 2013.

			начальное и среднее образование)	
Поляризация доходов населения	Высокая	Низкая	Высокая	Низкая (при устранении неквалифицированного труда)
Устойчивость	Низкая	Высокая	Низкая	Высокая
Роль государства в стимулировании роста	Государство – «ночной сторож»	Активный регулятор экономики и промышленности	Акцент на «политике правил», создании условий для роста	Усиление госрегулирования, новая промышленная политика
Соответствие теоретическим моделям экономического роста	Кейнсианские модели (Р. Харрод, Е. Домар)	Неоклассическая модель (модель Р. Солоу и ее производные)	Модели эндогенного роста с акцентом на человеческий капитал (Р. Лукас)	Шумпетерианские модели роста (П. Ромер, Ф. Агийон, П. Хоуитт)
Хронологический этап в наиболее развитых странах	Конец XVIII – XIX вв. (Англия, Франция, позднее - Германия, США)	1920-е – 1970-е гг. (пик – 1950 – 1970) – США, СССР, Япония. В настоящее время - Китай, Индия	1980-е – середина 2000-х (США, Западная Европа)	С середины 2010-х гг. (США, Западная Европа, возможно формирование евразийского центра роста)

Источник: разработано автором.

2.4. Экономический рост в условиях глобальной турбулентности и «новой нормальности».

Специфика экономического роста в начале XXI в., проявляющаяся в замедлении его темпов (особенно в развитых странах), сочетании роста выпуска и доходов с высокой волатильностью на рынках ресурсов (в частности, сохранением высокого уровня безработицы), во многом связана с сохраняющейся неопределенностью перспектив мирового экономического развития после кризиса 2009 г., которая получила название «новая нормальность» (или «новая реальность»). Впервые данный термин ввел М. Эл-Эриан³²⁸. «Новая нормальность» означает замедление темпов экономического роста в сочетании с неустойчивым характером роста при достаточно высоком уровне безработицы и вялой динамике промышленного сектора. В.Т. Рязанов отмечает, что «восстановительные процессы в посткризисный период отличаются несбалансированностью экономического развития лидирующих стран, которая воспроизводит основные недостатки ранее сформировавшейся спекулятивно-финансовой модели экономики. С этим связана неустойчивость экономического роста, которая способна проявляться в длительной стагнации, а

³²⁸ El-Erian M. Navigation the New Normal in Industrial Countries // Per Jacobsson Foundation Lecture. 2010. URL: www.imf.org

на определенном этапе может смениться новым кризисом»³²⁹. По данным Торговой палаты США³³⁰ темпы роста американской экономики согласно «новой нормальности» в размере 2 % ВВП в течение ближайших 30 лет (к 2042 г.) приведут к неполучению национальным хозяйством США около 13 трлн долл. (в ценах 2005 г.). Эскиндаров М.А. и Перская В.В. отмечают, что «в ментальности социума США доминирует понятие эксклюзивности, избранности миссии США для мирового сообщества, и в этой связи идея новой нормальности практически является неприемлемой для развития национального хозяйства страны»³³¹.

Таким образом, «новая нормальность» различно проявляется в развитых и развивающихся странах. Эскиндаров М.А. и Перская В.В. указывают, что модели экономического развития в США и странах ЕС отличаются от моделей развития Китая, Индии и России. Последние ориентированы на формирование внутреннего потенциала роста, использующие внешние факторы для повышения эффективности национального развития, но не берущие их за основу обеспечения национальной динамики³³².

Неустойчивость перспектив роста мировой экономики остается в центре внимания экспертов МВФ. Так, в Обзоре мировой экономики 2017 г., выпущенном МВФ в октябре, подчеркивается, что, несмотря на повышение прогнозируемых темпов экономического роста как в странах Западной Европы, так и в ведущих развивающихся странах, прежде всего, Китае, устойчивость глобального восстановления мировой экономики после кризиса 2009 г. все еще остается под вопросом³³³. Указывается на следующие факторы, тормозящие долгосрочный экономический рост, которые мы сгруппировали по выделенным ранее критериям: *финансовые факторы и факторы экономической политики* - ужесточение глобальных финансовых условий (в частности, рост долгосрочных процентных ставок в

³²⁹ Рязанов В.Т. Неустойчивый экономический рост как «новая нормальность»? // Вестник Санкт-петербургского университета. Сер. 5., Вып. 4., 2013, с. 4.

³³⁰ Swanson B. Beyond The New Normal: The new era of growth. URL: <https://www.uschamberfoundation.org/bhq/beyond-new-normal-new-era-growth> (дата обращения - 2.12.2017).

³³¹ Эскиндаров М.А., Перская В.В. Можно ли расти без «новой нормальности»? Стратегические инициативы развивающихся экономик // Вестник Финансового университета. 2016, № 5, с. 8.

³³² Там же, с. 11.

³³³ World Economic Outlook. October 2017. IMF, 2017. URL: <http://www.imf.org>

США), сохраняющиеся устойчиво низкие показатели инфляции и номинальных процентных ставок в развитых странах, не оставляющие маневра для проведения стимулирующей денежной политики; наметившееся ослабление финансового регулирования, чреватое возникновением новой финансовой нестабильности; *внешнеэкономические факторы* - сокращение глобальной торговли вследствие усиления протекционистских настроений в ряде стран; *неэкономические факторы*, включающие повышение геополитической напряженности, растущие риски слабого государственного управления и коррупции, террористические угрозы, а также рост экстремальных природно-климатических явления (ураганы, засухи, наводнения и т.д.).

В кратком годовом отчете МВФ под названием «Содействие всеобъемлющему росту»³³⁴ также указывается на ряд факторов, сдерживающих рост мировой экономики, которые можно структурировать по ряду рассмотренных выше критериев, а именно: *внешнеэкономические факторы* (замедление мировой торговли), *факторы предложения* (замедление роста производительности труда), *факторы распределения* (усиление неравенства доходов). По оценкам экспертов МВФ на замедление роста производительности труда влияют, с одной стороны, структурные факторы, а с другой стороны, последствия кризиса 2009 г. Структурные факторы связаны с характеристиками *технологий и рабочей силы* - убывающим влиянием на производительность со стороны информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), нехваткой квалифицированных работников, несоответствием навыков работников требованиям рынка труда, а также с *демографическими факторами* (в частности, старением населения). Последствия мирового экономического кризиса (что можно отнести на счет действия *фактора «исторической колеи»* развития) проявляются в сохранении жестких условий кредита в ряде стран, вялом восстановлении инвестиций, низком совокупном спросе и сохраняющейся неопределенности по отношению к государственной экономической политике. Замедление мировой торговли (*внешнеэкономический фактор*) также оказывает сдерживающее влияние на рост производительности. Кроме того, важную

³³⁴ Годовой отчет МВФ. Содействие всеобъемлющему росту. МВФ, 2017. URL: <http://www.imf.org>

роль играют *факторы распределения*. Как отмечают эксперты МВФ, в странах с развитой экономикой реальные доходы верхнего 1% населения возрастали в годовом исчислении в три раза быстрее по сравнению с остальной частью населения за последние тридцать лет. Как показывают последние эмпирические исследования, систематизированные в работе Ф. Агийона и Дж. Уильямсона³³⁵, рост неравенства скорее оказывает тормозящее, нежели стимулирующее воздействие на экономический рост, следовательно, растущее неравенство, наблюдаемое как в развитых, так и в ряде развивающихся стран, будет приводить к замедлению темпов экономического роста.

Тенденция к замедлению темпов экономического роста была выявлена и проанализирована еще до мирового экономического кризиса 2009 г. в работе Р. Бреннера³³⁶. Р. Бреннер указывает на падение нормы прибыли в ведущих развитых странах, которое наблюдается с 1970-х гг., как фактор замедления темпов экономического роста, поскольку снижение нормы прибыли привело к замедлению темпов роста инвестиций, особенно в промышленности. По оценкам, приводимым Р. Бреннером, в 1973 – 1990 гг. валовой промышленный основной капитал в целом по странам «большой семерки» рос на 35% медленнее, чем в 1950-1973 годах, а в 1980-1990 годах эта разница составляла 50%. Поскольку капитал рос так медленно, темпы роста производительности труда замедлялись вместе с ним: в 1973-1990 годах среднегодовой рост производительности труда в промышленности экономик «большой семерки», взятых в совокупности, составлял примерно 30% от показателя 1950-1973 годов, для экономики в целом отставание составило около 50%³³⁷. Первопричиной долгосрочного системного кризиса прибыльности Р. Бреннер называет «понижательное давление на цены, вызванное избыточными мощностями и перепроизводством – продуктом обострения международной конкуренции»³³⁸. При этом проблема перепроизводства и избыточных мощностей

³³⁵ Агийон Ф., Уильямсон Дж. Экономический рост, неравенство и глобализация: теория, история и политическая практика. М., Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015.

³³⁶ Бреннер Р. Экономика глобальной турбулентности. Развитые капиталистические экономики в период от долгого бума до долгого спада, 1945 – 2005 /Пер. с англ. М., Издательский дом ВШЭ, 2014.

³³⁷ Там же, с. 241 – 242.

³³⁸ Там же, с. 250.

(особенно в промышленности) не могла решиться простым выходом фирм из отраслей с понизившейся нормой прибыли. Как отмечает Р. Бреннер, корпорации, которые занимали в промышленности развитого капиталистического мира главенствующее положение, за годы работы накопили бесценные нематериальные активы, применимые только в своей отрасли, такие как информация о рынках сбыта, контакты с поставщиками и покупателями, и, самое главное, технические знания, поэтому «выход» из отрасли привел бы к обесценению и потере данных нематериальных активов. «Вход» же в другие отрасли был затруднен, в том числе, из-за наличия структурных барьеров (по спросу, по издержкам и т.д.). С другой стороны, 1970-е гг. стали периодом ускоренного роста в странах Юго-Восточной Азии, что порождало дополнительный «вход» новых производителей на промышленные рынки, усиливая проблему перепроизводства и избыточных мощностей. Отметим также, что страны ЮВА находились на этапе становления зрелого индустриального типа роста, в то время как в развитых странах Запада потенциал данного типа роста близился к исчерпанию. Тенденция к повышению в структуре мировой экономики доли развивающихся стран (в том числе таких гигантов как Китай) прослеживается и в начале XXI в. Так, если в 2000 г. доля Китая в мировом ВВП (рассчитанная по паритету покупательной способности) составляла 11,2%, а доля в мировом экспорте – всего 3,1%, то в 2017 г. указанные показатели составили соответственно 17,7% и 10,7%. Напротив, доля США в структуре мировой экономики существенно снизилась: доля в мировом ВВП (по ППС) упала с 21,9% до 15,5%, а доля в мировом экспорте сократилась с 14% до 10,7%. Отметим, что доля России также несколько выросла за указанный период: по ВВП с 2,4% до 3,2%, по экспорту – с 1,3% до 1,6%³³⁹. Укрепление экономических позиций Китая не могло не сказаться на изменении геополитического расклада сил в мире – в данном случае имело место не столько прямое, сколько обратное влияние экономического роста на геополитический фактор. Возвышение Китая и ослабление позиций США приводит и к изменению характера глобализации, ко-

³³⁹ World Economic Outlook. October 2000. IMF, 2000, p. 187; World Economic Outlook. October 2017. IMF, 2017, p. 221.

торая от однополярной формы, характерной для 1990-х – начала 2000-х гг. с безраздельным доминированием США переходит к многополярной форме с выделением нескольких «центров притяжения» или даже центров накопления капитала, если учитывать рассмотренную в первой главе концепцию Дж. Арриги.

Р. Бреннер также подчеркивает, что стабилизация экономик ведущих индустриальных стран в период «долгого спада» достигалась, в том числе, при помощи роста всех форм долга – государственного, корпоративного и потребительского. Правительства развитых стран не решились полностью отказаться от сглаживания делового цикла и позволить низкопроизводительным, низкоприбыльным фирмам закрыться, поскольку такая политика была чревата переходом «долгого спада» в глубокую депрессию с высокими социальными издержками. Отметим, что очередное расширение «долговой экономики» произошло и после кризиса 2009 г. Фактически, как и в середине 1970-х гг., острота структурных проблем (в том числе перепроизводство, избыточные мощности) была сглажена мерами мягкой денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики (политика «количественного смягчения», рост государственного долга для покрытия дефицита бюджета в развитых странах).

Можно сделать вывод, что глобальная турбулентность и «новая нормальность» и формирующийся на ее основе неустойчивый тип роста мировой экономики (а также экономик отдельных стран) – есть форма проявления структурного кризиса перепроизводства, возникающего в ходе становления позднеиндустриального типа экономического роста, в том числе его неоиндустриального подтипа. Как было отмечено выше, развертывания неоиндустриального типа экономического роста в полной мере еще не произошло, социально-экономические последствия так называемой «четвертой промышленной революции» остаются в высокой степени неопределенными, а потому сохраняются и объективные условия для воспроизводства глобальной турбулентности на протяжении длительного периода времени. При этом разные страны (и группы стран) по-разному реализуют потенциал экономического роста в условиях глобальной турбулентности, что связано как с различными этапами развертывания в них зрелого индустриального типа ро-

ста и перехода к позднеиндустриальному росту, так и с действием национально-специфических факторов (как экономических, так и неэкономических), которые формируют особые траектории национального экономического роста и определяют его ключевые параметры. В этой связи правомерно поставить вопрос о формировании *национальных моделей экономического роста*, характеризующихся по ряду критериев. Остановимся на этом вопросе более подробно.

2.5. Национальные модели экономического роста.

Рассмотренные выше системно-исторические типы экономического роста являются общими. Их спецификация с учетом факторов, действующих в конкретных национальных экономиках, позволяет конкретизировать типологию роста и выделить *национальные модели экономического роста*, которые, с одной стороны, есть формы проявления системно-исторических типов роста в национально-специфических условиях, с другой стороны, они характеризуют устойчивые в течение длительного времени особенности экономического роста конкретной национальной экономики с учетом действия всех его факторов – как экономических, так и неэкономических, а также целей экономического развития страны. «Под национальной моделью экономического роста следует понимать такой способ обеспечения динамики и качества национального продукта, который характеризуется использованием определенного набора факторов роста, тем или иным типом роста, спецификой источников финансирования, механизмов его генерирования, отраслевого распределения и др. Такая модель должна также учитывать действие всей совокупности национально-специфических факторов – как экономических (это, прежде всего, факторы производства), так и неэкономических (природно-климатических, географических, геополитических, социокультурных и иных). Кроме того, она должна быть адекватной целям национального развития, включая обеспечение экономической безопасности страны. Эта модель должна вписываться в координаты общей национальной экономической модели»³⁴⁰.

³⁴⁰ Кульков В.М., Каймананов С.В., Теняков И.М. Экономический рост в России: национальная модель, качество и безопасность // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2014, № 38, с. 10.

Национальную модель экономического роста можно сравнить с особым образом устроенным двигателем, который приводит в действие четыре источника экономического роста посредством влияния на них специфической, устойчивой во времени, комбинацией факторов роста. Так, О.С. Сухарев выделяет восемь национальных моделей экономического роста по критерию различного сочетания ресурсных, технологических и институциональных факторов: модель США (в перспективе – Китая); модель роста стран Ближнего Востока; модель прочих развивающихся стран, обладающих ресурсами, но не имеющих своих научно-технических достижений; модель роста стран с переходной экономикой; модель роста отсталых стран; модель роста Японии, Финляндии и Швеции; модель роста Швейцарии и других малых государств; модель Украины³⁴¹.

Имеется опосредованное соответствие национальной модели экономического роста сложившейся в стране модели экономической системы. Радикальная смена национальной модели экономического роста соответствует становлению в стране новой национальной экономической модели, однако эволюционная трансформация национальной модели экономического роста может осуществляться при сохранении неизменных основ сложившейся в стране национальной экономической модели.

Национальная модель роста в конкретной стране не есть нечто неизменное во времени – напротив, в ходе социально-экономического развития страна, как правило, успевает сменить несколько национальных моделей экономического роста по ряду причин. Во-первых, в ходе развития мировой экономики в целом (и, прежде всего, ведущих стран) происходит смена системно-исторических типов роста. Экономические субъекты национальной экономики вынуждены адаптироваться к новым реалиям, в итоге изменяются комбинации факторов роста – одни факторы утрачивают свою силу, другие, напротив, усиливаются, - как результат, происходит смена национальной модели экономического роста естественным путем. Во-вторых, экономические субъекты национальной экономики могут столк-

³⁴¹ Сухарев О.С. Технологические изменения и модели роста экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2013, № 48, сс. 4 – 5.

нуться с вызовами развитию, связанными с особенностями «исторической траектории» конкретной страны. Последствия войн и длительных экономических кризисов, усиление геополитической напряженности, отсутствие выходов к морским путям сообщения и т.д. – все эти вызовы требуют соответствующего ответа. В качестве реакции правящая элита может предпринять определенные действия, что неизбежно отразится на структуре экономики и повлечет изменение модели экономического роста. В этом случае смена модели роста происходит в значительной степени «сверху» и в ускоренном, «ручном» режиме. В качестве примера можно привести переход от *модели восстановительного роста на основе НЭПа*, сложившейся в Советской России в 1920-е гг. после окончания Гражданской войны, к *мобилизационной модели роста в рамках программы индустриализации 1930-х гг.*, вызванный, в том числе, усилением геополитической напряженности и необходимостью для страны в кратчайший срок преодолеть экономико-технологическое отставание от передовых стран.

Каждая национальная модель экономического роста имеет свой внутренний потенциал и «запас прочности», основанный на действии определенной комбинации факторов экономического роста. По мере исчерпания этого потенциала, если не происходит его возмещения или компенсации действием других факторов, эффективность национальной модели роста падает вплоть до полного прекращения экономического роста. При этом новая национальная модель роста может и не сложиться, в результате страна остается на неустойчивой траектории экономической динамики с околонулевыми темпами роста дохода. В качестве примера можно привести *японскую модель* экономического роста, сформировавшуюся после Второй мировой войны и дававшую наивысшую отдачу в 1960-е – 1980-е гг. Однако в 1990-е гг. прежняя японская модель роста исчерпала свой потенциал, а новая модель роста, которая обеспечила бы такие же высокие темпы, как модель 1960-х – 1980-х гг., в стране так и не сложилась. Другой пример: *советская модель* роста 1960 – 1980-х гг. демонстрировала затухающие темпы роста, при этом в экономике происходило усиление структурных диспропорций. В ходе реализации политики «ускорения» и «перестройки» во второй половине 1980-х гг. перей-

ти к новой модели роста (на основе активизации факторов НТП) не удалось, а смена социально-экономической системы в 1990-е гг., сопровождавшаяся трансформационным кризисом, отодвинула задачу поиска адекватной модели экономического роста для России на десятилетие. Сложившаяся в 2000-е гг. модель роста экономики России (в своей основе – восстановительного) была основана на недостаточно устойчивых факторах роста, что привело к исчерпанию ее потенциала после кризиса 2009 г.. Напротив, *китайская модель* экономического роста, сформировавшаяся в конце 1970-х гг., уже более тридцати лет показывает высокие результаты как по темпам роста, так и по ряду социально-экономических показателей, а руководство КНР стремится учитывать мировые тенденции, чтобы заблаговременно корректировать модель роста в стране, стимулируя новые факторы роста взамен выбывающих. Особенности китайской модели экономического роста представлены в работах различных исследователей³⁴².

Сохраняет свою производительность и *американская модель* экономического роста, хотя для нее (как и для национальных моделей роста современных ведущих индустриальных стран) характерны невысокие темпы роста, в отличие от китайской модели. При этом имеются и опасения насчет возможности американской модели генерировать устойчивый экономический рост в будущем. Как отмечает Р. Гордон, ограничения американской модели роста вызваны следующими шестью группами факторов: уходом из экономической активности поколения «бэби-бума» 1960-х гг., что в свое время дало скачок роста отработанного времени труда и, соответственно, ВВП; снижающимися показателями США по качеству человеческого капитала сравнительно с другими странами³⁴³; усилением неравенства доходов; негативными эффектами глобализации (в частности, сравнительное преимущество более дешевой иностранной рабочей силы по сравнению с американ-

³⁴² Prasad E.S., Rajan R.G. Modernizing China's Growth Paradigm // Discussion Paper No 2248, IZA, August 2006; Whalley J., Zhao X. The Contribution of Human Capital to China's Economic Growth // NBER Working Paper No 16592, 2010, December; Максимова Е.И. Экономика Китая: перспективы смены модели экономического роста // Восточная аналитика. 2014. № 4; Мозиас П. М. «Новая нормальность» китайской экономики // Мировая экономика и международные отношения, 2015, № 12; Галаган А.Б., Савинов Ю.А. Эволюция модели экономического развития Китая // Российский внешнеэкономический вестник, 2016, № 6.

³⁴³ Р. Гордон приводит данные международного теста PISA по среднему образованию 2012 г., согласно которым США оказались на уровне ниже среднего по математике, и на уровнях, близких к среднему по чтению и естествознанию. См.: <http://www.oecd.org/unitedstates/PISA-2012-results-US.pdf> (Дата обращения: 25.10.2017).

ской); экологическими ограничениями на выбросы углекислого газа и другие загрязнения; высоким уровнем долговой нагрузки домашних хозяйств и правительства³⁴⁴. Более подробно «взлет и падение» американской модели роста раскрываются Р. Гордоном в соответствующей монографии³⁴⁵.

Отметим, что если в период 1990 – 2000 гг. темпы роста производительности в промышленности США увеличивались в среднем на 4% в год, а в период 2000 – 2007 гг. – на 4,7%, то в последующий период (2007 – 2015 гг.) динамика прироста производительности замедлилась до 1,6% в год, вернувшись к уровню 1987 – 1990 гг. В реальном секторе замедление производительности было выражено еще сильнее³⁴⁶.

Предложенная типология экономического роста, включая выделение национальных моделей роста, основана преимущественно на подходе «второго канона» экономической теории - методе обобщения и теоретического осмысления «конкретных ситуаций», наблюдаемых в ходе экономического развития. Другой подход, характерный для «первого канона», основан на построении формально-математических моделей роста, в которых выявляется взаимосвязь между результатами роста (как правило, в форме повышения доходов) и его факторами. В этом случае термин «модель роста» означает именно такую формализованную взаимосвязь, которая может затем тестироваться на реальных данных самых разных стран. Однако два подхода к определению «модели роста» не являются строго дихотомичными: математическая модель роста может учитывать и те факторы, которые в наибольшей степени характерны для конкретной национальной экономики, превращаясь тем самым из абстрактно-всеобщего математического описания экономического роста в конкретно-прикладную математическую модель роста соответствующей национальной экономики.

³⁴⁴ Ibid, pp. 9 – 10.

³⁴⁵ Gordon R.J. The Rise and Fall of American Growth: The U.S. Standard of Living since the Civil War. Princeton University Press, 2016.

³⁴⁶ Пороховский А.А., Фомина В.С. Большой бизнес в США: динамика и сферы влияния // США – Канада: экономика, политика, культура, 2017, № 10, с. 16.

Глава 3. Качество экономического роста: содержание, измерение, оценка³⁴⁷

3.1. Качество экономического роста: содержание и подходы.

Во второй главе были выделены количественный и качественный типы экономического роста. При этом было отмечено, что качественный экономический рост по определению обладает высоким качеством, но качество роста как набор определенных параметров может характеризовать и другие типы экономического роста (в этом случае одни параметры качества могут оказаться высокими, другие – низкими). По этой причине отождествлять качественный экономический рост и качество роста неправомерно. В этой главе рассмотрим более подробно содержание «качества роста», подходы к его измерению и оценке, а также собственно проблему измерения результатов экономического роста и некоторые нюансы используемых статистических методов измерения.

В развитых странах проблема качества экономического роста впервые стала актуальной в 1970-е гг. в связи с последствиями, которые оказали «нефтяные шоки» на сложившуюся модель экономического роста. Возможности для дальнейшего, преимущественно экстенсивного роста на основе дешевых энергоносителей сузились, что поставило перед производителями задачу разработки новых, энергосберегающих технологий. Повышение степени загрязнения природной среды привело к необходимости ужесточения законодательства в области охраны окружающей среды и требований к стандартам производства. При этом экстенсивный рост в развитых странах привел к широкому насыщению базовых потребностей населения. Как отметил У. Росту, экономика развитых стран из стадии производства товаров массового потребления вступила в стадию «поиска качества жизни»³⁴⁸, что сопровождалось реорганизацией конвейерного производства, переходом к серийному, а не массовому, выпуску, внедрением гибких производственных

³⁴⁷ При написании данной главы использовались отдельные положения работы: Теняков И.М. Современный экономический рост: источники, факторы, качество: Монография. – М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2015, сс. 71 – 103.

³⁴⁸ Rostow W. Politics and the Stages of Growth. 1971.

систем, способных адаптироваться под быстро меняющиеся запросы потребителей. Также следует отметить повышение роли маркетинговой политики фирм, направленной, в частности, на создание и «раскрутку» новых брендов с целью привлечь и удержать потребителей.

В докладе Римскому клубу «Пределы роста»³⁴⁹ была представлена модель динамики потребления ресурсов, основанная на пяти параметрах: численность населения Земли, производство продовольствия, промышленное производство, истощение природных ресурсов и загрязнение окружающей среды. Модель критиковали, в том числе за игнорирование возможностей НТП в преодолении отмеченных авторами «пределов роста», и позднее она подвергалась доработке и модификации³⁵⁰, однако заслуживает внимания сам факт постановки проблемы «пределов» количественного роста и поиска путей ее решения.

К середине 1970-х гг. в развитых странах потенциал развития на основе четвертого технологического уклада был исчерпан. Началось становление пятого технологического уклада, основанного на информационно-коммуникационных технологиях (ключевой продукт – микропроцессор), что сопровождалось и изменениями в характеристиках экономического роста, в частности, выросла роль сферы услуг, которая стала охватывать до 2/3 ВВП.

В России (СССР) во второй половине 1950-х – начале 1970-х гг. проблема качества роста специально не рассматривалась, хотя вопросы экономического роста, его эффективности, результативности всесторонне исследовались в рамках теории общественного воспроизводства. Так, множество исследований было посвящено проблемам эффективности общественного воспроизводства, рассматриваемой через призму «закона неуклонного роста производительности общественного труда». А. И. Ноткиным, Т. С. Хачатуровым, В. В. Новожиловым исследовалась эффективность капитальных вложений, анализировались методы определения нор-

³⁴⁹ Meadows D. H., Meadows D. L., Randers J. W., Behrens III. The Limits to Growth. A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. Universe Book. N. Y., 1972.

³⁵⁰ Meadows D. H., Meadows D. L., Randers J. Limits to Growth: The 30-Year Update. 2004.

мативных сроков окупаемости, учета морального износа техники³⁵¹. В связи с замедлением темпов экстенсивного роста повысилась актуальность вопроса об интенсификации общественного воспроизводства, перехода к интенсивному экономическому росту³⁵².

Таким образом, «проблема "качества роста" стала актуальна в России (СССР) примерно в то же время, что и на Западе, хотя проблема качества роста была первоначально поставлена как проблема оптимальности темпов роста, межотраслевых пропорций, социальной результативности и эффективности роста. Разработки советских ученых по вопросам эффективности воспроизводства и производительности труда послужили основой при выработке показателей качества роста, в числе которых оказался ряд показателей эффективности»³⁵³. В 1980-е гг. проблема «качества роста» приобрела и чисто статистический аспект. Как отмечает В. М. Зубов, «ощущалось все большее несоответствие между фиксируемым приростом национального дохода, производительности труда и наличными товарами в магазине, их качеством, состоянием окружающей среды»³⁵⁴. Отметим, что на Западе проблема несоответствия показателей макроэкономической статистики реальному положению дел в полной мере стала осознаваться совсем недавно, и мировой экономический кризис 2009 г. послужил дополнительным фактором, активизировавшим исследования в этом направлении³⁵⁵.

Обобщая исследования, затрагивающие вопросы, связанные с качеством роста, можно выделить следующие подходы к определению и оценке качества роста.

³⁵¹ См.: Ноткин А. И. Вопросы определения экономической эффективности капитальных вложений в промышленности СССР. М., 1953; Экономическая эффективность капитальных вложений и новой техники / под редакцией Т. С. Хачатурова. М., 1959; Новожилов В. В. Измерение затрат и результатов. М., 1965.

³⁵² См.: Ноткин А. И. Интенсивный тип расширенного воспроизводства // Проблемы экономической науки и практики. М., 1972; Иванов Ю. М. Соотношение экстенсивных и интенсивных процессов в расширенном воспроизводстве. М., 1980; Сорокин Г. М. Закономерности социалистической интенсификации // Вопросы экономики. 1982. № 10.

³⁵³ Теняков И. М. Качество экономического роста как фактор национального развития. Диссертация на соискание ученой степени канд. экон. наук. М., 2007. С. 59–60.

³⁵⁴ Зубов В. М. Качество экономического роста. Красноярск, 1991. С. 5.

³⁵⁵ См.: Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.-P. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. 2009. <http://www.stiglitz-sen-fitoussi.fr>

1. *Структурный подход*: качество экономического роста характеризуется как оптимальность структурных характеристик экономического роста: темпов, пропорций между отраслями и компонентами выпуска – потреблением, накоплением, экспортом и др.

Необходимость пропорционального роста различных сфер общественного производства была доказана еще в «Капитале» К. Маркса (два подразделения общественного производства). В XX в. была разработана модель межотраслевого баланса (МОБ). Первые работы по МОБ проводились советскими экономистами и статистиками в рамках составления плана развития экономики СССР. Так, в 1926 г. ЦСУ СССР был разработан Баланс народного хозяйства за 1923/24 г. под руководством П. И. Попова и Л. Н. Литошенко. В. В. Леонтьев, автор модели «затраты – выпуск», познакомился с работой Попова и Литошенко еще в рукописи и опубликовал ее методологический разбор³⁵⁶. Подход к оценке качества роста в зависимости от структурных аспектов возник позднее. Так, В. Д. Камаев отмечал, что «проблема качества роста состоит в обеспечении оптимального соотношения темпов динамики результатов и факторов производства. Качественная сторона экономического роста характеризуется показателями производительности труда в целом по народному хозяйству, в важнейших отраслях материального производства»³⁵⁷. Качество произведенного национального дохода Камаев предлагал измерять с помощью системы таких показателей, как удельный вес средств производства и предметов потребления в национальном доходе, в продукции промышленности и сельского хозяйства; удельный вес продукции добывающих и обрабатывающих отраслей в совокупном продукте, конечном продукте и национальном доходе и др.³⁵⁸ К. И. Микульский выделял такие критерии качества роста, как экономичность роста, то есть величина затрат, обеспечивающих прирост продукции на 1 %; социальная результативность роста, определяемая как доля предметов потребления в приросте всей продукции материального производства; пропорци-

³⁵⁶ Леонтьев В. В. Баланс народного хозяйства СССР. Методологический разбор работы ЦСУ //Плановое хозяйство. 1925. № 12.

³⁵⁷ Камаев В. Д. Развитой социализм: темпы и качество экономического роста. М.: Мысль, 1977. С. 56–57.

³⁵⁸ См.: там же. С. 66.

ональность роста, т. е. степень близости к оптимальному соотношению темпов роста различных отраслей и участков народного хозяйства³⁵⁹.

В рамках структурного подхода качество роста понимается и как улучшение качественных характеристик конечной продукции. Так, авторы коллективной монографии «Качество и цена экономического роста» отмечали: «Новое качество экономического роста реализуется в значительном повышении темпов роста конечного продукта по сравнению с промежуточным. Необходимо, чтобы сам состав конечного продукта по своим качественным характеристикам соответствовал самым высоким стандартам, складывающимся как в сфере производства, так и в сфере потребления»³⁶⁰.

Наконец, качество роста предлагалось оценивать через соотношение промышленности и сферы услуг, а также экспорта и импорта наукоемкой продукции. Так, В. М. Зубов предложил использовать такие показатели качества роста, как доля наукоемкого производства в ВВП и экспорте; доля услуг в ВВП и экспорте; доля наукоемких услуг в общем объеме сферы услуг, а также доля наукоемких услуг в экспорте сферы услуг³⁶¹.

2. Ресурсный подход: качество экономического роста оценивается как продуктивность первичных («массовых») ресурсов. В этом случае рассматривается соотношение между общим темпом роста выпуска и темпом роста выпуска первичных ресурсов. К последним относят, прежде всего, продукцию трех укрупненных отраслей: сельского хозяйства (включая охоту и лесное хозяйство), рыболовство и рыбководство, добычу полезных ископаемых³⁶². Являясь определенной разновидностью структурного подхода со стороны совокупного предложения, ресурсный подход концентрируется на межотраслевых взаимосвязях в технологических цепочках создания продукта и стоимости.

³⁵⁹ Микульский К. И. Экономический рост при социализме. Современный опыт и перспективы. М.: Наука, 1983. С. 126.

³⁶⁰ Качество и цена экономического роста. (Проблемы хозяйственной реформы) / отв. ред. Э. П. Горбунов. М., 1988. С. 10.

³⁶¹ Зубов В. М. Качество экономического роста. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1991. С. 96.

³⁶² Узяков М. Н. Эффективность использования первичных ресурсов как индикатор технологического развития: ретроспективный анализ и прогноз // Проблемы прогнозирования. 2011. № 2. С. 4.

Разграничение ресурсов на «массовые» и «качественные» было предложено Ю. В. Яременко в рамках концепции многоуровневой экономики³⁶³. Ю. В. Яременко представил национальную экономику как пирамиду хозяйственных уровней, в соответствии с которыми происходит распределение ресурсов. «Хозяйственный уровень – некоторая совокупность подразделений, близких по качественным характеристикам технологий, ресурсов и выпускаемой продукции»³⁶⁴. Качественная категория ресурсов, согласно Ю. В. Яременко, определяется «техническим уровнем средств производства и квалификацией рабочей силы, используемых в целях воспроизводства ресурсов. В конечном счете это связано с длительностью подготовительного цикла, предшествующего моменту вовлечения ресурсов в производство. Подготовительный цикл охватывает формирование квалифицированной рабочей силы, проектирование и освоение необходимого оборудования, создание материалов с требуемыми характеристиками»³⁶⁵. При этом состав «массовых» и «качественных» ресурсов меняется в ходе экономического развития. Источниками пополнения самых низших слоев массовых ресурсов являются «не вовлеченная в общественное производство малоквалифицированная рабочая сила, невозделанная земля, неосвоенные естественные запасы»³⁶⁶.

Ресурсный подход позволяет выделить эффекты компенсации и замещения в ходе экономического роста. Так, один и тот же уровень выпуска может быть достигнут либо за счет использования большого количества низкопроизводительных дешевых массовых ресурсов, либо за счет привлечения небольшого количества дорогих качественных ресурсов.

Современная оценка качества экономического роста в России на основе ресурсного подхода представлена, в частности, в работах М. Н. Узякова³⁶⁷. В основе его методики лежит разделение темпов экономического роста на количествен-

³⁶³ Яременко Ю. В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики. М.: Наука, 1997.

³⁶⁴ Там же. С. 40.

³⁶⁵ Там же. С. 29.

³⁶⁶ Там же. С. 30.

³⁶⁷ См.: Узяков М. Н. Трансформация российской экономики и возможности экономического роста. М.: ИСЭПН, 2000; Узяков М. Н. Экономический рост России: количественная и качественная составляющие // Проблемы прогнозирования. 2004. № 3; Узяков М. Н. Эффективность использования первичных ресурсов как индикатор технологического развития: ретроспективный анализ и прогноз // Проблемы прогнозирования. 2011. № 2.

ную и качественную составляющие. Количественная составляющая оценивается по динамике внутреннего потребления массовых первичных ресурсов, а качественная – по росту их продуктивности³⁶⁸. Используется следующее допущение: при отсутствии качественных изменений в экономике рост производства на 1 % потребует увеличения производства всех видов первичных сырьевых ресурсов также на 1 %. При любых улучшениях технологии и качества продукции использование сырьевых массовых ресурсов для обеспечения того же роста производства возрастет менее чем на 1 %³⁶⁹. По расчетам М. Н. Узякова, продуктивность экономики России в конце 2000-х гг. превышала показатель 1990 г. более чем на 50 %, то есть из данного количества ресурсов в российской экономике производилось в полтора раза больше продукции, чем в 1990 г.³⁷⁰ Однако такая оценка качественных изменений в экономике России представляется завышенной. В частности, М. Н. Узяков оговаривает, что используемый им показатель продуктивности первичных ресурсов существенно зависит от структуры экономики³⁷¹. Повышение доли сферы услуг, что было характерно для экономики России в процессе рыночной трансформации, автоматически повышает показатель «продуктивности» первичных ресурсов. В этой связи более корректно рассматривать «качественную» и «количественную» компоненты роста применительно к выпуску отдельных отраслей материального производства, в которых снижение материалоемкости является достаточно адекватным показателем качественных изменений. Так, по расчетам М. Н. Узякова, в пищевой промышленности, производстве машин и оборудования, строительстве материалоемкость по первичным ресурсам в России соответствует показателям японских отраслей середины 1980 г., в то время как в химической промышленности и черной металлургии материалоемкость японских отраслей, наоборот, выше российских³⁷². Однако на этот разрыв могла повлиять ценовая структура выпуска (более дорогое сырье в Японии). Таким образом, под-

³⁶⁸ Будущее России: инерционное развитие или инновационный прорыв (долгосрочный сценарный прогноз) // Проблемы прогнозирования. 2005. № 5. С. 20.

³⁶⁹ Инновационный путь развития для новой России / отв. ред. В. П. Горегляд. М.: Наука, 2005. С. 231.

³⁷⁰ Узяков М. Н. Эффективность использования первичных ресурсов как индикатор технологического развития: ретроспективный анализ и прогноз // Проблемы прогнозирования. 2011. № 2. С. 7.

³⁷¹ Там же.

³⁷² См.: Узяков М. Н. Указ. соч. С. 13–14.

ход М. Н. Узякова к оценке качественной компоненты экономического роста имеет ряд недостатков и может применяться с определенными оговорками.

3. *Экологический подход*: качество экономического роста оценивается как экологичность роста. Экономический рост не должен сопровождаться ухудшением природной среды и истощением «природного капитала». При оценке качества роста стандартные макропоказатели (ВВП и ЧВП) следует скорректировать на величину ущерба, наносимого окружающей среде, например, путем вычитания потребления «природного капитала».

Данный подход берет начало от дискуссии вокруг доклада Римскому клубу «Пределы роста», о котором было сказано выше, и лежит в русле концепции «устойчивого развития». В настоящее время получила широкое распространение концепция «зеленого роста». Как отмечается в декларации Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) «Курс на зеленый рост», «зеленый рост означает стимулирование экономического роста и развития, обеспечивая при этом сохранность природных активов и бесперебойное предоставление ими ресурсов и экосистемных услуг, от которых зависит наше благополучие»³⁷³. В частности, в русле концепции «зеленого роста» с 2008 г. выстраивается стратегия развития Республики Корея, которая предусматривает снижение выбросов в атмосферу парниковых газов и адаптацию к изменению климата, создание новых двигателей на основе «зеленых» технологий, повышение уровня жизни путем «озеленения» жизненного уклада³⁷⁴. Отметим, что в ряде аспектов, связанных с ресурсосбережением и повышением продуктивности использования первичных ресурсов, концепция «зеленого роста» сопрягается с рассмотренным выше ресурсным подходом. Отличие, прежде всего, в расставляемых акцентах: для «зеленого роста» важно не столько повышение эффективности и продуктивности первичных ресурсов само по себе, сколько экологичность роста, нивелирование его отрицательных

³⁷³ Курс на зеленый рост. Резюме для лиц, принимающих решения. ОЭСР. 2011. Май. С. 4.

³⁷⁴ Янг С. Подготовка к «зеленому росту». Почему экономическое развитие Кореи не приводит к ухудшению экологической обстановки // ЮНИДО в России. Вестник Центра Организации Объединенных Наций по промышленному развитию. 2012. № 7. С. 45.

последствий для окружающей среды и «природного капитала», который достанется будущим поколениям.

При этом следует подчеркнуть, что применение концепции «зеленого роста» на практике должно учитывать и другие приоритеты национального экономического развития. Так, переход к «зеленому росту» для стран, не создавших достаточно широкий индустриальный базис для своего развития, может привести к торможению национального экономического развития, если под предлогом соблюдения «экологических стандартов» происходит удушение национальной промышленности, деиндустриализация и переход к экономике торговых и сервисных услуг. Таким образом, под предлогом соблюдения экологических требований развитые страны могут использовать экологические нормативы как средство в глобальной конкурентной борьбе, чтобы не допустить на свои рынки продукцию развивающихся стран.

4. *Социальный подход*: качество роста оценивается как повышение качества жизни.

Существуют многочисленные разновидности данного подхода. В работах зарубежных экономистов первоначально делался акцент на максимизации потребления в ходе экономического роста, согласно «золотому правилу накопления» Э. Фелпса. К нему был близок подход некоторых советских экономистов, предлагавших показатель «социальной результативности роста» как долю предметов потребления в приросте всей продукции материального производства³⁷⁵. Однако практически сразу после выхода статьи Э. Фелпса³⁷⁶ данный подход был подвергнут критике. В частности, Дж. Тобин отмечал, что ни ВВП, ни потребление не отражают ценность досуга³⁷⁷. Сокращение рабочего времени, увеличение отпуска, более ранний выход на пенсию хотя и приводит к снижению темпа роста потребления, но повышает благосостояние. Тобин подчеркивал, что необходимо рассматривать траекторию такого потребления, которое включает и досуг, оценивае-

³⁷⁵ Микульский К. И. Экономический рост при социализме. Современный опыт и перспективы. М.: Наука, 1983. С. 126.

³⁷⁶ Phelps E. S. The Golden Rule of Accumulation // American Economic Review. 1961. September. P. 638–642.

³⁷⁷ Tobin J. Economic Growth as an Objective of Government Policy // American Economic Review. 1964. May. № 54. P. 1–20.

мый в соответствии с реальной заработной платой. Оно должно также учитывать и потребление общественных благ, предлагаемых правительством³⁷⁸.

В 1972 г. У. Нордхауз и Дж. Тобин предложили показатель чистого экономического благосостояния (ЧЭБ), который должен был корректировать показатель ВВП на отрицательные факторы благосостояния (со знаком «минус»), нерыночную деятельность и свободное время (со знаком «плюс»). В частности, Нордхауз и Тобин предложили скорректировать показатель личного потребления, вычитая из него расходы на приобретение товаров длительного пользования и другие «инвестиционные» расходы домашних хозяйств, но добавляя стоимость «услуг», которые оказывают товары длительного пользования, оценку стоимости досуга и нерыночной деятельности³⁷⁹.

В ходе дальнейших исследований были предложены различные индикаторы оценки качества жизни и его взаимосвязи с экономическим ростом. В этой связи следует отметить работы советского и российского экономиста Е.И. Капустина³⁸⁰, который проводил различие между категориями «уровень», «качество» и «образ» жизни населения. Если «уровень жизни» определяется в основном доходными показателями, то на «качество жизни» влияют такие факторы как личная свобода, неприкосновенность и защита личности и имущества, возможность проявлять и эффективно использовать в трудовом процессе свои умственные и физические способности, степень социальной защиты и обеспечения социальной справедливости, защиты от природных и техногенных катастроф и т.д. Для оценки социального качества роста могут быть использованы такие показатели как Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), Индикатор подлинного прогресса³⁸¹ и др. Как отмечает В. Лахман, «с качественным ростом связано более высокое качество жизни, однако трудность состоит в определении подходящего для этого случая индикатора благосостояния. Для оценки роста благосостояния необходимо

³⁷⁸ Тобин Дж. Денежная политика и экономический рост / пер. с англ. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. С. 107.

³⁷⁹ Nordhaus W. D., Tobin J. Is Growth Obsolete? // *Economic Research: Retrospect and Prospect*. Vol 5. Economic Growth. NBER, 1972. P. 10.

³⁸⁰ Капустин Е. И. Уровень, качество и образ жизни населения России. М.: Наука. 2006.

³⁸¹ Данилишин Б. М., Веклич О. А. Индикатор подлинного прогресса как адекватный макроэкономический показатель общественного благосостояния // *Проблемы прогнозирования*. 2010. № 6.

применять такие индикаторы, как увеличение свободного времени, улучшение состояния окружающей среды, уменьшение смертности младенцев, а также повышение грамотности населения»³⁸².

В рамках социального подхода особый акцент делается на проблеме социального неравенства. Показатели дохода и потребления, в том числе на душу населения, являются усредненными и не учитывают распределение доходов и потребления между различными группами населения. Например, две страны могут иметь близкий уровень ВВП на душу населения, но коэффициент фондов, рассчитываемый как отношение доходов 10 % населения с наивысшими доходами к доходам 10 % населения с низшими доходами, в них может различаться в несколько раз. Экономический рост может сопровождаться усилением социального неравенства, что отразится на росте соответствующих показателей (коэффициент фондов, индекс Джини и др.).

Наряду с показателями дифференциации доходов населения благосостояние общества характеризует также показатель доли населения с доходами ниже величины прожиточного минимума. Его сокращение, при прочих равных условиях, свидетельствует о росте уровня жизни, а экономический рост, вызывающий такое сокращение, с социальных позиций может быть охарактеризован как качественный. Однако следует отметить, что состав потребительской корзины, на основе стоимости которой рассчитывается величина прожиточного минимума, в разных странах может отличаться, что делает некорректным прямое сопоставление соответствующих показателей уровня бедности разных странах. Тем не менее остается возможность сравнения уровней бедности в рассматриваемой стране в различные периоды.

5. *Социально-психологический подход*: качество роста проявляется, прежде всего, в увеличении «счастья» населения.

Данный подход представлен относительно молодым направлением исследований, известным как «экономическая теория счастья» (economics of happiness). В фокусе внимания данного направления – субъективные представления индивида

³⁸² Лахман В. Экономика народного хозяйства. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 233.

об удовлетворенности своей жизнью как феномен экономической реальности. Как отмечает О. Н. Антипина, «эта теория рассматривает, какие экономические факторы и в какой степени определяют человеческое счастье, как счастье человека зависит от уровня экономического развития страны, какие экономические параметры отражают "уровень счастья" общества в целом, как ощущение человеком собственного счастья влияет на результативность его экономической деятельности, какова мера ответственности за счастье самой личности и государства»³⁸³.

Первые работы в рамках «экономической теории счастья» появились еще в 1970-е гг. Среди исследователей, развивавших данное направление, следует отметить работы Д. Канемана³⁸⁴, Р. Истерлина³⁸⁵, Р. Лэйярда³⁸⁶, Б. Стивенсона³⁸⁷ и др. Пытаясь определить факторы, от которых зависит «счастье» индивида, исследователи применяют различные методы измерения и оценки. Так, в числе «объективных» показателей используются различные показатели самочувствия и здоровья человека, в том числе характеристика активности коры головного мозга в различных ситуациях, поскольку активность мозга в «счастливых» ситуациях отличается от активности в «несчастливых» ситуациях. «Субъективные» показатели выводятся по результатам проведения многочисленных опрос-тестов и интерпретации полученных данных.

Факторы, от которых зависит «счастье» индивида, можно с некоторыми оговорками подразделить на экономические и неэкономические. Так, к экономическим факторам обычно относятся: степень экономического развития страны в целом (в том числе доступность и качество услуг в сфере здравоохранения, образования, рекреации), наличие или отсутствие работы или иного источника дохода, а

³⁸³ Антипина О. Н. Экономическая теория счастья как направление научных исследований // Вопросы экономики. 2012. № 2. С. 94.

³⁸⁴ Kahneman D. A Psychological Perspective on Economics // American Economic Review. 2003. 93. P. 162–168; Kahneman D. Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics // American Economic Review. 2003. 93. P. 1449–1475.

³⁸⁵ Easterlin R. Income and Happiness: Towards a Unified Theory // Economic Journal. 2001. 111. P. 465–484; Easterlin R. Happiness, Growth and the Life Cycle. Oxford, 2010, Oxford University Press.

³⁸⁶ Layard R. Human Satisfaction and Public Policy // Economic Journal. 1980. 90. P. 737–750; Layard R. Happiness and Public Policy: A Challenge to the Profession // Economic Journal. 2006. 116(510). P. 24–233; Лэйярд Р. Счастье: уроки новой науки / пер. с англ. М.: Издательство Института Гайдара, 2012.

³⁸⁷ Stevenson B., Wolfers J. Economic Growth and Subjective Well-Being: Reassessing the Easterlin Paradox // Brooking Papers on Economic Activity, 2008. 1. P. 1–87.

также его величина, уровень среднедушевого дохода (в том числе в рамках профессиональной или социальной группы), общие макроэкономические показатели (инфляция, безработица, деловой цикл). К неэкономическим факторам относятся: половозрастные признаки, психологический тип личности (например, оптимист или пессимист), социальный статус (образование, профессия, семейное положение), способ проведения досуга, жизненные условия (климат, социальный порядок и др.)³⁸⁸. Уже сам перечень факторов показывает нестрогий характер границы между экономическими и неэкономическими факторами, поскольку, например, такие показатели социального статуса, как образование и профессия, в свою очередь, зависят от состояния и тенденций развития национальной экономики. При этом к числу наиболее значимых факторов «счастья» относят семь следующих факторов: семейные отношения, финансовая ситуация, работа, общество и друзья, здоровье, личная свобода, личные ценности³⁸⁹. Исследования, проводимые в русле экономической теории счастья, показали, что многие предпосылки, на которых основываются стандартные микро- и макроэкономические модели, не выполняются. Например, многие исследования подтвердили тот факт, что потери доставляют примерно в два раза больше неудовольствия, чем равные приобретения – удовольствия³⁹⁰. Поэтому повышение гибкости рынка труда, рост социальной и географической мобильности и т. п. может привести к снижению общего уровня счастья, поскольку увеличивает стрессы, связанные с постоянными изменениями в жизни, провоцирует депрессию и другие психические заболевания.

В экономической теории счастья известен так называемый «парадокс Истерлина», который заключается в том, что когда люди становятся богаче по сравнению с другими, они делаются счастливее, но это утверждение неверно для общества в целом: рост богатства общества не делает его членов счастливее, по крайней мере, на Западе³⁹¹. По этой причине экономический рост, какими бы высокими темпами он ни характеризовался, может не приводить к повышению уровня

³⁸⁸ Антипина О. Н. Экономическая теория счастья как направление научных исследований // Вопросы экономики. 2012. № 2. С. 96–97.

³⁸⁹ Лэйярд Р. Счастье: уроки новой науки / пер. с англ. М.: Издательство Института Гайдара, 2012. С. 95–96.

³⁹⁰ См. там же. С. 234.

³⁹¹ См. там же. С. 51.

счастья общества в целом. Более того, в ходе экономического роста могут возникать такие явления, которые, напротив, отрицательно сказываются на уровне счастья отдельных людей – например, сокращение количества часов досуга, рост интенсивности и напряженности труда, сокращение возможностей социальных взаимодействий и т. д. Одно из объяснений «парадокса Истерлина» состоит в том, что люди обычно сравнивают уровень своего дохода с уровнем дохода других лиц в соответствующей социальной или профессиональной группе. Когда рост дохода индивидуума обгоняет рост доходов других лиц, то индивидуум становится счастливее, но когда одинаково растут доходы всех, уровень счастья не повышается. При этом экономисты отмечают значимость влияния различий в доходах богатых и бедных стран на показатели общей удовлетворенности жизнью населения этих стран. Самое большое действие на уровень счастья рост дохода оказывает в самых бедных странах, где население находится на пороге бедности³⁹². В этом случае получается, что для бедных стран даже чисто количественный экономический рост является качественным постольку, поскольку повышает уровень жизни и ощущение счастья, но по мере роста национального богатства этот эффект постепенно сходит на нет. Таким образом, в рамках социально-психологического подхода качественный экономический рост может сопрягаться с чисто количественным увеличением дохода, если начальный уровень дохода и богатства страны очень низок. Напротив, по достижении достаточно высокого уровня душевого дохода дальнейший экономический рост слабо сказывается на показателе счастья.

Все рассмотренные выше подходы к определению и оценке качества экономического роста имеют точки соприкосновения. При этом наиболее общим является структурный подход, который, в зависимости от рассматриваемых структурных аспектов, может сопрягаться с ресурсным, экологическим или социальным подходами. Последний, в свою очередь, может трансформироваться в социально-

³⁹² Helliwell J. How's Life? Combining Individual and National Variables to Explain Subjective Well-Being // *Economic Modelling*. 20. P. 331–360.

психологический подход, выходя за рамки «чистой» экономической науки и рассматривая «счастье» как цель экономического развития с различных сторон.

Проблема определения качественных параметров экономического роста тесно сопрягается с проблемой измерения экономического роста и его результатов. В зависимости от способа измерения экономического роста могут быть получены различные выводы о его качестве. Выше уже было указано на противоречивость результатов, получаемых при использовании ресурсного подхода, поскольку они оказывались в зависимости от структуры национальной экономики и соотношений цен на ресурсы. Применение экологического подхода также сопряжено со сложностями при интерпретации конкретных эколого-экономических показателей как показателей качества роста, ведь «экологичным» может быть и рост экономики, основанный на разрастании сферы услуг, не требующей широкого использования природных ресурсов, в отличие от промышленного сектора. Социальный подход, примененный в отрыве от остальных, также может дать искаженное представление о качестве роста, например, если повышение благосостояния населения основано на увеличении долговой нагрузки на экономику. Например, совокупный государственный и частный долг США в 2010 г. вырос в 81 раз по сравнению с 1957 г. – с 693 млрд долл. до 57 трлн долл.³⁹³ Формально выходит, что «весь экономический рост ВВП США после 1990 г. обеспечивается не ростом производительности, а ростом совокупного долга страны»³⁹⁴. Наконец, социально-психологический подход, находясь на стыке разных наук, акцентирует внимание лишь на параметрах «счастья», игнорируя все прочие аспекты экономического роста. Можно представить ситуацию, в которой население, находясь под сильным воздействием средств массовой информации, некоторое время испытывает эйфорию, вызванную искаженными представлениями о будущих перспективах экономического развития (например, в связи с ожидаемой интеграцией экономики страны с экономикой развитых европейских стран). Показатели «счастья», полу-

³⁹³ Hodges Michael W. The Grandfather Economic Report. P. 1–2. Электронный ресурс: <http://www.grandfather-economic-report.com/debt-nat-a.htm>

³⁹⁴ Долговая проблема как феномен XXI века. Монография / под ред. А. А. Пороховского. М.: Макс-Пресс, 2014, с. 6.

ченные посредством различных опросов, могут на некоторое время увеличиться. Однако в долгосрочной перспективе население может столкнуться с рядом негативных последствий экономической интеграции, что неизбежно отразится и на уровне благосостояния, и на показателях «счастья». По этой причине социально-психологический подход к оценке качества экономического роста может использоваться как дополняющий остальные подходы. В целом же необходимо комплексное использование всех указанных подходов к оценке качества экономического роста, при этом также следует учитывать возможности достижения целей национального экономического развития и национальной экономической безопасности. Однако проблема точности и адекватности макроэкономических показателей остается и в этом случае крайне актуальной. Остановимся на ней более подробно.

3.2. Проблемы измерения и оценки показателей качества экономического роста

Макроэкономические измерения развивались параллельно с развитием экономической теории и в тесном взаимодействии с ее методологическими подходами. У. Петти, которого наряду с А. Смитом называют в числе отцов политической экономии, положил начало и макроэкономическому анализу, когда в 1665 г. в своей работе «Слово мудрым» (*Verbum Sapienti*) впервые представил агрегированные счета недвижимости, дохода, капитала (основных фондов) для Англии и Уэльса. Его последователи продолжили разработку системы основных макроэкономических показателей. Так, Г. Кинг расширил систему счетов У. Петти, составив не только счета доходов, но и расходов, а также представил иерархию доходов английских домашних хозяйств в зависимости от их социально-экономического положения (рабочие, фермеры, купцы, чиновники, духовенство, дворяне и т. п.)³⁹⁵. Он провел межстрановые сравнения, сопоставив показатели доходов Англии с Уэльсом, Франции и Нидерландов для 1688 г. П. Когун в рабо-

³⁹⁵ Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории / пер. с англ. М.: Изд. Института Гайдара, 2012, с. 428.

те «Трактат о богатстве, власти и ресурсах Британской империи во всех частях света», вышедшей после Наполеоновских войн, предложил четыре основных макроэкономических счета – населения, богатства, дохода и добавленной стоимости. При этом методология составления данных счетов опиралась на сложившийся в рамках классической политической экономии подход, различавший «производительный» и «непроизводительный» труд. В частности, в счете добавленной стоимости Когун не учитывал государственные услуги, аренду жилья, профессиональные и домашние услуги, отражавшиеся в его же счете расходов. Как отмечает Э. Мэддисон, в современной макроэкономической статистике эти виды деятельности были бы обязательно учтены в счете производства³⁹⁶.

Во Франции работы П. Буагильбера и С. Вобана были одними из первых работ в области макроэкономических измерений («политической арифметики»). Теоретическая основа для построения первой модели народно-хозяйственного кругооборота была предложена Ф. Кенэ в знаменитой «Экономической таблице»³⁹⁷, опубликованной в 1758 г.

В XIX в. продолжалось совершенствование системы макроэкономических измерений. Постепенно расширялся спектр информации, собиравшейся, в том числе, государственными статистическими службами. В России с 1802 г. министерствам было предписано в конце каждого года предоставлять письменный отчет по управлению подведомственными им отраслями. В 1811 г. был создан официальный центр правительственной статистики России – Статистическое отделение при Министерстве полиции, а в 1834 г. было утверждено особое Статистическое отделение в Совете Министерства внутренних дел. Среди ученых, внесших существенный вклад в развитие теории и практики экономической статистики в России, следует отметить А. И. Чупрова и его сына А. А. Чупрова, занимавшегося разработкой теории статистики, И. И. Янжула, П. П. Семенова-Тяньшанского и др.

³⁹⁶ Там же, с. 439.

³⁹⁷ Кенэ Ф., Тюрго А-Р. Ж., Дюпон де Немур П.-С. Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: Эксмо, 2008, сс. 350–356.

В XX в. необходимость в системе показателей, отражающих результаты функционирования экономики на макроуровне, была актуализирована в том числе задачами макроэкономического управления. Дж. М. Кейнс в работе «Как оплатить войну» отметил актуальность макроизмерений как инструмента управления экономикой на макроуровне. К. Кларк в работе «Условия экономического прогресса» показал важность макроизмерений для экономической истории. В разработке системы макроэкономических показателей, оформившейся в дальнейшем в Систему национальных счетов (СНС), участвовали С. Кузнец, М. Джилберт и Р. Стоун. В частности, М. Джилберт отвечал за ведение официальной системы национальных счетов в США во время Второй мировой войны, а позднее возглавлял отдел статистики и национальных счетов Организации европейского сотрудничества и развития (ОЭСР). Как отмечает Э. Мэддисон, необходимость внедрения СНС была вызвана, в том числе, в связи с решением задачи распределения бремени военных расходов НАТО между странами, а также для осуществления плана Маршалла³⁹⁸.

В своем развитии СНС претерпела несколько редакций. Первая редакция СНС окончательно сформировалась в 1953 г. В этом же году Р. Стоун был назначен председателем комиссии ООН по внедрению стандартизированной системы национальных счетов, которую могли бы использовать все страны мира. Вторая редакция СНС была сформирована в 1968 г. В 1993 г. была представлена третья редакция СНС. Наконец, последняя на настоящий момент четвертая редакция СНС представлена в 2008 г. Следует отметить, что переход к новым версиям СНС зачастую сопрягался с существенными изменениями ситуации в мировой экономике. Так, вскоре после перехода к СНС 1968 г. мировая экономика столкнулась с энергетическими кризисами 1970-х гг. Третья редакция СНС внедрялась в практику на фоне трансформаций, происходивших в экономике стран бывшего СССР и стран ЦВЕ. Четвертая редакция СНС сформировалась в ходе последнего мирового экономического кризиса 2007–2009 гг.

³⁹⁸ Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории / пер. с англ. М.: Изд. Института Гайдара, 2012, с. 454.

В отличие от СНС, в советской статистике применялась система материального продукта (СМП), методологической основой которой являлась трудовая теория стоимости. Ряд услуг не учитывался в показателях производства в СМП, поскольку они рассматривались как непроемительные (пассажирский транспорт, обслуживание жилья, здравоохранение, образование, развлечения, банковское обслуживание, страхование, личные услуги, государственное и партийное администрирование, армия). Как было показано выше, концепция разграничения «производительного» и «непроизводительного» труда имеет давнюю традицию в макроэкономических измерениях, берущую начало еще в работах классиков политической экономии. При этом критика данной концепции существует еще со времен немецкой исторической школы (работы Ф. Листа). Игнорируя такие важные сферы деятельности, как образование и здравоохранение, которые не являются простыми «услугами», а представляют собой инвестиции в человека, подход СМП занижает роль человеческого фактора в экономическом развитии и переоценивает значимость материального производства. Согласно концепции баланса народного хозяйства (БНХ), в сфере нематериальных услуг (управление, оборона, здравоохранение, образование и др.) происходит лишь перераспределение созданного в сфере материального производства национального дохода и его конечное потребление. Если в условиях начала индустриализации акцент на материальном производстве играл важную роль, а прогнозирование экономического развития на основе показателей материального производства было оправдано, то по мере становления массового производства и насыщения рынков товарами массового потребления, переходу к «стадии поиска качества жизни» (У. Ростоу) игнорирование все возрастающей значимости «непроизводственной сферы» в системе макропоказателей приводило к искажению целевых ориентиров национального экономического развития.

СНС, методологической основой которой является теория полезности, может учитывать любые виды экономической деятельности – как в материальном производстве, так и в «непроизводственной сфере», и в этом смысле она преодолевает ограничения СМП. Однако здесь возникает другая ловушка, в которую очень лег-

ко угодить при использовании полезностного критерия, а именно: трудность разграничения производства и распределения. Теоретически *любому денежному потоку в СНС может быть сопоставлена соответствующая «услуга»*, которая обладает определенной «полезностью» для отдельных хозяйствующих субъектов. Поскольку СНС основывается на рыночной оценке результатов экономической деятельности, то любая рыночная транзакция потенциально может получить в СНС форму услуги и привести, таким образом, к увеличению макроэкономических показателей (в частности, показателя ВВП). В этой связи получается, например, что рост государственных расходов на содержание аппарата управления означает соответствующее увеличение экономического производства в стране, независимо от того, насколько эффективно государственные чиновники выполняют свои обязанности. Рост количества сделок на фондовой бирже отразится на ВВП посредством включения в него маржи по каждой сделке, которая в СНС интерпретируется как доход финансового посредника³⁹⁹. Такая во многом искусственная «накрутка» макроэкономических показателей за счет деятельности, связанной с финансовым посредничеством, находит свое отражение на производных показателях, в частности, темпах изменения реального ВВП, являющихся основой для оценки экономической динамики и экономического роста в долгосрочном периоде. При условии, что цены на акции и другие ценные бумаги не учитываются при расчете индекса-дефлятора ВВП, мы получим завышение показателей роста экономики, который окажется искусственным, не отражающим реальный уровень выпуска действительно полезных товаров и услуг.

Рассмотрим более подробно искажения, вызванные включением в границы экономического производства финансово-посреднических услуг. Так, в США начиная с 1986 г. вклад финансового сектора, к которому относятся услуги, оказываемые видами экономической деятельности «Финансы и страхование» и «Сделки с недвижимостью», устойчиво превышает вклад обрабатывающей промышленности. В 1950 г. обрабатывающая промышленность давала 27 % ВВП, а

³⁹⁹ Система национальных счетов 2008. Нью-Йорк, 2012, с. 130.

финансовый сектор – только 11,4 %⁴⁰⁰. В 1986 г. финансовый сектор (17,8 %) впервые обошел обрабатывающую промышленность (17,2 %) по вкладу в ВВП. К 2008 г. соотношение резко изменилось в пользу финансового сектора: доля обрабатывающей промышленности снизилась до 11,5 %, а вклад финансового сектора вырос до 20 %⁴⁰¹. В 2010 г. вклад финансового сектора (20,7 %) превысил совокупный вклад всех отраслей, производящих товары (17,9 %), к которым относятся сельское хозяйство, лесное хозяйство, охота, рыболовство, горнодобывающая промышленность, строительство и обрабатывающая промышленность⁴⁰². Следует также отметить высокую долю рынка подержанных товаров. По некоторым оценкам, доля продаж подержанных малых самолетов и автомобилей в конце XX в. достигала в США 80–90 % от общего объема продаж на данных сегментах рынка⁴⁰³. Хотя стоимость подержанных товаров не учитывается в показателе ВВП, но в него войдет доход посредников, оказывающих услуги по перепродаже. Количество таких посреднических операций (и, соответственно, доход посредников) может быть достаточно велико, что приведет к соответствующей «накрутке» показателя ВВП.

Сходная картина наблюдалась и в российской экономике в период роста 2000-х гг.: по данным Росстата, в 2007 г. обрабатывающие производства дали всего 19 % ВВП, в то время как такие виды экономической деятельности, как оптовая и розничная торговля с ремонтом (20,6 %), операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг (10,4 %), финансовая деятельность (4,8 %) в совокупности дали 35,8 % ВВП. Даже если отбросить торговлю (в которой, однако, имеется мощная составляющая «накрутки» ВВП в форме торгового посредничества), получаем вклад чисто финансовых услуг – 15,2 %, что сопоставимо с вкладом обрабатывающих производств. Динамика прироста валовой добавленной стоимости (ВДС) за 2003–2007 гг. также свидетельствует о преимущественном развитии финансового сектора: так, прирост ВДС в 2007 по отношению к 2002 г.

⁴⁰⁰ Соколова И. Ю. Проблемы измерения ВВП США // США – Канада: экономика, политика, культура. 2008. № 12.

⁴⁰¹ Соколова И. Ю. Кто, как и зачем измеряет ВВП? // США – Канада: экономика, политика, культура. 2011, № 2, с. 51.

⁴⁰² Роговский Е. А. Кибер-Вашингтон: глобальные амбиции. М.: Международные отношения, 2014, с. 398–399.

⁴⁰³ Там же, с. 365.

для операций с недвижимостью и арендой составил 38,7 %, по финансовой деятельности – целых 62,8 %, обрабатывающие производства дали 39,6 %⁴⁰⁴.

Высокая доля финансовых услуг в ВВП связана, в том числе, и с изменением методики расчетов при переходе к третьей редакции СНС в 1993 г., переходом от функционального подхода, отвечающего на вопрос «Что произведено?» к институциональному подходу, для которого главное – «Кто сделал (произвел)?»⁴⁰⁵ Институциональный подход позволил выделить «вклад» финансового сектора в ВВП, показать его преимущества по сравнению с другими экономическими секторами по прибыли, доходу на вложенный капитал и т. п., что, в свою очередь, повлекло увеличение спроса на финансовые услуги, умножение числа и мощи оказывающих их рыночных субъектов – в точном соответствии с формулой: «То, что мы измеряем, влияет на то, что мы делаем». В результате гипертрофированного разбухания финансового сектора произошла трансформация «классических» активов – акций, облигаций. Как отмечает Е. Роговский, теперь капитал наращивается не путем капитализации прибыли от производства товаров и услуг, а за счет возрастания стоимости ранее приобретенных активов. Государство же должно поддерживать этот процесс, в том числе производя особую информационную продукцию – «позитивные имиджи»⁴⁰⁶.

Гипертрофия финансового сектора, либерализация финансового регулирования (в частности, отмена в 1999 г. закона Гласса – Стиголла, разделявшего коммерческую и инвестиционную банковскую деятельность) вызвали диспропорции в глобальном масштабе. Появление все более изощренных финансовых инструментов стимулировало активный потребительский бум в США, а экономический рост все в большей степени основывался на заимствованиях у будущих поколений. На уровне мира в целом возрастал разрыв между глобальным спросом и глобальным предложением. «Одна часть мира живет далеко не по тем средствам, которыми она обладает; другая часть производит продукции больше, чем она сама

⁴⁰⁴ Модернизация и конкурентоспособность российской экономики. Монография / под ред. И. Р. Курнышевой и И. А. Погосова. СПб.: Алетейя, 2010, с. 83.

⁴⁰⁵ Соколова И. Ю. Кто, как и зачем измеряет ВВП? // США – Канада: экономика, политика, культура. 2011, № 2.

⁴⁰⁶ Роговский Е. А. Кибер-Вашингтон: глобальные амбиции. М.: Международные отношения, 2014, с. 401.

может потребить»⁴⁰⁷. При этом демонстрация роста американской экономики необходима США для обеспечения доверия к ней, сохранения благоприятного инвестиционного климата и поддержания статуса доллара в качестве мировой валюты.

Не стоит забывать, что впервые система взаимосвязанных макроэкономических показателей была всесторонне разработана в США. Стоит ли удивляться, что с позиций своих национальных интересов «США изменяют методику расчетов, используя ее либо в одностороннем порядке, например, при расчете ВВП, либо транспонируют ее в контексте всеобщей глобализации. Исключительно в интересах своей национальной безопасности США меняют не только методику исчисления основных экономических показателей, но и экономическое содержание терминов и понятий»⁴⁰⁸.

Специфика мировой финансовой системы, сложившаяся в 1970-е гг., является, пожалуй, ключевым фактором, вызывающим несоответствие показателей СНС реальным. Отвязка национальных валют, начиная с доллара США, от всякого товарного содержания наряду с появлением безграничных возможностей эмиссии денег в странах – обладателях мировых резервных валют делает само понятие «стоимости в денежной форме» эфемерным и иллюзорным. Для корректного сопоставления *реального выпуска* нужно изменение всей сложившейся денежной системы, поиск товара – инварианта стоимости, к которому можно было бы привязать стоимость выпуска. В этой связи вызывает интерес поиск энергетических оснований трудовой теории стоимости⁴⁰⁹. Существующая же система «индексов цен», призванных разграничивать «реальные» и «номинальные» изменения выпуска, является несовершенной, так как основывается на выборочной корзине товаров-представителей и плохо учитывает реальную инфляцию. Манипулируя составом «потребительской корзины», можно менять показатели инфляции в сторо-

⁴⁰⁷ Стиглиц Дж. Е. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: Эксмо, 2011, с. 234.

⁴⁰⁸ Соколова И. Ю. Кто, как и зачем измеряет ВВП? // США – Канада: экономика, политика, культура. 2011. № 2., с. 43.

⁴⁰⁹ Вереникин А. О. Оптимизационные процессы в механике и экономике: поиск энергетических оснований трудовой теории стоимости // Вестник МГУ. Сер. 6 «Экономика». 2010. № 3.

ну завышения или занижения. Например, цены на недвижимость и ценные бумаги, абсорбирующие избыточное предложение денег со стороны ФРС США, никак не отражаются на показателях инфляции. Получается парадокс: денежная масса растет, а уровень цен почти не меняется. Но это мнимый парадокс, возникающий в результате выборочного использования статистических данных при расчете основных макроэкономических показателей.

В 1990-е гг. статистики в развитых странах приняли на вооружение так называемые «гедонистические индексы» для учета изменений в качестве продукции. Предполагалось, что рост цены товара частично отражает инфляцию (то есть устойчивое повышение общего уровня цен в стране), а частично характеризует рост качества товара. В практике макроэкономической статистики ряда стран (прежде всего США) гедонистические индексы получили широкое распространение. Как отмечает Э. Мэддисон, пересчет национального дохода за период 1929–1950 гг. с учетом гедонистических индексов привел к увеличению показателя среднегодового темпа роста ВВП с 2,6 % до 3,5 %⁴¹⁰. Чрезмерное увлечение применением гедонистических индексов может нивелировать саму возможность различения номинальных и реальных величин. Еще в 1961 г. М. Джильберт высказался против подобных корректировок ВВП: «В конце концов, мы лишимся возможности создавать полезные, с точки зрения изучения экономического роста, показатели, позволяющие измерять выпуск и изменения цен»⁴¹¹.

На показателях выпуска (и производных от них показателях темпов) так или иначе отражаются нововведения, которые привносятся каждой последующей редакцией СНС. Например, в СНС 2008 года расходы на научно-исследовательские цели отнесены к валовому накоплению капитала, что автоматически увеличивает показатель инвестиций в конечном продукте. Кроме того, новая редакция СНС предписывает относить расходы на вооружения к валовому накоплению основного капитала при условии, если это расходы на активы, используемые более года.

⁴¹⁰ Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории / пер. с англ. М.: Изд. Института Гайдара, 2012, с. 456.

⁴¹¹ Цит. по: Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории / пер. с англ. М.: Изд. Института Гайдара, 2012, с. 456–457.

При этом необходимо разграничивать вооружения, относящиеся к основным фондам, и вооружения, учитываемые как запасы материальных оборотных средств военного назначения – «военные запасы»⁴¹². В результате статистика покажет рост ВВП, если происходит милитаризация экономики, сопровождающаяся ускоренным ростом расходов на вооружения. Отметим, что в предыдущей редакции СНС 1993 года расходы на вооружения и средства их доставки (военные корабли и самолеты, подводные лодки, танки, ракеты и др.) отражались как промежуточное потребление сектора государственного управления, то есть не учитывались в ВВП как показателе конечного продукта. Данное нововведение позволяет увеличить показатель ВВП для стран, лидирующих по расходам на вооружения. Так, доля расходов на вооружения в США в 2010 г. составляла 4,8 % ВВП, увеличившись за десятилетие 2001–2010 гг. более чем на 80 %. Хотя наибольший рост расходов на вооружение за указанное десятилетие наблюдался в Китае (190 %), но в относительном выражении показатель Китая (2,1 % ВВП) более чем в два раза отстает от показателя США⁴¹³.

«Накрутка» макроэкономических показателей в СНС может осуществляться и посредством учета разного рода «вмененных доходов». Например, «вмененная рента» отражает стоимость «услуги» проживания в собственном жилище. Предполагается, что собственники жилья как бы платят сами себе ренту, что уравнивает их в СНС с лицами, реально арендующими жилье. В этом случае ВВП, рассчитанный производственным методом, вырастет на условно исчисленную величину стоимости «услуг» по аренде жилья; ВВП, рассчитанный по расходам, увеличится на величину расходов по оплате «услуг» аренды, а ВВП, рассчитанный по доходам, вырастет на сумму «доходов» от «аренды» собственного жилья. В итоге все три метода дадут приращение ВВП, при том что в реальной экономике никаких изменений не произошло. Аналогичная «накрутка» показателя ВВП может быть достигнута при включении в него условно исчисленной стоимости услуг, создаваемых в домашнем хозяйстве. В отсутствие реального рынка, который может дать

⁴¹² Иванов Ю. Н. Система национальных счетов 2008 года // Экономический альманах. 2011. № 2, С. 48.

⁴¹³ The Ten Largest Military Powers in the World. 2011. 14 April. Электронный ресурс: <http://247wallst.com/investing/2011/04/14/the-ten-largest-military-powers-in-the-world/>

денежную оценку результатов экономической деятельности, в СНС фактически предлагается искусственно конструировать «вмененный рынок» (рынок арендуемого жилья или «рынок» услуг, производимых в домашних хозяйствах). Это позволяет «улучшить» международную сопоставимость макроэкономических показателей. Например, в стране, в которой имеется высокоразвитый рынок арендного жилья, показатели ВВП будут выше, чем в стране, в которой большинство населения проживает в собственных жилищах, и рынок арендного жилья развит слабо. Корректировка ВВП второй страны с учетом вмененной ренты позволит более адекватно отразить уровень благосостояния ее населения, однако исказит показатель реальной рыночной активности.

Широко осознаваемые недостатки СНС вызвали необходимость поднять вопрос, который ставился еще советскими экономистами во второй половине 1980-х гг. применительно к советской статистике: «То ли мы измеряем и так ли»⁴¹⁴. В 2008 г. по инициативе президента Франции Н. Саркози была создана Комиссия по измерению экономических показателей и общественного прогресса (далее – Комиссия) во главе с нобелевским лауреатом, проф. Колумбийского университета Дж. Стиглицем. В отчете Комиссии данная проблема была сформулирована следующим образом: «То, что мы измеряем, влияет на то, что мы делаем, и если наша система мер несет в себе брак, то принимаемые решения могут быть искаженными»⁴¹⁵.

Осенью 2009 г. Комиссия представила детальный отчет о проделанной работе, в котором были показаны выявленные Комиссией проблемы и изъяны существующей системы макропоказателей и предложены некоторые пути совершенствования системы экономических измерений.

Как было отмечено выше, по методологии СНС, ВВП и другие макропоказатели, получаемые на его основе, рассчитываются как *рыночная оценка* результатов экономической деятельности, что порождает массу проблем при попытке включить в показатель ВВП результаты нерыночной деятельности, в частности,

⁴¹⁴ Зубов В. М. Качество экономического роста. Красноярск, 1991. С. 5.

⁴¹⁵ Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.-P. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. P. 7.

вклад государственного сектора или сектора нерыночных услуг. Традиционно услуги, предоставляемые государством, измеряются по затратам на ресурсы, используемые в госсекторе для «производства» этих услуг. Однако рост расходов на общественные блага (образование, здравоохранение и т. д.) не всегда сопровождается повышением их качества. «ВВП на душу населения измеряет то, сколько мы тратим на здравоохранение, но не результат этих трат, то есть не состояние нашего здоровья, которое отражается, например, в средней продолжительности жизни. В итоге, хотя наша система здравоохранения становится все более и более неэффективной, может сложиться впечатление, что ВВП растет, хотя состояние здоровья людей ухудшается»⁴¹⁶. В отчете Комиссии отмечается, что для ряда стран были опробованы показатели оценки услуг госсектора, основанные не на затратах, а на результатах. При этом в отдельных случаях (Дания, 2000–2005 гг.) оказалось, что оценки услуг здравоохранения «по результатам» были выше, чем «по затратам»⁴¹⁷.

Следует отметить, что, поскольку за одинаковыми затратами на общественные блага могут стоять разные результаты, сопоставление обычных стоимостных показателей разных стран в сфере общественных благ оказывается некорректным. Необходимо учитывать и институциональный контекст системы предоставления общественных благ. Так, в одном случае государство предоставляет эти блага в форме натуральных трансфертов, а расходы на них покрывает за счет налогов с граждан, что формально снижает их располагаемый доход. В другом случае для финансирования социально значимых благ (таких, как медицинские услуги) задействована система частного страхования. В этой ситуации, при прочих равных, статистика формально покажет более высокое значение располагаемого дохода граждан (которые покупают страховку, но не платят налоги, идущие на финансирование медицины), но в реальности, если учесть стоимость натуральных трансфертов в первом случае как добавку к располагаемому доходу, он может оказать-

⁴¹⁶ Стиглиц Дж. Е. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: Эксмо, 2011, с. 337.

⁴¹⁷ Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.-P. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress, P. 27, 101.

ся одинаковым. В итоге институциональные условия в сфере оказания социально значимых благ (здравоохранение, образование и др.) оказывают влияние на величину показателя ВВП и располагаемого дохода: чем больше будет задействовано рыночных инструментов, тем выше окажутся эти показатели, при том что качество и уровень благосостояния граждан вовсе необязательно будут положительно коррелировать с ними.

«Рыночноцентризм» макропоказателей СНС проявляется не только при оценке производства нерыночного сектора. Показатель ВВП, а вслед за ним и остальные, будет автоматически увеличиваться по мере распространения рыночных отношений в стране, вытеснения этими отношениями нерыночных, традиционных форм. «Вопрос о рынках» – это не столько вопрос географического распространения рыночных отношений, хотя оно также играет важную роль в развитии капитализма, сколько проблема трансформации нерыночного сектора в рыночный. Таким образом – что особенно актуально для России и других бывших республик СССР, еще недавно числившихся странами с «переходной экономикой» – развитие рыночных отношений, меняющее привычные модели поведения людей и образ их жизни, может сопровождаться формальным увеличением доходных показателей. Многие услуги, которые ранее люди оказывали друг другу в рамках домохозяйства, теперь приобретаются на рынке. Это дает ложное представление о якобы увеличении уровня жизни (поскольку повышается его денежная оценка), в то время как имеет место всего лишь сдвиг от нерыночного к рыночному производству и потреблению. «Расширение рынка» может быть отражено в моделях экономического роста как увеличение ассортимента выпускаемых товаров (рост продуктовой вариативности). Этот вопрос будет подробнее рассмотрен в соответствующем разделе четвертой главы.

Рыночная оценка, которая является основой для получения показателей СНС, не всегда отражает *изменения в качестве* производимых товаров и услуг. Выше уже рассматривался вопрос о применимости гедонистических индексов для оценки изменений качества товаров и возникающие в связи с этим проблемы разграничения роста цен и роста выпуска. Качество некоторых товаров меняется очень

быстро (персональные компьютеры), что делает несопоставимыми стоимостные показатели разных лет; качество же таких благ, как медицинские услуги, исследования и разработки, сложно оценить в силу их разнородности и комплексности. В отчете Комиссии предлагается дифференцировать учет таких комплексных видов деятельности, как образование и здравоохранение: считать, например, час, затрачиваемый на обучение студентов инженерных специальностей, особой услугой, отличной от часа, затрачиваемого на обучение студента в сфере искусств. Аналогично для медицинских услуг: мероприятия, направленные на лечение отдельных болезней, следует учитывать как разные услуги. Плюс к тому, в идеале, информация должна отражать и качество услуг посредством таких показателей, как, например, время, проводимое пациентами в больницах, или время, которое уделяет пациентам медицинский персонал⁴¹⁸.

Наконец, рыночные оценки не учитывают отрицательные последствия экономической деятельности для окружающей среды, ставя перед обществом ложные цели и ориентиры. Дж. Стиглиц отмечает, что «даже в отсутствие кризисных проявлений цены *всех* товаров искажены, поскольку мы относимся к нашей атмосфере (и зачастую к чистой воде) так, словно эти ресурсы являются бесплатными, хотя на самом деле они относятся к категории редких. <...> При хорошо продуманной экологической политике правильно измеряемый выход продукции был бы выше, а окружающая среда чище. Мы бы тогда поняли, что кажущиеся прибыли, полученные при производстве таких пожирателей топлива, как автомобиль *Nanmer*, являются ложными: они достигаются за счет нашего будущего благосостояния»⁴¹⁹.

Главный, на наш взгляд, вывод Комиссии заключается в необходимости смещения акцентов в системе макропоказателей: перехода от показателей, ориентированных на экономическое производство, к *показателям, нацеленным на изме-*

⁴¹⁸ Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.-P. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. P. 27, 101.

⁴¹⁹ Стиглиц Дж. Е. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: Эксмо, 2011, с. 336–337.

рение благосостояния людей в контексте устойчивого развития⁴²⁰. Комиссией предлагается разработать своего рода «панель индикаторов», которая в совокупности помогала бы оценить уровень благосостояния населения. В нее предлагается включить показатели по восьми направлениям, охватывающим разные аспекты благосостояния и качества жизни⁴²¹.

1) *Материальные жизненные стандарты* – включают оценку дохода, потребления, богатства, степень неравенства в их распределении. Смещение акцента с ВВП на показатели дохода с учетом его распределения позволит существенно скорректировать представления о благосостоянии населения и его динамике. Например, в 2008 году средний доход домашнего хозяйства в США оказался, с поправкой на инфляцию, примерно на 4 % меньше, чем в 2000 году, хотя ВВП на душу населения за эти годы увеличился на 10 %⁴²².

2) *Здоровье*. Необходимо перейти от затратного подхода к оценке «по результатам», для чего потребуются дополнительные статистические индикаторы. Этот вопрос затрагивался выше при анализе вклада сектора нерыночных услуг в ВВП.

3) *Образование*. Аналогично предыдущему индикатору упор следует сделать на качественные показатели, отражающие результаты, а не затраты.

4) *Личная активность, работа, досуг*. Следует уделить большее внимание показателю свободного времени и активного отдыха, рост которого свидетельствует об улучшении качества жизни.

5) *Участие в политической жизни и управлении*.

6) *Социальные взаимоотношения*. Качество жизни зависит как от объективных условий и возможностей людей, так и от субъективных оценок результатов социального взаимодействия, политического выбора. Немаловажную роль здесь играет сложившийся образ жизни и тенденции его изменения. Дж. Стиглиц отмечает, что американский жизненный стиль неустойчив. Более того, жесткий инди-

⁴²⁰ Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.-P. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. P. 12.

⁴²¹ Ibid. P. 14–15, 45–54.

⁴²² Стиглиц Дж. Е. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: Эксмо, 2011, с. 337.

видуализм в сочетании с доминирующим материализмом приводит к подрыву доверия, без которого общество (даже самое рыночное) не может существовать⁴²³.

7) *Степень безопасности и защищенности* (как личная, так и общественная). Падение доверия происходит наряду с усилением ощущения тревожности: нестабильность экономической ситуации приводит к потере уверенности в завтрашнем дне и невозможности планировать свое будущее. Дж. Стиглиц подчеркивает, что в период президентства Дж. Буша экономические права корпораций стали приоритетными по сравнению с базовыми экономическими правами граждан, такими, как право на получение медицинского обслуживания, право на жилье и право на образование. К этой же важной категории относится и право на определенный минимальный уровень безопасности⁴²⁴. Необходимо восстановить роль экономических прав и свобод граждан, так как слишком часто они приносятся в жертву экономическим правам корпораций.

8) *Состояние окружающей среды*. В отчете Комиссии подчеркивается, что денежная оценка ряда показателей (например, экологии) не всегда оправдана, поскольку зачастую не существует рынков, на которых могли бы оцениваться соответствующие «активы» («природный капитал»). Более того, экологические аспекты «устойчивого развития» следует учитывать при помощи тщательно подобранной системы натуральных показателей, отражающих состояние окружающей среды; эта система может быть разработана с привлечением специалистов соответствующих областей знания⁴²⁵.

Такая «панель индикаторов» качества жизни могла бы существовать параллельно с традиционными показателями СНС и играть существенную роль при принятии решений в области макроэкономической и социальной политики – при условии, что она действительно будет в центре внимания экономистов и лиц, принимающих решения, а не окажется простым довеском к СНС.

⁴²³ Там же, с. 343.

⁴²⁴ Там же, с. 340.

⁴²⁵ Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.-P. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. P. 19.

Предложения по совершенствованию системы макроэкономических индикаторов, содержащиеся в отчете Комиссии, в различной форме высказывались и раньше. Смещение акцента с показателей продукта на показатели дохода и потребления, учет досуга и экологических последствий экономического роста при оценке качества роста и благосостояния предлагались еще в работах У. Нордхауса и Дж. Тобина⁴²⁶, а субъективные аспекты благосостояния исследовались в работах по экономической психологии и экономической теории счастья. Х.-Х. Нолл отмечает, что многие рекомендации, содержащиеся в Отчете, которые могут выглядеть новыми и инновационными, или даже революционными, с точки зрения экономики и официальной статистики, например, предложение использовать показатели субъективного благополучия для мониторинга благосостояния и прогресса, использовались и ранее во многих странах уже в 1970-е гг.⁴²⁷ В частности, известны исследования качества жизни в США⁴²⁸, Скандинавских странах⁴²⁹, Германии⁴³⁰, России⁴³¹.

Однако важно отметить, что до отчета Комиссии Дж. Стиглица такие предложения слабо затрагивали реальную статистическую практику. В этой связи значение отчета Комиссии состоит не в том, что в нем были высказаны радикально новые идеи, но в том, что были систематизированы результаты многочисленных исследований в области макроизмерений и оценки благосостояния и представлены рекомендации для официальных статистических служб, а выход Отчета, как подчеркивает Х.-Х. Нолл, явился новым стимулом для дискуссии об измерении благосостояния в академических исследованиях, в области официальной статистики, а также среди разработчиков политики и широкой общественности⁴³². В частно-

⁴²⁶ Nordhaus W. D., Tobin J. Is Growth Obsolete? // Economic Research: Retrospect and Prospect. Vol 5. Economic Growth. NBER, 1972.

⁴²⁷ Noll H.-H. The Stiglitz-Sen-Fitoussi-Report: Old Wine in New Skins? Views from a Social Indicators Perspective // Soc Indic Res, 2011, № 102, p. 113.

⁴²⁸ Campbell, A., Converse, P., Rodgers, W. L. The quality of American life: Perceptions, evaluations, and satisfactions. 1976, New York: Russel Sage Foundation.

⁴²⁹ Allardt, E., The Research Group for Comparative Sociology. The Scandinavian welfare survey 1972. Data material. 1972, Tampere: Available at the Finnish Social Science Data Archive.

⁴³⁰ Glatzer, W., Zapf, W. (Eds.). Lebensqualita't in der Bundesrepublik. Objektive Lebensbedingungen und subjektives Wohlbefinden. 1984. Frankfurt/New York: Campus Verlag.

⁴³¹ Капустин Е. И. Уровень, качество и образ жизни населения России. М.: Наука. 2006.

⁴³² Noll H.-H. The Stiglitz-Sen-Fitoussi-Report: Old Wine in New Skins? Views from a Social Indicators Perspective // Soc Indic Res, 2011, № 102, p. 115.

сти, национальная статистическая служба Франции начала работу по реализации рекомендаций Комиссии. Была расширена система показателей располагаемого дохода и потребления домашних хозяйств, углублено измерение неравенства на основе показателей СНС, разработана система дополнительных индикаторов для оценки качества жизни, а также показатели оценки качества окружающей среды⁴³³. Среди российских экономистов и статистиков ставится вопрос о необходимости перехода к показателю чистого внутреннего продукта (ЧВП) как основы для анализа и прогнозирования экономики, вместо показателя ВВП⁴³⁴. С учетом выводов и рекомендаций Отчета Комиссии Стиглица были проведены межстрановые исследования факторов благосостояния, как например, в работе Г. Мадониа, М.Ф. Краколиси, М. Куффаро⁴³⁵.

3.3. Рекомендации по совершенствованию измерения показателей качества экономического роста

Подводя итог систематизации различных подходов к определению и оценке качества экономического роста, учитывая специфику существующей системы макроэкономических измерений, рекомендации по ее совершенствованию, высказанные в отчете Комиссии Дж. Стиглица – Сена – Фитусси, отметим, что для полноценного учета всех аспектов качества роста необходимо совместно использовать все отмеченные выше подходы. Качество экономического роста в этом случае оценивается посредством многомерной панели индикаторов, в числе которых можно обозначить следующие группы.

Структура роста: соотношение между компонентами прироста выпуска как со стороны совокупного спроса, так и со стороны совокупного предложения. В первом случае рассматривается структура прироста реального ВВП по расходам, в которой особо выделяются компоненты внутреннего и внешнего спроса. Так,

⁴³³ Плато К. Два года спустя после доклада комиссии Стиглица – Сена – Фитусси: что нового в статистическом измерении благосостояния и устойчивого развития общества? // Вопросы статистики. 2011. № 11.

⁴³⁴ Погосов И. А. Чистый внутренний продукт как основа анализа и прогнозирования развития экономики // Проблемы прогнозирования. 2013. № 4.

⁴³⁵ Madonia G., Cracolici M. F., Cuffaro M. Exploring Wider Well-Being in the EU-15 Countries: An Empirical Application of the Stiglitz Report // Soc Indic Res, 2013, № 111, pp. 117–140.

рост доли внешнего спроса, с одной стороны, свидетельствует о востребованности продукции, произведенной в стране, на мировом рынке, но, с другой стороны, повышает риск уязвимости экономики перед внешними шоками. Кроме того, следует учитывать структуру экспорта (высокотехнологичный или низкотехнологичный). Рост доли потребления в приросте ВВП необходимо рассматривать также в контексте международных взаимосвязей: если при этом происходит увеличение импорта, то рост показателей потребления не означает повышения качества роста, поскольку все большая часть потребительских расходов обеспечивается за счет импортируемых товаров и услуг. Анализ инвестиционных расходов следует сопрягать с оценкой таких проблем, как качество основных фондов, степень их износа и т. д. Если повышение инвестиций ведет к обновлению основного капитала и увеличению производительности факторов производства, то оно свидетельствует о повышении качества роста в целом.

Структура роста со стороны совокупного предложения показывает, какие виды экономической деятельности обеспечивают рост. В этой связи необходимо проводить разграничение между качественными и некачественными видами экономической деятельности. Первые связаны с повышением качества факторов производства, труда и капитала, укреплением экономической безопасности страны, в то время как вторые характеризуют деятельность преимущественно в трансакционном секторе, которая ведет к росту издержек и растрате ресурсов, а также характеризует мнимый рост ВВП, вызванный спецификой исчисления «выпуска» в этих видах деятельности (прежде всего, к ним относится финансовое посредничество, и в меньшей степени – торговля, операции с недвижимостью и т. п. услуги).

Ресурсоемкость роста: оценивается соотношением между ростом выпуска и используемыми первичными ресурсами. При этом рост выпуска следует рассматривать, прежде всего, в сфере материального производства, поскольку для нее показатели ресурсоемкости являются наиболее значимыми. Как было показано выше при разборе ресурсного подхода, увеличение доли сферы нематериальных услуг в ВВП снижает показатели ресурсоемкости, что формально свидетельствует

о повышении качества роста, однако такой вывод был бы ошибочным, поскольку он не учитывает изменения в структуре роста (соотношение между материальным производством и сферой нематериальных услуг).

Социальная результативность роста может оцениваться как по доходным, так и по недоходным показателям. В первом случае сравнивается динамика реальных доходов населения с темпами роста ВВП: более быстрый рост реальных доходов свидетельствует о положительном социальном качестве роста. Далее, следует учитывать изменения в неравенстве распределения доходов, которые могут быть отражены через систему таких показателей, как: отношение среднедушевых доходов населения к величине прожиточного минимума; доля населения с доходами ниже прожиточного минимума; децильный коэффициент дифференциации доходов; коэффициент Джини и др. Снижение степени неравенства до социально приемлемых уровней свидетельствует о положительном социальном качестве роста. Разумеется, пороговые значения показателей неравенства нуждаются в обосновании, но в первом приближении можно ориентироваться на показатели наиболее развитых европейских стран.

Ряд рассмотренных выше показателей качества роста могут быть интерпретированы и как *ограничения роста со стороны требований к национальной экономической безопасности* (по структурным, технологическим и социальным параметрам). Несоблюдение указанных ограничений приводит к низкому качеству роста по определению. В этой связи следует ввести понятие *суверенного экономического роста* – экономического роста, соответствующего задачам развития национальной экономики и обеспечения национальной экономической безопасности. Высокое качество экономического роста в национальном аспекте соответствует движению национальной экономики по траектории суверенного экономического роста.

Помимо доходных показателей, следует также учитывать и недоходные показатели, характеризующие изменения в качестве жизни. Это демографические характеристики – рождаемость, смертность (в том числе младенческая), естественный прирост; показатели образования и здоровья населения, характеристика жи-

лищных условий. Повышение доступности жилья, а также показатели, характеризующие работу жилищно-коммунального хозяйства, являются важнейшими характеристиками, от которых зависит качество жизни населения. Наконец, следует также учитывать и такие недоходные показатели благосостояния, как свободное время, социальные взаимоотношения, «уровень счастья», а также состояние окружающей среды, однако их оценка требует проведения дополнительных регулярных исследований. При этом интегральным показателем оценки качества экономического роста может служить показатель динамики доли свободного времени при условии выполнения ряда ограничений национальной безопасности (технологических, ресурсных, экологических, социальных, культурных и т.п.). Другими словами, экономический рост, при условии соответствия вышеперечисленным требованиям национальной безопасности, будет тем более качественным, чем больше он способствует увеличению объема свободного времени (при, как минимум, сохранении стабильного уровня подушевого реального дохода) или росту подушевого реального дохода при сохранении достигнутого объема свободного времени, или комбинации роста подушевого дохода и роста свободного времени. И, напротив, качество экономического роста падает, если, отвечая в целом требованиям национальной экономической безопасности, данный рост сопряжен с сокращением величины свободного времени при растущем подушевом доходе.

Глава 4. Источники и факторы в моделировании экономического роста: российские особенности

4.1. Формализованная модель накопления капитала К. Маркса и подход Т. Пикетти.

Анализ факторов в моделях экономического роста начнем с рассмотрения и необходимой формализации базовой модели расширенного воспроизводства и накопления капитала, представленной К. Марксом в «Капитале». В I томе «Капитала» была дана схема накопления капитала в общем виде, во II томе – с учетом двух подразделений общественного производства и условий обмена между ними. К. Маркс рассматривал схемы накопления и воспроизводства на условных числовых примерах, не доведя их до математической абстракции⁴³⁶. Однако такую операцию несложно провести, если оговорить заранее предпосылки, при которых анализируется накопление капитала.

Формализация схем воспроизводства К. Маркса проводилась и ранее, в частности, О. Ланге⁴³⁷. Однако О. Ланге рассматривает в своих уравнениях части стоимости совокупного продукта V и M как независимые друг от друга, хотя у Маркса прибавочная стоимость (M) ставится в строгое соответствие с величиной переменного капитала (и равной ей части совокупного продукта – V). В результате формализации схем воспроизводства К. Маркса О. Ланге получает зависимости, в которых в явном виде определяется взаимосвязь постоянного капитала текущего периода (и соответствующая ему часть совокупного продукта – C) с совокупным продуктом предшествующего периода и выводимым при этом коэффициентом затрат a_c , при том, что V и M формально остаются независимыми переменными в каждом периоде. Включение Марксовых схем воспроизводства в модель расширяющейся экономики было сделано также М. Моришимой на основе математического описания модели фон Неймана⁴³⁸.

⁴³⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф., Собр. соч., М.: Госполитиздат, 1960, Т. 23, сс. 592 – 662; Т. 24, сс. 556 – 596.

⁴³⁷ Ланге О. Введение в экономическую кибернетику. М.: Прогресс, 1968, с. 62 – 70; 92 – 95.

⁴³⁸ Моришима М. Равновесие, устойчивость, рост (Многоотраслевой анализ). М., Наука, 1972, с. 174 – 179.

Проводимая в настоящем исследовании формализация модели накопления капитала К. Маркса основывается на результатах исследования А.В. Сорокина и развивает подход, представленный А.В. Сорокиным в многочисленных публикациях⁴³⁹. Конкретизируем формализованную модель накопления капитала К. Маркса, с учетом следующих предпосылок:

1) За основу берется модель накопления капитала при его неизменном органическом строении. Данная модель позволяет получить легко формализуемые зависимости, удобные для сравнения.

2) Анализ проводится на уровне I тома «Капитала», то есть проблема реализации продукта не рассматривается. Предполагается, что все товары реализуются по стоимости (на языке макроэкономики – система находится в состоянии равновесия), экономические агенты (в модели «Капитала» – это капиталисты и наемные рабочие) находят все нужное им на рынке.

3) Отсутствуют какие-либо ограничения для накопления капитала, в том числе со стороны рынка труда.

4) Различие между примененным и потребленным постоянным капиталом не учитывается, то есть предполагается, что постоянный капитал полностью потребляется в течение одного периода, который, строго говоря, не обязательно равен году. В макроэкономической терминологии – рассматривается долгосрочный период.

5) Норма прибавочной стоимости постоянна во всех периодах.

6) Норма накопления постоянна во всех периодах.

7) Рассматривается закрытая экономика без государства.

Параметры модели следующие:

K – авансированный в начальном периоде капитал;

⁴³⁹ Сорокин А.В. Модель общественного богатства – матрица синтеза категорий микро- и макроэкономики // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, 2014, том 6, № 1; Сорокин А.В. Общая экономика: бакалавриат, магистратура, аспирантура. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2016.

a, b – параметры, характеризующие органическое строение авансированного капитала, то есть его распадение (в долях) на постоянный (K_C) и переменный (K_V) капитал. По определению, $a + b = 1$.

C – часть стоимости произведенного совокупного продукта, равная стоимости соответствующего постоянного капитала;

V – часть стоимости произведенного совокупного продукта, равная стоимости соответствующего переменного капитала;

M – часть стоимости совокупного продукта, равная созданной прибавочной стоимости;

m' – норма прибавочной стоимости; в соответствии с моделью «Капитала» масса прибавочной стоимости будет рассчитываться по формуле: $M = m' b K$;

h – норма накопления капитала: доля прибавочной стоимости, идущая на накопление капитала. Обозначение h условно и принято для разграничения нормы накопления по Марксу от нормы сбережений (s), как она обычно определяется в работах экономистов.

С учетом предпосылок Марксовой модели, основанной на трудовой теории стоимости, совокупный общественный продукт (Y), произведенный в результате авансирования капитала в размере K , будет равен:

$$Y = K + m' b K = K(1 + m' b) \quad (2).$$

В модели накопления K . Маркса капитал рассматривается как поток. С учетом предпосылки (4), получим, что накопленный капитал по итогам первого периода составит:

$$K_1 = K + h m' b K = K(1 + h m' b) \quad (3).$$

В начале второго периода авансируется уже капитал K в размере K_1 , в результате будет произведен совокупный продукт по формуле (2), а накопленный к концу второго периода капитал составит:

$$K_2 = K_1(1 + h m' b) = K(1 + h m' b)^2 \quad (4).$$

Обобщая процесс накопления капитала для n периодов, получим, что капитал периода n (K_n) связан с первоначально авансированным капиталом K следующим соотношением:

$$K_n = K(1 + hm'b)^n \quad (5).$$

Из соотношения (5) следует, что *темпы прироста капитала равен произведению трех переменных: нормы накопления (h), нормы прибавочной стоимости (m') и параметра (b), характеризующего органическое строение капитала* (конкретно – долю авансированного капитала, приходящуюся на переменный капитал).

Теперь от накопления капитала перейдем к рассмотрению динамики продукта и дохода. Следует отметить, что у К. Маркса совокупный продукт включает часть С (по стоимости и по натуральной форме), соответствующую стоимости потребленного постоянного капитала. Последний же включает не только средства труда (машины, оборудование, инфраструктура), которые в современной системе национальных счетов относятся к инвестициям и отражаются в стоимости конечного продукта (ВВП), но и предметы труда (сырье, материалы), которые статистикой относятся к промежуточному продукту и не включаются в ВВП, чтобы элиминировать двойной счет. Аналогом совокупного общественного продукта, рассматриваемого К. Марксом, в современной статистике был бы не показатель ВВП, а показатель валового выпуска. Если части продукта, приходящиеся на V и M, можно соотнести с некоторыми оговорками с ВВП по доходам как заработную плату наемных работников и чистую прибыль экономики, то от С к ВВП отходит только часть, приходящаяся на амортизацию (по доходам – включается в валовую прибыль экономики, по расходам – в инвестиции).

Поскольку совокупный продукт начального периода в модели К. Маркса полностью определяется авансированным капиталом по формуле (2), то, подставляя вместо K выражение (5) и перегруппируя множители, получим значение совокупного продукта в периоде n:

$$Y_n = K(1 + m'b)(1 + hm'b)^n \quad (6).$$

Из выражения (6) следует, что *темпы прироста совокупного продукта совпадают с темпом прироста капитала (как он определен в модели К. Маркса) и равен произведению трех переменных: нормы накопления (h), нормы прибавочной стоимости (m') и параметра (b), характеризующего органическое строение капитала со стороны переменного капитала.*

Полученные зависимости (5) и (6) можно упростить. Отметим, что по Марксу норму прибавочной стоимости можно определить как соотношение массы прибавочной стоимости и переменного капитала:

$$m' = \frac{M}{K_V} \quad (7).$$

Параметр b может быть определен как соотношение переменного капитала к общему объему авансированного капитала:

$$b = \frac{K_V}{K} \quad (8).$$

Таким образом, получаем, что произведение нормы прибавочной стоимости на параметр b , будет равно норме прибыли на капитал (r) по Марксу:

$$m'b = \frac{M}{K_V} * \frac{K_V}{K} = \frac{M}{K} = r \quad (9).$$

Отметим, что норма прибыли на капитал по Марксу отличается от эмпирической нормы прибыли (рентабельности активов), рассчитываемой статистикой, поскольку учитывает соотношение прибыли не только с постоянным капиталом («физическим капиталом» в статистике), но и с переменным капиталом. С учетом преобразований (7), (8) и (9), выражения (5) и (6) могут быть записаны следующим образом:

$$K_n = K(1 + hr)^n \quad (10);$$

$$Y_n = K(1 + r)(1 + hr)^n \quad (11).$$

Вывод: в модели накопления капитала К. Маркса темп прироста капитала и темп прироста совокупного продукта (g) совпадают и определяются произведением нормы накопления капитала (h) на норму прибыли авансированного капитала (r):

$$g = h * r \quad (12).$$

Данный вывод подтверждается и другими исследованиями. Так, М. Моришима при рассмотрении Марксовых схем воспроизводства в модели расширяющейся экономики делает вывод, что «в случае расширенного воспроизводства темп роста экономики равен норме прибыли, умноженной на отношение суммы капиталовложений к величине прибавочной стоимости»⁴⁴⁰. А в работе Т. Пикетти уравнение (12) находит неожиданное подтверждение, хотя сам автор даже не пытался

⁴⁴⁰ Моришима М. Равновесие, устойчивость, рост (Многоотраслевой анализ). М., Наука, 1972, сс. 185 – 186.

формализовать Марксову схему накопления капитала. Т. Пикетти⁴⁴¹ формулирует два «основных закона капитализма». Первый из них формально записывается следующим образом:

$$\alpha = r * \beta \quad (13)^{442},$$

где α – доля доходов от капитала в национальном доходе;

r – средняя доходность капитала;

β – соотношение между капиталом и доходом (K/Y).

Второй основной закон капитализма, согласно Т. Пикетти, описывается уравнением:

$$\beta = \frac{s}{g} \quad (14)^{443},$$

где s – уровень сбережений;

g – темп прироста национального дохода страны.

В отличие от первого закона, который представляет собой тождество, второй закон капитализма по Пикетти проявляется асимптотически, в долгосрочном периоде, т.е. требуется время, чтобы реальная ситуация в экономике могла быть описана уравнением (14). Этот закон Т. Пикетти выводит эмпирически, на основе анализа большого статистического материала, в отличие от К. Маркса, который все закономерности накопления выводил строго теоретически. Т. Пикетти сопоставляет среднюю доходность капитала и темп роста национального дохода для вывода своего фундаментального неравенства ($r > g$) как условия, при котором происходит рост концентрации богатства и усиление имущественного расслоения в обществе. Т. Пикетти пытается противопоставить накопление капитала (как он его трактует) и экономический рост (как рост национального дохода). Однако даже из сопоставления уравнений (13) и (14) видно, что темп экономического роста у Т. Пикетти и в модели накопления капитала К. Маркса описывается схожим образом. Выразим β из (13), а g из (14):

$$\beta = \frac{\alpha}{r} \quad (15);$$

⁴⁴¹ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., Ад Маргинем Пресс, 2015.

⁴⁴² Там же, с. 67.

⁴⁴³ Там же, с. 171.

$$g = \frac{s}{\beta} \quad (16).$$

Подставляя значение β из выражения (15) в (16), получим:

$$g = \frac{s*r}{\alpha} \quad (17).$$

Следует отметить, что «норма сбережений» у Т. Пикетти (как и в современной макроэкономике в целом) отличается от «нормы накопления» К. Маркса. Формально макроэкономическая норма сбережений будет определяться как:

$$s = \frac{S}{Y} \quad (18),$$

где S – объем сбережений в экономике, а Y – ВВП или национальный доход. Если предположить, что накапливаемая часть прибавочной стоимости совпадает с объемом сбережений в экономике, то норма накопления по Марксу будет равна:

$$h = \frac{S}{M} \quad (19).$$

Параметр α в уравнении (17) показывает долю доходов от капитала в национальном доходе. По Марксу все доходы от капитала равны совокупной массе прибавочной стоимости, поэтому данный параметр можно записать как:

$$\alpha = \frac{M}{Y} \quad (20).$$

Преобразуем уравнение (17), подставив в него значения s и α из выражений (18) и (20):

$$g = \frac{\frac{S}{Y} * r}{\frac{M}{Y}} = \frac{S * r}{M} = h * r \quad (21).$$

После преобразований вывод следующий: за исключением нюансов определения средней доходности капитала (по Марксу или по Пикетти), формализованные выводы обоих исследователей полностью совпадают: *темп экономического роста определяется произведением нормы накопления на норму прибыли (доходность капитала)*. Отметим также, что не имеет никакого значения, соотносим ли мы сбережения и доход от капитала с конечным продуктом (ВВП) или с совокупным продуктом, поскольку при преобразованиях эта переменная сокращается и не влияет на итоговый результат.

Фактически тождество выводов двух исследователей, работавших не только независимо друг от друга, но и ставивших разные цели (в частности, целью Т.

Пикетти было показать, что накопление капитала и экономический рост находятся в противоречии), тем более значимо, учитывая различия в применяемой методологии исследования и определении базовых понятий. Так, «капитал» у Т. Пикетти не включает человеческий капитал, зато включает «сумму нефинансовых активов (жилья, земельных участков, движимого имущества, строений, машин, оборудования, патентов и других профессиональных активов, которыми владеют непосредственно) и финансовых активов (банковских счетов, сбережений, облигаций, акций и других видов долевого участия в компаниях, различных инвестиций, договоров о страховании жизни, пенсионных фондов и т.д.), из которой вычтены финансовые пассивы (т.е. все долги)»⁴⁴⁴. «Капитал» у К. Маркса в схемах накопления не включает «фиктивный капитал» (ценные бумаги) и непродуцируемую недвижимость, а только действительно производительный капитал в форме средств производства и способности к труду (в их стоимостных выражениях). Как было показано выше, «совокупный общественный продукт» у К. Маркса отличается от показателей ВВП или национального дохода, которым оперирует Т. Пикетти, потому прямое отождествление темпов роста этих показателей также некорректно. Главный недостаток модели К. Маркса с позиций позитивистской методологии – невозможность получить напрямую оценки переменных, используемых в модели (будь то норма накопления, норма прибыли, норма прибавочной стоимости или параметры органического строения капитала). В реальности, доступной непосредственному наблюдению, можно искать лишь некие аналоги или приближения к указанным теоретическим понятиям, которые могли бы их отобразить с большей или меньшей степенью погрешности. Например, норма прибавочной стоимости очень и очень грубо может быть оценена через соотношение чистой прибыли экономики и заработной платы наемных рабочих (и это при том, что в состав «наемных рабочих» попадают и высшие менеджеры, чья зарплата, по Марксу, относится к части прибавочной стоимости, а не к части переменного капитала). Оценка «нормы прибыли» как нормы рентабельности – также будет грубой и искаженной оценкой, поскольку не учитывает соотношение прибыли с пе-

⁴⁴⁴ Там же, с. 63.

ременным капиталом, а кроме того не включает другие доходы от капитала (например, ренту, процент: по Марксу все они включены в прибавочную стоимость и потому должны учитываться при расчете нормы прибыли в экономике в целом). Кроме того, следует отметить, что выражения (12) и (17) корректнее использовать для расчета динамики *номинальных величин*, поскольку переменные в этих уравнениях не могут принимать отрицательные значения. В схемах накопления К. Маркса нет отдельно цен и уровней выпуска, а есть стоимостные показатели (хотя предполагается определенное соответствие между динамикой стоимости и динамикой продукта в натуральной форме – предпосылка о постоянстве органического строения капитала, ее частный случай может быть представлен как допущение о постоянстве уровня цен). По этой же причине использовать формулы (12) и (17) корректно для долгосрочного периода роста экономики, исключаящего какие-либо спады и кризисы, поскольку в последнем случае темпы роста выпуска становятся отрицательными.

Вышесказанное делает крайне затруднительной проверку модели накопления капитала К. Маркса по данным статистики. Тем не менее, формальное тождество выводов, полученных на основе теоретической модели К. Маркса и эмпирического подхода Т. Пикетти, снимает необходимость такой детальной проверки.

Из формализованной модели накопления капитала К. Маркса с учетом ее независимой проверки по работе Т. Пикетти, следует, что важнейшими факторами экономического роста являются структурные макроэкономические факторы: норма накопления (норма сбережений) и норма прибыли (доходность капитала). Однако данные выводы получены на достаточно высоком уровне абстракции с учетом весьма жестких предпосылок. В частности, предпосылка о закрытой экономике в современных условиях является чрезмерно жесткой. В открытой экономике не вся накапливаемая прибавочная стоимость может вкладываться в расширение капитала национальной экономики, часть ее – вывозиться за границу и вкладываться в накопление капитала в других странах. Для того чтобы приблизить модель К. Маркса к реальности, скорректируем показатель нормы сбережений s на долю прибавочной стоимости, вывозимой за границу. Эмпирической оценкой

данного показателя может случить *норма утечки капитала* (s_f), рассчитываемая как отношение вывоза капитала к ВВП (или к национальному доходу). Тогда норма сбережений для накопления капитала в национальной экономике (s_h) будет равна:

$$s_h = s - s_f \quad (22).$$

Уравнение (17) соответственно модифицируется:

$$g = \frac{s_h * r}{\alpha} \quad (23).$$

Аналогично, в уравнении (21) следует теперь учесть только ту долю накапливаемой прибавочной стоимости, которая остается в стране для накопления капитала (h_h):

$$g = h_h * r \quad (24).$$

Протестируем уточненную модель накопления К. Маркса на данных российской экономики (уравнения (23) и (24)). Вследствие ограничений модели корректно рассматривать только периоды с положительной макродинамикой. Норму сбережений в экономике рассчитаем по данным национальных счетов как отношение валового сбережения к ВВП. Для оценки нормы утечки капитала соотнесем данные о вывозе капитала частным сектором (представлены в долл. США) с ВВП России в долларах США. Для оценки доходности капитала возьмем показатель рентабельности проданных товаров, работ, услуг. Его использование в данном случае корректнее, чем использование показателя рентабельность активов, поскольку по условиям модели капитал представлен как поток, полностью воспроизводящийся в течение периода (абстрагирование от различной длительности срока службы основного капитала). Рентабельность активов же подразумевает учет капитала в форме активов с длительным сроком службы. Поскольку уравнения (23) и (24) показывают нелинейную зависимость, для эконометрической проверки превратим ее в линейную форму посредством логарифмирования:

$$\ln(g) = \ln(s_h) + \ln(r) - \ln(\alpha) \quad (25);$$

$$\ln(g) = \ln(h_h) + \ln(r) \quad (26).$$

Исходные данные для построения модели и последующего расчета ее коэффициентов⁴⁴⁵ представлены в Приложении 1. Были исключены периоды с отрицательной динамикой ВВП (1995, 1996, 1998, 2009, 2015 гг.). Для построения модели были взяты логарифмы переменных g , s_h , r , a . Для оценки переменной hh также использовалась переменная sh . Расчеты проводились в программе Gretl 1.9.13 с использованием метода наименьших квадратов (МНК). По уравнению (25) были получены следующие оценки (Таблица 7).

Таблица 7. Модель 1: МНК, использованы наблюдения 1997, 1999 – 2008, 2010 – 2014 ($T = 16$). Зависимая переменная: $\ln(g)$

	Коэффициент	Ст. ошибка	t -статистика	P -значение	
const	1,49219	1,07396	1,3894	0,18995	
$\ln(s_h)$	1,31851	0,429464	3,0701	0,00971	***
$\ln(r)$	1,53864	0,321582	4,7846	0,00045	***
$\ln(a)$	-0,588425	0,972252	-0,6052	0,55631	
Среднее зав. перемен	-3,137296		Ст. откл. зав. перемен	0,756703	
Сумма кв. остатков	1,200090		Ст. ошибка модели	0,316240	
R-квадрат	0,860276		Испр. R-квадрат	0,825345	
F(3, 12)	24,62780		P-значение (F)	0,000020	
Лог. правдоподобие	-1,981481		Крит. Акаике	11,96296	
Крит. Шварца	15,05332		Крит. Хеннана-Куинна	12,12121	
Параметр rho	0,398842		Стат. Дарбина-Вотсона	1,108543	

Как следует из Таблицы 7, переменная $\ln(a)$ оказалось незначимой в российских условиях, зато переменные $\ln(s_h)$ и $\ln(r)$ – значимы на 1% уровне. При этом знаки коэффициентов при переменных в точности соответствуют теоретической модели: положительные при $\ln(s_h)$ и $\ln(r)$ и отрицательный при $\ln(a)$. Исправленный R-квадрат также достаточно высокий (0,825), что подтверждает результативность модели. Отметим, что в 2011 и 2014 гг. имело место изменение статистической методологии, что сказалось на расчете ВВП по доходам (существенный рост доли валовой прибыли и валовых смешанных доходов). Данный фактор мог повлиять на результаты моделирования по переменной $\ln(a)$.

⁴⁴⁵ Наличие коэффициентов при $\ln(s_h)$, $\ln(r)$ и т.д., строго говоря, означает, что в исходных функциях, описываемых уравнениями (23) и (24), эти коэффициенты становятся степенями при переменных s_h , r и др.

Оценим модель для уравнения (26), тем более что переменная $\ln(a)$ оказалась незначимой. Результаты оценки представлены в Таблице 8.

Устранение переменной $\ln(a)$ позволило несколько повысить качество модели (скорректированный R-квадрат вырос до 0,834). Отметим, что для российской экономики формула (26), основанная на модели К. Маркса, оказалась точнее, чем формула (25), выведенная из двух основных законов капитализма, сформулированных Т. Пикетти. С учетом полученных коэффициентов, конкретная спецификация уравнения (26) в условиях российской экономики примет вид:

$$g = e^{2,02804} * s_h^{1,4285} * r^{1,45042} ;$$

$$g = 7,599177365 * s_h^{1,4285} * r^{1,45042} \quad (27).$$

Таблица 8. Модель 2: МНК, использованы наблюдения 1997, 1999 – 2008, 2010 – 2014 (T = 16). Зависимая переменная: $\ln(g)$

	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение	
const	2,02804	0,592853	3,4208	0,00456	***
$\ln(s_h)$	1,4285	0,379514	3,7640	0,00236	***
$\ln(r)$	1,45042	0,279572	5,1880	0,00017	***
Среднее зав. перемен	-3,137296		Ст. откл. зав. перемен	0,756703	
Сумма кв. остатков	1,236722		Ст. ошибка модели	0,308436	
R-квадрат	0,856011		Испр. R-квадрат	0,833858	
F(2, 13)	38,64224		P-значение (F)	3,38e-06	
Лог. правдоподобие	-2,222022		Крит. Акаике	10,44404	
Крит. Шварца	12,76181		Крит. Хеннана-Куинна	10,56273	
Параметр rho	0,426151		Стат. Дарбина-Вотсона	1,058622	

Факторы роста, выявленные на основе формализации модели накопления капитала К. Маркса, являются достаточно «комплексными», поскольку в свою очередь зависят от множества факторов второго порядка. Тем не менее, их динамика позволяет предсказывать общую динамику в экономике, ее длительный тренд. В частности, снижение нормы прибыли приводит к долгосрочному замедлению экономического роста. Р. Бреннер отмечает, что чистая норма прибыли в частном бизнес-секторе в период 1950 – 1970-х была выше, чем в период 1970 – 1993 гг. Так, для США показатели составили, соответственно, 12,9% и 9,9%, для Германии 23,2% и 13,8%, для Японии 21,6% и 17,2%, а для стран «Большой семерки» в це-

лом 17,6% и 13,3%⁴⁴⁶. Р. Бреннер указывает на снижение нормы прибыли как на главный фактор долгосрочного замедления экономического роста в рассматриваемых странах, подтверждая выводы К. Маркса. Значимость данного фактора подтверждается и для российской экономики. Тем не менее, необходимо рассмотреть дальнейшее развитие моделирования экономического роста для конкретизации более широкого круга факторов, влияющих на экономический рост.

4.2. Кейнсианские модели экономического роста

Представление о неравновесном и неустойчивом росте как отличительном свойстве рыночно-капиталистической экономики характерно для кейнсианского подхода к экономическому росту. Кейнсианцы акцентировали внимание на влиянии компонентов совокупного спроса (прежде всего, инвестиционного) на темпы роста, необходимые для достижения полной занятости. Подчеркивалось, что инвестиционные решения принимаются независимо от решений о сбережениях и определяются разными факторами.

Основные идеи кейнсианского подхода к экономическому росту были сформулированы Р. Харродом в «Очерке теории динамики» в 1939 г.⁴⁴⁷ и получили дальнейшее развитие в его послевоенных работах⁴⁴⁸. В основе модели Р. Харрода находится взаимодействие трех уравнений, описывающих фактический, «гарантированный» (в современном прочтении – «обеспеченный») и «естественный» («оптимальный») темпы роста. Фактический темп роста (g) в модели Р. Харрода записывается как:

$$g = \frac{s}{c} \quad (28),$$

где s – сберегаемая доля дохода, C – прирост капитала (чистые инвестиции), деленный на прирост чистого выпуска (дохода). Уравнение (28) представляет собой тождество, поскольку осуществленные сбережения *ex post* совпадают с реализованными инвестициями. Следует обратить внимание, что величина, обратная C ,

⁴⁴⁶ Бреннер Р. Экономика глобальной турбулентности. Развитые капиталистические экономики в период от долгого бума до долгого спада, 1945 – 2005 /Пер. с англ. М., Издательский дом ВШЭ, 2014, с. 40.

⁴⁴⁷ Harrod R. An essay in dynamic theory // *Economic Journal*, 1939, Vol.49.

⁴⁴⁸ Harrod R.F. *Towards a Dynamic Economics*, London, Macmillan, 1948; Harrod R.F. *Economic Dynamics*, London: Macmillan. 1973.

является некоторым аналогом нормы прибыли от инвестиций, поскольку показывает прирост дохода на единицу чистых инвестиций; таким образом, уравнение (28) может быть приведено к уравнению, подобному (12).

«Обеспеченный» темп роста (g_w) описывается уравнением:

$$g_w = \frac{s_d}{c_r} \quad (29).$$

Здесь s_d – норма желаемых сбережений как доля от совокупного дохода, C_r – приростная капиталоемкость, соответствующая желаемой величине капитала, удовлетворяющей предпринимателей.

Наконец, темп роста, соответствующий социальному оптимуму («естественный» или «оптимальный» темп роста), описывается как:

$$g_n = \frac{s_0}{c_r} \quad (30).$$

«Естественный» темп роста можно рассматривать как «рост, соответствующий потенциалу экономики, или как максимально возможный рост, зависящий от равновесия труда и досуга»⁴⁴⁹. Сам по себе «естественный» темп роста определяется ростом населения и техническим прогрессом, а s_0 в уравнении (30) показывает норму сбережений, которая соответствует такому темпу роста, она является искомой величиной и ее достижение может рассматриваться как цель экономической политики.

П. Коммендаторе, С. Д'Акунто, К. Панико и А. Пинто, характеризуя модель Р. Харрода, приводят уравнение, описывающее зависимость нормы инвестиций от соотношений между фактическим и ожидаемым темпами роста выпуска:

$$i = k g_t^e + f(g_t - g_{t-1}^e) \quad (31),$$

где i – норма инвестирования, g_t^e – ожидаемый темп роста выпуска в текущем периоде, g_{t-1}^e – ожидаемый темп роста выпуска в предыдущем периоде, g_t – фактический темп роста выпуска в текущем периоде, k – коэффициент капиталоемкости⁴⁵⁰. «Обеспеченный» рост с темпом g_w может быть определен в случае, когда ожидаемый темп роста совпадает с фактическим ($g_t = g_{t-1}^e$).

⁴⁴⁹ Харрод Р. Теория экономической динамики: Пер. с англ. В.Е. Маневича / Под ред. В.Г. Гребенникова. – М.: ЦЭМИ РАН, 2008.

⁴⁵⁰ Commendatore P., D'Acunto S., Panico C., Pinto A. Keynesian Theories of Growth // The Theory of Economic Growth. Ed. By Salvadore N. Edward Elgar, Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA, 2003, p. 107.

Различия между фактическим и «обеспеченным» темпами роста задают несколько сценариев развития экономики. Если фактический темп роста превышает обеспеченный, то капитальное оборудование используется выше его нормального уровня, а предприниматели увеличивают инвестиции в соответствии с выражением (31). В случае, когда $g < g_w$, имеет место сокращение инвестиций. В обоих случаях темп роста будет отходить все дальше от своего «обеспеченного» уровня. Однако в области, лежащей выше «обеспеченного» роста имеется предел такому расхождению – потолок «полной занятости». Определение нижнего предела расхождению фактического и обеспеченного темпов роста представляет собой особую проблему. Р. Харрод отмечает, что в ходе спада меняется величина «обеспеченного» темпа роста, поскольку меняется представление людей о величине желаемых сбережений⁴⁵¹. В итоге специфический «обеспеченный» темп роста (возникший в ходе спада) упадет ниже, чем фактический темп роста, и экономика перейдет к ситуации восстановления, когда $g > g_w$.

Модель роста Р. Харрода достаточно сложно специфицировать применительно к конкретной национальной экономике, поскольку в ней содержатся параметры, не выявляемые напрямую статистикой (желаемая норма сбережений, желаемый коэффициент капиталоемкости). Р. Харрод, пожалуй, один из немногих теоретиков экономического роста, который ввел в свою модель фактор предпочтений и ожиданий (прежде всего, предпринимателей), однако не провел его достаточную формализацию. Тем не менее, следует подчеркнуть внимание Р. Харрода к этим «невещественным» факторам экономического роста; в современных моделях роста они находят свое отражение на иной методологической основе (как «доверие», «социальный капитал» и т.п.).

Р. Харрод подчеркивал активную роль государственной политики для достижения долгосрочного динамического равновесия, особенно фискальной политики. Последняя, по мнению Р. Харрода, должна проводиться путем снижения налого-

⁴⁵¹ Харрод Р. Теория экономической динамики: Пер. с англ. В.Е. Маневича / Под ред. В.Г. Гребенникова. – М.: ЦЭМИ РАН, 2008.

вых ставок при сохранении неизменного уровня государственных расходов⁴⁵². Монетарная политика, согласно Р. Харроду, должна использоваться для стабилизации краткосрочных колебаний экономики, возникающих при расхождении фактического и «обеспеченного» темпов роста. В то же время колебания ставки процента сильнее воздействуют на изменение нормы прибыли, нежели на коэффициент капиталоемкости. Влияние государственной политики на темпы роста в модели Р. Харрода можно выразить следующим уравнением:

$$s(1 - t + r_b b) + t = kg + j + r_b b \quad (32),$$

где s – склонность к сбережению частного сектора, t – средняя налоговая ставка (как доля от чистого выпуска), r_b – процентная ставка по государственным облигациям, b – количество государственных облигаций в обращении (как доля от чистого выпуска), k – коэффициент капиталоемкости, g – темп роста экономики, j – государственные расходы на товары и услуги как доля чистого выпуска⁴⁵³.

Уравнение (32) может использоваться как для нахождения «обеспеченного» темпа роста (g становится неизвестным, прочие параметры даны), так и для нахождения параметров фискальной политики, необходимых для поддержания «естественного темпа роста», обеспечивающего полную занятость (в этом случае g известен и соответствует «естественному росту», а параметр экономической политики, например t , требуется определить). Выражая g из уравнения (32) и перегруппировав слагаемые в числителе, получим:

$$g = \frac{s(1-t)+(t-j)-r_b b(1-s)}{k} \quad (33).$$

Из уравнения (33) следует, что на темпы экономического роста, помимо нормы сбережений и коэффициента капиталоемкости, оказывают влияние следующие факторы:

- первичный излишек государственного бюджета ($t - j$) - положительно;
- объем выплат по государственному долгу ($r_b b$) – отрицательно.
- налоговая ставка (t) – отрицательно.

⁴⁵² Harrod R.F. Economic Dynamics, London: Macmillan. 1973, p. 107.

⁴⁵³ Commendatore P., D'Acunto S., Panico C., Pinto A. Keynesian Theories of Growth //The Theory of Economic Growth. Ed. By Salvadore N. Edward Elgar, Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA, 2003, pp. 111 – 112.

Положительное влияние на темпы роста со стороны положительного сальдо бюджета можно объяснить следующим образом. Государственные сбережения, направляясь на финансовый рынок, увеличивают источники для инвестиций частного сектора, компенсируя, тем самым, снижение доли частных сбережений из-за выплаты налогов. Однако необходимо подчеркнуть, что такое стимулирующее воздействие возможно при условии, когда государственные сбережения, в конечном счете, вкладываются в *национальную экономику* (становятся дополнительным источником инвестиций для предприятий реального сектора национальной экономики). Если же они принимают форму вложений в иностранные активы (например, покупка облигаций иностранных правительств), то стимулирующий эффект будет оказываться уже для соответствующей иностранной экономики, а не отечественной. Снятие предпосылки о «закрытой экономике», типичной для стандартных моделей экономического роста, модифицирует и усложняет взаимосвязи, получаемые в модели.

Отметим, что если бюджет сбалансирован ($t = j$) и отсутствует государственный долг ($b = 0$), то выражение (33) трансформируется к следующему виду:

$$g = \frac{s(1-t)}{k} \quad (34),$$

в котором на темп роста оказывает негативное влияние лишь один параметр государственной политики – налоговая ставка.

Наличие в уравнении (33) государственного долга и процентной ставки поднимает проблему взаимосвязи между ростом и распределением, а также между фискальной и монетарной политикой. Н. Калдор подчеркивал, что денежно-кредитная политика должна стабилизировать краткосрочные ставки. Нестабильность процентных ставок усиливает финансовые спекуляции, снижает способность рынков передавать финансовые ресурсы производственным фирмам и повышает долгосрочные процентные ставки из-за необходимости учитывать премию за риск. Высокие долгосрочные ставки процента затрудняют управление государственным долгом и увеличивают вероятность неплатежей по кредитам со

стороны фирм, делая финансовые рынки более хрупкими. Наконец, они, как правило, вызывают экономический застой⁴⁵⁴.

Влияние факторов экономического роста уточнялось в дальнейших работах кейнсианских авторов. Так, еще Н. Калдор предложил модель, в которой рассмотрел эндогенное формирование нормы сбережений, исходя из различных норм сбережений у класса капиталистов (s_c) и класса наемных рабочих (s_w)⁴⁵⁵. С учетом этой предпосылки, В. Дениколо и М. Маттеуцци⁴⁵⁶ конкретизировали условия роста с учетом государственной политики (выражение (33)). Они предположили, что норма доходности по государственным облигациям совпадает с нормой доходности капитала (r). В этом случае темп роста, полученный в их модели, будет определяться следующим уравнением:

$$g = s_c(1 - t)r \quad (35).$$

Отметим, что уравнение (35) фактически развивает уравнение (12), полученное на основе формализации Марксовой модели накопления капитала. Норме накопления (h) в уравнении (35) соответствует норма сбережения класса капиталистов (s_c). Параметр налоговой ставки учитывает влияние государственной политики на накопление капитала и экономический рост, которое не рассматривалось К. Марксом.

Помимо роли государства в кейнсианских моделях широко рассматривается влияние фактора автономных инвестиций на экономический рост (работы Е. Домара⁴⁵⁷, Дж. Робинсон⁴⁵⁸, Н. Калдора⁴⁵⁹). В моделях используются предпосылки об отсутствии взаимозаменяемости факторов производства (Леонтьевская производственная функция), эластичном предложении труда, отсутствии технического прогресса и износа оборудования, допускается также возможность неполного использования капитала (наличие незагруженных мощностей). Заработная плата наемных рабочих может устанавливаться в диапазоне значений, который опреде-

⁴⁵⁴ Ibid, p. 112.

⁴⁵⁵ Kaldor N. Capital Accumulation and Economic Growth // The Theory of Capital/ eds. Lutz F.A., Hague D.C. — New York: St. Martins Press, 1961.

⁴⁵⁶ Denicolò V., Matteuzzi M. Public debt and the Pasinetti paradox // Cambridge Journal of Economics, 1990, 14(3).

⁴⁵⁷ Domar E.D. Expansion and Employment // The American Economic Review. 1947. Mar. Vol. 37, № 1.

⁴⁵⁸ Robinson J. Essays in the Theory of Economic Growth, 1962, London: Macmillan.

⁴⁵⁹ Kaldor N. A model of economic growth // Economic Journal, 1957, No 67; Kaldor N. Capital Accumulation and Economic Growth // The Theory of Capital/ eds. Lutz F.A., Hague D.C. — New York: St. Martins Press, 1961.

ляется переговорной силой работодателей и работников. Спрос на инвестиции зависит от нормы прибыли, уровня совокупного спроса и его динамики.

Из моделей роста неокейнсианцев следовали следующие выводы. Во-первых, распределение доходов и рост определяются одновременно. Во-вторых, в долгосрочном периоде «парадокс бережливости» проявляется в снижении равновесной нормы прибыли и темпов экономического роста. В-третьих, имеет место отрицательная взаимосвязь между темпами роста и заработной платой, поскольку более низкий уровень заработной платы способствует ускоренному накоплению капитала. Однако последний вывод является спорным. В работах М. Калецкого и ряда исследователей-неокейнсианцев было показано, что отрицательная связь между экономическим ростом и ставками реальной заработной платы отсутствует⁴⁶⁰.

Отметим, что кейнсианцы рассматривали также влияние международных экономических отношений на экономический рост. Н. Калдор отмечал, что на ранней стадии развития ведущую роль играет спрос на потребительские товары, а на более поздних этапах на первый план выходят экспорт потребительских товаров, спрос на капитальные товары и, наконец, экспорт капитальных товаров⁴⁶¹. В модели Р. Диксона и А. Тирлвола⁴⁶² темп роста экспорта определялся в зависимости от темпов роста уровня внутренних цен и цен мировой экономики, обменного курса, а также темпа роста мировой экономики. Н. Калдор также подчеркивал роль структурных факторов в экономическом росте – в частности, соотношение между потреблением и экспортом. Он отмечал, что рост, вызванный потреблением, менее желателен, чем рост, стимулируемый экспортом, поскольку первый в долгосрочном периоде негативно влияет на производительность, повышая в экономике долю секторов без возрастающей отдачи.

О.С. Сухарев рассматривает модификацию модели Р. Харрода, учитывающую импорт капитала. Модель⁴⁶³ строится для двух периодов: в первом периоде инве-

⁴⁶⁰ Commendatore P., D'Acunto S., Panico C., Pinto A. Keynesian Theories of Growth //The Theory of Economic Growth. Ed. By Salvatory N. Edward Elgar, Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA, 2003, p. 121.

⁴⁶¹ Ibid, p. 127.

⁴⁶² Dixon, R., Thirlwall A.P. A model of regional growth-rate differences on Kaldorian lines //Oxford Economic Papers, 1975, 27(2), pp. 201–214.

⁴⁶³ Сухарев О.С. Экономический рост, институты и технологии. 2-е изд., перераб. М., Финансы и статистика, 2015, сс. 220 – 222.

стиции определяются только внутренними источниками и зависят от ВВП, во втором периоде на инвестиции влияет также импорт капитала (записанный как доля от ВВП). В результате решения модели получается уравнение, определяющее объем продукта во втором периоде:

$$Y_2(t) = Y_2(0)e^{\frac{a_2}{b_2}t} + \frac{H(0)}{b_2\left(\frac{a_1}{b_1} - \frac{a_2}{b_2}\right)}(e^{\frac{a_1}{b_1}t} - e^{\frac{a_2}{b_2}t}) \quad (36),$$

где Y_2 – ВВП, определяемый внутренними и внешними источниками инвестиций, a_i – норма инвестиций в ВВП в каждом случае, b_i – отношение «капитал/выпуск» в каждом случае, H – импорт капитала. Отметим, что если вместо импорта капитала происходит его экспорт, то знак перед H будет отрицательным, и ВВП будет сокращаться из-за недостатка инвестиций. Такая запись лучше отражает реалии российской экономики, в которой, за исключением 2006 – 2007 гг. имел место устойчивый вывоз капитала частным сектором.

Ряд исследователей попытались применить кейнсианский подход к анализу экономического роста в России в 2000-е гг. Так, во вступительной статье к русскому переводу работы Р. Харрода⁴⁶⁴ В.Е. Маневич, Л.К. Николаев и В.В. Овсиенко попытались оценить обеспеченный и реальный темпы роста российской экономики на основе расчетов реальных приростов чистого внутреннего продукта (ЧВП), нормы сбережений, обеспечивающей инвестиции, чистых инвестиций. Был рассчитан коэффициент капитала как отношение прироста чистых инвестиций к приросту ЧВП (в реальном выражении). Он оказался низким на начальном этапе роста экономики России и увеличивался в дальнейшем, составив 1,26 в 2000 г. и 2,71 в 2005 г. Отметим также, что наибольшее значение коэффициент капитала принимал в 2001 – 2002 гг. (3,1 и 2,94 соответственно). Доля чистого накопления в ЧВП по расчетам В.Е. Маневича, Л.К. Николаева и В.В. Овсиенко составила 11,4% в 2000 г., поднявшись до 15,4% в 2004 г. и 16,3% в 2005 г. Отметим, что при расчете «обеспеченного» темпа роста В.Е. Маневич, Л.К. Николаев и В.В. Овсиенко принимают довольно жесткое допущение о том, что коэффициент капитала, удовлетворяющий предпринимателей (C_r), в период 2002 – 2006 гг. был вы-

⁴⁶⁴ Харрод Р. Теория экономической динамики: Пер. с англ. В.Е. Маневича / Под ред. В.Г. Гребенникова. – М.: ЦЭМИ РАН, 2008.

ше фактического коэффициента капитала и составлял около 3. Исследователи сосредотачиваются на определении нормы желаемых сбережений (s_d), которая рассчитывается ими как величина желаемых внутренних сбережений плюс ввоз капитала минус вывоз прибыли иностранных инвесторов. Желаемые внутренние сбережения по факту совпадают с чистой нормой сбережений, определенной авторами при расчете фактического темпа роста. Следует отметить, что авторы, подчеркивая роль ввоза капитала, ни словом не обмолвились о негативной роли вывоза капитала при определении сбережений, необходимых для внутреннего инвестирования. По данным Приложения 1, которые использовались для построения эконометрической оценки модели накопления капитала К. Маркса, рассмотренной в предыдущем разделе, вывоз капитала частным сектором в 1998 – 2000 гг. достигал 8-10% ВВП, сократившись только в последующий период роста (2001 – 2007 гг.). В 2006 – 2007 гг. действительно имел место чистый приток капитала, который мог составить дополнительный источник для внутренних инвестиций. В последующие же годы чистый отток капитала вновь стал значимой величиной (2 – 4% ВВП), доходя до 7 – 8% в предкризисные годы (2008 и 2014 гг.).

Таблица 9. Коэффициент капитала, норма чистых сбережений и фактический рост в российской экономике.

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Коэффициент капитала, С	2,29	2,01	2,16	3,67	-1,64	3,69	4,4	5,21	11,4	36,5	-4,9
Темп прироста реального ВВП, g, в %	6,38	8,15	8,54	5,25	-7,82	4,5	4,26	3,66	1,79	0,74	-2,83
Расчетная норма чистых сбережений, $s = C * g$, в %	14,6	16,4	18,4	19,3	12,8	16,6	18,7	19,1	20,4	27,0	13,9
Оценка нормы чистых сбережений, полученная на основе данных Росстата, в %	26,5	28,1	28,3	26,8	15,0	21,2	26,4	21,8	16,8	20,1	20,9
Доля амортизации в ВВП, в %	4,7	4,9	4,7	4,6	5,7	5,6	5,8	5,4	5,7	6,0	6,0

Рассчитано по данным Росстата: <http://www.gks.ru>, Приложения 1.

В итоге по расчетам В.Е. Маневича, Л.К. Николаева и В.В. Овсиенко желаемая норма сбережений в российской экономике превышала фактическую почти в 2 раза, что, с учетом коэффициента требуемой капиталоемкости C_r , принятого равным 3, давало превышение «обеспеченного» темпа роста над фактическим в размере 1,5 – 2 проц. пунктов, причем, разрыв между ними усиливался на протяжении 2003 – 2006 гг. Таким образом, согласно расчетам В.Е. Маневича, Л.К. Николаева и В.В. Овсиенко российская экономика в 2000-е гг. находилась в условиях, когда $g < g_w$, что, согласно модели Р. Харрода, ведет к формированию центробежных сил, снижающих инвестиции и еще дальше уводящих фактический темп роста от гарантированного. В качестве рекомендаций авторы предлагали проведение активной денежной и бюджетной политики, в частности, проведение стимулирующей денежно-кредитной политики. На основе математического моделирования В.Е. Маневич, Л.К. Николаев и В.В. Овсиенко получили тесную корреляцию между накоплением капитала и количеством денег и сделали вывод, что недостаток денег не только сдерживает экономический рост, но может быть причиной глубокого спада, тем самым подчеркнув значимость денежного фактора для экономического роста в России.

Определим коэффициент капитала (С) в экономике России (Таблица 9). Данные об амортизации основных фондов предприятий (без субъектов малого предпринимательства) представляются Росстатом только в текущих ценах. Данные о ВВП и его структуре по расходам – в ценах 2008 г. и 2011 г. Для приведения всех данных в сопоставимые цены используем данные Росстата о дефляторах ВВП, в том числе о дефляторе по валовому накоплению основного капитала. Будем использовать данный дефлятор для пересчета данных по амортизации в сопоставимые цены. Алгоритм расчета коэффициента капитала следующий. Сначала дефляторы ВВП переводим из цепной формы (к предыдущему году) в базисную, выбирая в качестве базы в одном случае 2008 год, в другом (для данных по ВВП и его компонентам в ценах 2011 года) – 2011 год. Далее определяем значения амортизации в постоянных ценах. Вычитая полученные значения амортизации из ВВП, определяем ЧВП в постоянных ценах, а вычитая амортизацию из валового накоп-

ления основного капитала – получаем значения чистого накопления основного капитала (чистых инвестиций) в постоянных ценах. Подчеркнем, что для периода до 2011 г. используются постоянные цены 2008 года, а для данных 2012 – 2015 гг. – цены 2011 г. Рассчитываем приросты ЧВП и определяем коэффициент капитала как отношение чистых инвестиций к приросту ЧВП за соответствующий период. Кроме того, в Таблице 9 представлена норма чистых сбережений, полученная на основе данных Росстата, которая была рассчитана следующим образом. Данные о валовых сбережениях Росстата были приведены к постоянным ценам, используя дефляторы (для сопоставимости с остальными данными брались дефляторы валового накопления). Из полученных значений вычитались показатели амортизации (в постоянных ценах), и итог делился на значения ЧВП (в постоянных ценах). Отметим, что полученный таким образом показатель не учитывает международное движение капитала, поскольку потоки капитала считаются в текущих ценах, и затруднительно выбрать адекватный дефлятор (с учетом изменяющихся курсов иностранной валюты), чтобы привести данные о движении капитала в сопоставимые цены той же размерности, что и цены остальных показателей. Действительная норма чистых сбережений, используемых на внутреннее инвестирование, будет ниже полученных расчетных значений.

Из анализа Таблицы 9 можно сделать следующие выводы. Во-первых, приведенные расчеты в целом подтверждают выводы, сделанные В.Е. Маневичем, Л.К. Николаевым и В.В. Овсиенко для более раннего периода. Некоторые расхождения в значениях показателей за 2005 год можно объяснить различиями в методологии расчетов и используемых данных. Кроме того, рост рассчитанного коэффициента капитала коррелирует с ростом общей капиталоемкости ВВП в экономике России, отмеченной И.А. Погосовым⁴⁶⁵. Однако оценка реальной капиталоемкости требует корректировки соотношения «капитал/выпуск» на уровень загрузки основных фондов, который в условиях российской экономики повышался с 1999 г. на протяжении докризисного периода роста экономики.

⁴⁶⁵ Погосов И.А. Факторы долгосрочного экономического роста: научно-технический прогресс и капиталоемкость производства // Проблемы прогнозирования, 2015, № 5, с. 18.

В целом на протяжении последних десяти лет происходил устойчивый рост коэффициента капитала, что свидетельствует о снижении эффективности сложившейся модели экономического роста в России (в реальном выражении на единицу чистого продукта требуется все больший объем чистых инвестиций). Кризис 2009 года не сыграл оздоровительную роль – посткризисная динамика коэффициента капитала продолжила восходящий тренд. Отдельно следует отметить показатели 2013 – 2014 гг., сильно выбивающиеся из общего тренда. Реальное увеличение коэффициента капитала в 7 раз в 2014 г. по сравнению с 2012 г. маловероятно – скорее всего, имеет место статистическая погрешность, связанная с особенностями расчета показателей, а также с переходом к новой методологии в 2011 – 2014 гг., учитывающей требования СНС-2008. Отметим также, что в рассматриваемый период происходило повышение доли амортизации в ВВП, что также может свидетельствовать о снижении эффективности инвестиций. Расчетная норма сбережений, полученная по формуле $s = C * g$, была ниже (за исключением 2013 – 2014 гг.) нормы чистых сбережений, рассчитанных по данным Росстата (без учета международных потоков капитала). Расхождение между двумя показателями также подтверждает вывод об имевшемся потенциале для более высоких темпов роста российской экономики в рассматриваемый период, если бы часть сбережений не уходила за границу в форме утечки капитала. При этом в посткризисный период разрыв между двумя полученными значениями чистых сбережений несколько сократился. Снижение эффективности инвестиций в российской экономике означает, что даже более высокая норма сбережений может оказаться недостаточной для обеспечения необходимого уровня инвестиций. Необходимо раскрыть причины снижения эффективности инвестиций, а для этого кейнсианский анализ макроструктурных факторов экономического роста со стороны совокупного спроса следует дополнить неоклассическим анализом факторов роста со стороны совокупного предложения. Рассмотрим неоклассическую модель экономического роста и ее проекцию на российскую экономику.

4.3. Неоклассические модели экономического роста

Неоклассический подход в теории экономического роста прочно связан с именем Р. Солоу, который предложил модель экономического роста, основанную на неоклассических предпосылках в 1956 г.⁴⁶⁶ В частности, используются предпосылки о взаимозаменяемости факторов производства, гибких ценах в долгосрочном периоде, равенстве сбережений и инвестиций. В неоклассических моделях экономического роста используется производственная функция Кобба-Дугласа с убывающей предельной производительностью и постоянной отдачей от масштаба ($\alpha + \beta = 1$) вида:

$$Y = AK^{\alpha}L^{\beta} \quad (37),$$

где Y – совокупный выпуск (доход) в экономике, K – капитал, L – труд, A – параметр производительности факторов (аккумулирует в себе влияние всех прочих факторов роста, кроме капитала и труда). Прирост капитала определяется соотношением между инвестициями (равными сбережениям) и износом капитала:

$$\Delta K = sY - \delta K \quad (38),$$

где s – норма сбережений, δ – норма выбытия капитала. Из предпосылки об убывающей производительности капитала и выражения (38) следует, что накопление капитала будет протекать замедляющимся темпом: когда капитал невелик, его производительность высокая (соответственно, отношение национального дохода к капиталу большое), а износ низкий. Инвестиции превышают износ, что приводит в следующем периоде к увеличению запаса капитала. Однако с ростом капитала его производительность падает, а совокупный износ – наоборот, растет, что приводит к последовательному сокращению ΔK в уравнении (38) и замедлению темпа роста дохода. Повышение нормы сбережений влияет на рост дохода в краткосрочном периоде, поскольку рано или поздно из-за снижающейся предельной производительности капитала экономика придет в устойчивое состояние равновесия при $\Delta K = 0$.

⁴⁶⁶ Solow R. M. A Contribution to the Theory of Economic Growth // The Quarterly Journal of Economics, 1956, 1. p. 65-94.

При рассмотрении растущего населения корректнее записать выражения (37) и (38) в расчете на одного занятого, при условии, что занятость и население меняются одинаковым темпом n . Доход на одного занятого (или производительность труда, y) будет определяться капиталоворуженностью труда ($k = K/L$), а прирост капитала на одного занятого ($\Delta k = \Delta K/L$) теперь будет определяться тремя факторами: сбережениями (инвестициями) на одного занятого (sy), износом капитала на одного занятого (δk) и необходимым дополнительным увеличением капитала для поддержания уровня капиталоворуженности новых работников (nk):

$$y = f(k) \quad (39);$$

$$\Delta k = sf(k) - (\delta + n)k \quad (40).$$

При достижении устойчивого уровня капиталоворуженности, при котором выражение (40) обращается в ноль, темп роста капитала и дохода будет определяться темпом роста населения, при том, что доход на душу населения будет оставаться на неизменном уровне. Ускорение роста населения не приведет к повышению подушевого дохода: напротив, из-за гибкости цен и заменяемости факторов производства, капитал частично заместится трудом, капиталоворуженность снизится, как снизится и доход на душу населения (при том, что общий темп роста выпуска, напротив, увеличится).

Для объяснения роста подушевого дохода Р. Солоу вводит в модель экзогенный технический прогресс в форме экзогенного роста эффективности труда с темпом g . Фактор «труд» становится комплексным, объединяя как количественную, так и качественную составляющие, и получает измерение в единицах труда с постоянной эффективностью (LE). Соответственно, доход в расчете на единицу эффективного труда будет определяться капиталоворуженностью единицы эффективного труда аналогично выражению (39), при том, что теперь $y = Y/LE$, а $k = K/LE$. Прирост капитала на единицу эффективного труда теперь должен учитывать рост эффективности труда (требуется добавлять дополнительный капитал с темпом g , чтобы капиталоворуженность единицы эффективного труда не сокращалась):

$$\Delta k = sf(k) - (\delta + n + g)k \quad (41).$$

Устойчивый уровень капиталовооруженности эффективного труда оказывается совместим как с ростом подушевого дохода (с темпом g), так и с общим ростом капитала и выпуска (темпом $(n + g)$).

Таким образом, *ведущие факторы экономического роста в неоклассической модели, это факторы производства (труд и капитал) и их эффективность (например, эффективность труда)*. В долгосрочном периоде рост подушевого дохода определяется исключительно НТП. Норма сбережений, которая являлась важнейшим детерминантом роста как в кейнсианских моделях, так и в модели накопления капитала К. Маркса (в форме нормы накопления), не оказывает влияния на долгосрочные темпы роста, хотя и воздействует на рост в краткосрочной перспективе (пока идет приспособление экономики к новому устойчивому уровню капиталовооруженности).

Из модели Р. Солоу следовал вывод о возможности конвергенции: бедные страны (с более низкой первоначальной капиталовооруженностью) могут догнать богатые страны по уровню жизни при условии, что факторы роста действуют одинаково: имеется одинаковая производственная функция, равные нормы сбережений, выбытия капитала, роста населения и эффективности труда. Однако выполнение всех перечисленных условий маловероятно. В другом варианте рассматривается конвергенция по темпам роста между странами. Такая конвергенция не означает, что уровень жизни бедных стран поднимется до уровня жизни богатых стран, но предполагает, что темпы роста медленно растущих стран сравняются с темпами роста быстрорастущих стран⁴⁶⁷.

Неоклассический подход к экономическому росту получил широкое распространение. В ряде моделей учитывались и другие факторы роста, рассмотренные во второй главе: инфраструктурный капитал, монетарные факторы и т.д. Д. Касс⁴⁶⁸ и Т. Купманс⁴⁶⁹ предложили модель с эндогенной оптимизацией потреби-

⁴⁶⁷ Aghion P., Howitt P. The Economics of Growth. MIT, 2009, p. 31.

⁴⁶⁸ Cass D. Optimum Growth in an Aggregative Model of Capital Accumulation // Review of Economic Studies, 1965, N 32, pp. 233–240.

⁴⁶⁹ Koopmans T. C. On the Concept of Optimal Economic Growth // The Econometric Approach to Development Planning. 1965, Amsterdam: North-Holland.

тельского поведения, В. Брок и Л. Мирман⁴⁷⁰ включили в модель фактор неопределенности, Р. Барро анализировал влияние на рост государственных расходов⁴⁷¹, а О. Бланшар включил в анализ факторы долга и дефицита⁴⁷².

Э. Фелпс вывел «золотое правило накопления капитала», при котором оптимальная норма сбережений совпадает с долей капитала в национальном доходе⁴⁷³ (в производственной функции Кобба-Дугласа с постоянной отдачей от масштаба она равна α). В этом случае достигается максимум потребления на одного занятого, а соответствующий темп роста дохода (и капитала) совпадает с чистой доходностью капитала (предельным продуктом капитала (r) за вычетом нормы выбытия):

$$r - \delta = n + g \quad (42).$$

Отметим, что выражение (42) корреспондирует с уравнением (12), в котором темп накопления капитала зависит от нормы прибыли. Таким образом, имеется определенная связь модели накопления капитала К. Маркса с моделью экономического роста Солоу. Если у К. Маркса факторы роста определены со стороны капитала – (норма накопления и норма прибыли), то в модели Солоу для случая «золотого правила» норма прибыли (в неоклассической трактовке – предельный продукт капитала) ставится в соответствие с факторами производства – динамикой труда и НТП (правая часть уравнения (42)).

Неоклассический подход к экономическому росту получил широкое применение в расчетах вклада факторов в экономический рост согласно уравнению:

$$g = \hat{A} + \alpha \hat{K} + \beta \hat{L} \quad (43),$$

где g – темп роста выпуска, \hat{K} – темп роста капитала, \hat{L} – темп роста труда, α и β – эластичности выпуска по факторам производства (для функции Кобба-Дугласа с постоянной отдачей от масштаба эти коэффициенты показывают доли капитала и труда в национальном доходе соответственно), \hat{A} – вклад совокупной произво-

⁴⁷⁰ Brock W., Mirman L. Optimal Economic Growth under Uncertainty: The Discounted Case // Journal of Economic Theory, 1972, N 4, pp. 497–513.

⁴⁷¹ Barro R. J. Government Spending in a Simple Model of Endogenous Growth // Journal of Political Economy, 1990, N 98, pp. 103–125.

⁴⁷² Blanchard O. Debt, Deficits, and Finite Horizons // Journal of Political Economy, 1985, N 93, pp. 223–247.

⁴⁷³ Phelps E.S. The Golden Rule of Accumulation // American Economic Review. 1961. September, p. 642.

дительности факторов, или многофакторной производительности (МФП), известный также как «остаток Солоу». Он отражает вклад НТП, а также прочих, неучтенных в модели факторов роста. Используются и модификации уравнения (43), учитывающие отдельно вклад труда разной квалификации, вклад разных видов капитала и т.д. Как отмечает В. Варнавский, в США за последнее двадцатилетие главным источником роста ВВП выступал капитал, обеспечивавший более половины прироста ВВП в 1998 – 2007 гг. и почти 84% в 2007 – 2012 гг. Вклад затрат труда снижался вплоть до отрицательных значений во второй период (при этом на экономический рост положительно влияли занятые с высшим образованием, отрицательно – без высшего образования). МФП обеспечивала более 22% прироста ВВП в докризисный период и почти 30% в 2007 – 2012 гг. При этом в структуре капитала американскими статистиками выделяется капитал информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Его вклад в прирост ВВП оценивался в 22 – 35%, или почти 40% от всего капитала⁴⁷⁴. При этом ИКТ влияют на экономический рост США и косвенным образом, через МФП. По оценкам американских экономистов, доля фактора ИКТ в приросте МФП составляет от 40% до 60%⁴⁷⁵.

И.А. Погосов оценил вклад НТП в накопленный прирост российского ВВП за период 1990 – 2011 гг., составивший 12%, в 1,8 проц. пункта, или 15% общего прироста⁴⁷⁶. По его мнению, это нижняя оценка вклада НТП, поскольку в рассматриваемый период основные фонды использовались не полностью. При сохранении использования мощностей на уровне 1990 г. прирост ВВП был бы выше, составив, по оценкам И.А. Погосова 16,9%. В этом случае на вклад НТП пришлось бы 3,4 проц. пункта, или 28% общего прироста ВВП⁴⁷⁷. Особый интерес представляет период роста 1999 – 2007 гг. Для него И.А. Погосов получил оценку

⁴⁷⁴ Варнавский В. Экономический рост в США: тренды и факторы // *Мировая экономика и международные отношения*, 2016, том 60, № 2, с. 33.

⁴⁷⁵ Byrne D., Oliner S., Sichel D. Is the Information Technology Revolution Over? // *International Productivity Monitor*, 2013, No 25, p. 25.

⁴⁷⁶ Погосов И.А. Факторы долгосрочного экономического роста: научно-технический прогресс и капиталоемкость производства // *Проблемы прогнозирования*, 2015, № 5, сс. 14 – 15.

⁴⁷⁷ Там же, с. 15.

вклада НТП в размере 70% из общего накопленного прироста ВВП, скорректированного с учетом фактора повышения загрузки мощностей в указанный период⁴⁷⁸.

На наш взгляд, трактовать «остаток Солоу» применительно к российской экономике как исключительно вклад НТП – неправомерно. Полученное И.А. Погосовым значение этого остатка в 70% для периода 1999 – 2007 гг. свидетельствует лишь о том, что ведущими факторами роста экономики России в указанный период были факторы, не учтенные напрямую в модели Солоу. Важно подчеркнуть, что вклад факторов труда и капитала для России оказался невелик (суммарно – около 30%), а потому необходимо исследовать и другие, в том числе национально-специфические факторы, скрытые в «остатке Солоу» наряду с НТП.

Проведем спецификацию производственной функции Кобба-Дугласа в интенсивной форме по данным российской экономики. Предварительно необходимо оговорить следующее. В российской статистике отсутствуют длительные ряды ВВП и других показателей в постоянных ценах. Так, ряд ВВП представлен в ценах трех периодов: 2003 года (для 1995 – 2008 гг.), 2008 года (для 1995 – 2011 гг.), 2011 г. (для 2011 – 2016 гг.). Для оценки параметров модели значения ВВП периода 2012 – 2016 гг. были пересчитаны в цены 2008 г. с учетом отношения дефлятора ВВП в 2011 г. к 2008 г. как 1,35. Для оценки основных фондов в постоянных ценах использовались дефляторы валового накопления основного капитала (2008 г. также принят за базовый). Результаты предварительных расчетов представлены в Приложении 2 (Таблица П-2.1). Следует отметить, что полученные значения производительности труда и особенно капиталовооруженности труда для 1998 – 2000 гг. показывают отрицательную динамику. Резкое падение расчетной капиталовооруженности в 1999 г. по сравнению с 1998 г. противоречит известным фактам о повышении загрузки мощностей (и соответственно, росте капиталовооруженности труда) в начале восстановительного роста российской экономики. Причина противоречия, скорее всего, чисто статистическая: реальные дефляторы основных фондов в 1998 – 2000 гг. слабо соответствуют применяемым Росстатом дефляторам валового накопления основного капитала, тем более что уровень ин-

⁴⁷⁸ Там же, с. 16.

фляции в 1998 – 1999 гг. сохранялся на уровне выше 20%. Поэтому при оценке коэффициентов модели были исключены 1998 и 1999 гг., таким образом, модель строилась для 2000 – 2016 гг. Коэффициенты оценивались для логарифмов переменных y и k . Расчеты проводились в программе Gretl 1.9.13 с использованием метода наименьших квадратов (МНК). Результаты представлены в Таблице 10. Отметим, что с учетом полученных коэффициентов, конкретная спецификация уравнения (39) для российской экономики примет вид:

$$y = e^{-1,47322} * k^{1,11844},$$

$$y = 0,229186315 * k^{1,11844} \quad (44).$$

Уравнение (44) показывает производственную функцию (в интенсивной форме) с *возрастающей отдачей*, для которой нахождение устойчивого уровня капиталовооруженности или параметров, соответствующих «золотому правилу», не имеет смысла. Однако изменение диапазона значений, на которых оценивается функция, может скорректировать коэффициенты уравнения (44). В Приложении 2 (Таблица П-2.2) даны оценки коэффициента при k (степень) и константы эконометрического уравнения (степень при e) для различных периодов.

Таблица 10. Модель 3: МНК, использованы наблюдения 2000 – 2016 (Т = 17)
Зависимая переменная: $\ln(y)$

	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение	
const	-1,47322	0,480889	-3,0635	0,00788	***
$\ln(k)$	1,11844	0,0693765	16,1213	<0,00001	***
Среднее зав. перемен	6,277401		Ст. откл. зав. перемен	0,183975	
Сумма кв. остатков	0,029550		Ст. ошибка модели	0,044385	
R-квадрат	0,945434		Испр. R-квадрат	0,941796	
F(1, 15)	259,8969		P-значение (F)	6,99e-11	
Лог. правдоподобие	29,89453		Крит. Акаике	-55,78906	
Крит. Шварца	-54,12264		Крит. Хеннана-Куинна	-55,62342	
Параметр rho	0,194674		Стат. Дарбина-Вотсона	1,541718	

Отметим, что с учетом оценок, представленных в Таблице П-2.2 Приложения 2, производственная функция российской экономики несколько модифицируется. Так, на начальном этапе восстановительного роста она демонстрирует возрастающую отдачу (коэффициент a – степень при k – больше единицы). На рубеже

2003 – 2004 гг. возрастающая отдача сменяется убывающей ($a < 1$). В ходе кризиса и посткризисного восстановительного роста (2008 – 2011 гг.) снова возникает возрастающая отдача. Оценка периода, начиная с 2012 г., затруднена из-за небольшого числа наблюдений, но по данным за 2012 – 2016 гг. можно сделать вывод, что возрастающая отдача снова сменяется на убывающую.

Содержательное объяснение полученных эконометрических зависимостей может быть следующим. В начале периода восстановительного роста происходит активная загрузка простаивающих мощностей, капитал используется не полностью, и появление эффекта возрастающей отдачи вполне логично. По мере исчерпания восстановительного роста возрастающая отдача сменяется убывающей. Это означает, что рост и дальше продолжается на основе сложившегося технологического уровня производства, не происходит совершенствования производства под влиянием НТП, используется прежнее (в том числе устаревшее) оборудование с высоким уровнем износа (что подтверждается данными Росстата о растущей средней степени износа основных фондов). В ходе кризиса 2009 г. на некоторое время снижается загрузка мощностей, поэтому посткризисное восстановление также демонстрирует возрастающую отдачу. Однако она исчерпывается уже к 2012 г., снова сменяясь убывающей отдачей.

Оценка константы в Таблице П-2.2 Приложения 2, за исключением первых двух периодов, незначима. В целом, значение константы в уравнении (44) меньше единицы, что показывает сдерживающий эффект для производительности труда от действия прочих факторов роста, которые, в том числе, тормозят эффект возрастающей отдачи.

Проведем эконометрическую оценку коэффициентов уравнения (43) для российской экономики по данным Таблицы П-2.3 Приложения 2. Результат оценки представлен в Таблице 11, а само уравнение выглядит следующим образом:

$$g = 1,2894 + 0,244678\hat{K} + 2,2717\hat{L} \quad (43-1).$$

Таблица 11. Модель 4: МНК, использованы наблюдения 1999 – 2016 (T = 18)
Зависимая переменная: g

	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение	
const	1,28964	1,0614	1,2150	0,24313	
\hat{L}	2,2717	0,590516	3,8470	0,00158	***
\hat{K}	0,244678	0,104787	2,3350	0,03385	**
Среднее зав. перемен	4,060547		Ст. откл. зав. перемен	4,405329	
Сумма кв. остатков	163,8636		Ст. ошибка модели	3,305184	
R-квадрат	0,503320		Испр. R-квадрат	0,437096	
F(2, 15)	7,600260		P-значение (F)	0,005255	
Лог. правдоподобие	-45,41886		Крит. Акаике	96,83771	
Крит. Шварца	99,50883		Крит. Хеннана-Куинна	97,20602	
Параметр rho	-0,076442		Стат. Дарбина-Вотсона	2,102931	

Полученная модель не является идеальной, т.к. имеет невысокий исправленный R-квадрат. Уровень значимости для переменной темпа прироста занятых выше, чем для переменной темпа прироста основных фондов. Влияние на темпы прироста выпуска также сильнее со стороны труда, чем капитала. «Слабость» позиции фактора капитала в модели может быть объяснена следующими причинами: во-первых, в модели не учтена степень загрузки оборудования (а она играла важную роль в период восстановительного роста в России в начале 2000-х гг.), во-вторых, измерение основных фондов в ценах 2008 г. с использованием дефляторов для валового накопления основного капитала может искажать реальные показатели конца 1990 – начала 2000-х гг. В ходе дальнейшей проверки рассматривались разные диапазоны для наблюдаемых значений переменных модели. Положительные результаты (обе переменные значимы) были получены на семи диапазонах. Отметим, что качество модели повышалось по мере повышения нижней границы диапазона, хотя уровень значимости для переменной капитала всюду оставался ниже, чем уровень значимости для переменной труда. Результаты прогонки модели по разным периодам представлены в Приложении 2, Таблица П-2.4. Из анализа Таблицы П-2.4 следует, что роль фактора капитала повышалась со второй половины 2000-х гг., что можно объяснить исчерпанием действия фактора загрузки существующих мощностей, что влекло необходимость увеличивать сам размер производственных мощностей. Роль фактора труда также несколько увеличива-

лась. Хотя эконометрическая проверка показала незначимость свободного коэффициента модели, все же можно отметить, что «прочие факторы» (роль которых этот коэффициент отображает) действовали положительно в начале 2000-х гг., но со второй половины 2000-х гг. их вклад стал отрицательным, причем усиливающимся по мере приближения к настоящему времени.

Из Модели 4 (Таблица 11) следует, что увеличение численности занятых на 1 проц. пункт приводит в среднем к повышению темпа роста реального ВВП на 2,27 проц. пунктов, а увеличение капитала на 1 проц. пункт приводит в среднем к повышению темпа роста реального ВВП на 0,24 проц. пункта. По данным Таблицы П-2.3 (Приложение 2) можно определить доли, приходящиеся на капитал, труд и МФП для каждого года. Так, в 2005 г. из прироста ВВП в 6,4% 3,4 проц. пункта приходилось на вклад труда (53%), 1,8 проц. пунктов – на вклад капитала (28%), остаток (19%) – на вклад МФП. В целом же за период 1999 – 2016 гг. по расчетам, основанным на Модели 4, вклад труда (занятых) в накопленный прирост реального ВВП составил 58%, вклад капитала (основных фондов) 7,2%, остаток (34,8%) пришелся на прочие факторы (в другой трактовке – на МФП). При этом следует отметить, что оценки вклада капитала и МФП являются недостаточно устойчивыми в отличие от вклада труда. Так, если рассчитать вклад труда, капитала и МФП в накопленный прирост реального ВВП за период 2003 – 2016 гг. с учетом коэффициентов уравнения, полученного для соответствующего периода (Таблица П-2.4 Приложения 2), то результат покажет существенный вклад капитала по сравнению с МФП. Так, в этом случае вклад труда составит 49,6%, вклад капитала 40,8%, а вклад МФП упадет до 9,6%. Недостаточно качественные данные по капиталу в российской статистике, а также действие фактора неполного использования производственных мощностей (особенно в начале 2000-х гг.), который не рассматривается в модели Солоу, не позволяют получить более устойчивые оценки вклада каждого фактора в накопленный прирост ВВП в российской экономике.

Более высокий вклад труда по сравнению с капиталом в прирост ВВП подтверждают и расчеты И.А. Погосова и Е.А. Соколовской. По их расчетам, доля труда (пересчитанная с учетом чистых налогов на производство и импорт) в

накопленном приросте ВВП составила 63%, доля капитала – соответственно 37%⁴⁷⁹. Однако исследователи использовали данные о показателях ВВП и доходах капитала и труда в текущих ценах, что не позволяет провести разграничение реальных и номинальных факторов, влияющих на указанное соотношение доходов, а также элиминировали показатель МФП.

И.А. Погосов и Е.А. Соколовская отмечают, что в постсоветский период факторы производства использовались недостаточно эффективно: « в целом за 1991 – 2011 гг. рост ВВП примерно на две трети обеспечивался за счет экстенсивных факторов и лишь на одну треть за счет качественного улучшения капитала и труда. Это создавало тенденции повышения капиталоемкости производства и снижения темпов экономического роста»⁴⁸⁰. Проведенный выше анализ производственной функции российской экономики в интенсивной форме показал, что имевшая место в периоды восстановительного роста возрастающая отдача от капиталовооруженности труда по мере исчерпания восстановительного роста сменялась убывающей отдачей, что также подчеркивает отсутствие какого-либо значительного повышения технологического уровня российской экономики. Что касается собственно динамики производительности труда, то она также имела тенденцию к замедлению, что видно из данных Таблицы 12. Расчетные данные (за исключением 2012 г.) в целом близки к данным Росстата, при этом в целом показывают более низкие значения, чем приводимые Росстатом. Данное расхождение можно объяснить различиями в методике расчетов. Так, Росстат рассчитывает производительность труда «в эквиваленте полной занятости», а наши расчеты учитывают только фактическое количество занятых. Скачок показателя за 2012 г. объясняется тем, что с этого года Росстат использует данные о ВВП в постоянных ценах 2011 г., а механическое дефлирование их в цены 2008 г., которое использовалось при построении моделей и сказалось на последующих расчетах, не дает точный результат для первого (2012) года.

⁴⁷⁹ Погосов И.А., Соколовская Е.А. Факторы долгосрочного экономического роста: соотношение капитала и труда в приросте валового дохода экономики, численность занятых и производительность труда // Проблемы прогнозирования, 2015, № 6, с. 20.

⁴⁸⁰ Там же, с. 25.

Таблица 12. Динамика производительности труда в российской экономике, в % к предыдущему году.

Период	Данные Росстата	Расчетные данные на основе Таблицы П-2.1 (Приложение 2)	Период	Данные Росстата	Расчетные данные на основе Таблицы П-2.1 (Приложение 2)
1999	-	-0,5	2008	4,8	4,9
2000	-	5,7	2009	-4,1	-5,7
2001	-	5,0	2010	3,2	3,7
2002	-	2,4	2011	3,2	2,9
2003	7,0	7,8	2012	3,8	10,6
2004	6,5	5,6	2013	3,3	2,0
2005	5,5	4,8	2014	2,2	0,5
2006	7,5	6,9	2015	0,7	-3,9
2007	7,5	6,1	2016	-2,2	-0,3

Источник: Росстат: <http://www.gks.ru>, расчеты автора.

Несмотря на то, что модель Солоу дала исследователям широкий инструментарий для анализа экономического роста (построение функции производительности труда в экономике, анализ вклада факторов производства и МФП в экономический рост), она не могла объяснить возникновение фактора НТП, который как бы «падал с неба». Дальнейшее развитие моделирования экономического роста пошло по пути решения этой проблемы – эндогенизации НТП различными способами, что привело к возникновению «новой теории роста» (теории эндогенного роста) в 1980-е гг. Рассмотрим подходы, сложившиеся в «новой теории роста» более подробно.

4.4. Новая теория роста-1: АК-модели и модель с человеческим капиталом Р. Лукаса.

Первые попытки включить НТП в модель экономического роста как эндогенный фактор роста были сделаны еще в 1960-х гг. Учет НТП в производственной функции превращает ее в функцию с возрастающей отдачей от масштаба, и теория эндогенного экономического роста уже не может основываться на предпосылке о совершенной конкуренции, согласно которой факторы производства

оплачиваются в точном соответствии с их предельными продуктами. К.Эрроу⁴⁸¹ предположил, что технический прогресс является следствием производства новых капитальных товаров, возникающий в результате «обучения на практике» (learning by doing). Феномен «обучения на практике» был положен в основу первой модели теории эндогенного роста, которая известна как АК-модель. Предполагается, что в ходе накопления капитала «обучение на практике» приводит к технологическому прогрессу, который, как правило, увеличивает предельный продукт капитала, что компенсирует тенденцию к уменьшению предельного продукта, когда технология не изменяется. Модель приводит к производственной функции вида $Y = AK$, в которой предельный продукт капитала равен константе A .

Разновидностью АК-модели является также обобщенная кейнсианская модель Р. Харрода – Е. Домара, в которой используется производственная функция Леонтьева с фиксированными пропорциями применяемых факторов производства. При условии, что лимитирующим фактором производства является капитал, а на рынке труда при этом может существовать вынужденная безработица, производственная функция и в этой модели может быть записана в виде $Y = AK$. Прирост капитала в этом случае определяется из соотношения:

$$\Delta K = sY - \delta K = sAK - \delta K \quad (45),$$

где s – норма сбережений, δ – норма амортизации. Темп прироста капитала совпадает с темпом прироста выпуска и будет равен:

$$g = \frac{\Delta K}{K} = sA - \delta \quad (46)^{482}.$$

Однако модель Р. Харрода – Е. Домара не могла объяснить устойчивый рост производства на душу населения, который наблюдался в ведущих индустриальных странах после Промышленной революции. Неоклассическая версия АК-модели была предложена М. Франкелем⁴⁸³. Он ввел производственную функцию отдельной фирмы вида:

$$y_j = \bar{A}k_j^a L_j^{1-a} \quad (47),$$

⁴⁸¹ Arrow, K.J. The Economic Implications of Learning by Doing // Review of Economic Studies, 1962, 29.

⁴⁸² Aghion P., Howitt P. The Economics of Growth. MIT, 2009, p. 49.

⁴⁸³ Frankel M. The Production Function in Allocation of Growth: A Synthesis // American Economic Review, 1962, 52, pp. 995–1022.

где k_j и L_j – объемы капитала и труда, используемые j -й фирмой, \bar{A} – совокупная производительность, зависящая от суммарного объема капитала, используемого всеми фирмами:

$$\bar{A} = A_0 * (\sum_{j=1}^n k_j)^\eta \quad (48),$$

где η – положительная степень, отражающая внешние эффекты обучения на практике, возникающие между фирмами, n – число фирм.

Если предположить, что для всех фирм $L_j = 1$ (другими словами, рассматривается модель в расчете на одного занятого), все фирмы используют одинаковую технологию и платят одинаковые цены за факторы производства, то $k_j = K/n$, выражение (48) упрощается до вида: $\bar{A} = A_0 K^\eta$, производственная функция отдельной фирмы принимает вид: $y = A_0 K^\eta (\frac{K}{n})^a$, а совокупный выпуск может быть преобразован к виду:

$$Y = ny = nA_0 K^\eta (\frac{K}{n})^a = AK^{a+\eta} \quad (49),$$

где параметр A определяется из выражения: $A = A_0 n^{1-a}$.

Принимая постоянной норму сбережения s , получим, что темп прироста капитала определяется следующим образом:

$$\frac{\Delta K}{K} = \frac{sAK^{a+\eta} - \delta K}{K} = sAK^{a+\eta-1} - \delta \quad (50).$$

В модели возможны три случая роста. Если $(\alpha + \eta) < 1$, то эффекты от «обучения на практике» недостаточны, чтобы противостоять убывающей отдаче от индивидуального накопления капитала, в итоге долгосрочный темп роста равен нулю (как в модели Солоу без роста населения и НТП). Если $(\alpha + \eta) > 1$, то эффект «обучения на практике» приводит к ускоряющемуся росту. Наконец, в случае $(\alpha + \eta) = 1$, эффект от «обучения на практике» точно компенсирует снижение отдачи от индивидуального накопления капитала, производственная функция приводится к виду $Y = AK$, а совокупный темп роста определяется выражением (46). В отличие от модели Р. Харрода – Е. Домара, данный темп роста описывает долгосрочный рост в модели с замещаемыми факторами производства и полным использованием ресурсов, а знание автоматически увеличивается на нужную величину,

компенсируя замещение факторов производства. Рост нормы сбережений также повысит долгосрочный темп роста⁴⁸⁴.

Дальнейшие разработки АК-модели экономического роста позволили расширить эту модель: включить в нее межвременную функцию полезности⁴⁸⁵, рассмотреть открытую экономику и проблему конвергенции стран⁴⁸⁶, учесть влияние кредитных ограничений на динамику капитала и экономического роста⁴⁸⁷, а также эффекты от различной возрастной структуры основных фондов и, соответственно, различных норм амортизации⁴⁸⁸.

Другой способ эндогенизации НТП в моделях экономического роста связан с включением в модель переменных, характеризующих накопление человеческого капитала. Такая модель была предложена Р. Лукасом⁴⁸⁹. Р. Лукас предположил, что индивидуальный человеческий капитал работника соответствует уровню его навыков. Работник может тратить часть своего времени (u) на производство блага, а остаток ($1 - u$) – на накопление человеческого капитала; таким образом, темп прироста человеческого капитала ($\frac{\Delta h}{h}$) пропорционален времени, затрачиваемому на обучение, с коэффициентом G :

$$\frac{\Delta h}{h} = G(1 - u) \quad (51).$$

Производственная функция в экономике – модифицированная функция Кобба-Дугласа вида:

$$Y = AK^\beta (uhN)^{1-\beta} H^\gamma \quad (52),$$

где A – уровень технологии, K – запас физического капитала, N – предложение неквалифицированного труда (в расчете на одну фирму), H – средний для всей экономики уровень человеческого капитала, h – уровень человеческого капитала работника⁴⁹⁰. Если репрезентативная фирма действует с постоянной отдачей

⁴⁸⁴ Aghion P., Howitt P. The Economics of Growth. MIT, 2009, p. 50 – 52.

⁴⁸⁵ Romer P. Increasing Returns and Long-Run Growth // Journal of Political Economy, 1986, 94.

⁴⁸⁶ Acemoglu D., Ventura J. The World Income Distribution // Quarterly Journal of Economics, 2002, 117, pp. 659–694.

⁴⁸⁷ Getachew Y.Y. Credit Constraints, Growth and Inequality Dynamics // Economic Modelling, 2016, 54, pp. 364–376.

⁴⁸⁸ Boucekkine R., Licandro O., Puch L.A., del Rio F. Vintage Capital and the Dynamics of the AK Model // Journal of Economic Theory, 2005, 120; Fabbri G., Gozzi F. Solving Optimal Growth Models with Vintage Capital: the Dynamic Programming Approach // Journal of Economic Theory, 2008, 143, pp. 331–373.

⁴⁸⁹ Lucas R. On the Mechanics of Economic Development // Journal of Monetary Economics, 1988. Vol. 22 (1), pp. 3 – 42.

⁴⁹⁰ Панорама экономической мысли конца XX столетия / Под ред. Д. Гринэуэй, М. Блини, И. Стюарт // Пер. с англ. СПб, 2002, с. 491.

капитала и эффективного труда, то экономика в целом характеризуется возрастающей отдачей с эластичностью $(1 + \gamma)$. Из модели определяется динамика физического и человеческого капитала и устойчивые тренды этих переменных, причем K и h совместно асимптотически растут, либо уменьшаются. Вывод Р. Лукаса заключается в том, что «экономика, стартующая с низкого уровня физического и человеческого капитала, будет перманентно отставать от экономики, имеющей лучшие начальные условия по обоим видам капитала»⁴⁹¹. Таким образом, модель Р. Лукаса позволяет объяснить различия в темпах и результатах экономического роста между бедными и богатыми странами.

Применительно к российской экономике имеется весьма ограниченный круг исследований человеческого капитала, особенно в динамике. Первую крупномасштабную оценку человеческого капитала в России по методу Джоргенсона – Фраумени предложил Р.И. Капелюшников⁴⁹². Данный метод основан на оценке дисконтированных доходов индивидов в зависимости от величины их «человеческого капитала» - образования, знаний, навыков. Д. Джоргенсон и Б. Фраумени предложили следующий алгоритм расчета приведенной величины пожизненных заработков: для любого индивида в возрасте x лет эта величина определяется как сумма его текущей заработной платы и приведенной величины его ожидаемых пожизненных заработков в возрасте $(x + 1)$ лет с учетом вероятности дожития до этого возраста⁴⁹³. Взяв за основу самую старшую возрастную группу (75 лет и старше) и предположив, что ее текущие и будущие заработки равны нулю, можно затем рекурсивно рассчитать приведенные величины пожизненных заработков для лиц в возрасте 74, 73, 72 и т.д. лет. Помимо «рыночного» учитывается и «нерыночная» часть человеческого капитала (свободное время и работа в домашнем хозяйстве), что может завышать итоговый показатель. Р.И. Капелюшников, используя данный метод, оценил человеческий капитал в России для 2002 г. и 2010 г., используя данные переписей населения. Человеческий капитал оценивался для

⁴⁹¹ Lucas R. On the Mechanics of Economic Development // Journal of Monetary Economics, 1988. Vol. 22 (1), pp. 3 – 42.

⁴⁹² Капелюшников Р. И. Сколько стоит человеческий капитал России? /препринт WP3/2012/06. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

⁴⁹³ Там же, с. 18.

населения в возрасте 15 – 64 года. В 2002 г. объем человеческого капитала составил 120,8 трлн. руб., а в 2010 г. в реальном выражении (дефлирование проводилось по индексу потребительских цен) 262,6 трлн. руб. По отношению к ВВП объем человеческого капитала в 2002 г. превышал ВВП в 11,2 раза, а в 2010 г. – в 13,5 раз.⁴⁹⁴

Исходя из оценок человеческого капитала, полученных Р.И. Капелюшниковым, прирост человеческого капитала за 2003 – 2010 гг. составил 117,4%. По расчетам на основе данных Росстата и таблиц Приложения 2 прирост реального ВВП 2010 г. к 2002 г. составил 45,6%, прирост занятых 4,9%, а прирост основных фондов 39,1%. Доля заработной платы в ВВП в 2002 г. составила 56,5%, а доля валовой прибыли и смешанных доходов – соответственно 43,5% (при расчете использовалась предпосылка, что чистые косвенные налоги распределены пропорционально долям капитала и труда). Предположим, что доля доходов лиц с человеческим капиталом в национальном доходе совпадает с долей доходов фактора «труд» в целом. Это предположение основано на интерпретации уравнения (52), в котором сомножители (uhN) возводятся в одну и ту же степень $(1-\beta)$. Также абстрагируемся от множителя N^Y , ограничившись только оценкой человеческого капитала индивидов, без учета его внешних эффектов для экономики в целом (т.е. мы заведомо занижаем вклад человеческого капитала в экономический рост). С учетом вышеприведенных допущений, разложение прироста ВВП по факторам (основные фонды, численность занятых и человеческий капитал, а также остаток), выполненное по методу, примененному И.А. Погосовым в рассмотренной выше работе⁴⁹⁵, примет следующий вид:

$$45,6\% = \hat{A} + 0,435 * 39,1\% + 0,565 * (4,9\% + 117,4\%) \quad (53).$$

Из (53) следует, что доля капитала в приросте ВВП за рассматриваемый период (2002 – 2010 гг.) составила 17 проц. пунктов (37,3% к итогу), доля фактора численности занятых – 2,8 проц. пункта (6,1% к итогу), вклад же человеческого капитала составил 66,3 проц. пункта, что превышает общий прироста ВВП

⁴⁹⁴ Там же, с. 67.

⁴⁹⁵ Погосов И.А. Факторы долгосрочного экономического роста: научно-технический прогресс и капиталоемкость производства // Проблемы прогнозирования, 2015, № 5.

(145,5% к итогу), в результате на прочие факторы приходится отрицательный вклад в размере -40,5 проц. пунктов (-88,8% к итогу).

Полученная оценка вклада человеческого капитала в экономический рост в 2002 – 2010 гг. является очень приблизительной и во многом спорной. Следует учитывать ограничения и недостатки использованного Р.И. Капелюшниковым метода Джоргенсона – Фраумени, в основе которого лежит множество допущений, способствующих завышению оценки человеческого капитала (например, оценка «нерыночной» части человеческого капитала по рыночным альтернативам – не полученной заработной плате в часы досуга; игнорирование негативного влияния длительной безработицы на накопленный уровень человеческого капитала индивида и т.д.). Скорее всего, реальная оценка человеческого капитала и его динамики в России будет ниже. Тем не менее, выражение (53) можно интерпретировать и в том смысле, что человеческий капитал в России не использовался полностью в генерировании экономического роста, потому весь прирост человеческого капитала в 117,4% неверно трактовать как вклад в экономический рост. Даже если предположить, что прочие факторы роста отсутствовали ($\hat{A} = 0$), то на экономический рост мог повлиять прирост человеческого капитала в размере 45,7 проц. пунктов из 117,4% его общего прироста (т.е. около 40% прироста). Иначе говоря, человеческий капитал в России недоиспользовался как фактор экономического роста, либо рост экономики происходил под влиянием преимущественно иных факторов, а не человеческого капитала.

Другая оценка объема человеческого капитала в российской экономике была предложена А.В. Суворовым, Н.В. Суворовым, В.Г. Гребенниковым, В.Н. Ивановым, О.Н. Болдовым⁴⁹⁶. Исследователи использовали подход к оценке человеческого капитала, основанный на расчете накопленных затрат, связанных с получением образования и поддержанием здоровья индивида. Подчеркивается, что данный подход в наибольшей мере способствует задаче анализа вклада человеческого капитала в экономический рост, поскольку в этом случае показатели челове-

⁴⁹⁶ Суворов А.В., Суворов Н.В., Гребенников В.Г., Иванов В.Н., Болдов О.Н. Оценка динамики и структуры человеческого капитала для российской экономики за 1991 – 2012 гг. // Проблемы прогнозирования, 2015, № 2.

ского капитала рассчитываются по аналогии с показателями основного капитала⁴⁹⁷. Авторы также отмечают, что в процессе расчетов был принят целый ряд упрощающих гипотез из-за отсутствия необходимых расчетных данных. В итоге были получены следующие оценки. Объем накопленного человеческого капитала в ценах 2012 г. за счет расходов на образование составил 36,441 трлн. руб. в 2000 г. и 46,397 трлн. руб. в 2012 г. Объем накопленного человеческого капитала за счет расходов на здравоохранение составил 30,328 трлн. руб. в 2000 г. и 35,703 трлн. руб. в 2012 г.⁴⁹⁸ Таким образом, совокупный человеческий капитал в реальном выражении вырос с 66,769 трлн. руб. в 2000 г. до 82,1 трлн. руб. в 2012 г., т.е. на 23%. Данный показатель динамики существенно ниже темпов, полученных Р.И. Капелюшниковым, однако для оценки вклада человеческого капитала в экономический рост оценки А.В. Суворова и др. представляются более реалистичными.

Проведем оценку вклада человеческого капитала в экономический рост в России на основе данных, полученных А.В. Суворовым и др. По расчетам на основе данных Росстата и таблиц Приложения 2 прирост реального ВВП 2012 г. к 2000 г. составил 69,3%, прирост занятых 10%, а прирост основных фондов 66,4%. Доля заработной платы в ВВП в 2000 г. составила 48,5%, а доля валовой прибыли и смешанных доходов – соответственно 51,5% (при расчете использовалась предпосылка, что чистые косвенные налоги распределены пропорционально долям капитала и труда). Предположив, что доля доходов лиц с человеческим капиталом в национальном доходе совпадает с долей доходов фактора «труд» в целом, проведем разложение накопленного прироста ВВП по факторам:

$$69,3\% = \hat{A} + 0,515 * 66,4\% + 0,485 * (10\% + 23\%) \quad (54).$$

Из (54) следует, что вклад капитала в прирост ВВП за рассматриваемый период (2000 – 2012 гг.) составил 34,2 проц. пункта (49,3% к итогу), вклад фактора численности занятых – 4,9 проц. пункта (7% к итогу), вклад же человеческого капитала составил 11,2 проц. пункта (16,1% к итогу), на прочие факторы приходится

⁴⁹⁷ Там же, с. 4.

⁴⁹⁸ Там же, сс. 9, 13.

вклад в размере 19 проц. пунктов (27,4% к итогу). В совокупности на фактор «труд» с учетом человеческого капитала пришлось 23,1% прироста, что более чем в два раза меньше вклада фактора «капитал» и меньше, чем вклад прочих факторов. Следует отметить, что в выражении (54) используется завышенная оценка доли доходов фактора «капитал» в национальном доходе. В 2000-х гг. шло увеличение доли трудовых доходов в ВВП и сокращение доходов «капитала», в итоге вклад в прирост ВВП со стороны фактора «труд» будет выше, чем рассчитанный на основе (54), а вклад капитала – ниже.

Существенные различия в оценках вклада человеческого капитала в экономический рост в России в 2000-е гг., полученные на основе данных о человеческом капитале, предоставленных разными исследователями, не позволяют сделать однозначные выводы о роли человеческого капитала как фактора экономического роста в России. Оценки по данным Р.И. Капелюшникова свидетельствуют о недостаточном использовании человеческого капитала в экономическом росте. Оценки по данным А.В. Суворова и др. показывают, что если человеческий капитал и был полностью задействован как фактор роста, его вклад оказался невелик по сравнению со вкладом физического капитала и прочих факторов.

Неоднозначность роли человеческого капитала в экономическом росте России, с одной стороны, связана с проблемой адекватного измерения данного фактора, на что обращает внимание И. Любимов⁴⁹⁹, а с другой – с российскими особенностями формирования и использования человеческого капитала. Из-за слабости институтов и незащищенности прав собственности фирмы могут предъявлять низкий спрос на человеческий капитал. Кроме того, как показывают исследования К. Мерфи, А. Шлейфера и Р. Вишни, человеческий капитал может накапливаться в тех видах деятельности, где экономические агенты занимаются не созиданием, а перераспределением⁵⁰⁰. Т. Натхов и Л. Полищук показывают, что образование в области права дает доступ к профессиям, ориентированным на поиск ренты, в то

⁴⁹⁹ Любимов И. От человеческого капитала к экономическому росту: прямая дорога или долгое блуждание по лабиринту // Вопросы экономики, 2017, № 8.

⁵⁰⁰ Murphy K., Shleifer A., Vishny R. Allocation of talent: Implications for growth // Quarterly Journal of Economics, 1991, Vol. 106, No. 2, pp. 503—530.

время как инженерное образование формирует человеческий капитал для производительных специальностей, увеличивающих благосостояние⁵⁰¹. В российской экономике имеет место высокая концентрация занятых в простых специальностях, а крупнейшие сектора, формирующие значительную часть валовой добавленной стоимости, это оптовая и розничная торговля, не требующие высокого качества человеческого капитала. И. Любимов подчеркивает также роль недостаточной защиты прав собственности как фактора, влияющего на распределение человеческого капитала в России⁵⁰². Д.Е. Сорокин указывает на низкий уровень доходов как фактор, препятствующий формированию качественного человеческого капитала в России⁵⁰³. Отметим также существенные потери высококачественного человеческого капитала, имевшие место в 1990-е гг. По некоторым оценкам, в настоящее время в США проживают более 16 тыс. докторов наук, выходцев из бывшего СССР. Указанная величина сопоставима с численностью докторов наук, занятых в российской науке – около 25 тыс. человек⁵⁰⁴.

Иначе говоря, сформировавшаяся в 2000-е гг. модель роста российской экономики не была основана на человеческом капитале как главном «драйвере» роста, человеческий капитал либо не получал адекватной реализации по итогам роста, либо реальный его вклад в рост был невелик.

Оценим вклад человеческого капитала в экономический рост российской экономики косвенным образом, путем выделения групп занятых с различными уровнями образования. Таких групп можно выделить шесть: L1 - занятые с высшим профессиональным образованием (включая неполное), L2 – занятые со средним профессиональным образованием, L3 – занятые с начальным профессиональным образованием, L4 – занятые со средним (полным) общим образованием, L5 – занятые с основным общим образованием и L6 – занятые, не имеющие основного

⁵⁰¹ Натхов Т., Полищук Л. Инженеры или юристы? Институты и спрос на высшее образование // Вопросы экономики, 2012, № 10.

⁵⁰² Любимов И. От человеческого капитала к экономическому росту: прямая дорога или долгое блуждание по лабиринту // Вопросы экономики, 2017, № 8, с. 19.

⁵⁰³ Сорокин Д.Е. Какой будет траектория развития экономики России? // Эффективное антикризисное управление. 2010. № 1. С. 54.

⁵⁰⁴ Кульков В.М., Теняков И.М. К вопросу о координатах инновационных сопоставлений // Экономист, 2013, № 9, с. 77.

общего образования (Таблица П-3.1 Приложения 3). На основе выделенных групп определим динамику занятых в каждой образовательной группе (в процентах к предыдущему году) и оценим зависимость динамики реального ВВП от динамики занятых соответствующих образовательных групп, а также динамики основного капитала. Иначе говоря, расширим построенную ранее Модель 4, представив \hat{L} в виде нескольких переменных, отражающих динамику занятых с соответствующим уровнем образования (переменные $\widehat{L1}$, $\widehat{L2}$, $\widehat{L3}$, $\widehat{L4}$, $\widehat{L5}$, $\widehat{L6}$, а также переменная $\widehat{L4-6}$, характеризующая совокупную динамику занятых с уровнями образования L4, L5, L6).

Расчеты проводились в программе Gretl 1.9.13 с использованием метода наименьших квадратов (МНК). Они показали, что коэффициенты при переменных $\widehat{L4}$, $\widehat{L5}$, $\widehat{L6}$, а также при агрегированной переменной $\widehat{L4-6}$, заменяющей предыдущие три, являются незначимыми. Другими словами, темпы прироста реального ВВП не зависят от динамики занятых со средним (полным) общим, основным общим образованием и не имеющих основного общего образования. Базовый объем человеческого капитала, который формируется на данных уровнях образования, либо его отсутствие, не сказывается на темпах экономического роста в российской экономике, что формально подтверждает вывод о том, что системно-исторический тип экономического роста в российской экономике соответствует не менее чем зрелому индустриальному росту, для которого базовое образование является обязательным требованием, не дающим каких-то преимуществ, в отличие от более высоких уровней образования. После исключения переменных $\widehat{L4}$, $\widehat{L5}$, $\widehat{L6}$ либо заменяющей их переменной $\widehat{L4-6}$ из модели, оценка коэффициентов модели улучшается. Результат этой оценки представлен в Таблице 13, а полученное эконометрическое уравнение выглядит следующим образом:

$$g = 0,364196 + 0,244738 * \hat{K} + 0,577631 * \widehat{L1} + 0,441345 * \widehat{L2} + 0,277416 * \widehat{L3} \quad (55).$$

Анализ коэффициентов Модели 5 подтверждает вывод о значимости фактора человеческого капитала для российской экономики. Формально занятые с высшим профессиональным образованием приносят наибольший вклад в темпы при-

роста реального ВВП (коэффициент при переменной $\widehat{L1}$ выше, чем коэффициенты при остальных переменных). Отдача последовательно снижается для занятых со средним профессиональным и начальным профессиональным образованием. При этом значимость переменной $\widehat{L2}$ ниже, чем остальных переменных Модели 5. Анализ коэффициентов модели на других периодах (с последовательным повышением нижней границы от 1999 г.) показал, что переменная $\widehat{L2}$ быстро теряет свою значимость, в то время как уровень значимости остальных переменных остается высоким и устойчивым. Можно сделать вывод, что занятые со средним профессиональным образованием не являются существенным фактором экономического роста, в отличие от занятых с высшим профессиональным и начальным профессиональным образованием, что отражает определенные структурные дисбалансы в российской экономике (для нее требуются специалисты либо с высшим профессиональным, либо с начальным профессиональным образованием).

Таблица 13. Модель 5: МНК, использованы наблюдения 1999 – 2014 (Т = 16)
Зависимая переменная: g

	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение	
const	0,364196	0,994203	0,3663	0,72107	
\widehat{K}	0,244738	0,0772545	3,1679	0,00895	***
$\widehat{L1}$	0,577631	0,120708	4,7853	0,00057	***
$\widehat{L2}$	0,441345	0,15878	2,7796	0,01792	**
$\widehat{L3}$	0,277416	0,0722709	3,8386	0,00275	***
Среднее зав. перемен	4,758937		Ст. откл. зав. перемен	4,133547	
Сумма кв. остатков	61,45088		Ст. ошибка модели	2,363566	
R-квадрат	0,760232		Испр. R-квадрат	0,673044	
F(4, 11)	8,719424		P-значение (F)	0,002010	
Лог. правдоподобие	-33,46821		Крит. Акаике	76,93642	
Крит. Шварца	80,79937		Крит. Хеннана-Куинна	77,13424	
Параметр rho	0,301362		Стат. Дарбина-Вотсона	1,347710	

Модели эндогенного экономического роста с человеческим капиталом позволили раскрыть влияние на экономический рост не только количественных, но и качественных факторов (структура человеческого капитала, уровень образования и т.п.). Экономический рост постсоветской России относится, по меньшей мере, к зрелому индустриальному типу с элементами информационно-индустриального

роста (вклад человеческого капитала, в частности, вклад занятых с высшим образованием значим, базовый уровень человеческого капитала – не значим, т.к. является условием зрелого индустриального роста по определению). Недостаток исследований, дающих системную оценку уровню и динамике человеческого капитала, не позволяет однозначно определить величину его вклада в экономический рост в России. Несмотря на в целом значимый характер фактора человеческого капитала, есть основания полагать, что он используется не полностью в генерировании экономического роста, и что потенциал человеческого капитала в России гораздо выше, чем его реализация в экономике. Другими словами, человеческий капитал может стать основой для новой модели экономического роста при условии снятия ряда ограничений, унаследованных от сложившейся в 2000-е гг. модели роста.

4.5. Новая теория роста-2: шумпетерианский подход

Неспособность АК-парадигмы в теории экономического роста предложить убедительную модель долгосрочного роста, в том числе для объяснения конвергенции стран, вызвала к жизни вторую волну новой теории роста, рассматривающей инновации в качестве ключевого фактора, которая представлена двумя типами моделей. Первый тип берет начало от многопродуктовой модели П. Ромера⁵⁰⁵, согласно которой инновации приводят к росту производительности за счет создания новых, но не обязательно улучшенных разновидностей благ. Второй тип моделей берет начало от работ Ф. Агийона и П. Хоуитта⁵⁰⁶ и основывается на идее Й. Шумпетера о «созидательном разрушении», в ходе которого инновации приводят к качественному совершенствованию производства, заменяя устаревшие блага новыми. При этом в современной теории роста оба типа моделей развиваются в целом в русле шумпетерианского подхода, что позволяет говорить о едином направлении – шумпетерианской теории роста.

⁵⁰⁵ Romer P. Endogenous Technological Change // Journal of Political Economy. 1990, Vol. 98 (5), pp. 71 – 102.

⁵⁰⁶ Aghion P., Howitt P. A Model of Growth through Creative Destruction // Econometrica, 1992, 60, pp. 323–351.

Отметим, что многопродуктовые модели роста разрабатывались и ранее - достаточно назвать модели динамического межотраслевого баланса или модели расширяющейся экономики (модели Неймана-Гейла, Леонтьева и др.)⁵⁰⁷. Однако в данных моделях рассматривался рост многопродуктовой экономики при заданном наборе продуктов и траекторий, но не раскрывался вопрос о способе создания принципиально новых продуктов, который стоит в центре анализа шумпетерианской теории экономического роста.

Многопродуктовая модель П. Ромера и ее вариации основаны на идее, что рост совокупной производительности в экономике происходит за счет расширения ассортимента специализированных промежуточных продуктов. Инновация, необходимая для создания нового продукта, требует определенных затрат, но осуществляется только один раз. Эти затраты можно рассматривать как затраты на исследования, которые приводят к продуктовым инновациям, а их результаты увеличивают общий запас технологических знаний. Другими словами, технологические знания рассматриваются в модели как своего рода «списки чертежей», показывающие как производить тот или иной продукт, и каждое нововведение добавляет еще один чертеж в список.

Наличие издержек инноваций позволяет рассматривать рынок промежуточных продуктов как рынок монополистической конкуренции, снимая предпосылку о совершенно конкурентных рынках. Несовершенная конкуренция означает, что у производителей образуется экономическая прибыль, которая выступает в качестве награды за создание новых продуктов.

Предположим, что труд (L) может использоваться как в производстве конечного продукта (в объеме L_1), так и в секторе исследований и разработок (в объеме L_2)⁵⁰⁸. Итоговый выпуск в экономике производится при помощи труда L_1 и набора промежуточных продуктов x_i (в совокупности он образует общую величину промежуточного продукта X) в соответствии с производственной функцией:

$$Y = L_1^{1-a} \int_{i=0}^M x_i^a di \quad (56),$$

⁵⁰⁷ Макаров В.Л., Рубинов А.М. Математическая теория экономической динамики и равновесия. М.: Наука, 1973.

⁵⁰⁸ Изложение модели П. Ромера дано по: Aghion P., Howitt P. The Economics of Growth. MIT, 2009, p. 74 – 76.

Где M – мера продуктовой вариативности (количество разновидностей промежуточных продуктов в данный период времени). Итоговый выпуск используется для потребления и инвестиций («составление чертежей»). Другое его применение – в производстве промежуточных продуктов. Таким образом, ВВП может быть определен как итоговый выпуск (Y) минус та его часть, которая используется в производстве промежуточных продуктов (X): $ВВП = Y - X$. Предполагается, что создание единицы промежуточного продукта требует единицы конечного продукта. Итоговый выпуск производится в условиях совершенной конкуренции, а промежуточные продукты – в условиях монополистической конкуренции. Прибыль производителя промежуточного продукта (π_i) описывается выражением:

$$\pi_i = p_i x_i - x_i \quad (57),$$

где p_i – цена i -го промежуточного продукта в единицах конечного блага, x_i – объем выпуска i -го промежуточного продукта, он также равен издержкам производителя, в соответствии с технологией, описанной выше (единица конечного продукта на единицу промежуточного).

Каждый промежуточный продукт выступает фактором производства конечного выпуска и его цена равна величине предельного продукта конечного выпуска по соответствующему промежуточному продукту:

$$p_i = \frac{dY}{dx_i} = aL_1^{1-a} x_i^{a-1} \quad (58).$$

Подставляя (58) в (57) и максимизируя прибыль производителя i -го промежуточного продукта по его объему, получим, что оптимальный объем выпуска промежуточного продукта для его производителя будет равен:

$$x_i = L_1 a^{\frac{2}{1-a}} \quad (59).$$

Равновесный поток прибыли производителя промежуточного продукта (после преобразований) будет равен:

$$\pi = \frac{1-a}{a} L_1 a^{\frac{2}{1-a}} \quad (60).$$

Так как полученный результат не зависит от конкретной вариации промежуточного продукта i , он будет одинаков для всех производителей промежуточных продуктов, и можно заменить x_i на x , а общий объем промежуточного продукта в

экономике можно определить как $X = M * x$. Выражение (56) в этом случае примет вид:

$$Y = M * L_1^{1-a} x^a \quad (61),$$

а величина ВВП будет определяться следующим образом:

$$\text{ВВП} = Y - X = M(L_1^{1-a} x^a - x) \quad (62).$$

Из выражения (62) следует, что *темпы роста ВВП пропорциональны темпам роста количества видов промежуточных продуктов (M)*.

Мера продуктовой вариативности (M) растет со временем с темпом, который зависит от количества труда (L_2), занятого исследованиями и разработками в соответствии с выражением:

$$\frac{dM_t}{dt} = \lambda M_t L_2 \quad (63),$$

где λ – положительный коэффициент, определяющий производительность сектора исследований и разработок. Соответственно, темп роста количества продуктовых вариаций будет равен:

$$g = \frac{1}{M_t} \frac{dM_t}{dt} = \lambda L_2 = \lambda(L - L_1) \quad (64).$$

Предполагается, что сектор исследований и разработок не имеет барьеров для входа других фирм, поэтому поток прибыли в этом секторе в конечном счете обращается в ноль. Каждый проект (разработанный «чертеж») приносит его изобретателю дисконтированную по реальной ставке процента (r) прибыль (π/r). Величина прибыли была определена в (60). Общий поток прибыли в секторе исследований будет равен:

$$\Pi = \frac{\pi}{r} \lambda M_t L_2 - w_t L_2 \quad (65),$$

где w_t – равновесная ставка заработной платы исследователей и разработчиков. Поток прибыли обращается в ноль, при условии, что реальная ставка процента равна:

$$r = \frac{\lambda M_t \pi}{w_t} \quad (66).$$

Поскольку выпуск в конечном секторе производится в условиях совершенной конкуренции, то заработная плата работников будет равна предельному продукту их труда, и, с учетом выражений (61) и (59), получим:

$$w_t = \frac{dY}{dL_1} = (1 - a)L_1^{-a}Mx^a = (1 - a)a^{\frac{2a}{1-a}}M \quad (67).$$

С учетом выражений (60) и (67), а также (64) условие (66) примет вид:

$$r = a\lambda L_1 = a(\lambda L - g) \quad (68).$$

В модели рассматривается изоэластическая функция полезности (как в модели Касса - Купманса-Рамсея) с постоянной нормой межвременного замещения ρ и параметром $\varepsilon > 0$. При данных предпосылках в устойчивом состоянии темп роста и ставка процента подчиняются уравнению Эйлера⁵⁰⁹, которое может быть записано в виде: $g = \frac{r - \rho}{\varepsilon}$. С учетом уравнения Эйлера и (68) получим, что темп роста количества продуктовых вариаций будет определяться выражением:

$$g = \frac{a\lambda L - \rho}{a + \varepsilon} \quad (69).$$

Темп роста количества продуктовых вариаций повышается с ростом продуктивности исследовательской деятельности (λ) и увеличением масштаба экономики, измеренного как общее количество занятых L , и снижается в зависимости от нормы межвременных предпочтений ρ .

В работе К. Броды, Дж. Гринфильда и Д. Уэйнстейна⁵¹⁰ была сделана попытка по данным международной торговли оценить влияние количества продуктовых вариаций на показатели производительности и экономического роста. Разложение темпа прироста выпуска по факторам в их модели приняло следующий вид:

$$g = (1 - a)\hat{L} + a\hat{K} + (1 - a)\hat{A} + k\hat{M} \quad (70),$$

где \hat{L} , \hat{K} – темпы прироста труда и капитала, \hat{M} – темп прироста количества продуктовых вариаций (влияет на МФП), \hat{A} – качественная компонента, отвечающая за остальной прирост МФП, α и k – параметры модели (коэффициенты эластичности). То есть, из остатка Солоу (или общей МФП) была выделена отдельная компонента, характеризующая вклад *фактора разделения труда и специализации* (по сути именно этот фактор рассматривается в моделях с многопродуктовой вариацией). Отметим также, что актуальность многопродуктовых моделей экономического роста повышается в условиях перехода от зрелого индустриаль-

⁵⁰⁹ Подробнее о выводе уравнения Эйлера для данного случая см.: Aghion P., Howitt P. The Economics of Growth. MIT, 2009, p. 31 – 37.

⁵¹⁰ Broda C., Greenfield J., Weinstein D. From Groundnuts to Globalization: A Structural Estimate of Trade and Growth// NBER Working Paper, 2006, No. 12512.

ного к позднеиндустриальному типу роста, который характеризуется не столько количественными показателями (увеличением производства стандартной номенклатуры продукции), сколько качественными показателями (а к таковым относятся продуктивное разнообразие).

Второй тип моделей основан на интерпретации идеи Й. Шумпетера о «созидательном разрушении». В этом случае экономический рост генерируется последовательным потоком инноваций, создающих новые продукты взамен прежних. В простых моделях рассматривается односекторная экономика с одним продуктом, который постоянно обновляется в ходе процесса «созидательного разрушения». Более сложные модели рассматривают экономику с множеством продуктов, каждый из которых подвергается замещению в ходе вертикальных инноваций. Рассмотрим простую модель шумпетерианского роста в односекторной экономике⁵¹¹.

Рассматривается последовательность дискретных периодов времени, в каждом из которых производится один конечный продукт, имеется фиксированное количество L индивидов, каждый из которых предлагает единицу услуг труда и потребляет единственный продукт (конечный выпуск), производимый в условиях совершенной конкуренции с использованием двух факторов – труда (L) и простого промежуточного продукта (x) в соответствии с производственной функцией Кобба-Дугласа с коэффициентом $\alpha < 1$:

$$Y_t = (A_t L)^{1-\alpha} x_t^\alpha \quad (71).$$

Промежуточный продукт в каждый период производится монополистом, который использует в качестве ресурса единицу конечного выпуска на единицу промежуточного (технология аналогична описанной выше для модели П. Ромера). ВВП в экономике может быть определен как разница между конечным выпуском и промежуточным продуктом: $ВВП_t = Y_t - x_t$.

Экономический рост возникает вследствие инноваций, которые повышают параметр производительности A_t , улучшая качество промежуточного продукта. Монополист в каждый период максимизирует свою прибыль (выраженную в единицах конечного продукта):

⁵¹¹ Изложение модели дано по: Aghion P., Howitt P. The Economics of Growth. MIT, 2009, p. 85 – 90.

$$\Pi_t = p_t x_t - x_t \quad (72),$$

где p_t – цена промежуточного продукта в единицах конечного блага. Поскольку равновесная цена фактора производства, используемого в совершенно конкурентной отрасли, равна предельному продукту данного фактора, то:

$$p_t = \frac{dY_t}{dx_t} = a(A_t L)^{1-a} x_t^{a-1} \quad (73).$$

Подставляя (73) в (72) и максимизируя прибыль по x_t , получим оптимальный объем выпуска промежуточного продукта монополистом:

$$x_t = a^{\frac{2}{1-a}} A_t L \quad (74).$$

Равновесная прибыль монополиста будет равна:

$$\Pi_t = \pi A_t L \quad (75),$$

где $\pi = (1 - a)a^{\frac{1+a}{1-a}}$.

Подставляя (74) в (71) и выражение для ВВП, получим, что выпуск и ВВП прямо пропорциональны труду и производительности $A_t L$:

$$Y_t = a^{\frac{2a}{1-a}} A_t L \quad (76);$$

$$\text{ВВП}_t = a^{\frac{2a}{1-a}} (1 - a^2) A_t L \quad (77).$$

В каждый период времени имеется индивид («предприниматель»), который может создать инновацию. Если она успешна, то возникает новый промежуточный продукт с большей продуктивностью A , чем предыдущий, так что $A_t = \gamma A_{t-1}$, причем $\gamma > 0$. Если инновация неудачна, то ничего не меняется, и продуктивность остается такой же, как в предыдущем периоде.

Для создания инновации предпринимателю необходимо провести исследования и разработки, на которые тратится конечный выпуск. Вероятность возникновения инновации в текущий период (μ_t) прямо пропорциональна количеству R_t конечного выпуска, потраченного на исследования, и обратно пропорциональна текущей производительности промежуточного продукта A_t . Обратная зависимость от A_t объясняется тем, что по мере совершенствования технологий становится все сложнее создавать новые инновации, повышающие производительность. Предполагается, что функция вероятности создания инновации (μ) принимает вид:

$$\mu_t = \phi(n_t) = \lambda n_t^\delta \quad (78),$$

где $n_t = R_t/A_t$, λ – параметр производительности исследовательского сектора, δ – эластичность μ_t по n , которая принимает значения от 0 до 1.

В случае успешной инновации предприниматель становится монополистом в производстве промежуточного продукта, таким образом, ожидаемая награда от создания инновации равна $\mu_t \Pi_t$. Поскольку создание инновации требует затрат R_t , то чистая выгода от создания инновации будет определяться как $\mu_t \Pi_t - R_t$. Максимизируя чистую выгоду от создания инноваций по R_t , получим, что $\phi' \left(\frac{R_t}{A_t} \right) * \frac{\Pi_t}{A_t} - 1 = 0$. С учетом выражения (75), получим, что $\phi'(n_t) \pi L = 1$.

После преобразований, с учетом выражения (78) получаем, что:

$$n = (\delta \lambda \pi L)^{\frac{1}{1-\delta}} \quad (79).$$

С учетом (79), вероятность создания новой инновации будет определяться как:

$$\mu_t = \lambda^{\frac{1+\delta}{1-\delta}} (\delta \pi L)^{\frac{\delta}{1-\delta}} \quad (80).$$

Темп экономического роста пропорционален темпу роста ВВП на душу населения, который, в соответствии с выражением (77), пропорционален темпу роста производительности A_t . Таким образом, рост носит случайный характер в зависимости от успешности инноваций, увеличивающих производительность. В каждый период с вероятностью μ темп роста подушевого ВВП будет равен $\frac{\gamma A_{t-1} - A_{t-1}}{A_{t-1}} = \gamma - 1$. С вероятностью $(1 - \mu)$ темп роста будет равен нулю. Таким образом, на длительном интервале времени средний темп роста будет равен: $g = \mu(\gamma - 1)$. С учетом выражения (80), получим:

$$g = \lambda^{\frac{1+\delta}{1-\delta}} (\delta \pi L)^{\frac{\delta}{1-\delta}} (\gamma - 1) \quad (81).$$

Таким образом, согласно шумпетерианскому подходу в новой теории роста, темп экономического роста зависит от частоты возникновения инноваций (в модели – это вероятность μ) и эффекта инноваций для производительности (γ). В расширенных версиях шумпетерианской модели роста предполагается также возможность входа потенциальных конкурентов на рынок промежуточных продуктов, что ограничивает сверху уровень цены, которую монополист может взимать

за свою продукцию. В этом случае темп экономического роста прямо пропорционален степени защиты прав собственности монополиста-инноватора (например, патентной защите), которая может быть измерена как величина издержек, которую несут потенциальные конкуренты при входе на данный рынок. Рост населения также повышает темп роста из-за эффекта масштаба (больше выпуска производится, и большая часть выпуска может быть использована для проведения исследований и разработок, что следует из выражений (76) – (81).

Шумпетерианская теория роста развивается в работах Ф. Агийона и П. Хоуитта⁵¹², П. Сегестрома⁵¹³, Л. Джонса и Р. Мануэлли⁵¹⁴ и др. Внедрение шумпетерианской модели в стандартную модель реального делового цикла позволяет лучше проследить взаимосвязь между экономическим ростом и бизнес-циклами⁵¹⁵. А. Батабьял и С. Дж. Йо доказывают, что экономический рост не является сбалансированным, поскольку инновации внедряются только на высокотехнологичных производствах, и показывают возможность возникновения сбалансированного роста в случае внедрения инноваций на производствах всех уровней развития⁵¹⁶. Ф. Агийон также использует шумпетерианскую модель для анализа ловушки среднего дохода, длительной стагнации, усиления проблемы неравенства⁵¹⁷.

В.А. Цветков и О.С. Сухарев рассматривают обобщенную модель экономического роста, учитывающую скорость создаваемых новых ресурсов и скорость исчерпываемых ресурсов, а также динамику численности населения. Авторы делают вывод, что чем выше уровень населенности системы или уровень ее ресурсной обеспеченности, тем на меньшую величину требуется изменять технологии для обеспечения роста. При этом, чем выше скорость роста населения и ее изменения,

⁵¹² Aghion P., Howitt P. *Endogenous Growth Theory*. 1998, Cambridge, MA: MIT Press; Aghion P., Howitt P. Joseph Schumpeter Lecture: Appropriate Growth Policy: A Unifying Framework. // *Journal of the European Economic Association*, 2006, 4, pp. 269–314.

⁵¹³ Segerstrom P. S. The Long-Run Growth Effects of R&D Subsidies. // *Journal of Economic Growth*, 2000, 5, pp. 277–305.

⁵¹⁴ Jones L. E., Manuelli R. E. Neoclassical Models of Endogenous Growth: The Effects of Fiscal Policy, Innovation, and Fluctuations. // *Handbook of Economic Growth*. / Ed. by P. Aghion and S. N. Durlauf. 2005, Amsterdam: Elsevier North-Holland.

⁵¹⁵ Phillips K.L., Wrase J. Is Schumpeterian ‘creative destruction’ a plausible source of endogenous real business cycle shocks? // *Journal of Economic Dynamics & Control*, 30, 2006, pp. 1885–1913.

⁵¹⁶ Batabyal A.A., Yoo S.J. On Research and Development in a Model of Schumpeterian Economic Growth in a Creative Region // *Technological Forecasting & Social Change*, 2017, 115, pp. 69–74.

⁵¹⁷ Aghion P. Entrepreneurship and Growth: Lessons from Intellectual Journey // *Small Bus Econ*, 2017, 48, p. 9–24.

тем выше будут требования к технологическим изменениям⁵¹⁸. Характеризуя шумпетерианский подход к экономическому росту, авторы отмечают ряд факторов, которые влияют на возможность создания новых комбинаций, в частности: состояние старых производств, степень их износа и загрузки; характеристики новых технологий и требующихся для них ресурсов; сложившаяся межсекторальная структура инвестиций и институты, влияющие на оценку инвестиций; уровень монополизма рынков; состояние рынка труда; структура устаревающих и новых технологий, режим технологического развития экономической системы⁵¹⁹.

Сложившаяся в России в 2000-е гг. модель экономического роста слабо соответствует теоретическому подходу новой теории роста в шумпетерианской версии. В Таблице 14 представлены данные по динамике реального ВВП, затрат на научные исследования и разработки в реальном выражении и динамике персонала, занятого научными исследованиями и разработками.

Таблица 14. Динамика инновационных факторов экономического роста в России, в % к предыдущему году.

Период	Реальный ВВП	Затраты на научные исследования и разработки	Персонал, занятый научными исследованиями и разработками	Затраты на научные исследования на одного занятого научными исследованиями
(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
2001	5,1	17,8	-0,2	18,1
2002	4,7	11,0	-1,7	12,9
2003	7,3	10,6	-1,4	12,2
2004	7,2	-4,2	-2,2	-2,0
2005	6,4	-1,3	-3,1	1,9
2006	8,2	8,8	-0,8	9,6
2007	8,5	12,8	-0,7	13,6
2008	5,2	-1,4	-5,0	3,7
2009	-7,8	10,4	-2,5	13,1
2010	4,5	-5,6	-0,8	-4,9
2011	4,3	0,5	-0,2	0,7
2012	3,7	5,9	-1,2	7,2
2013	1,8	2,3	0,1	2,2
2014	0,7	5,5	0,7	4,7
2015	-2,8	0,2	0,9	-0,7

Источник: рассчитано автором по данным Росстата.

⁵¹⁸ Цветков В.А., Сухарев О.С. Экономический рост России: новая модель управления. М., ЛЕНАНД. 2017, с. 32 – 33.

⁵¹⁹ Там же, сс. 47 – 48.

Анализ данных Таблицы 14 показывает, что инновационные факторы, рассматриваемые в новой теории роста, не оказывали существенного влияния на экономический рост в России. Так, коэффициент корреляции между динамикой затрат на НИОКР и ВВП равен 0,0058; коэффициент корреляции между динамикой персонала, занятого НИОКР, и ВВП, равен -0,175; коэффициент корреляции между динамикой подушевых затрат на НИОКР (колонка 5 Таблицы 14) и ВВП равен 0,0412. В последнем случае лаг в 1 год несколько повышает значение коэффициента корреляции (до 0,23), однако это значение невелико, чтобы можно было сделать вывод о наличии устойчивой связи между НИОКР на одного занятого в этой сфере и экономическим ростом в российских условиях 2000-х гг. Как было отмечено выше при характеристике моделей эндогенного роста, на экономический рост влияет, в том числе, масштаб занятых в секторе исследований, а в условиях России численность персонала, занятого исследованиями и разработками, неуклонно сокращалась на протяжении всех 2000-х гг., и только с 2013 г. началось очень медленное (менее 1% в год) увеличение численности соответствующей группы. Д.Е. Сорокин указывает в качестве причин низкой инновационности российской экономики, с одной стороны, на институциональный фактор – низкий уровень легитимности отношений собственности, сложившихся в России, а с другой стороны – на ключевой экономический фактор – дешевизну рабочей силы, которая препятствует внедрению дорогих инновационных технологий⁵²⁰.

Слабое соответствие экономического роста в России теоретическим подходам новой теории роста может объясняться, в том числе, и тем, что в российской экономике наиболее значимыми факторами роста являлись (и являются) «косвенные» факторы, которые обычно игнорируются в теоретических моделях. К числу таких факторов могут быть отнесены национально-специфические экономические факторы – характеристики факторов производства, структуры совокупного спроса и предложения, инвестиций и сбережений в российских условиях. Важную роль могут играть, с одной стороны, факторы экономической политики – денежно-

⁵²⁰ Сорокин Д.Е. Условия перехода к инновационному типу экономического роста // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2010. № 2.

кредитные параметры или показатели фискальной политики, а с другой стороны, внешнеэкономические факторы (в частности, для России таким фактором является мировая цена на нефть и ее динамика). Наконец, не исключено воздействие неэкономических национально-специфических факторов (социокультурные, демографические, географические, геополитические), хотя проследить их влияние в рамках формализованной модели не всегда возможно. Поэтому прежде чем переходить к характеристике национальной модели экономического роста в России как спецификации системно-исторического типа роста в условиях конкретной национально-специфической «колеи» развития, кратко остановимся на характеристике ряда «косвенных» факторов роста в сложившейся теории экономического роста.

4.6. Национально-специфические факторы экономического роста: российская модель.

В предыдущих разделах была рассмотрена эволюция теории экономического роста с точки зрения включения разных факторов, в основном прямого действия, в модели роста. Можно отметить, что ключевыми факторами в большинстве моделей являются факторы производства с учетом их детализации. Так, от факторов «труд» и «капитал», взятых по отдельности, можно перейти к производным факторам «производительность труда» и «капиталовооруженность труда» (модель Солоу), а неразложимый остаток прироста ВВП отнести на счет действия «многофакторной производительности». В кейнсианских моделях акцент был сделан на факторах совокупного спроса – и, прежде всего, инвестиционном спросе. Новая теория роста представлена подходами, которые пытаются разложить «остаток Солоу» на отдельные факторы, например, выделить вклад продуктовой вариативности (фактор разделения труда и специализации), либо разграничить неквалифицированный и квалифицированный труд (последний представлен в форме человеческого капитала), показать роль фактора НИОКР и инноваций в экономическом росте.

Однако целый ряд факторов «второго плана», которых можно охарактеризовать как *косвенные факторы роста*, а также играющие важную роль в конкретной национальной экономике *национально-специфические факторы* (географические, геополитические, демографические и т.п.) остаются за рамками базовых моделей теории экономического роста. К таким факторам относятся: факторы международной торговли (и шире – международных экономических взаимоотношений), институты и политика, социокультурная среда, географический фактор, а для России особую актуальность приобретают также демографические и региональные факторы. Данные факторы могут учитываться в многочисленных вариациях базовых моделей теории экономического роста, причем на разных этапах ее развития. Изложение всех моделей, учитывающих данные факторы, не является целью настоящей работы. Остановимся кратко на общих выводах, которые были получены в ходе моделирования экономического роста с учетом его косвенных и национально-специфических факторов.

Фактор международной торговли может оказывать стимулирующее воздействие на инновации и экономический рост. Взаимосвязь экономического роста, международной торговли и трансфера технологий раскрывается в работах С. Паренте, Э. Прескотта⁵²¹, У. Истерли, Р. Кинга, Р. Левине, С. Ребело⁵²² и др.

Э. Хелпман называет шесть каналов, по которым международная торговля может влиять на НИОКР и, соответственно, на экономический рост⁵²³. Первый канал связан с повышением емкости рынка. В этом случае повышается прибыльность инноваций, что стимулирует инвестиции в НИОКР и положительно отражается на темпах роста. Второй канал связан с влиянием международной конкуренции, которое носит противоречивый характер. Международная конкуренция может негативно отразиться на НИОКР, сокращая потенциальные прибыли, либо, наоборот, усилить стимулы к инновациям, побуждая лидеров ускорять научно-технический прогресс, чтобы опередить конкурентов. Третий канал связан с из-

⁵²¹ Parente S. L., Prescott E. C. Barriers to Technology Adoption and Development // The Journal of Political Economy, Vol. 102, No. 2 (Apr., 1994), pp. 298-321.

⁵²² Easterly W., King R., Levine R., Rebelo S. Policy, technology adoption and growth // NBER Working Paper, No. 4681, March 1994.

⁵²³ Хелпман Э. Загадка экономического роста / пер. с англ. М.: Изд. Института Гайдара, 2011, с. 99–104.

менением внутренних цен на факторы производства. Если в результате международной торговли и притока прямых иностранных инвестиций НИОКР становятся дешевле, то инвестиции в НИОКР растут. Как следствие, Хелпман подчеркивает, что «теория не предполагает существования обратной зависимости между протекционизмом и ростом во всех странах»⁵²⁴. Протекционизм может замедлить рост, если страна является импортером трудоемкого товара, цена которого и затраты на НИОКР повышаются вследствие введения протекционистских мер. Но если страна, напротив, является экспортером трудоемкого товара, то протекционизм снижает его относительную цену и затраты на НИОКР, что приводит к ускорению экономического роста. Далее следует отметить влияние международной торговли на дублирование НИОКР. В условиях открытой экономики у фирм появляется стимул к тому, чтобы создать товар, отличный от аналогичных товаров иностранных конкурентов, в результате сокращается дублирование НИОКР. Пятый канал воздействия международной торговли на экономический рост связан с тем, что она расширяет круг ресурсов для использования в производстве, обеспечивая национальной экономике доступ к произведенной в других странах продукции производственного назначения. Наконец, международная торговля влияет на перелив знаний между странами, однако такое влияние противоречиво, поскольку если результаты НИОКР остаются достоянием отдельных стран, то это лишь усиливает неравномерный характер экономического развития.

В итоге воздействие международной торговли на экономический рост оказывается противоречивым: «Теоретически торговля может стимулировать или замедлять рост дохода на душу населения»⁵²⁵. Э. Райнерт отмечает, что «искусственно введенная свободная торговля сразу уничтожает самые развитые экономические секторы самых неразвитых торгующих стран, на задворках мира начинается деиндустриализация, развал сельского хозяйства и сокращение населения»⁵²⁶. Напротив, позитивное воздействие международной торговли на экономи-

⁵²⁴ Там же, с. 102.

⁵²⁵ Там же, с. 107.

⁵²⁶ Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014, с. 198.

ческий рост сопряжено с наличием определенной структурной трансформации. В частности, страна осуществляет переход от низкотехнологичного производства к высокотехнологичному, как, например, в модели «летающих гусей» К. Акамацу⁵²⁷.

В исследованиях Байроха⁵²⁸, О'Рурка⁵²⁹, Клеменса и Уильямсона⁵³⁰, посвященных влиянию протекционистских мер на экономический рост, подчеркивается положительное воздействие таможенных пошлин на рост реального подушевого дохода для конца XIX в. и первой половины XX в. Во второй половине XX в. эта зависимость поменялась на обратную. Однако следует учитывать изменения, произошедшие как в мировой экономике в XX в., так и в протекционистских мерах, которые приняли косвенный характер, не связанный с величиной таможенных пошлин. Во всяком случае, однозначного ответа о характере воздействия протекционизма на экономический рост не получено.

Наряду с *экономическими* факторами следует отметить и *неэкономические* факторы роста, к которым можно, в частности, отнести *политические, социокультурные, природно-климатические факторы*. Обычно влияние неэкономических факторов (прежде всего, политических и социокультурных) на экономический рост трактуется через призму институтов. Влияние институтов на экономический рост и развитие было рассмотрено в первой и второй главах. Важную роль географического фактора отмечает Дж. Сакс⁵³¹, подчеркивая, что страны с умеренным климатом или имеющие выход к морской торговле обладают существенными преимуществами по сравнению со странами с тропическим климатом или без выхода к морю. Выводы о характере влияния политического фактора на экономический рост противоречивы⁵³². Как отмечает Э. Хелпман, «у нас нет ни хорошей теории, которая устанавливала бы связи между политическими институтами и ро-

⁵²⁷ Akamatsu K. A Theory of Unbalanced Growth in the World Economy // *Weltwirtschaftliches Archiv*. 1961. № 86. P. 196–217.

⁵²⁸ Bairoch P. *Economics and World History*. Chicago: University of Chicago Press, 1993.

⁵²⁹ O'Rourke K. Tariffs and Growth in the Late 19th Century // *Economic Journal*. 2000. Vol. 110. P. 456–483.

⁵³⁰ Clemens M., Williamson J. Why Did the Tariff-Growth Correlation Reverse after 1950? // NBER Working Paper. 2002. № 9181.

⁵³¹ Sachs J. Tropical Underdevelopment // NBER Working Paper. 2001. № 8119.

⁵³² Rodrik D. Democracies Pay Higher Wages // *Quarterly Journal of Economics*. 1999. Vol. 114. P. 707–738; Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J., Limongi F. *Democracy and Development*. 2000. Cambridge: Cambridge University Press; Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004; Acemoglu D., Robinson J. *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

стом, ни надежных эмпирических доказательств существования таких связей»⁵³³. Следует также подчеркнуть, что не выработано каких-либо *метрологически состоятельных* критериев, по которым можно было бы различать «демократические» и «недемократические» режимы и на этой основе проследить их влияние на экономический рост. В отсутствие таких критериев исследования о «влиянии демократии на экономический рост» будут давать взаимно исключающие результаты в лучшем случае, а в худшем – подгоняться под заранее заданные предпосылки.

В условиях российской экономики особую актуальность приобретает вопрос о влиянии *экономической политики*, в частности, денежно-кредитной, на экономический рост. В.А. Цветков и О.С. Сухарев отмечают, что экономический рост по отношению к денежно-кредитной политике может быть двух типов: фишеровский рост, при котором повышательная динамика цен тормозит темп роста ВВП, и шумпетеровский рост, сопровождаемый повышательной динамикой цен⁵³⁴. Важно оговорить, что для шумпетерианского роста важна не инфляция вообще, а определенная ее структурная компонента, связанная с ростом цен на промежуточные продукты новой генерации. В этом случае у предпринимателей появляется стимул развивать новую линейку продуктов взамен старой, что способствует НТП и повышает сложность народного хозяйства страны. По оценке В.И. Маевского, приводимой В.А. Цветковым и О.С. Сухаревым, такая инфляция («эволюционная») не превышает 5-6% в год⁵³⁵. В.А. Цветков и О.С. Сухарев критикуют тезис о необходимости подавления инфляции до 4% в условиях российской экономики, указывая на недостаточную обоснованность данной цифры. Кроме того, следует отметить, что целевые ориентиры при «таргетировании инфляции» могут существенно отличаться для ведущих индустриальных стран и стран со становящимися рынками. Для создания благоприятных условий для долгосрочного экономического роста в развитых странах пороговый уровень инфляции может составлять

⁵³³ Хелпман Э. Загадка экономического роста /пер. с англ. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. С. 212.

⁵³⁴ Цветков В.А., Сухарев О.С. Экономический рост России: новая модель управления. М., ЛЕНАНД, 2017, с. 131 – 132.

⁵³⁵ Там же, с. 77.

3%, а в развивающихся странах 10 – 12%⁵³⁶. Политика, направленная исключительно на борьбу с инфляцией, может привести к негативным последствиям (спад производства и доходов, рост безработицы), которые перевесят позитивные эффекты. Неоднозначную взаимосвязь между ростом российской экономики, монетизацией и инфляцией отмечает В.Т. Рязанов, подчеркивая, что в 2000-е гг. «постепенное насыщение экономики деньгами не взорвало инфляцию, а напротив, снизило ее уровень»⁵³⁷.

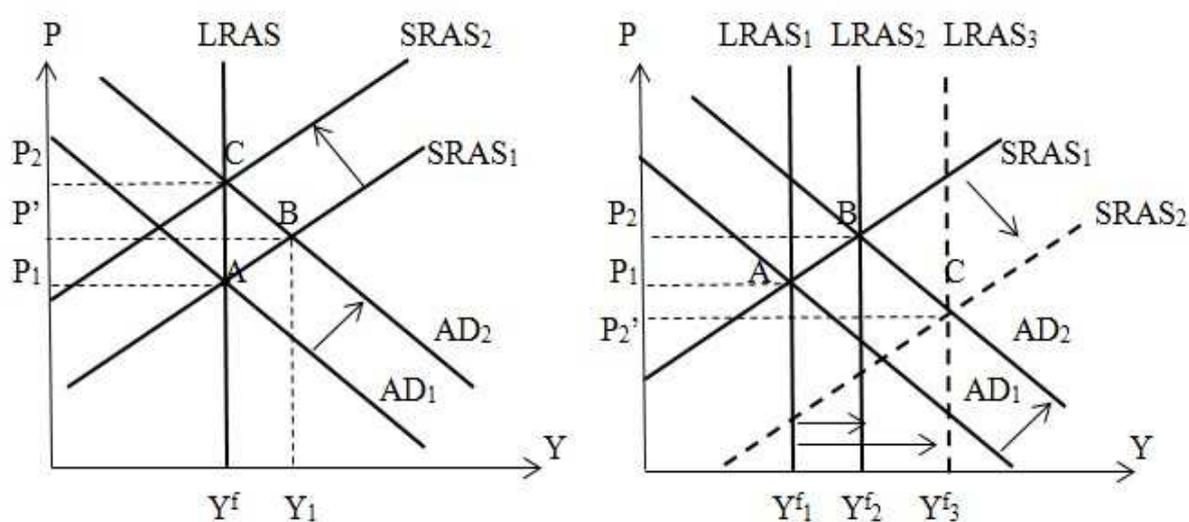

Рис. 2. Монетарный фактор, инвестиции и экономический рост

а) потенциальный выпуск не меняется б) потенциальный выпуск растет

Влияние монетарного фактора на экономический рост можно проиллюстрировать на простом примере, используя макроэкономическую модель совокупного спроса и предложения (AD - AS)⁵³⁸. Рассмотрим два случая (рис. 1.1). В первом случае [рис. 2. а)] увеличившийся в результате роста денежной массы совокупный спрос (с AD_1 до AD_2) направляется на покупку потребительских товаров. Если в краткосрочном периоде имеет место некоторое увеличение выпуска сверх потенциального (с Y_f до Y_1), то долгосрочные последствия такого роста спроса – повышение общего уровня цен (с P_1 до P_2) при возвращении выпуска к потенциально-

⁵³⁶ Ф. Картаев. Полезно ли инфляционное таргетирование для экономического роста? // Вопросы экономики, 2017, № 2, с. 72.

⁵³⁷ Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономика кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016, с. 379.

⁵³⁸ Изложение примера дано по: Теняков И.М. Современный экономический рост: источники, факторы, качество. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2015, сс. 43 – 44.

му уровню. Экономический рост как рост потенциального выпуска в данном случае отсутствует.

Во втором случае [рис. 2. б)] увеличившийся в результате роста денежного предложения совокупный спрос (с AD_1 до AD_2) направляется уже не на потребление, а на чистые инвестиции. Рост чистых инвестиций приводит к увеличению запаса капитала в экономике в следующем периоде, расширению производственных возможностей, что, при отсутствии других ограничений по увеличению потенциала (например, ограничений по рабочей силе), повышает потенциальный выпуск с Y_1^f до Y_2^f . Таким образом, в долгосрочном периоде имеет место экономический рост – при небольшой инфляции (рост уровня цен с P_1 до P_2), если предположить неизменность краткосрочной кривой совокупного предложения, либо при отсутствии инфляции и даже снижении уровня цен, если в результате осуществления новых инвестиций произошло сокращение издержек производства [на рис 2. б) эта ситуация соответствует точке С: кривая $SRAS$ сдвигается из положения $SRAS_1$ в положение $SRAS_2$ при том, что потенциальный выпуск увеличивается до Y_3^f]. Отметим, что снижение издержек производства вероятнее при интенсивном росте, вызванном не просто увеличением инвестиций, но и повышением их качества – внедрением инновационных технологий, более совершенных средств производства, развитием инфраструктуры. Таким образом, рост предложения денег, жестко увязанный с инвестициями в инновационные технологии, может привести в долгосрочном периоде к *снижению* уровня цен.

Из сравнения двух рассмотренных случаев можно сделать следующий вывод. Во втором случае дополнительная денежная масса, при условии ее жесткой увязки с повышением инвестиционных расходов (в том числе новым качеством инвестиций), становится одним из факторов, способствующих экономическому росту. Разумеется, сам по себе монетарный фактор не может вызвать экономический рост, для этого необходимо реальное расширение источников роста – труда и капитала, но при наличии такой возможности монетарный фактор может стать дополнительным катализатором роста, например, устраняя сложности, вызванные в сфере обращения (от облегчения возможностей и условий долгосрочного креди-

тования до необходимого для нормального функционирования бизнеса повышения уровня монетизации экономики).

В условиях российской экономики особую значимость приобретают *демографические и территориальные факторы*, которые зачастую трансформируются в ограничения экономического роста. Так, по оценкам М. Николаева и М. Махотаевой период 1995 – 2007 гг. в России сопровождался устойчивой тенденцией роста региональной дифференциации по показателям валового регионального продукта (ВРП) и денежным доходам населения⁵³⁹. Авторы подчеркивают, что «относительное исчерпание ресурсов традиционных центров роста и недостаточная привлекательность большинства территорий страны выступают одними из основных причин как низких темпов восстановительного роста в послекризисный период, так и перехода в стадию стагнации в последние годы»⁵⁴⁰. Следует отметить пространственную неоднородность российской экономики со стороны совокупного предложения, размещения трудовых ресурсов и, как следствие, производительности труда, которая была проанализирована в отдельной работе⁵⁴¹. Косвенное влияние на экономический рост оказывает *плотность населения* и особенности территориального размещения населения, что прямо вытекает из выведенной А. Смитом закономерности, согласно которой «разделение труда ограничивается размерами рынка» и потому «существуют профессии, даже самые простые, которыми можно заниматься только в большом городе»⁵⁴². Однако данные факторы крайне затруднительно ввести в формализованную модель роста, оцениваемую на краткосрочных временных интервалах (20 – 30 лет), поскольку региональные диспропорции в размещении производительных сил сохраняются на протяжении более длительного периода времени. Признавая значимость территориальных факторов роста в условиях российской экономики, отметим, что более детальное

⁵³⁹ Николаев М., Махотаева М. Роль территориального фактора в экономической динамике // Экономист, 2015, № 3.

⁵⁴⁰ Там же, с. 44.

⁵⁴¹ Теняков И.М. Региональные аспекты структуры совокупного продукта и качества экономического роста в России // Инновационное развитие экономики России: региональное разнообразие: Шестая международная научная конференция; Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова, Экономический факультет. Сборник статей / Под ред. Аузана А.А., В.П.Колесова, Л.А.Тутова. М.: РГ-Пресс, 2013, том 1, с. 85-93.

⁵⁴² Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007, с. 79.

исследование данной группы факторов выходит за рамки данной работы, тем более что оно пересекается с предметной областью региональной экономики как научной дисциплины.

Сложившаяся российская модель роста. Построим эконометрическую модель для российской экономики (Модель 6), показывающую, в частности, влияние косвенных факторов роста. Оценивается влияние факторов экономического роста на темп прироста реального ВВП (g). В качестве прямого фактора роста возьмем динамику инвестиций в основной капитал – данный фактор является существенным для российской экономики и может рассматриваться в данной модели как представитель всех остальных прямых факторов роста. В качестве косвенных факторов роста рассмотрим динамику цен на нефть и динамику реальной денежной массы. В первом случае прослеживается зависимость темпов роста ВВП от цены одного из важнейших экспортных товаров российской экономики. Во втором случае отметим наличие зависимости между реальной денежной массой и экономическим ростом, которая обычно не рассматривается в стандартных моделях роста. Отметим, что по своим теоретическим основам данная модель находится скорее в русле кейнсианского подхода, более того, имеет прямую связь с кейнсианской моделью IS-LM с учетом открытой экономики (со стороны IS – фактор инвестиций, со стороны LM – фактор реальной денежной массы, со стороны внешнего мира – фактор динамики мировых цен на нефть). Хотя, строго говоря, модель IS-LM не относится к классу моделей роста, поскольку характеризует краткосрочные изменения конъюнктуры, в данном случае берется достаточно короткий период экономической динамики (20 лет), что смягчает необходимость разграничения краткосрочных колебаний от долгосрочного роста.

Данные для построения модели представлены в Таблице П-4.1 Приложения 4. Отметим, что поскольку денежная масса является показателем запаса, то возможно использование различных оценок для денежной массы каждого года (на начало года, на конец года, промежуточные варианты). В данном случае рассчитывались средние значения из помесечных данных (на начало месяца) по агрегату M2 в каждом году. Значения M2 на начало года занижали бы средний уровень денеж-

ной массы в текущем году, а показатели на конец года – наоборот, завышали бы. В качестве показателя цены на нефть была взята средняя из трех спотовых цен: Брент (Brent), Уэст Техас (West Texas) и Дубай Фатех (Dubai Fateh). Данный показатель рассчитывается МВФ и представлен в базе данных World Economic Outlook Database.

Расчеты проводились в программе Gretl 1.9.13 с использованием метода наименьших квадратов (МНК). Оценки коэффициентов при переменных и другие параметры Модели 6 представлены в Таблице 15, а полученное эконометрическое уравнение выглядит следующим образом:

$$g = 0,965009 + 0,219198 * \hat{I} + 0,0465682 * \widehat{P}_{oil} + 0,0729691 * \left(\frac{\widehat{M}}{\widehat{P}}\right) \quad (82).$$

Таблица 15. Модель 6: МНК, использованы наблюдения 1997 – 2016 (T = 20)
Зависимая переменная: g

	Коэффициент	Стандартная ошибка	t- статистика	P-значение	Уровень зна- чимости
const	0,965009	0,36166	2,6683	0,01683	** (5%)
\hat{I}	0,219198	0,0621743	3,5255	0,00281	*** (1%)
\widehat{P}_{oil}	0,0465682	0,0158376	2,9403	0,00960	*** (1%)
$\left(\frac{\widehat{M}}{\widehat{P}}\right)$	0,0729691	0,0325376	2,2426	0,03944	** (5%)
Среднее зав. перемен		3,457550	Ст. откл. зав. перемен		4,690839
Сумма кв. остатков		25,61250	Ст. ошибка модели		1,265220
R-квадрат		0,938737	Испр. R-квадрат		0,927250
F(2, 11)		81,72321	P-значение (F)		6,44e-10
Лог. правдоподобие		-30,85225	Крит. Акаике		69,70450
Крит. Шварца		73,68743	Крит. Хеннана-Куинна		70,48201
Параметр rho		0,338363	Стат. Дарбина-Вотсона		1,308462

Как показывает анализ Модели 6, наиболее значимым фактором является прямой экономический фактор – динамика инвестиций в основной капитал. Приросты цены на нефть и реальной денежной массы – тоже оказывают влияние на темпы роста ВВП, но значимость этих переменных слабее, а при сокращении временного горизонта, на котором оцениваются коэффициенты модели, значимость падает сильнее. Таким образом, динамика мировых цен на нефть, хотя и влияет на экономический рост в России в рамках сложившейся в 2000-е гг. модели роста, но не является самым главным фактором. Инвестиции в основной капитал определяют рост российской экономики гораздо существеннее, следовательно,

но, при смене национальной модели экономического роста следует уделить повышенное внимание факторам, определяющим динамику инвестиций, в том числе факторам внутреннего спроса и соответствующей экономической политики (в том числе денежно-кредитной).

Построим прогноз динамики ВВП на основе Модели 6 с учетом данных о динамике инвестиций в основной капитал и цене на нефть, представленных в базовом варианте Прогноза Министерства экономического развития⁵⁴³, а также данных МВФ по средней мировой цене на нефть в 2017 – 2020 гг. Результаты представлены в табл. 16. Поскольку данные о прогнозируемой динамике реальной денежной массы в Прогнозе Министерства экономического развития отсутствуют, возьмем за основу фактические средние данные за январь – октябрь 2017 г. (указанный прирост по нашим оценкам составил 7,7%) и экстраполируем их на 2018 – 2020 гг. На выходе будут два прогноза – первый (колонка 7 табл. 16) учитывает данные о ценах на нефть, представленных Министерством экономического развития (колонка 4 табл. 16), второй (колонка 8 табл. 16) – данные о мировых ценах на нефть, согласно оценкам МВФ (колонка 5 табл. 16).

Таблица 16. Сопоставление прогнозов динамики ВВП России по данным Министерства экономического развития и на основе Модели 6.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Год	Прирост инвестиций в основной капитал, в %	Прирост реальной денежной массы, в %	Прирост цен на нефть, расчет по данным Мин. экон. развития, в %	Прирост цен на нефть, расчет по данным МВФ, в %	Прирост реального ВВП, прогноз Мин. экон. развития	Прирост реального ВВП, прогноз по Модели 2 (по данным Мин. экон. развития)	Прирост реального ВВП, прогноз по Модели 2 (по данным МВФ)	Прирост реального ВВП, прогноз по Модели 2 (без учета динамики реальной ден. массы)
2017	4,1	7,7	14,154	17,375	2,1	3,085	3,235	2,523
2018	4,7	7,7	-12,224	-0,229	2,1	1,988	2,546	1,426
2019	5,6	7,7	-5,023	0,692	2,2	2,52	2,787	1,959
2020	5,7	7,7	1,923	1,071	2,3	2,866	2,826	2,304

Источник: составлено автором по данным Министерства экономического развития и МВФ с использованием Модели 6.

⁵⁴³ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов. Министерство экономического развития РФ. Москва. Сентябрь, 2017. Электронный ресурс: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/>

Сопоставление полученных на основе Модели б прогнозов динамики реального ВВП России в 2017 – 2020 гг. показывает близость результатов к оценкам, содержащимся в прогнозе Министерства экономического развития. При этом учет фактора динамики реальной денежной массы повышает прогнозные темпы роста ВВП по сравнению с оценками Минэкономразвития – как в варианте, учитывающем мировые цены на нефть (колонка 8 табл. 16), так и в варианте, построенном по данным Минэкономразвития (колонка 7 табл. 16). Прогноз, построенный при предпосылке о нулевой динамике реальной денежной массы (колонка 9 табл. 16), наоборот, показывает более низкие темпы роста ВВП по сравнению с прогнозом Минэкономразвития, хотя для 2020 г. полученное значение практически полностью совпадает с прогнозом Минэкономразвития (2,304% и 2,3%). В целом Модель б показывает несколько более высокие прогнозные темпы роста реального ВВП (расхождение с прогнозом Минэкономразвития – от 0,3 до 0,5 проц. пункта) – при условии, что фактор динамики реальной денежной массы учитывается.

От анализа экономического роста в России через призму стандартных моделей, сложившихся в современной теории роста, перейдем теперь к рассмотрению национальной модели роста российской экономики с позиции «второго канона» экономической теории. В этом случае национальная модель роста является не столько спецификацией известных абстрактно-теоретических моделей на данных конкретной страны (в нашем случае – России), сколько системным обобщением национально-специфической траектории экономического роста и развития, как она исторически сложилась, с акцентом на ряде факторов (в том числе неэкономических), которые сформировали конкретно-историческую национальную модель экономического роста и заложили основы соответствующей траектории экономической динамики и экономического развития.

Глава 5. Российская модель экономического роста: историческая траектория, структурные параметры и качество роста

5.1. Историческая траектория экономического роста в России.

Экономика России в XX в. пережила три крупных потрясения, которые отразились на долгосрочной тенденции ее экономической динамики и траектории экономического роста. К ним относятся, во-первых, экономические последствия Первой мировой войны, революции и гражданской войны; во-вторых, людские и материальные потери, понесенные в ходе Великой Отечественной войны; в-третьих, экономические потери, возникшие в ходе трансформационного кризиса 1990-х гг. Кроме того, в 1930-е гг. в ходе проведения индустриализации произошел ускоренный переход от раннеиндустриального к зрелому индустриальному росту. Напротив, в 1990-е и 2000-е гг. трансформация социально-экономической системы сопровождалась процессом деиндустриализации экономики с параллельным внедрением отдельных элементов «постиндустриальной экономики» и индустриально-информационного роста. Несмотря на положительную макроэкономическую динамику в 2000-е гг. (до кризиса 2009 г.), переход к зрелому индустриальному росту и его второй фазе – неоиндустриальному росту – не был завершен.

Три крупнейших социально-экономических потрясения сказывались на долгосрочной траектории экономического роста России, в частности, динамике дохода на душу населения, всякий раз опуская его показатели по сравнению с более плавными траекториями развитых стран (особенно США, экономику которых не затронули разрушения в ходе Второй мировой войны).

Имеются различные оценки потерь, понесенных в ходе вышеперечисленных социально-исторических кризисов. Так, А. Маркевич и М. Харрисон⁵⁴⁴ оценивают общее снижение национального дохода за период 1913 – 1921 гг. в 62%, а личного потребления на душу населения – в 56%. При этом следует отметить, что оценки потерь в ходе Великой Отечественной войны даются авторами вместе с потерями

⁵⁴⁴ Markevich A., Harrison M. Great War, Civil War, and Recovery: Russia's National Income, 1913 to 1928 // Journal of Economic History, 2011, Vol. 71, No 3, pp. 672 – 703.

от так называемого «Большого террора», что не позволяет более точно определить именно потери в ходе войны (авторы оценивают общее снижение национального дохода за 1937 – 1942 гг. в размере 21% и снижение личного потребления на душу населения – в размере 44%). Снижение национального дохода в ходе постсоветской трансформации (при этом авторы берут почему-то только 1990 – 1994 гг.) оценивается в 38%, на ту же величину снизилось и личное подушевое потребление.

Ф. Новокмет, Т. Пикетти и Г. Зукман⁵⁴⁵ приводят оценки национального дохода на душу населения в России, измеренного в евро по ППС в ценах 2016 г., что позволяет проводить межстрановые сопоставления. Так, в 1985 – 1990 гг. этот показатель находился на уровне примерно 16 тыс. евро, в ходе трансформационного спада упал до 11 – 12 тыс. евро, в ходе восстановительного роста 2000-х гг. поднялся до 25 тыс. евро (2008 год), а в период после кризиса 2009 г. несколько стагнировал до 22 тыс. евро⁵⁴⁶. Авторы отмечают, что в ходе роста 2000-х гг. уровень подушевых доходов в России несколько вырос по сравнению со странами Западной Европы (берутся усредненные показатели Германии, Франции и Великобритании): с 60 – 65% в 1989 – 1990-е гг. до 70 – 75% в середине 2010-х гг.⁵⁴⁷. В долгосрочном периоде динамика подушевого национального дохода в России по сравнению со средним показателем по трем странам Западной Европы имеет следующие особенности. В отличие от А. Маркевича и М. Харрисона, Ф. Новокмет, Т. Пикетти и Г. Зукман не оценивают детально последствия первого социально-исторического кризиса XX века в России (Первая мировая война, революция и гражданская война). В целом за период 1870 – 1930-х гг. показатель подушевого национального дохода в России, по их оценке, колебался в пределах 35 – 40%. Начиная с 1929 г. отмечается ускоренный рост указанного показателя, что совпадает с развертыванием процесса индустриализации и переходом к зрелому индустриальному типу роста, в результате к 1940 г. подушевой национальный доход

⁵⁴⁵ Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905 – 2016 // NBER Working Paper, No 23712, August 2017.

⁵⁴⁶ Ibid, p. 46.

⁵⁴⁷ Ibid, p. 3.

составил 56 – 57% от западноевропейского уровня. Экономические последствия Великой Отечественной войны авторами не детализируются, но отмечается, что в ходе послевоенного экономического роста продолжалось ускоренное сокращение разрыва между СССР и Западной Европой по уровню подушевого национального дохода – в 1948 г. величина подушевого национального дохода в СССР составила 65% от уровня Западной Европы. В 1950 – 1960-е гг. снова началось отставание СССР от стран Западной Европы, вызванное как наметившимся замедлением экономического роста в СССР, так и, наоборот, ускорением роста в ряде европейских стран (особенно в Германии). В итоге на протяжении 1950 – 1985 гг. никакого существенного приращения подушевого национального дохода в СССР по сравнению с западноевропейскими странами-лидерами не произошло: его уровень в середине 1980-х гг. по-прежнему составлял 65%. Трансформационный кризис, по оценкам Ф. Новокмета, Т. Пикетти и Г. Зукмана, сказался весьма драматически на падении подушевого национального дохода России, уровень которого в 1998 г. опустился ниже 40% от уровня ведущих западноевропейских стран (что соответствует аналогичным относительным показателям конца XIX – начала XX вв.)⁵⁴⁸.

Межстрановые сопоставления национального дохода, потребления и других макроэкономических показателей, выраженных в единых денежных единицах, несмотря на их наглядность и удобство, не всегда достаточны для системной характеристики траектории и результатов экономического роста в отдельно взятой стране. Как было отмечено в третьей главе, различия в институциональных условиях и особенностях функционирования рынков в разных странах могут вносить существенные искажения при сопоставлении агрегированных показателей дохода. Такие различия усиливаются при сопоставлении экономического роста в странах с разными социально-экономическими системами (как, например, СССР и страны Западной Европы), поскольку структура экономики, в том числе по ряду услуг и общественных благ, оказывается несопоставимой. Здесь можно отметить, например, усиливающуюся с 1960-х гг. проблему дефицита в плановой экономике СССР, что тормозило рост общественного благосостояния, с одной стороны. С

⁵⁴⁸ Ibid, p. 47.

другой стороны, система общественных фондов потребления, включая широкую доступность образования и здравоохранения в СССР, напротив, положительно сказывалась на общественном благосостоянии, но не всегда находила адекватное отражение в денежных показателях национального дохода, а это приводит в ходе межстрановых сопоставлений к занижению уровня подушевых доходов в СССР по сравнению со странами Западной Европы. Наконец, при проведении межстрановых сопоставлений подушевого дохода следует учитывать динамику все сравниваемых стран: замедление роста подушевого национального дохода в СССР относительно стран Западной Европы в 1960-е гг. было вызвано как замедлением темпов роста экономики СССР, так и ускорением экономического роста в европейских странах. Для анализа же национальной траектории экономического роста второй фактор следует исключить.

Рассмотрим теперь изменения в траектории экономического роста России относительно ее предыдущего вектора, без прямого сопоставления с другими странами по уровню подушевого дохода.

В конце 1970-е гг. сложилась определенная структура экономики СССР, которая оказала существенное влияние не только на текущую экономическую динамику, но и возможности и ограничения экономического роста в постсоветской России. Как отмечают А.Р.Белоусов и А.Н.Клепач, «ускоренная электрификация экономики сопровождалась перестройкой спроса на топливо – замещением угля нефтепродуктами и газом. Этот фактор, наряду с модернизацией транспорта и чёрной металлургии обусловил поддержание высоких темпов добычи нефти и газа за счёт форсированного освоения новых месторождений. Сложившийся режим воспроизводства опирался на вовлечение дополнительных ресурсов в хозяйственный оборот и характеризовался опережающим ростом капиталовложений (КВ). Происходило закрепление универсальных технологий с повышенными затратами металла и энергии. Сформировалась структура экономики, характеризующаяся двумя взаимообусловленными особенностями: 1) жёсткой зависимостью экономического роста от масштабов вовлечения первичных ресурсов (и, соответственно, от объёмов инвестиций в топливно-сырьевые отрасли); 2) разбухшим инве-

стиционным сектором, технологическая отсталость которого определяла повышенный народнохозяйственный спрос на базовые ресурсы»⁵⁴⁹. Экстенсивный путь развития, при сохранении неизменных качественных характеристик используемой техники и технологии, имеет свои пределы, обусловленные, в частности, законом убывающей отдачи. Так, сельское хозяйство одним из первых приблизилось к рубежу, за которым наращивание ресурсных вложений не даёт соответствующего эффекта. Всё большая часть ресурсов (КВ, удобрений и др.) шла на компенсацию выбывающего потенциала (плодородия почв, технического парка, труда), одновременно стимулируя это выбытие⁵⁵⁰.

Таблица 17. Производство энергоресурсов и экономический рост в 1950 – 1980-х гг. (среднегодовые темпы прироста)

Показатель	1951 – 1960	1961 – 1965	1966 – 1970	1976 – 1980	1980 – 1985
Нефть	14,6	10,4	7,7	4,2	-0,3
Природный газ	22,5	22,3	9,1	8,5	8,1
Уголь	6,9	2,5	1,6	0,4	0,3
Электроэнергия	12,4	11,6	7,9	4,5	3,6
Национальный доход	10,3	5,7	7,2	3,0*	2,4*
Реальные доходы населения	6,5	3,5	5,9	2,9*	-0,9*
Снижение энергоёмкости национального дохода	2,6	1,7		0,3*	0,0*
Снижение металлоёмкости национального дохода	1,2	1,2		2,1*	1,0

* с учётом скрытого роста цен

Источники: Белоусов А.Р., Клепач А.Н. Кризис индустриальной модели советского типа // Шансы российской экономики. Анализ фундаментальных оснований реформирования и развития / Под ред. Осипова Ю.М. и Шургиной И.Н. М., Ассоциация «Гуманитарное знание», Выпуск I, 1996, с. 20 -21; Богомолов В.А., Богомолова В.А. Антикризисное регулирование экономики. Теория и практика. М., ЮНИТИ-ДАНА, 2003, с. 100.

Если обратиться к Таблице 17, то можно увидеть, что рост национального дохода был тесно связан с приростом добычи энергоресурсов и производства электроэнергии. Сложился своего рода «порочный круг»: утяжелённая структура экономики → высокая потребность в энергосырьевых ресурсах → перегрузка функ-

⁵⁴⁹ Белоусов А.Р., Клепач А.Н. Кризис индустриальной модели советского типа // Шансы российской экономики. Анализ фундаментальных оснований реформирования и развития / Под ред. Осипова Ю.М. и Шургиной И.Н. М., Ассоциация «Гуманитарное знание», Выпуск I, 1996, с. 19.

⁵⁵⁰ Там же, сс. 21 – 22.

ционирования инвестиционных отраслей → невозможность их качественной модернизации → тиражирование морально устаревшей и материалоемкой техники → утяжелённая структура экономики.

В то же время создание крупных заделов в сырьевых отраслях и благоприятная конъюнктура мирового рынка (особенно после «нефтяных шоков» 1973 и 1979 гг.) позволяла осуществлять импорт необходимых инвестиционных и потребительских товаров в обмен на экспорт энергоносителей. Как отмечают А.Р. Белоусов и А.Н. Клепач, «во многом, за счёт внешней торговли осуществлялась модернизация потребительского сектора, металлургии, химической промышленности. В 1980-1985 гг. при среднем уровне импортного оборудования в капиталовложениях 30-37%, по прокатному оборудованию он составил 65-66%, химическому оборудованию – 55-68%, оборудованию для лёгкой и пищевой промышленности – 49-53%»⁵⁵¹.

Общее замедление темпов экономического роста в экономике СССР в 1960-е – 1980-е гг. свидетельствовало также об исчерпании потенциала зрелого индустриального роста. Аналогичный процесс (замедление темпов экономического роста) наблюдался и в развитых странах - хотя и неравномерно, в зависимости от периода, на который пришлось развертывание зрелого индустриального роста в соответствующей стране. В Таблице 18 представлена динамика основных показателей, характеризующих особенности траектории экономического роста советской экономики в 1950-е – 1980-е гг.

Таблица 18. Основные показатели экономического роста СССР в 1950 – 1980 гг. (среднегодовые темпы прироста за пятилетие, в %).

Показатель	1951 – 1955	1956 – 1960	1961 – 1965	1966 – 1970	1971 – 1975	1976 – 1980	1981 – 1985
Национальный доход	11,3	13,3	6,5	7,8	5,7	4,3	3,3
Промышленность	13,8	10,4	8,6	8,5	7,4	4,4	3,6
Сельское хозяйство	4,1	7,7	2,4	3,5	0,6	1,8	1,0
Капитальные вложения	11,2	13,2	7,7	7,3	7,2	5,0	3,7
Розничный товароборот	13,6	9,5	6,0	8,2	6,4	4,4	2,6

Источник: Белоусов Р.А. Экономическая история России: XX век. –М.: ИздАТ, 2006. Книга 5, сс. 34, 80.

⁵⁵¹ Там же, с. 23.

Тем не менее, даже снижающиеся темпы экономического роста в поздней советской экономике оказываются сопоставимы с современными темпами роста мировой экономики, и экономик ведущих индустриальных стран, где они в среднем не превышают 2-3%.

Неразрешенный своевременно структурный кризис советской экономики (утяжеленная структура производства, противоречия между производством средств производства и производством предметов потребления, повышенная ресурсоемкость производства, усиление проблемы дефицита и т.п.) в итоге трансформировался в кризис всей социально-экономической системы советской экономики.

Экономическая динамика в постсоветской России является противоречивой. Можно выделить три этапа в экономической динамике постсоветской России. Первый этап (1991 – 1998 гг.) можно охарактеризовать как *этап трансформационного спада*. Он был связан с происходившими в стране процессами социально-экономической трансформации, смене экономической системы и сопровождавшей ее структурной, институциональной, политической и т.п. трансформацией. Экономическая динамика в указанный период характеризовалась глубоким спадом основных макроэкономических показателей (ВВП, реальных доходов населения, инвестиций и т.д.). Второй этап (1999 – 2008 гг.) можно охарактеризовать как *этап восстановительного роста* российской экономики. Его отличали высокие по мировым меркам темпы роста реального ВВП (в среднем 7% в год), а также других макроэкономических показателей. Второй этап завершился вместе с развертыванием мирового экономического кризиса в России в IV квартале 2008 г. Третий этап, продолжающийся и в настоящее время (2017 г.), может быть охарактеризован как *этап «новой нормальности»* российской экономики. В свою очередь данный этап подразделяется на несколько периодов: экономический кризис (IV квартал 2008 г. – 2009 г.), посткризисный восстановительный рост (2010 – 2011 гг.), стагнирующий рост (2012 – 2014 гг.), рецессия (2015 – 2016 гг.). По ито-

гам 2017 г. ожидается незначительный прирост ВВП на уровне 1%⁵⁵², однако выделять 2017 г. в отдельный период недостаточно оснований. В целом же этап «новой нормальности» в условиях российской экономики характеризуется снижением среднегодовых темпов роста: за период 2009 – 2016 гг. они составили всего 0,6%, т.е. упали более чем в 10 раз по сравнению с этапом восстановительного роста 2000-х гг. Два кризиса и замедляющийся рост после 2009 г. свидетельствуют об исчерпании потенциала сложившейся в 2000-е гг. модели экономического роста. При этом следует подчеркнуть, что кризис 2009 г. не являлся чисто «внешним» для российской экономики, поскольку предшествующий ему восстановительный рост, как будет показано ниже, не решил всех проблем российской экономики и не заложил прочную основу для технологической модернизации и переходу к современному неоиндустриальному типу экономического роста. Можно отметить следующие специфически российские причины кризиса: во-первых, активное встраивание России в мировую экономику с высокой степенью открытости, в том числе по движению спекулятивного капитала, а также сложившаяся зависимость экономики от динамики мировых цен на нефть, что было подтверждено при моделировании национально-специфических факторов роста в четвертой главе; во-вторых, сохраняющиеся, а в ряде случаев усилившиеся диспропорции – структурные, технологические, финансовые; в-третьих, слабое соответствие проводимой в предкризисный период экономической политики долгосрочным целям национального экономического развития: упор преимущественно на финансовую стабилизацию, которая проявилась, в том числе, в «замораживании» средств в Стабилизационном (позднее – Резервном) фонде в целях борьбы с инфляцией.

В Таблице П-5.1 Приложения 5 представлен сравнительный анализ экономической динамики России и США по видам экономической деятельности в период 2007–2013. Из анализа таблицы «можно сделать вывод о более глубоком влиянии кризиса на экономику России по сравнению с США. Падение промышленного производства в России в 2009 г. составило 10,7 %, а в США только 6 %. Отдель-

⁵⁵² Белоусов Д.Р. Операция «Развитие»: как преодолеть долгосрочную стагнацию // Экономическое возрождение России, 2017, № 2, с. 34.

ные отрасли промышленности пострадали в России сильнее, чем в США. Прежде всего, это производство машин и оборудования (–33,2 % против –21 % в США), производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования (–31,5 %, в США соответственно –13,7 % для компьютеров и –20 % для прочего электрооборудования), производство транспортных средств и оборудования (–31,5 %, в США соответственно –25 % для автомобилей и –9 % для прочих транспортных средств). То есть сильнее всего кризис затронул наиболее высокотехнологичные отрасли в экономике России. Напротив, в ряде других отраслей кризисное падение было глубже в США, чем в России (например, в химическом производстве, текстильной промышленности, металлургии). При этом следует отметить, что хотя восстановительный рост в США в целом занял более длительный период, чем в России, но начавшаяся стагнация промышленного производства в России (падение с 3,4 % роста в 2012 г. до 0,4 % в 2013 г.) не сопровождалась стагнацией в США (замедление роста промышленности с 2,6 % до 2,1 % нельзя назвать критическим)»⁵⁵³.

Рассмотрим экономическую динамику постсоветской России с точки зрения ее соответствия прежней траектории роста и оценим изменения, произошедшие в долгосрочной траектории экономического роста страны.

Как было отмечено выше, с самого начала рыночных реформ 1990-х гг. Россия вошла в период глубокого спада основных макроэкономических показателей, который продолжался до 1998 г.⁵⁵⁴. Данный спад характеризовался исследователями переходных процессов как трансформационный спад, или трансформационный кризис. Опыт большинства стран, осуществлявших переход к рыночной системе в 1990-е гг., подтверждает гипотезу о трансформационном спаде как неотъемлемом элементе переходных процессов. Так, спад экономики наблюдался в странах Центральной и Восточной Европы, а также странах – бывших республиках СССР. Однако Китай, также осуществлявший программу экономических преобразова-

⁵⁵³ Теняков И.М. Современный экономический рост: источники, факторы, качество: Монография. – М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2015, с. 126.

⁵⁵⁴ При написании данного раздела были использованы основные положения работы: Теняков И.М. Оценка потерь экономического роста в странах, перешедших к рынку // Экономическое возрождение России, 2017, № 1.

ний, но поступательным, эволюционным путем, не только избежал спада в экономике, но сохранил устойчивые темпы роста ВВП, который за период 1990 – 1998 гг. вырос в 2,5 раза, а к 2014 г. – почти в 10 раз по сравнению с уровнем 1990 г.⁵⁵⁵

Анализ показателей и результатов трансформационного спада представлен в работах ряда отечественных и зарубежных экономистов⁵⁵⁶. Анализируются показатели динамики ВВП, потребления, инвестиций, инфляции и безработицы и др. В статье К.А. Хубиева представлена оригинальная трактовка двадцатилетнего периода экономической динамики постсоветской России как Большого трансформационного цикла (БТЦ), в котором содержатся все фазы цикла: спад, депрессия, оживление, подъем⁵⁵⁷. В.М. Кульков ставит вопрос о критериях завершенности переходного периода, его границах и этапах трансформации⁵⁵⁸. Трансформационный спад и последующий рост, приводящий к формальному восстановлению докризисного уровня основных макроэкономических показателей (ВВП, потребления и др.), – не является достаточным основанием для определения завершенности переходного периода, если в ходе отмеченного роста экономики не происходит реальной модернизации, становления позднеиндустриального типа роста в его современной, неоиндустриальной форме.

Однако вопрос о потерях для долгосрочной траектории экономического роста в целом в результате трансформации практически не рассматривается. Например, рост экономики России в 2000 – 2008 гг. характеризуется многими исследователями как восстановительный рост, поскольку он «завершился выходом на основ-

⁵⁵⁵ Рассчитано по данным: National Accounts Main Aggregates Database. Электронный ресурс. <http://unstats.un.org/unsD/snaama/resQuery.asp> (дата обращения: 23.03.2016).

⁵⁵⁶ Лушников О.Е. О некоторых практических результатах общественно-экономической трансформации в странах Центральной и Восточной Европы // Проблемы национальной стратегии, 2011, № 3 (8); Е. Ясин, Г. Андрушак, А. Ивантер, Н. Косарева, Л. Овчарова, А. Пономаренко, В. Фадеев. Социальные итоги трансформации, или двадцать лет спустя // Вопросы экономики, 2011, № 8; Бобков В.Н. 20 лет капиталистических трансформаций в России: влияние на уровень и качество жизни // Мир России, 2012, № 2; Бодрунов С.Д. Российская экономическая система: будущее высоко-технологичного материального производства // Экономическое возрождение России. 2014, № 2 (40).

⁵⁵⁷ Хубиев К.А. Большой трансформационный цикл и императивы посткризисного развития // Проблемы современной экономики, 2010, № 4.

⁵⁵⁸ Кульков В.М. Завершился ли переходный период в экономике России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2015, № 4.

ные показатели выпуска 1990 года»⁵⁵⁹. Тем самым предполагается, что в ходе восстановительного роста потери трансформационного спада были ликвидированы, а если учитывать и структурные изменения в российской экономике (в частности, рост доли конечного потребления в ВВП), то в результате экономического роста 2000-х гг. произошло даже повышение благосостояния населения по сравнению с уровнем 1990 г.

Вопрос о потерях экономического роста, понесенных в ходе трансформации, и их компенсации в ходе последующего периода восстановительного роста, является сложным. Не существует какого-то единого измерителя указанных потерь, поскольку, как неоднократно отмечалось российскими и зарубежными исследователями, процесс трансформации был сопряжен с качественными изменениями в структуре экономики, появлением новых товаров и услуг, сдвигом от нерыночного к рыночному производству и потреблению и т.д., а, следовательно, данные статистики о динамике ВВП или других показателей дохода недостаточно качественно отражают изменение реального благосостояния. При этом показатели дохода в расчете на душу населения дают заниженную оценку последствий трансформации, поскольку в России имело место сокращение численности населения, а значит, формально, национальный доход на душу населения снижался медленнее, чем абсолютный уровень национального дохода. Кроме того, снижение численности населения следует рассматривать как сокращение экономического потенциала и главного источника экономического роста.

Поэтому для получения первичной оценки потерь, понесенных в ходе трансформации, и их компенсации (если таковая имела место) можно воспользоваться традиционным макроэкономическим показателем, таким как объем реального ВВП, несмотря на его недостатки, о которых было сказано в третьей главе. Целью в этом случае является не столько оценка потерь благосостояния, дохода, изменения структуры экономики и т.п., сколько оценка *упущенных возможностей для национального экономического роста и развития* в результате потери историче-

⁵⁵⁹ Мау, В.А., Ясин, Е.Г. Двадцать лет рыночных реформ и новая модель экономического роста [Текст] : докл. к XIII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 3–5 апр. 2012 г. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012, с. 4.

ского времени. Показатель реального ВВП в этом случае может свидетельствовать об утраченном потенциале, который мог бы быть использован для достижения различных целей: как для еще большего повышения уровня потребления населения, с одной стороны, так и для проведения всесторонней модернизации экономики и переходу к неоиндустриальному типу экономического роста, с другой стороны.

Автором были получены оценки динамики реального ВВП 21 страны, переходившей к рынку в 1990-е гг., на временном интервале 1990 – 2014 гг., при этом для отдельных стран был взят интервал 1988 – 2014 гг. (Таблица 19). В числе стран не рассматривались: ГДР как вошедшая в состав единой Германии, Югославия как распавшаяся на отдельные государства, в которых длительное время происходили военные конфликты и для которых была характерна территориальная неустойчивость; Вьетнам и Китай как страны, чьи преобразования отличались от рыночной трансформации большинства постсоветских стран и в которых отсутствовал трансформационный спад. Для анализа был взят показатель ВВП в постоянных ценах 2005 года и пересчитан к уровню базового года (в %). Для большинства стран за базовый год был принят 1990 г., так как сопоставимые данные за более ранний период отсутствуют или недостаточно информативны. Однако поскольку спад в ряде стран ЦВЕ начался раньше, то при расчетах были использованы более ранние базовые периоды (1988 или 1989 гг.). Глубина падения ВВП показывает величину сокращения ВВП по сравнению с базовым годом в низшей точке трансформационного спада. Так, в России ВВП в 1998 г. составил 57,4% от уровня 1990 г., соответственно глубина спада составила 42,6%. В некоторых странах трансформационный спад носил неравномерный характер: так, например, в Болгарии период 1989 – 1999 гг. характеризовался неравномерным спадом ВВП: он сокращался в 1989 – 1993 гг., 1996 – 1997 и 1999 гг., и увеличивался в 1994 – 1995 и 1998 гг.

Анализ данных Таблицы 19 позволяет выявить различия в траектории движения стран с переходной экономикой в процессе трансформационного спада и последующего восстановления. Можно выделить следующие группы стран.

Таблица 19. Показатели трансформационного спада стран, осуществлявших переход к рыночной экономике.

Страна	Период спада	Длительность спада (лет)	Глубина падения ВВП (в % от уровня 1990 года)	Восстановительный период	Длительность периода восстановительного роста (лет)
Россия	1991 – 1998	8	42,6	1999 – 2007	9
Белоруссия	1991 – 1995	5	34,9	1996 – 2003	8
Украина	1991 – 1999	9	59,2	С 2000 г.	Не завершен
Азербайджан	1991 – 1995	5	58,1	1996 – 2005	10
Армения	1991 – 1993	3	53,1	1994 – 2004	11
Грузия	1991 – 1994	4	72,3	С 1995 г.	Не завершен
Казахстан	1991 – 1995	5	38,6	1996 – 2004	9
Киргизия	1991 – 1995	5	49,3	1996 – 2010	10
Таджикистан	1991 – 1996	6	68,4	1997 – 2014	18
Туркменистан	1991 – 1997	7	40,3	1998 – 2005	8
Узбекистан	1991 – 1995	5	18,9	1996 – 2001	6
Молдавия	1991 – 1999	9	66	С 2000 г.	Не завершен
Латвия	1991 – 1995	5	50,4	1996 – 2006	11
Литва	1991 – 1994	4	43,9	1995 – 2005	11
Эстония	1991 – 1994	4	33	1995 – 2002	8
Болгария*	1989 – 1999	11	32,9**	2000 – 2007**	8
Венгрия	1990 – 1993	4	19,0***	1994 – 2001***	8
Польша	1990 – 1991	2	17,7***	1992 – 1996***	6
Румыния	1989 – 1992	4	29,3**	1993 – 2004**	12
Чехия	1991 – 1992	2	12,1	1993 – 1999	7
Словакия	1991 – 1992	2	18,7	1993 – 1997	5

*характерны колебания «спад-подъем» на протяжении 1989 – 1999 гг.

** к уровню 1988 г.

*** к уровню 1989 г.

Рассчитано по данным: National Accounts Main Aggregates Database:
<http://unstats.un.org/unsD/snaama/resQuery.asp>

- страны с легким трансформационным спадом, к которым можно отнести такие страны ЦВЕ как Польша, Чехия, Словакия, спад в которых продолжался 2-4 года, а глубина падения ВВП составила менее 20%; из республик бывшего СССР в эту группу попадает Узбекистан;

- страны с трансформационным спадом средней тяжести, представляющие собой менее однородную совокупность, в отличие от первой группы. Сюда можно отнести Эстонию, Белоруссию, Румынию. Глубина падения ВВП в этих странах находилась в интервале от 20 до 40%, а продолжительность спада составила в среднем 4-5 лет. Несколько особняком стоит Болгария, глубина спада ВВП кото-

рой в низшей точке составила около 33%, но экономическая динамика отличалась чередованием спадов и подъемов, по какой причине период трансформационного спада в целом растянулся на 11 лет;

- *страны с тяжелым трансформационным спадом*, глубина падения ВВП в которых составила от 40 до 60%, хотя продолжительность спада варьировалась от 3 до 8 лет. В эту группу можно отнести большинство республик бывшего СССР: Россию, Азербайджан, Армению, Казахстан, Киргизию, Туркменистан, Латвию и Литву;

- *страны с наиболее глубоким трансформационным спадом*, в которых глубина падения ВВП составила около 60% и выше, но, главное, эти страны так и не смогли выйти на докризисный уровень ВВП в период восстановительного роста. В указанную группу стран входят Украина, Грузия и Молдавия и примыкает Таджикистан, который только к 2014 г. смог выйти на показатель ВВП уровня 1990 г. По отношению к уровню ВВП 1990 г. ситуация в этих странах различается. Так, ВВП Грузии, измеренный в ценах 2005 г., составил в 2014 г. 85,6% от уровня 1990 г., а ВВП Молдавии и Украины – соответственно 69,5% и 64,7%.

Оценка последствий трансформационного спада на основе данных Таблицы 19 нуждается в дальнейшем уточнении. Необходимо учитывать особенности динамики указанных стран, а не только максимальную глубину падения. Так, одни страны, осуществлявшие рыночные преобразования, столкнулись с резким падением выпуска, в то время как в других странах падение было плавное, перемежавшееся периодами небольшого роста. Поэтому для более точной оценки экономических последствий трансформационного спада корректнее проанализировать показатель *«накопленные потери ВВП»*.

Расчет *накопленных потерь ВВП* основан на методологическом принципе упущенной выгоды. На макроуровне показатель упущенной выгоды применительно к экономической динамике может быть сформулирован как суммарная величина отклонений фактического реального ВВП от базовой величины ВВП в каждом периоде, на протяжении которого такое отклонение имело место быть. При этом возникает вопрос – как следует определять базовую величину ВВП, от-

носителем которой делается расчет. Возможны два варианта расчета базовой величины ВВП (и соответственно, базовой траектории экономической динамики).

Первый вариант – *статический*, который предполагает сохранение неизменной величины базового ВВП. Так, для большинства рассмотренных в Таблице 19 стран, это будет показатель реального ВВП 1990 г. Это самый простой способ расчета накопленных потерь ВВП и он будет давать в общем случае нижнюю границу оценки таких потерь.

Второй вариант – *динамический*, который предполагает предварительный анализ экономической динамики рассматриваемой страны в предшествующий трансформационному спаду период. В результате может быть получена *базовая траектория роста* страны на основе расчета среднего темпа роста реального ВВП страны в указанный период, который затем экстраполируется в будущее. Отклонения фактического ВВП рассчитываются относительно базовой траектории роста. Кроме того, можно рассматривать различные варианты самой базовой траектории: это может быть траектория экономического роста анализируемой страны при условии сохранения темпов роста, сложившихся в докризисный период; это может быть условная траектория роста страны, но рассчитанная по данным о фактических темпах роста мировой экономики (либо группы стран) в рассматриваемый период. Расчет потерь по второму варианту, в общем, даст более высокую оценку, поскольку экономика должна выйти не на стационарный уровень ВВП базового года, а на базовую траекторию роста.

Представим расчеты потерь экономического роста по каждому из вариантов для российской экономики. Для остальных стран, переходивших к рынку в 1990-е гг., будет приведен расчет только по первому (статическому) варианту.

На Рис. 3 изображена динамика реального ВВП России за 1990 – 2014 гг. в % от уровня 1990 г. Накопленные потери ВВП равны площади фигуры, ограниченной сверху линией 100% (т.е. уровнем ВВП 1990 г.), а снизу – значениями ВВП в период спада и восстановительного роста (т.е. в период 1990 – 2006 гг.)⁵⁶⁰.

⁵⁶⁰ Расчет проводился по данным: National Accounts Main Aggregates Database. Электронный ресурс: <http://unstats.un.org/unsD/snaama/resQuery.asp>

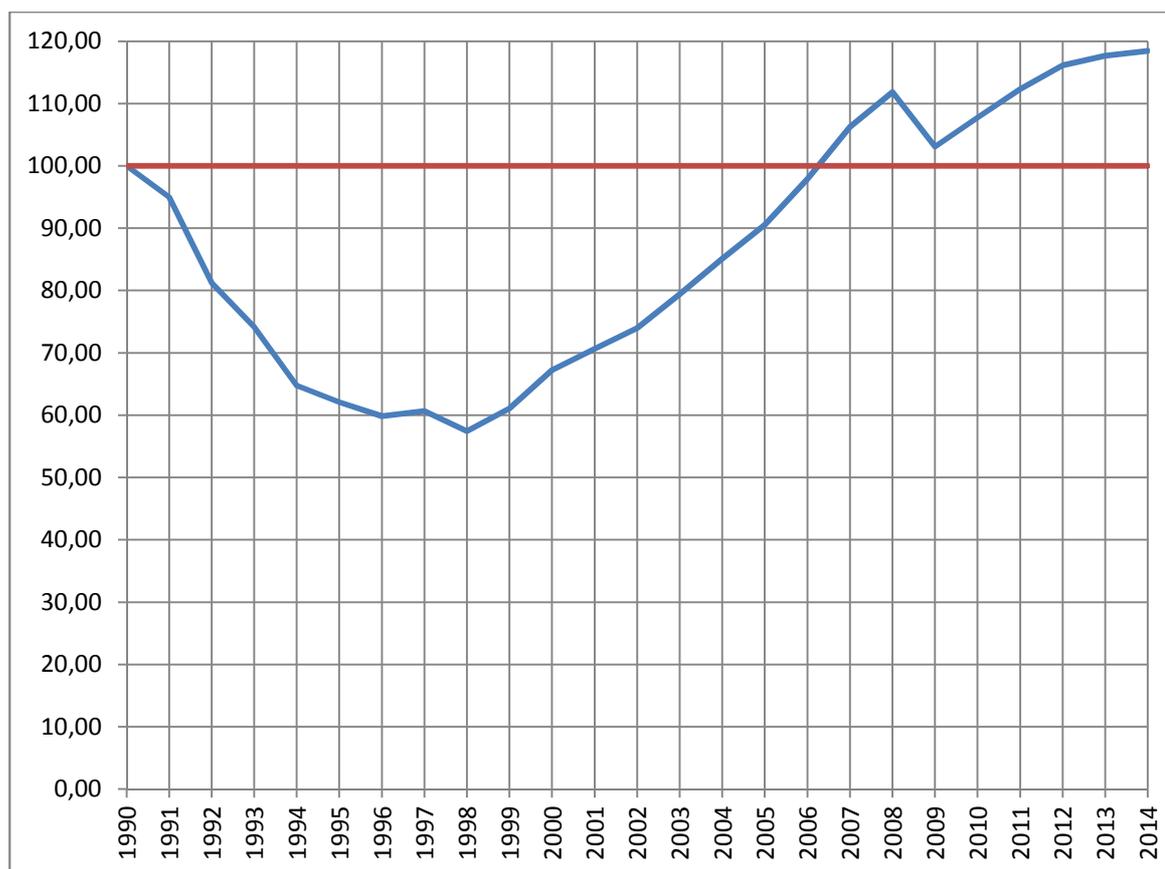

Рис. 3. Динамика реального ВВП России, в % к уровню 1990 г.

Накопленные потери ВВП России за период 1991 – 2006 гг. составили 419,08% от уровня 1990 г. Другими словами, вследствие трансформационного спада и необходимости его преодоления в форме восстановительного роста Россия потеряла реальный ВВП, в 4,19 раза превышающий реальный ВВП 1990 г. При этом следует отметить, что экономическая динамика в период с 2007 г. в России «работает» уже на сокращение «накопленных потерь»: с учетом роста экономики в указанный период (несмотря на кризис 2009 г.) из 419,08% накопленных потерь было *компенсировано* 93,37%; в результате общая величина накопленных потерь за весь период 1991 – 2014 гг. может быть оценена в размере 325,72% (разность между 419,08% и 93,37%). Спад экономики в 2015 и 2016 гг. замедлил процесс компенсирующего роста, но тем не менее накопленные потери продолжали сокращаться. В целом, несмотря на кризисы 2009 г. и 2015 – 2016 гг. компенсирующий рост, пришедший на смену восстановительному росту после 2006 г. в России пока сохраняется, если определять его по статическому варианту.

Аналогичные расчеты можно привести и для остальных стран, осуществлявших рыночную трансформацию в 1990-е гг. Результаты проведенных расчетов представлены в Таблице 20.

Таблица 20. Накопленные потери ВВП и компенсирующий рост в странах, осуществлявших переход к рыночной экономике, в % от ВВП 1990* г.

Позиция	Страна	Накопленные потери ВВП	Накопленный результат компенсирующего роста и последующего развития экономики	Сальдированный результат по состоянию на 2014 г. (3 + 4)
1	Польша	-66,92	1072,41	975,79
2	Узбекистан	-110,02	949,63	839,61
3	Словакия	-77,93	822,67	744,74
4	Азербайджан	-528,2	1063,44	535,24
5	Белоруссия	-207,3	730,22	522,92
6	Чехия	-49,7	479,76	430,05
7	Туркменистан	-327,24	682,84	355,6
8	Эстония	-210,15	470,33	260,18
9	Казахстан	-343,25	533,06	189,82
10	Венгрия	-122,9	285,1	162,2
11	Армения	-446,21	560,15	113,94
12	Румыния	-284,32	211,48	-72,84
13	Литва	-364,46	192,13	-172,33
14	Болгария	-373,37	86,27	-287,1
15	Россия	-419,08	93,37	-325,72
16	Киргизия	-507,31	47,92	-459,39
17	Латвия	-514,15	35,83	-478,32
18	Таджикистан	-934,68	4,42	-930,26
19	Украина	-954,54	0	-954,54
20	Грузия	-1135,19	0	-1135,19
21	Молдавия	-1198,7	0	-1198,7

*для Болгарии и Румынии – в % к уровню ВВП 1988 г., для Венгрии и Польши – в % к уровню ВВП 1989 г.

Рассчитано по данным: National Accounts Main Aggregates Database:
<http://unstats.un.org/unsD/snaama/resQuery.asp>

Несмотря на колоссальные различия между странами, осуществлявшими переход к рыночной экономике, как в величине накопленных потерь ВВП, так и в сальдированном результате по состоянию на 2014 г., можно классифицировать указанные страны на три группы по критерию результативности компенсирующего роста:

- страны с завершённым периодом компенсирующего роста, в которых накопленные в ходе трансформационного спада и восстановительного роста потери ВВП были полностью компенсированы в ходе дальнейшего роста экономики.

В данную группу попадает 11 стран, которые расположены, соответственно, на 1 – 11 позициях в Таблице 20;

- *страны с незавершенным периодом компенсирующего роста*, в которых накопленные потери ВВП к настоящему времени компенсированы лишь частично. В данную группу попадает 7 стран, стоящих на позициях 12 – 18 в Таблице 20, в том числе Россия;

- *страны с незавершенным периодом восстановительного роста*, в которых компенсирующий рост даже не начинался. Эта группа включает 3 страны – Украину, Грузию и Молдавию, которые в Таблице 20 расположены на позициях 19 – 21.

Теперь рассмотрим накопленные потери ВВП России как следствие трансформационного спада по динамическому варианту. На Рис. 4 воспроизведена динамика реального ВВП России в % к 1990 г. с Рис. 3, и добавлена трендовая линия, которая показывает динамику реального ВВП, которая бы имела место в случае сохранения такого же среднегодового темпа роста ВВП, как в период, предшествующий трансформационному спаду. Для построения линии тренда был рассчитан темп роста ВВП за период 1981 – 1990 по данным В.М. Симчеры⁵⁶¹, которые учитывают современные на момент написания работы (2006 г.) границы России. Этот темп составил 2,765% в год. Данная оценка не сильно отличается от оценок, полученных американскими исследователями советской экономики. На основе данных по ВВП СССР в 1980 – 1987 гг., измеренном в долларах 1987 г., которая имеется в статистике США⁵⁶², можно получить среднегодовой темп роста ВВП СССР в указанный период, который будет равен 2,182%. Поскольку данные американской статистики оценивают ВВП СССР в целом, не выделяя отдельно ту его часть, которая приходится на Россию (РСФСР), то для целей нашего анализа они могут приниматься в предположении, что экономическая динамика России (РСФСР) совпадала с динамикой СССР в целом.

⁵⁶¹ Симчера В.М. Развитие экономики России за 100 лет: 1900 – 2000. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы / В.М. Симчера. – М.: Наука, 2006, сс. 323 – 324.

⁵⁶² Statistical Abstract of the United States. 1990, p. 840.

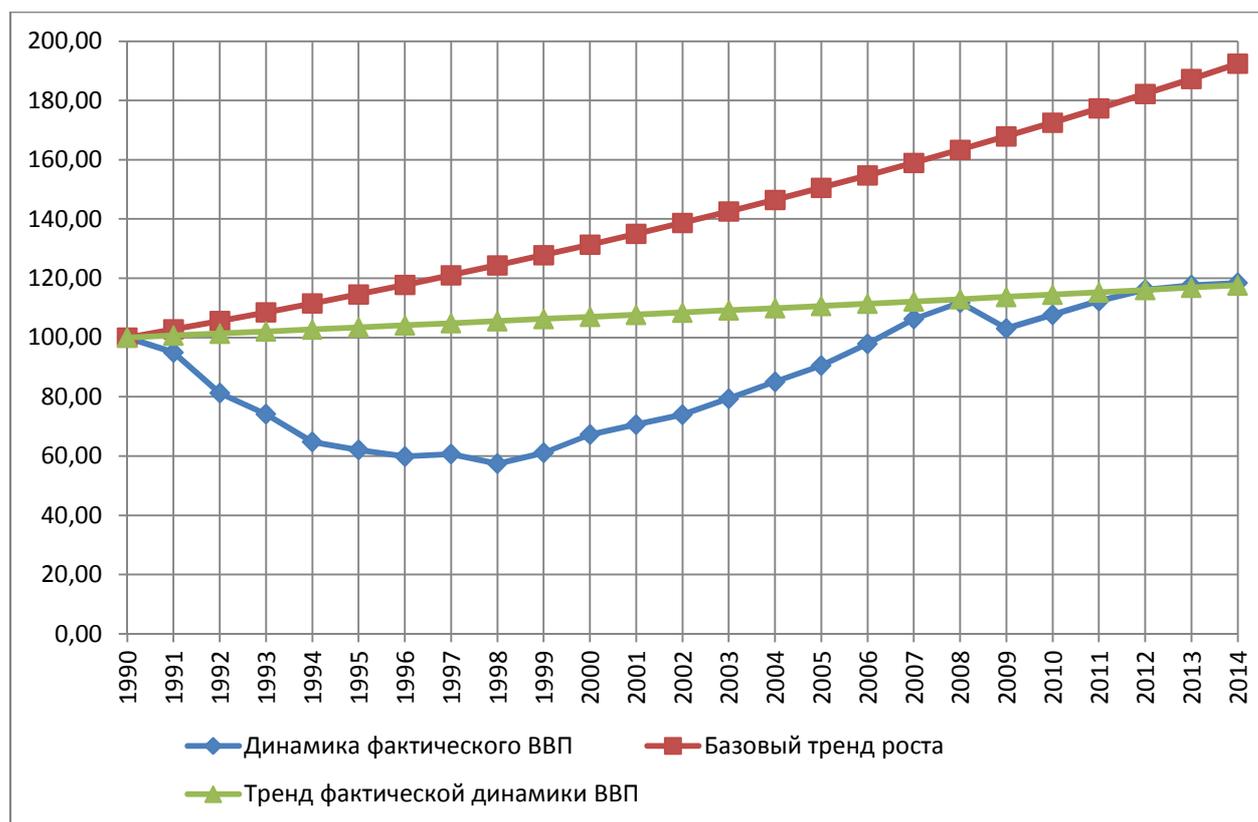

Рис. 4. Динамика фактического ВВП России в сравнении с гипотетическим устойчивым ростом.

Расчет накопленных потерь по динамическому варианту дает цифру 1361,44% или 13,61 величин ВВП 1990 г. На рис. 4 накопленные потери можно определить как площадь фигуры, ограниченной сверху линией базового тренда роста, а снизу – линией динамики фактического ВВП. Если же рассчитать средний фактический темп роста реального ВВП России за период 1991 – 2014 гг., то он будет равен 0,679%. На рис. 4. динамика ВВП России с данным темпом представлена линией тренда фактической динамики ВВП. Для того чтобы достичь базового тренда роста хотя бы к 2024 году, ВВП России, начиная с 2015 г. должен был бы расти с темпом 7,953% в год. В реальности, учитывая падение ВВП России в 2015 году, требуемый темп роста должен быть еще выше. Так, для выхода на указанную траекторию за 10 лет (т.е. к 2025 году), темп роста реального ВВП России, начиная с 2016 г., должен был составить не менее 8,578%. Продолжение экономического спада в 2016 г. делает затруднительным достижение базового тренда роста в ближайшей перспективе.

Расчет накопленных потерь ВВП по динамическому варианту для стран – бывших республик СССР – затруднен, поскольку необходимо предварительно оценить средний темп роста их ВВП в докризисный период. Однако в советской статистике ВВП как макроэкономический показатель не рассчитывался, тем более для отдельных республик. Кроме того, попытка рассчитать условный ВВП для любой из республик СССР в предшествующее кризису десятилетие, столкнулась бы с необходимостью учета эффекта взаимосвязи между республиками в рамках единого народнохозяйственного комплекса.

Расчет накопленных потерь экономического роста для других стран, переходивших к рынку в 1990-е гг., представлен в соответствующей статье⁵⁶³. Здесь же отметим, что среди стран ЦВЕ в наиболее благоприятной ситуации оказалась Польша, однако, в значительной степени благодаря низкой базе для проведения сопоставлений: так, среднегодовой темп роста ВВП Польши в 1980 – 1989 гг. составил всего лишь 0,319%, в то время как среднегодовой темп роста фактического ВВП Польши в 1989 – 2014 гг. составил 2,98%. Напротив, в Болгарии и Румынии в постсоветский период фактические темпы роста отставали от базовых: для Болгарии фактический среднегодовой темп роста в 1989 – 2014 гг. составил всего 0,505% при базовом расчетном темпе в 5%, в Румынии 1,024% (базовый темп 2,892%). В Венгрии, хотя среднегодовой темп роста и составлял в 1990 – 2014 гг. всего 0,998%, но траектория роста ненамного отставала от базового тренда с темпом 1,139%. В целом сложившиеся в постсоветский период новые долгосрочные средние траектории роста указанных стран отличаются от их прежних траекторий, но только Польша перешла с низкой траектории роста на высокую, траектория Венгрии оказалась практически идентичной ее прежней траектории, в то время как Болгария и Румыния, напротив, перешли с высокой траектории на низкую.

Таким образом, главные потери экономического роста, понесенные странами в результате рыночной трансформации, заключались в переходе на более низкую траекторию роста по сравнению с их предшествующей траекторией. Накопленные

⁵⁶³ Теняков И.М. Оценка потерь экономического роста в странах, перешедших к рынку // Экономическое возрождение России, 2017, № 1.

в результате расхождения двух траекторий потери экономического роста в большинстве стран не только не компенсированы, но и продолжают увеличиваться. Даже простое возвращение к траектории докризисного роста в течение хотя бы десятилетия потребует от ряда стран резкого увеличения темпов роста: так, для России требуемый темп роста должен составлять 8,6%. Даже в период восстановительного роста 2000-х гг. средний темп роста составлял около 7,5%. В период после кризиса 2009 г., когда потенциал сложившейся модели роста был близок к исчерпанию, произошло снижение темпов роста. Для ликвидации потерь исторического времени России необходим переход к новой модели экономического роста, опирающейся на прогрессивную систему факторов роста в отличие от факторов, определявших экономический рост в прежней, сырьевой модели. Исторический опыт России в XX в. показывает, что сокращение разрыва по уровню доходов на душу населения между Россией и ведущими индустриальными странами – вполне решаемая задача. По отношению же к собственной «исторической колее» это означает возможность нового перехода с низкой траектории экономического роста на более высокую.

5.2. Структурные параметры российской модели экономического роста: совокупный спрос.

Рассмотрим теперь структурные параметры сложившейся в постсоветский период российской модели экономического роста.

Структура ВВП берется двояко: со стороны совокупного спроса (по расходам) и со стороны совокупного предложения (по видам экономической деятельности). В первом случае оценивается динамика компонент совокупного спроса – конечного потребления домашних хозяйств (С), конечного потребления органов государственного управления (G), валового накопления (I), экспорта (Ex), импорта (Im) – последний берется со знаком минус, в том числе для определения показателя внутреннего спроса ($C + G + I - Im$). Экспорт представляет внешний спрос. В сумме внутренний и внешний спрос образуют совокупный спрос. В Приложении 6 (Таблица П-6.1) представлена динамика указанных компонент ВВП по расходам

в реальном выражении за период 1990 – 2015 гг. в процентах к соответствующему уровню каждой компоненты в 1990 г. При расчетах были использованы данные, предоставляемые Статистическим отделом ООН в ценах 2005 г., поскольку данные Росстата характеризуются разнородностью на протяжении рассматриваемого периода. На Рис. 5 представлены соответствующие графики, построенные по данным Таблицы П-6.1 Приложения 6.

Динамика компонент совокупного спроса. Рассмотрим особенности экономической динамики отдельных компонент совокупного спроса в российской экономике в постсоветский период. Они заключаются в следующем.

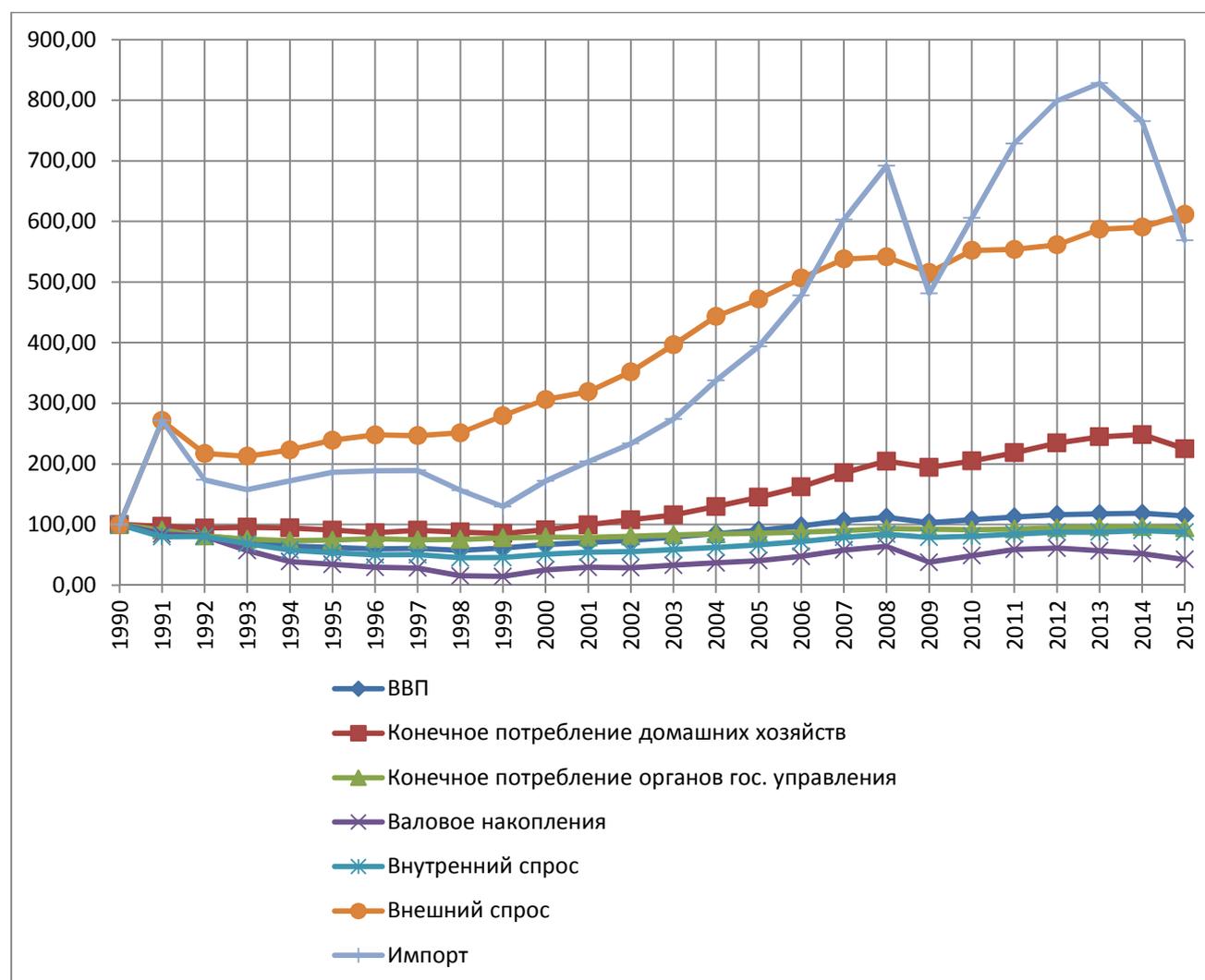

Рис. 5. Динамика ВВП России и его компонент по расходам в реальном выражении, в % к уровню 1990 г.

Имеет место разнонаправленная динамика ряда компонент совокупного спроса на протяжении периода трансформационного спада. Устойчивое сокращение внутреннего спроса сопровождалось ростом (начиная с 1994 г.) внешнего спроса (экспорта). При этом отметим резкий скачок экспорта в 1991 г. по сравнению с 1990 г. Снижение экспорта в 1992 – 1993 гг. было незначительным, а относительно 1990 г. экспорт по прежнему превышал базовый уровень более чем в 2 раза. Сокращение потребления домашних хозяйств происходило медленнее, чем других компонент внутреннего спроса. Неглубокий спад (а в отдельные годы и рост) потребления домашних хозяйств поддерживался импортом потребительских товаров (импорт устойчиво рос в 1994 – 1997 гг.). Самый глубокий спад затронул валовое накопление: в 1999 г. оно составило всего 14,4% от уровня 1990 г. и только с 2000 г. начался его рост. Таким образом, произошел структурный сдвиг от инвестиционного к потребительскому спросу.

Происходило активное встраивание российской экономики в мировую на протяжении всего рассматриваемого периода. Экспорт и импорт росли на протяжении периода восстановительного роста 2000-х гг., но экономические кризисы (2009 г. и 2015 г.) сильнее влияли на импорт, чем на экспорт. Тем не менее, в 2015 г. экспорт в реальном выражении превысил показатель 1990 г. более чем в 6 раз, а импорт – в 5,7 раз. Максимальное значение импорта по сравнению с 1990 г. отмечено в 2013 г. – превышение составило 8,3 раза. Отметим, что ускоренный рост потребления домашних хозяйств по сравнению с общей динамикой ВВП в значительной степени обеспечивался импортом потребительских товаров. Существенное сокращение импорта в 2014 – 2015 гг. отразилось и на динамике потребления (спад с 248% от уровня 1990 г. в 2014 г. до 225% в 2015 г.). Сложившаяся в 2000-е гг. модель экономического роста в России основывалась на ускоренном росте экспорта, за которым следовал рост импорта, в том числе для обеспечения роста потребления. С 2014 г. наметилось изменение данной тенденции, однако переход к опоре на внутренний спрос и импортозамещение не является завершенным. В целом, уровень внутреннего спроса остается ниже уровня 1990 г., составляя по представленным оценкам 87 – 90%.

В период восстановительного роста 2000-х гг. динамика всех компонент ВВП по расходам была положительная, хотя скорости роста отдельных компонент различались. На начальном этапе (1999 – 2001 гг.) быстрее росло валовое накопление, также ускоренный рост инвестиционного спроса наблюдался в предкризисный период (2006 – 2007 гг.). Потребительский спрос увеличивался более чем на 10% в год в период 2004 – 2008 гг. В 2010 – 2011 гг. наблюдался ускоренный рост инвестиционного спроса, глубже остальных компонент сократившегося в ходе кризиса 2009 г. С 2013 г. динамика валового накопления становится отрицательной, а в 2015 г. сокращается и потребительский спрос.

Динамика валового накопления, как и импорта, отличалась повышенной волатильностью. Обе указанные компоненты снижались в наибольшей степени в период кризиса 2009 г. и спада 2015 г. Восстановление после кризиса 2009 г. также шло ускоренными темпами.

Исчерпание потенциала сложившейся в 2000-е гг. модели экономического роста проявилось в рецессии 2015 – 2016 гг. Как отмечают В.А. Цветков и О.С. Сухарев, рецессия 2015 – 2016 гг. была подготовлена всей динамикой российской экономики предыдущего периода и сформировавшимися, закрепленными структурными проблемами в период бурного роста 2000 – 2008 гг. Кризис 2015 – 2016 гг. отбрасывает Россию как минимум на 4-5 лет назад по ВВП⁵⁶⁴. По расчетам В.А. Цветкова и О.С. Сухарева в 2015 г. по отношению к 2011 г. ВВП составил всего 101,6%, потребление домашних хозяйств 102,9%, конечное потребление государственного управления 102,3%, в то время как валовое накопление сократилось до 72,1%, импорт снизился до 78,1%, экспорт вырос до 110,5%, в итоге показатель чистого экспорта составил 190,6%⁵⁶⁵.

Структура прироста ВВП со стороны совокупного спроса. Перейдем теперь к рассмотрению структуры прироста реального ВВП по расходам для определения вклада внутреннего и внешнего спроса в общий прирост ВВП. В Таблице

⁵⁶⁴ Цветков В.А., Сухарев О.С. Экономический рост России: новая модель управления. М., ЛЕНАНД. 2017, с. 156.

⁵⁶⁵ Там же, с. 156.

21 представлены доли, приходящиеся на внутренний и внешний спрос, в общем приросте ВВП по годам, а в Таблице 22 – структура накопленного прироста ВВП на временных интервалах.

Таблица 21. Вклад внутреннего и внешнего спроса в прирост ВВП по годам.

Показатель	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Прирост(+)/Спад(-) реального ВВП, в % к предыдущему году	7,3	7,2	6,4	8,2	8,5	5,2	-7,8
Вклад факторов спроса в прирост/спад ВВП, в % к итогу							
- внутренний спрос	50,5	54,7	68,2	70,2	76,9	96,3	-81,0
- внешний спрос (экспорт)	49,5	45,3	31,8	29,8	23,1	3,7	-19,0
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Прирост(+)/Спад(-) реального ВВП, в % к предыдущему году	4,5	4,3	3,4	1,3	0,6	-3,7	-0,2
Вклад факторов спроса в прирост/спад ВВП, в % к итогу							
- внутренний спрос	55,3	97,4	89,1	5,5	82,6	-134,5	-266,0
- внешний спрос (экспорт)	44,7	3,96	10,9	94,5	17,4	34,5	166,0

Источник: рассчитано автором по данным Росстата: <http://www.gks.ru>

Отметим, что при расчетах использовались данные Росстата – для интервала 2003 – 2011 гг. в ценах 2008 г., а для периода 2012 – 2016 гг. – в ценах 2011 г. Период роста 1999 – 2002 гг. не рассматривается, поскольку данные по нему представлены в ценах 2003 г., что не позволяет провести их прямое сопоставление с последующими данными. Данные за 2003 – 2011 гг. и 2012 – 2016 гг. напрямую не сопоставимы из-за изменения базового уровня цен. Кроме того, в 2015 – 2016 гг. существенную величину как в ВВП, так и в его приросте со стороны спроса составляло статистическое расхождение. Так, по нашим расчетам, в 2016 г. прирост показателя статистического расхождения к 2015 г., соотнесенный с общим приростом ВВП за 2016 г., составил 90%. Формально почти все изменение ВВП в 2016 г. можно отнести на фактор статистической погрешности. Тем не менее, при расчете вклада внутреннего и внешнего спроса в Таблице 21 предполагалось пропорциональное распределение статистического расхождения между указанными компонентами. Снижение ВВП в 2016 г. за счет внутреннего спроса было бы гораздо глубже, составив -0,533% ($0,2 * 2,66$). За счет экспорта, давшего прирост ВВП на

0,332% ($0,2 * 1,66$), итоговое снижение оказалось меньше, однако в целом, не вышло за пределы статистической погрешности.

Таблица 22. Структура накопленного прироста ВВП со стороны внутреннего и внешнего спроса.

Показатель	2003 – 2015	2003 – 2011	2003 – 2008	2009 – 2011	2012 - 2015
Накопленный прирост ВВП, в % к 2002 г.	62,0	55,5	54,5	1,0	6,5
Вклад факторов спроса в накопленный прирост ВВП, в % к итогу:					
- внутренний спрос	61	68	69	-12	-6
- внешний спрос	39	32	31	112	106

Источник: рассчитано автором по данным Росстата: <http://www.gks.ru>

Показатели, представленные в Таблице 22, подтверждают вывод, сделанный В.Т. Рязановым, о преобладающей роли внутреннего спроса в накопленном приросте ВВП России⁵⁶⁶, если брать период 2003 – 2011 гг. или даже 2003 – 2015 гг. (в последнем случае – с оговорками, учитывая ценовой сдвиг в данных Росстата с 2012 г.). При этом отметим, что в период кризиса 2009 г. и посткризисного восстановительного роста 2010 – 2011 гг. кумулятивный прирост ВВП обеспечил все же внешний спрос (экспорт), в то время как внутренний спрос не до конца компенсировал свое падение в кризисный период: из Таблицы 21 видно, что в 2009 г. основная тяжесть спада пришлась на внутренний спрос. В период стагнации и нового кризиса (2012 – 2015 гг.) весь кумулятивный прирост ВВП также был обеспечен за счет внешнего спроса (экспорта), который при этом покрывал и падение внутреннего спроса. Данный вывод подтверждается и расчетами В.А. Цветкова и О.С. Сухарева, которые отмечают, что «в условиях рецессии и стагнации 2011 – 2015 гг. основной вклад вносил чистый экспорт, а при росте наиболее существенный вклад обеспечивало совокупное потребление. Для периода 2011 – 2015 гг. вклад потребления в темп роста снизился более чем в 3 раза, чистого экспорта

⁵⁶⁶ Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономика кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016, с. 395.

возрос в 14 раз, в основном за счет девальвации 2014 – 2015 гг.»⁵⁶⁷ Отметим, что оценка компонент прироста ВВП со стороны внутреннего и внешнего спроса, на наш взгляд, точнее отражает внутренние и внешние структурные факторы роста, чем расклад совокупного прироста ВВП на традиционные компоненты потребления, инвестиций, гос. закупок и чистого экспорта. Ведь потребительские расходы домашних хозяйств, в свою очередь, в значительной степени покрываются импортом (как и компоненты инвестиций и даже гос. закупок), а компонента чистого экспорта показывает только сальдированный результат взаимодействия национальной экономики и мировой, но не совокупный спрос со стороны остального мира (он выражен в компоненте экспорта в целом).

Погодовой анализ структуры прироста ВВП со стороны совокупного спроса (Таблица 21) показывает, что на протяжении периода 2003 – 2008 гг. происходило увеличение вклада внутреннего спроса и соответствующее сокращение вклада внешнего спроса в прирост ВВП. Но основная тяжесть кризисного падения в 2009 г. также пришлась на внутренний спрос. При этом в 2011 – 2012 гг. вклад внутреннего спроса также был определяющим, но и кризис 2015 – 2016 гг. ударил, прежде всего, по внутреннему спросу за счет сокращения валового накопления и с некоторой задержкой – потребительского спроса. Как отмечалось в докладе Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП) в начале 2014 г., потребление не сможет стать драйвером экономического роста из-за высокой закредитованности населения, а также снижения конкурентоспособности российских товаров в условиях опережающего роста издержек⁵⁶⁸. Последующая динамика потребительского спроса в 2015 – 2016 гг. полностью подтвердила данный прогноз. Как отмечает Д.Р. Белоусов, в сложившейся модели роста российской экономики ее структура и ожидания экономических агентов предполагают выход из кризиса через рост потребительского спроса, однако ни предприятия, ни бюджет не имеют возможности (в отличие от 2010 – 2011 гг.) для ускоренного

⁵⁶⁷ Цветков В.А., Сухарев О.С. Экономический рост России: новая модель управления. М., ЛЕНАНД. 2017, сс. 150 – 151.

⁵⁶⁸ Россия: новые источники роста. Доклад ЦМАКП на XI Красноярском экономическом форуме. 27 февраля – 1 марта 2014 г. <http://www.forecast.ru/ARCHIVE/Presentations/Kras2014/CMASF.pdf> (Дата обращения: 30.08.2017).

увеличения выплат населению из-за ужесточившихся финансовых ограничений⁵⁶⁹. Возникает противоречие – между необходимостью повышения доходов населения для стимулирования спроса и ограничениями со стороны факторов предложения (низкая производительность труда), институтов и международной конкуренции, не позволяющими реализовать такое повышение доходов. По оценкам Д.Р. Белоусова, при оплате труда в 900 – 1200 долл. (на уровне «развитых центрально-европейских стран») начинают действовать факторы, тормозящие экономический рост и/или предполагающие девальвацию⁵⁷⁰. Невысокая рентабельность предприятий тормозит инвестиционный процесс и обновление основного капитала, что, в свою очередь, сдерживает повышение производительности труда.

С учетом моделирования национально-специфических факторов роста российской экономики, проведенного в четвертой главе (Модель б), можно отметить, что внутренний спрос, несмотря на то, что в целом он обеспечил более двух третей накопленного прироста ВВП за 2003 – 2011 гг., во многом являлся производным от фактора благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры (прежде всего, растущих цен на нефть). Приток нефтяных доходов позволял наращивать расходы на внутреннем рынке – как через рост бюджетных расходов, так и через повышение заработной платы в частном секторе и последующий рост потребительского спроса. Рост инвестиций также являлся ведущим фактором роста, как показали результаты Модели б, рассмотренной в четвертой главе. Вторичный характер фактора внутреннего спроса подтверждается данными за 2012 – 2016 гг.: при замедлении роста цен на нефть и тем более при их снижении внешний спрос перестает быть генератором дополнительных доходов, которые, трансформируясь в расходы на внутреннем рынке, стимулируют рост внутреннего спроса. В итоге анализ Таблиц 21 и 22 показал, что в периоды кризисов, которые сопровождались также падением цен на нефть (как 2009 г., так и 2015 – 2016 гг.), происходило падение внутреннего спроса, причем в 2015 – 2016 гг. оно было глубже, чем общее падение ВВП. «Преобладающая роль внутреннего спроса» в накопленном приро-

⁵⁶⁹ Белоусов Д.Р. Операция «Развитие»: как преодолеть долгосрочную стагнацию // Экономическое возрождение России, 2017, № 2, с. 35.

⁵⁷⁰ Там же, с. 36.

сте ВВП России не является основой для вывода о преобладании внутренних факторов роста над внешними. Напротив, анализ показал вторичность, производный характер фактора «внутреннего спроса», его недостаточность как самостоятельного драйвера экономического роста в рамках сложившейся в 2000-е гг. национальной модели экономического роста. Поэтому смена модели экономического роста должна включать также реальное смещение акцента с внешнего спроса на внутренний спрос как главный фактор роста в будущем. Такой переход потребует соответствующих изменений в экономической политике, в том числе денежно-кредитной, а также проведение импортозамещения по ряду ключевых товарных групп. Подробнее проблемы политики экономического роста будут рассмотрены в шестой главе.

5.3. Структурные параметры российской модели экономического роста: совокупное предложение.

Рассмотрим теперь структурные параметры сложившейся российской модели экономического роста со стороны совокупного предложения. Сначала оценим структуру совокупного продукта с точки зрения соотношения между конечным и промежуточным продуктом, затем проанализируем динамику валовой добавленной стоимости (ВДС) по видам экономической деятельности и, наконец, рассмотрим структуру прироста НДС по укрупненным секторам экономики, агрегирующим различные виды экономической деятельности.

Соотношение между конечным и промежуточным продуктом. В Таблице 23 представлено соотношение между конечным (ВВП) и промежуточным продуктом в России в постсоветский период. ВВП взят в рыночных ценах, включающих чистые налоги на продукты.

Как следует из анализа Таблицы 23, соотношение между конечным и промежуточным продуктом остается в целом стабильным на протяжении всего постсоветского периода экономической истории России. При этом можно отметить слабо выраженную тенденцию к увеличению доли конечного продукта в валовом выпуске (50,5% в 1996 г., 54% в 2015 г.). Эффективность конечного производства

(соотношение ВВП и промежуточного продукта) также не претерпела существенных изменений в указанный исторический период, хотя и была подвержена некоторым колебаниям. Следует отметить незначительный рост данного показателя на протяжении второй половины 1990-х гг. (максимум – 1999 г.), снижение в 2001 и 2003 гг., увеличение в 2004 – 2005 гг. и устойчивое снижение с 2006 по 2010 гг. Для 2012 – 2015 гг. характерна неустойчивая, колебательная динамика.

Таблица 23. Соотношение между конечным и промежуточным продуктом в России.

Год	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
ВВП к валовому выпуску, в %	50,46	51,57	54,55	54,82	54,58	52,55	53,50	53,13	53,78	53,87
ВВП к промежуточному продукту, разы	1,019	1,065	1,200	1,213	1,202	1,107	1,151	1,133	1,164	1,168
Год	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
ВВП к валовому выпуску, в %	53,66	53,18	53,13	53,09	52,43	54,61	55,00	54,28	55,16	54,06
ВВП к промежуточному продукту, разы	1,158	1,136	1,133	1,132	1,102	1,203	1,222	1,187	1,230	1,177

Источник: рассчитано автором по данным Росстата: <http://www.gks.ru>

Анализ соотношения конечного и промежуточного продукта для экономики в целом как высоко агрегированных показателей не позволяет выявить особенностей процесса воспроизводства на более детальном уровне отдельных отраслей и видов экономической деятельности. Для этого рассмотрим соотношение конечной и промежуточной продукции по отдельным видам экономической деятельности (Таблица 24).

По данным Таблицы 24 можно сделать следующие выводы.

Во-первых, эффективность общественного производства менялась неодинаково по отдельным видам деятельности. По ряду видов экономической деятельности за период 2002 – 2015 гг. произошло ее снижение. Так падение соотношения конечной и промежуточной продукции в 2015 г. к 2002 г. составило 1,6 раз по видам деятельности – производство и распределение электроэнергии, газа и воды, оптовая и розничная торговля и ремонт, гостиницы и рестораны; 1,4 раза для финан-

совой деятельности, 1,3 раза для обрабатывающих производств. Другие виды деятельности – преимущественно услуги – повысили свою эффективность: в 2,2 раза – обеспечение военной безопасности и социальное страхование, в 1,5 раза – образование, в 1,4 раза – операции с недвижимостью, в 1,3 раза – образование. Из отраслей материального производства повышение эффективности зафиксировано только в добыче полезных ископаемых (в 2 раза).

Таблица 24. Соотношение между конечной и промежуточной продукцией по видам экономической деятельности, разы.

Виды экономической деятельности	2002	2005	2007	2009	2011	2013	2014	2015
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	1,07	1,25	1,13	1,08	1,13	0,98	0,98	1,15
Рыболовство, рыбоводство	0,82	1,12	0,77	0,82	0,91	0,89	0,93	0,99
Добыча полезных ископаемых	0,93	1,84	2,09	1,55	2,02	1,95	1,79	1,87
Обрабатывающие производства	0,52	0,50	0,44	0,42	0,40	0,40	0,40	0,40
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,62	0,57	0,48	0,59	0,53	0,52	0,55	0,39
Строительство	0,97	0,88	0,71	0,75	0,82	0,83	0,79	0,89
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	2,41	1,89	1,69	1,61	1,63	1,49	1,39	1,53
Гостиницы и рестораны	1,45	1,20	1,09	0,97	0,98	0,95	0,98	0,93
Транспорт и связь	1,15	1,27	1,17	1,03	0,90	0,89	0,91	0,85
Финансовая деятельность	2,94	3,09	2,59	2,56	2,26	2,43	2,41	2,15
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	1,86	1,78	1,76	1,84	1,81	1,88	1,81	2,68
Обеспечение военной безопасности, обязательное социальное страхование	0,84	0,98	0,94	1,08	0,98	1,13	1,01	1,92
Образование	2,59	2,34	2,21	2,83	2,59	3,09	3,32	3,83
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	1,47	1,40	1,56	1,71	1,67	1,58	1,95	1,95
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,36	1,27	1,27	1,28	1,26	1,25	1,28	1,26

Источник: рассчитано по данным Росстата: <http://www.gks.ru>

Во-вторых, для первичного сектора в целом характерны колебания эффективности, наиболее выраженные в сельском хозяйстве, рыболовстве и рыбоводстве, что вызвано высокой зависимостью указанных видов деятельности от природных факторов.

В-третьих, следует различно подходить к оценке изменений эффективности выпуска в отраслях материального производства и сфере услуг. Для последней

промежуточная продукция представляет собой промежуточные услуги, не требующие существенных затрат материальных ресурсов. Повышение эффективности (рост добавленной стоимости на единицу промежуточного потребления) в этом случае может быть достигнуто с меньшими затратами путем ликвидации излишне раздутых промежуточных услуг, в отличие от отраслей материального производства, где подобные действия технологически затруднительны или невозможны. Падение эффективности в таких важнейших отраслях материального производства как обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды свидетельствует о не до конца преодоленном воспроизводственном кризисе, активная фаза которого пришлась на 1990-е гг. Рост эффективности в добыче полезных ископаемых, тем не менее, не является устойчивым и остается подвержен колебаниям (максимумы здесь пришлись на периоды высоких нефтяных цен: 2007 г. и 2011 гг., когда завершилось восстановление экономики после кризиса 2009 г.).

Динамика компонент совокупного предложения. Рассмотрим теперь динамику ВДС и ее компонент по видам экономической деятельности в экономике России в постсоветский период. В Приложении 7 (Таблица П-7.1) представлена динамика указанных компонент ВДС по видам экономической деятельности в реальном выражении за период 1990 – 2015 гг. в процентах к соответствующему уровню каждой компоненты в 1990 г. При расчетах были использованы данные, предоставляемые Статистическим отделом ООН в ценах 2005 г., поскольку данные Росстата характеризуются разнородностью на протяжении рассматриваемого периода. На Рис. 6 представлены соответствующие графики, построенные по данным Таблицы П-7.1 Приложения 7.

Особенности динамики ВДС и ее компонент заключаются в следующем. В период трансформационного спада 1991 – 1998 гг. динамика практически всех компонент ВДС в реальном выражении была отрицательной. При этом наибольшее сокращение имело место в тех видах деятельности, которые тесно связаны с выпуском товаров инвестиционного назначения, таких как обрабатывающие произ-

водства, а также транспорт и связь, где в 1998 году выпуск составил около 50 % от уровня 1990 г., а в строительстве упал до уровня менее 30% от 1990 г. Такая отрицательная динамика добавленной стоимости в инвестиционно-ориентированных отраслях тесно связана с резким падением инвестиционного спроса, как уже было отмечено выше при анализе динамики компонент совокупного спроса. Наилучшую динамику показывали отрасли сферы услуг (разделы G, H, J – P по международной статистической классификации), спад в которых либо отсутствовал, либо был незначительным.

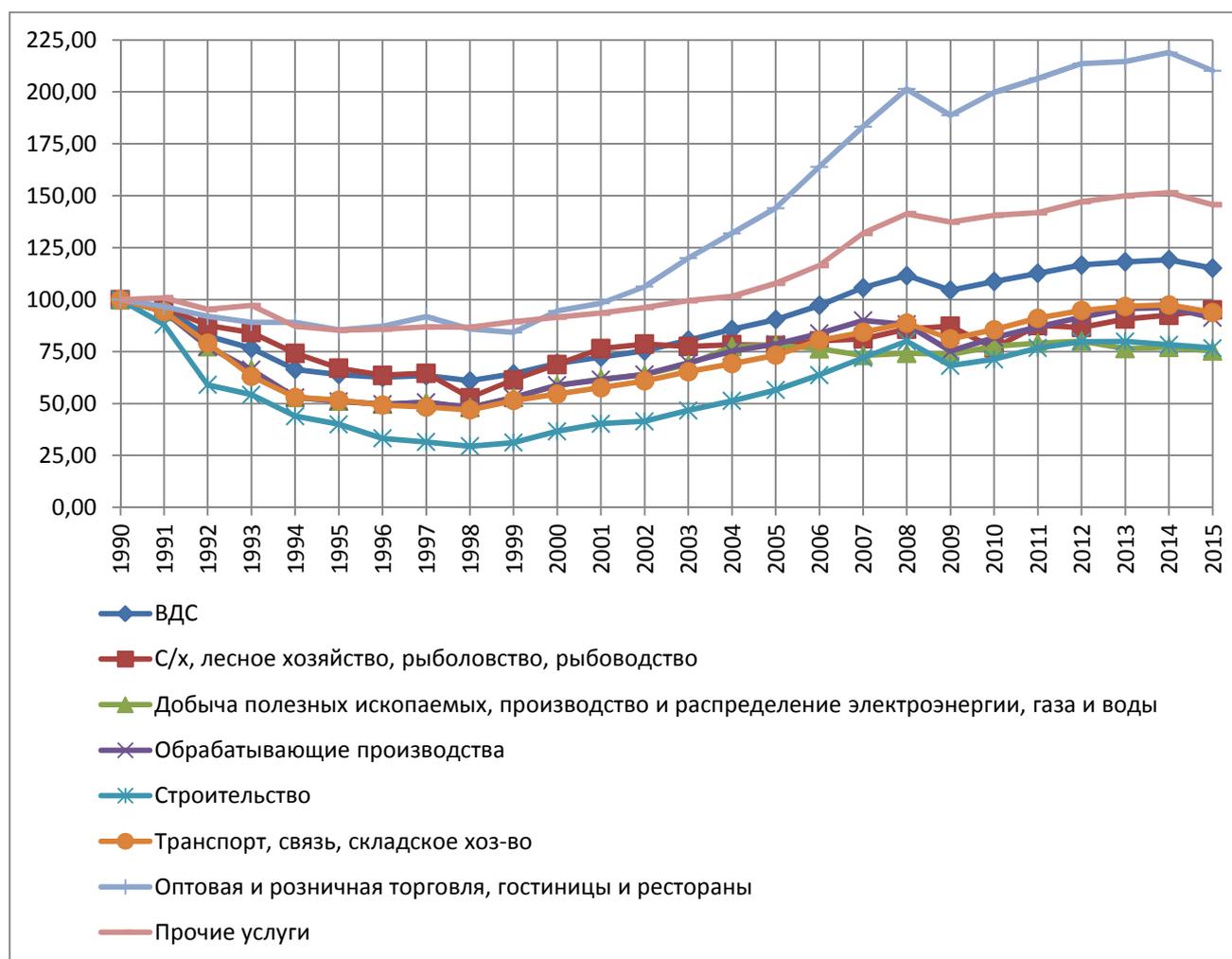

Рис. 6. Динамика ВДС России и ее компонент по видам экономической деятельности в реальном выражении, в % к уровню 1990 г.

В период роста экономики в 1999–2008 гг. все отмеченные виды деятельности показывали положительную динамику, однако их рост носил неравномерный характер. Быстрее всего росла сфера услуг, в том числе оптовая и розничная торгов-

ля и ремонт, которые удвоили свои показатели по отношению к 1990 г. накануне кризиса 2009 г. Рост по видам деятельности «добыча полезных ископаемых и производство и распределение электроэнергии, газа и воды» прекратился еще до кризиса, и в 2006–2007 гг. наблюдалось даже некоторое снижение данного показателя. Обрабатывающие производства, строительство, транспорт и связь устойчиво росли до начала наступления кризиса, что также коррелирует с ростом инвестиционного спроса в указанный период, как следует из предыдущего анализа динамики компонент совокупного спроса.

В 2009 г. произошло неравномерное сокращение производства практически по всем указанным видам экономической деятельности. Посткризисное восстановление также происходило неравномерно: если добывающие отрасли с учетом производства и распределения электроэнергии, газа и воды достигли докризисного уровня еще в 2010 г., то восстановительный период для обрабатывающих производств затянулся до 2012 г., а в строительстве восстановление докризисного уровня не было достигнуто и к 2012 г. Замедление роста с 2012 г. и новая стагнация 2015 – 2016 гг. отразилась и на динамике ряда компонент ВДС: сократился выпуск в отраслях обрабатывающего производства, некоторое снижение имело место в добывающей промышленности и производстве и распределении электроэнергии, газа и воды, сократился выпуск в сфере услуг. Исключением стало сельское хозяйство, которое продолжало расти и в 2015 – 2016 гг. (одним из факторов такого роста стал фактор импортозамещения).

В целом, по сравнению с 1990 г. в экономике России более существенную роль стала играть сфера услуг, причем преимущественно «низших» услуг, не требующих высокого уровня и качества человеческого потенциала (торгово-посреднические услуги). По другим видам деятельности, особенно связанным с материальным производством (сельское хозяйство, добывающая и обрабатывающая промышленность, строительство, транспорт и связь) Россия в 2015 г. в лучшем случае приблизилась к уровню 1990 г. в реальном выражении (так, показатели обрабатывающей промышленности, транспорт и связи, с учетом снижения в 2015 г. составили 93–94 % от уровня 1990 г.).

Неравномерная динамика компонент ВДС на протяжении периода 1991–2015 гг. нашла свое отражение и в изменении структуры ВВП. В реальном выражении (2005 г. – базовый) в структуре ВВП России за период 1991 – 2012 гг. почти удвоилась доля сферы услуг (разделы G, H, J – P): с 27% в 1990 г. до 45% в 2012 г.⁵⁷¹. Соответственно, остальные виды деятельности (прежде всего, в сфере материального производства) сократили свой вклад в ВВП. Экономика России со стороны совокупного предложения в значительной степени стала «экономикой услуг» в отличие от экономики советской России, однако следует учитывать невысокий экономико-технологический уровень данных услуг (преобладание торгово-посреднической деятельности), поскольку они не относятся к видам деятельности, требующим использования качественного человеческого капитала. С учетом предшествующего структурного анализа ВВП со стороны совокупного спроса следует подчеркнуть, что отмеченный высокий рост потребительского спроса и импорта связан также с недостаточностью собственного производства потребительских товаров, о чем свидетельствует и сокращение соответствующих видов деятельности в структуре ВВП. Разрыв между потреблением (удвоившимся в 2012 г. по сравнению с 1990 г.) и производством большинства товаров (обрабатывающая промышленность в 2012 г. достигла только 93 % от уровня 1990 г.) покрывается за счет импорта.

На Рис. 7 представлена динамика агрегированных компонент ВДС по трем секторам. В первичный сектор были включены виды деятельности: сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство; добыча полезных ископаемых плюс производство и распределение электроэнергии газа и воды, поскольку в данных, предоставляемых Статистическим отделом ООН, последняя компонента отдельно не выделена. К вторичному сектору были отнесены: обрабатывающие производства, строительство, а также транспорт и связь, поскольку данные услуги тесно связаны с материальным производством. Все прочие виды деятельности, представленные в статистике ООН, отражают объединенные тре-

⁵⁷¹ Теняков И.М. Современный экономический рост: источники, факторы, качество: Монография. – М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2015, с. 115.

тичный (низшие услуги) и четвертичный (качественные услуги, в том числе по формированию человеческого капитала) сектора. Отметим, что из-за недостаточного отдельного представления ряда видов экономической деятельности в статистике ООН, динамика первичного сектора оказывается несколько заниженной (из-за вклада производства и распределения электроэнергии, газа и воды), а динамика вторичного сектора – соответственно несколько завышенной.

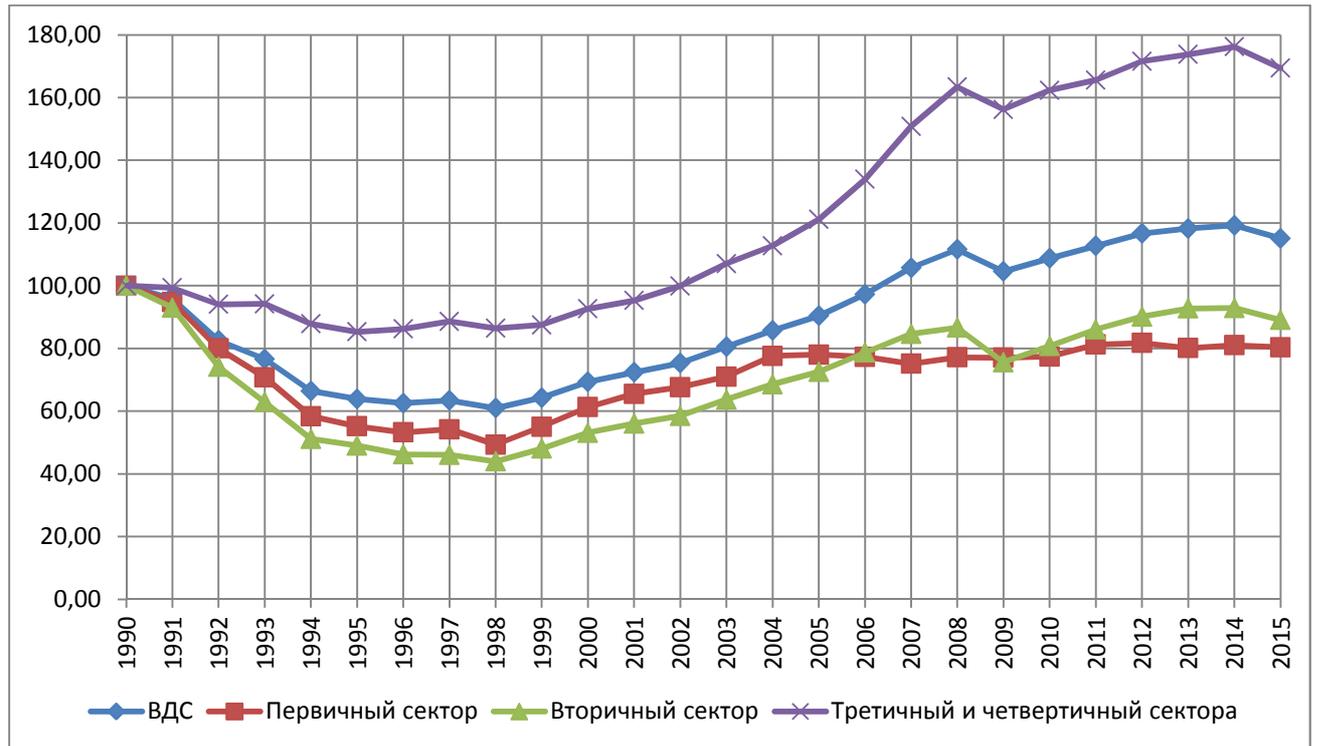

Рис 7. Динамика ВДС и ее компонент по укрупненным секторам экономики в реальном выражении, в % к уровню 1990 г.

В Таблице П-7.2 Приложения 7 представлены исходные данные, по которым были построены графики Рис. 7. Анализ данной таблицы и графиков подтверждает сделанные ранее выводы: в постсоветский период произошла существенная деиндустриализация российской экономики при ускоренном развитии сферы услуг. При этом наиболее высокими темпами росли «низшие» услуги, не требующие качественного человеческого капитала (оптовая и розничная торговля, гостиницы и рестораны и т.п.). В период роста 1999 – 2008 гг. происходило восстановление индустриального производства, однако более медленными темпами, чем рост экономики в целом. Сфера услуг продолжала расти опережающими темпами. В

итоге показатели 1990 г. по первичному и вторичному секторам экономики не были достигнуты, а рецессия 2015 – 2016 гг. отразилась и в спаде по ряду видов деятельности во вторичном секторе. Как отмечают В.А. Цветков и О.С. Сухарев, в 2014 г. производство промышленной продукции составило примерно 88,2% к уровню 1990 года⁵⁷². А по величине основных фондов в промышленности в 2014 г. был достигнут уровень примерно 1993 – 1994 гг.⁵⁷³ Для перехода к новой национальной модели экономического роста на неоиндустриальной основе необходимо повышение доли промышленности в структуре ВДС, что потребует решения ряда воспроизводственных проблем российской экономики, не решенных в 2000-е гг.

Структура прироста ВВП со стороны совокупного предложения. Перейдем теперь к рассмотрению структуры прироста реального ВВП (для совокупного предложения корректно взять ВДС) по агрегированным видам экономической деятельности для определения вклада отдельных секторов экономики в общий прирост ВВП. В Таблице 25 представлена структура накопленного прироста ВДС по видам экономической деятельности и по объединенным секторам экономики за отдельные периоды. Отметим, что с 2012 г. Росстат перешел к исчислению показателей ВДС в ценах 2011 г., ранее же использовались цены 2008 г. Подобный ценовой сдвиг следует учитывать при сопоставлении данных за разные периоды, поскольку он завышает показатели за 2012 – 2016 гг.

Из анализа Таблицы 25 можно сделать следующие выводы. В целом за период 2003 – 2016 гг. наибольший вклад в прирост ВДС вносил третичный сектор, включающий большую долю трансакционных услуг (финансовое посредничество, операции с недвижимым имуществом, отчасти – оптовая и розничная торговля). На втором месте находился вторичный сектор, включающий отрасли обрабатывающей промышленности и сопряженные с ней материальные услуги. При этом на вклад обрабатывающих производств и строительства приходилось лишь 18,38%, что меньше, чем вклад операций с недвижимым имуществом или оптовой

⁵⁷² Цветков В.А., Сухарев О.С. Экономический рост России: новая модель управления. М., ЛЕНАНД. 2017, с. 179.

⁵⁷³ Там же, с. 181.

и розничной торговли. Третье место занимал первичный сектор, внутри него основной вклад пришелся на добычу полезных ископаемых (8%). Четвертичный сектор оставался на последнем месте, при этом вклад образования был даже отрицательным (-0,52%), а здравоохранения не превышал 1%. Основной же вклад в этом секторе пришелся на вид деятельности L: обеспечение военной безопасности и обязательное социальное страхование, который также имеет значительную составляющую транзакционных услуг. При исключении данной компоненты из четвертичного сектора вклад последнего составит всего лишь 0,74%.

Таблица 25. Структура накопленного прироста ВДС по видам экономической деятельности.

Виды экономической деятельности	2003 2016	–	2003 2011	–	2003 2008	–	2009 2011	–	2012 2016
Накопленный прирост ВДС, в % к 2002 г.	56,1		48,1		46,5		1,6		8,0
Структура накопленного прироста ВДС, в % к итогу									
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство (А)	2,98		1,49		1,24		8,88		11,89
Рыболовство, рыбоводство (В)	-0,02		-0,06		-0,06		-0,02		0,22
Добыча полезных ископаемых (С)	8,00		7,34		5,35		64,93		11,93
Обрабатывающие производства (D)	13,08		13,84		15,12		-22,93		8,51
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды (Е)	0,56		0,86		0,97		-2,13		-1,23
Строительство (F)	5,30		8,50		9,61		-23,64		-13,81
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования (G)	21,30		31,13		30,43		51,46		-37,59
Гостиницы и рестораны (H)	0,81		1,03		1,18		-3,22		-0,54
Транспорт и связь (I)	9,08		9,59		9,15		22,48		5,97
Финансовая деятельность (J)	13,74		10,24		9,85		21,50		34,65
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг (K)	20,37		14,50		13,76		35,73		55,48
Обеспечение военной безопасности, обязательное социальное страхование (L)	3,95		0,88		1,51		-17,21		22,29
Образование (M)	-0,52		-0,05		0,29		-9,79		-3,34
Здравоохранение и предоставление социальных услуг (N)	0,89		0,43		0,31		3,87		3,65
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг (O)	0,37		0,26		1,30		-29,91		1,06
Первичный сектор (А – С)	10,96		8,78		6,52		73,78		24,04
Вторичный сектор (D – F, I)	28,02		32,80		34,84		-26,22		-0,57
Третичный сектор (G, H, J, K)	56,21		56,91		55,23		105,47		52,01
Четвертичный сектор (L – O)	4,69		1,52		3,41		-53,05		23,67

Источник: рассчитано автором по данным Росстата: <http://www.gks.ru>

Имеется ряд особенностей структуры прироста ВДС по отдельным периодом. В период 2003 – 2008 гг. вклад вторичного сектора был выше, а первичного – ниже, чем в целом за период 2003 – 2016 гг. Повышение вклада первичного сектора в приросте ВДС произошло после кризиса 2009 г. При этом существенно вырос вклад сельского хозяйства: с 1,49% за 2003 – 2011 г. до 11,89% за 2012 – 2016 гг. Даже если учитывать ценовой сдвиг при переходе к ценам 2011 г., повышение реального вклада данной отрасли оказывается существенным. Свою роль в этом сыграли и санкции со стороны Запада, стимулировав процесс импортозамещения. Напротив, вклад обрабатывающих производств снизился: с 13,84% за 2003 – 2011 гг. до 8,51% за 2012 – 2016 гг. С учетом ценового сдвига реальное снижение окажется еще глубже. В строительстве в 2012 – 2016 гг. имела место отрицательная динамика, в итоге вклад данного вида деятельности также оказался отрицательным. В третичном секторе происходили разнонаправленные процессы. В 2012 – 2016 гг. вклад оптовой и розничной торговли также был отрицательным, поскольку данный вид деятельности сокращался в 2015 – 2016 гг. вслед за снижением потребительского спроса. Напротив, резко вырос вклад других транзакционных видов деятельности: так, вклад финансовой деятельности увеличился с 10,24% за 2003 – 2011 гг. до 34,65% за 2012 – 2016 гг., а вклад операций с недвижимым имуществом, аренды и предоставления услуг вырос с 14,5% до 55,48% соответственно. Резкий рост в четвертичном секторе произошел исключительно за счет обеспечения военной безопасности и обязательного социального страхования, в то время как вклад образования был и вовсе отрицательным. Вклад здравоохранения существенно вырос по сравнению с периодом 2003 – 2011 гг.

Анализ структуры прироста ВДС по отдельным годам представлен в соответствующей работе автора⁵⁷⁴. Отметим, что на этапе 1999 – 2002 гг. в приросте ВДС значительную долю составлял вклад обрабатывающего производства, транспорта и связи. На протяжении периода 2003 – 2008 гг. заметна тенденция к увеличению вклада сектора услуг (третичного и четвертичного секторов): его доля в приросте

⁵⁷⁴ Теняков И.М. Современный экономический рост: источники, факторы, качество: Монография. – М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2015, сс. 121 – 134.

ВДС выросла с 39% в 2003 г. до 59% в 2007 г., а в 2008 г. составила почти две трети всего прироста (65,81%)⁵⁷⁵. Доля обрабатывающих производств начала снижаться еще до кризиса 2009 г. Кризисный спад в 2009 г. на две трети происходил за счет сферы материального производства и сопряженных услуг транспорта и связи (виды деятельности А – F, I). Восстановительный рост 2010 – 2011 гг. также в значительной степени был осуществлен за счет отраслей материального производства, которые в 2011 г. дали более 75% всего прироста ВДС. Однако с 2012 г. тенденция поменялась, вклад материального производства в 2012 г. составил всего 28%, а вклад торгово-посреднических и финансовых услуг снова начал расти⁵⁷⁶.

В целом анализ структуры накопленного прироста ВДС по видам экономической деятельности также показывает, что сложившаяся в 2000-е гг. российская модель экономического роста полностью исчерпала свой потенциал. Если в 2003 – 2008 гг. сравнительно небольшой вклад первичного сектора (в том числе добывающих отраслей) соседствовал с существенным вкладом обрабатывающих производств, получавших импульсы к развитию через рост инвестиционного спроса и в целом совокупных расходов на внутреннем рынке, то после 2011 г. данный механизм перестал работать. Теперь наращивание производства добывающих отраслей уже не способствовало развитию обрабатывающих видов деятельности. В значительной степени накопленный рост ВДС в 2012 – 2016 гг. являлся результатом разбухания сектора трансакционных услуг (финансы, недвижимость и т.п.) при стагнирующем реальном секторе. Позитивная тенденция роста в сельском хозяйстве проявилась только в последние годы, в том числе в связи с внешними факторами (санкции) и не является еще достаточно устойчивой. Необходим переход к новой модели роста, который, на наш взгляд, требует проведения активной государственной политики экономического роста, ликвидации разбухшего финансово-посреднического сектора, повышение вклада «ядра» реального сектора в

⁵⁷⁵ Там же, с. 122.

⁵⁷⁶ Там же, с. 131.

прирост ВВП, запуск нового механизма роста внутреннего спроса на основе перехода к неоиндустриальному типу экономического роста.

5.4. Факторы стагнации 2012 – 2016 гг. как проявления ограничений сложившейся модели экономического роста.

Подведем промежуточные итоги анализу структурных параметров сложившейся в 2000-е гг. модели экономического роста в России. Основные логические взаимосвязи между переменными модели были описаны в работе А.Р. Белоусова⁵⁷⁷. Так, исходным фактором роста («мотором» роста) является расширение экспорта энергосырьевых товаров. Поток доходов от экспорта трансформируется в расширение совокупного спроса (потребления и инвестиций), а возникающее активное сальдо торгового баланса способствует укреплению рубля и росту импорта, который покрывает значительную часть потребительского и инвестиционного спроса, в результате расширение собственно внутреннего спроса происходит медленно. Укрепление рубля также стимулирует приток иностранных инвестиций, что позволяет проводить частичную модернизацию производства. Низкие процентные ставки на мировых финансовых рынках стимулировали российские компании к активным заимствованиям на внешнем рынке. Рост денежного предложения и повышение уровня монетизации экономики также являлись благоприятными факторами роста.

Такая экспортно-сырьевая модель роста имеет жесткие ограничения. Со временем исчерпывается потенциал наращивания экспорта сырьевых товаров а в совокупности с замедлением роста (и последующим спадом) мировых цен на нефть сырьевой сектор перестает быть первичным «мотором» роста, который генерирует последующий поток доходов – расходов на внутреннем рынке. Вывоз капитала частным сектором также сдерживает потенциал для внутреннего роста. Следует отметить также недостаточный уровень конкурентоспособности компаний внутренне-ориентированного сектора. Наконец, к вышеперечисленным ограничениям

⁵⁷⁷ Белоусов А.Р. Эволюция системы воспроизводства российской экономики: от кризиса к развитию. –М.: Макс Пресс, 2006, с. 151 - 153.

добавляются ограничения по факторам производства – труду и капиталу. Низкий рост экономически активного населения, а также демографические особенности (в частности, растущая пенсионная нагрузка) сдерживают потенциальные возможности для экономического роста. Высокий износ основного капитала и нерешенная проблема всесторонней модернизации материально-технического базиса экономики также является ограничением для будущего роста.

Таким образом, замедление роста в 2012 – 2014 гг. и рецессия 2015 – 2016 гг. были объективными следствиями исчерпания потенциала экспортно-сырьевой модели роста, сложившейся в 2000-е гг. Более детально факторы стагнации 2012 – 2016 гг. можно разделить на *внешние и внутренние*.

К *внешним факторам* стагнации можно отнести: общее замедление мирового производства («новая нормальность»), стагнацию в Еврозоне в 2012 – 2013 гг., снижение цен на нефть и другие товары российского сырьевого экспорта, падение курса рубля, а также политику санкций в отношении России, проводимую западными странами с 2014 г.

К *внутренним факторам* стагнации можно отнести вышеперечисленные объективные внутренние ограничения сложившейся модели роста: ограничения по экономически активному населению и капиталу, в том числе низкую производительность труда, невысокий уровень конкурентоспособности российских компаний, завершение ряда крупных инвестиционных проектов (например, строительство Олимпийских объектов в Сочи), а также жесткую бюджетно-налоговую политику (сокращение бюджетных расходов) и денежно-кредитную политику, направленную на таргетирование инфляции.

Остановимся подробнее на характеристике указанных групп факторов⁵⁷⁸.

Внешние факторы стагнации. В числе внешних причин стагнации экономики России называют сложившуюся после кризиса 2007–2009 гг. неопределенность в мировом хозяйстве в плане долгосрочных источников роста, влияние долгового

⁵⁷⁸ Нижеприведенный материал до конца раздела основывается на работе: Теняков И.М. Современный экономический рост: источники, факторы, качество: Монография. – М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2015, сс. 140 – 151.

кризиса европейских стран, изменение структуры внешнего спроса стран – торговых партнеров России и др. Так, в статье Б. Замараева и др.⁵⁷⁹ выделяются такие причины, как замедление мирового производства и спад в Европе. Подчеркивается, что сохраняющийся отток капитала из России следует трактовать как общемировую тенденцию оттока капитала из стран с формирующимися рынками, а не как симптом кризиса отечественной экономики⁵⁸⁰. В статье Е. Ясина и др. указывается на прекращение роста цен на углеводороды и стабилизацию физических объемов экспортных поставок топлива как на одну из внешних причин замедления роста экономики России⁵⁸¹. Называется также фактор неблагоприятного инвестиционного климата в связи с противоречивостью проводимой бюджетной политики: введение бюджетного правила при росте обязательств в оборонной и социальной сферах⁵⁸². В. Мау подчеркивает общую тенденцию замедления роста мировой экономики, вызванную, в том числе, снижением темпов роста в Индии и Китае⁵⁸³. О причинах «новой нормальности» было сказано во второй главе. Отметим, что В. Мау называет четыре группы гипотез, объясняющих замедление роста мировой экономики: циклического, технологического, политического и статистического характера. В первом случае главная причина называется в недостатке совокупного спроса, во втором – в недостатке предложения инноваций, в третьем – проводимая после кризиса 2009 г. политика правительств и центральных банков, направленная на стабилизацию экономики, в том числе поддержку проблемных банков и предприятий и потому препятствующая шумпетерианскому процессу «созидательного разрушения», запускающему экономический рост; в четвертом – особенности отражения экономического роста современной статистикой, которая недостаточно приспособлена для описания реалий информационной экономики

⁵⁷⁹ Замараев Б., Киоцевская А., Назарова А. и др. Замедление экономического роста в России // Вопросы экономики. 2013. № 8.

⁵⁸⁰ Там же, с. 9.

⁵⁸¹ Ясин Е., Акиндинова Н., Якобсон Л. и др. Состоится ли новая модель экономического роста в России // Вопросы экономики. 2013. № 5, с. 8.

⁵⁸² Там же, с. 10.

⁵⁸³ Мау В. Уроки стабилизации и перспективы роста: экономическая политика в России в 2016 году // Вопросы экономики, 2017, № 2, с. 6.

(проблемы статистического измерения экономического роста были рассмотрены в третьей главе).

Фактор стабилизации нефтяных цен как одна из причин торможения роста экономики был подвергнут критике С. Губановым, указавшим на другую причину, связанную с внешним миром, а именно: отрицательную эластичность экспортного спроса по цене в Европейском Союзе⁵⁸⁴. Последняя, по мнению С. Губанова, вызвана процессами неоиндустриальной революции, которая в сырьевом секторе приводит к замещению нефтяных источников постнефтяными, освоением новых ресурсосберегающих технологий. По этой причине рост экономики России на основе сохранения экспортно-сырьевой модели 2000-х гг. в перспективе невозможен, поскольку со временем действие фактора отрицательной эластичности спроса на нефть и газ на российский сырьевой экспорт будет усиливаться⁵⁸⁵. Тем не менее не следует и сбрасывать указанный фактор полностью: как показали результаты эконометрического моделирования (Модель 6) в четвертой главе, динамика нефтяных цен является значимым фактором, определяющим темпы роста ВВП России, и ее замедление (и более того – падение цен на нефть) приводит к снижению темпов роста или даже к спаду. Д. Р. Белоусов также указывает на исчерпание традиционных конкурентных преимуществ России на внешнем рынке в связи с регионализацией рынка нефти, модернизацией китайской экономики, реиндустриализацией США и развитием производств в Восточной Европе⁵⁸⁶.

Одним из факторов, повлиявших на экономическую динамику в 2013 – начале 2014 г., явилось вступление России во Всемирную торговую организацию (ВТО) в конце 2012 г. Как отмечается специалистами Минэкономразвития, ослабление таможенной тарифной защиты отечественного рынка в результате вступления Российской Федерации в ВТО, недостаточная конкурентоспособность отечественного оборудования и эффективность реализации мер государственной поддержки по

⁵⁸⁴ Губанов С. Автономная рецессия как финальная фаза системного кризиса России // Экономист. 2013. № 9, с. 16.

⁵⁸⁵ Там же, с. 17–18.

⁵⁸⁶ Белоусов Д. Р. Проблема экономического роста: краткосрочный и среднесрочный аспекты. Доклад. 2014. Апрель. Интернет-ресурс: <http://www.forecast.ru/ARCHIVE/Presentations/HSE/2014/DB2014.pdf> (Дата обращения: 3.09.2017 г.)

адаптации к новой рыночной конъюнктуре в связи со вступлением России в ВТО, а также ожидания, связанные с началом реализации мер государственной поддержки организаций сельскохозяйственного машиностроения и сельхозтоваропроизводителей, способствовали в январе – ноябре 2013 г. относительно соответствующего периода прошлого года снижению объема производства машин и оборудования для сельского и лесного хозяйства на 25,6 %; в частности, объем производства тракторов для сельского и лесного хозяйства в указанном периоде сократился на 46,2 %⁵⁸⁷. Недостаточная конкурентоспособность отдельных видов российского оборудования по сравнению с импортными аналогами, особенно в условиях ВТО, повлияла на падение выпуска и в ряде несельскохозяйственных подотраслей машиностроения. Так, по данным Минэкономразвития, в январе – ноябре 2013 г. объем производства станков сократился на 17,8 %, в том числе станков металлорежущих – на 14,3 %, машин кузнечно-прессовых – на 14,7 %⁵⁸⁸. Отмечается, что в легкой промышленности в указанный период сохранялась ситуация неопределенности с учетом взятых обязательств России перед ВТО.

В отчете МВФ прогнозы мирового роста в 2014 г. были скорректированы в сторону понижения⁵⁸⁹. При этом отмечают возросшие *геополитические риски* в связи с ситуацией на Ближнем Востоке и Украине. Для России влияние геополитического фактора резко возросло в 2014 г. в связи с событиями на Украине и реакцией на внешнюю политику России большинства западных стран во главе с США в форме так называемых «санкций». Как отмечают А.А. Широв, А.А. Янговский, В.В. Потапенко, наиболее важными каналами влияния санкций на экономическую динамику в России являются ограничения заемного финансирования на рынках ЕС и США, ограничение торговли товарами двойного назначения, снижение уровня производственной кооперации, сокращение прямых иностранных инвестиций из стран ЕС, рост внутренних цен на отдельные виды продукции,

⁵⁸⁷ Мониторинг Минэкономразвития: «Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в январе – ноябре 2013 года». Электронный ресурс:

http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/activity/sections/macro/monitoring/doc20131227_26

(Дата обращения: 3.09.2017 г.).

⁵⁸⁸ Там же.

⁵⁸⁹ Перспективы развития мировой экономики // Бюллетень основных прогнозов ПРМЭ. Электронный ресурс: <http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/weo/2014/update/02/pdf/0714r.pdf> (Дата обращения: 3.09.2017)

эмбарго на доступ к высоким технологиям в энергетике⁵⁹⁰. Авторы отмечают, что для российской экономики наибольшую угрозу в кратко- и среднесрочной перспективе представляют санкции финансового характера, а в долгосрочной перспективе технологические ограничения в энергетическом секторе. Суммарное потенциальное влияние санкций на российскую экономику может оцениваться в 8-10% ВВП. Однако в реальности за счет компенсирующих мероприятий оно может быть существенно меньшим⁵⁹¹. Е. Гурвич и И. Прилепский оценивают влияние только финансовых санкций на экономику России как потерю 2,8% докризисного объема ВВП за период 2014 – 2017 гг. при низких ценах на нефть (при высоких ценах соответствующие потери, по расчетам авторов, составили бы 1,9% ВВП)⁵⁹². При этом по оценкам авторов падение цен на нефть является более важным фактором стагнации: оно ведет к потере 8,5 проц. пункта суммарного роста за 2014 – 2017 гг.⁵⁹³.

И. Борисова, Б. Замаераев, И. Козлова, А. Назарова, Е. Суханов отмечают, что сокращение притока валютно-финансовых средств из-за рубежа вызвало дестабилизацию российских финансовых рынков, что повлекло рост стоимости заимствований и размещения средств на внутреннем рынке и негативно отразилось на параметрах реального сектора экономики⁵⁹⁴.

Таким образом, фактор санкций, как показывают исследования, является противоречивым. Он не играет главной роли в экономическом спаде 2015 – 2016 гг., при этом вызывает к действию и контрсанкционные механизмы, напротив, стимулирующие экономический рост. В частности, таким механизмом стало развертывание импортозамещения в производстве сельскохозяйственной продукции, что выразилось в повышении темпа роста и вклада в накопленный прирост ВВП указанного вида экономической деятельности, что было отмечено выше. В.К. Фальц-

⁵⁹⁰ Шилов А.А., Янговский А.А., Потапенко В.В. Оценка потенциального влияния санкций на экономическое развитие России и ЕС // Проблемы прогнозирования, 2015, № 4, с. 4.

⁵⁹¹ Там же, с. 9.

⁵⁹² Гурвич Е., Прилепский И. Влияние финансовых санкций на российскую экономику // Вопросы экономики, 2016, № 1, с. 27.

⁵⁹³ Там же, с. 33.

⁵⁹⁴ Борисова И., Замаераев Б., Козлова И., Назарова А., Суханов Е. Российская экономика под гнетом санкций и дешевой нефти // Вопросы экономики, 2016, № 7, с. 9.

ман называет кроме агропромышленного комплекса и другие отрасли реального сектора, чьи перспективы импортозамещения достаточно реалистичны. Это гражданское авиастроение, нефтехимическая промышленность, нефтепереработка, деревообработка, автомобильная промышленность, производство сельскохозяйственной, строительно-дорожной, железнодорожной (грузовые вагоны и вагоны метрополитена) техники⁵⁹⁵. И. Борисова, Б. Замаев, И. Козлова, А. Назарова, Е. Суханов отмечают, что предприятия добывающих отраслей и сельского хозяйства, наоборот, выиграли от произошедших изменений и демонстрировали высокие финансовые показатели в конце 2014 – 2015 гг.⁵⁹⁶ Развитие импортозамещения может вырасти из первоначального ответа на санкции в самостоятельный фактор экономического роста в рамках новой модели, ориентированной в большей степени на внутренний спрос и отечественное обрабатывающее производство.

В целом внешние факторы стагнации могут быть коротко обозначены как сохраняющаяся зависимость России от мировой конъюнктуры и мирового движения капитала в рамках сложившейся в стране социально-экономической модели воспроизводства и экономического роста. Они играют вспомогательную роль, лишь усиливая внутренние, глубинные факторы торможения экономического роста.

Внутренние факторы стагнации. В числе внутренних причин стагнации экономики России можно назвать факторы, лежащие как на стороне совокупного внутреннего спроса, так и на стороне совокупного предложения, институциональные факторы, а также ряд мер проводимой экономической политики со стороны Правительства и Центрального банка.

Рассмотрим внутренние причины стагнации со стороны *совокупного спроса*. Так, одной из причин торможения инвестиционного спроса явилось завершение крупномасштабных инвестиционных проектов, финансируемых из государственного бюджета (например, строительство олимпийских объектов в Сочи). Потре-

⁵⁹⁵ Фальцман В.К. Форсирование импортозамещения в новой геополитической обстановке // Проблемы прогнозирования, 2015, № 1, сс. 29 – 30.

⁵⁹⁶ Борисова И., Замаев Б., Козлова И., Назарова А., Суханов Е. Российская экономика под гнетом санкций и дешевой нефти // Вопросы экономики, 2016, № 7, с. 14.

бительский спрос также перестал быть драйвером экономического роста вследствие замедления роста реальных доходов и высокой закредитованности населения, что отмечается в докладе ЦМАКП⁵⁹⁷. Снижение инвестиционного спроса со стороны частных компаний связано с падением доходности бизнеса. Результаты восстановительного роста 2010–2011 гг. являются достаточно противоречивыми: как отмечается в докладе ЦМАКП, объемные показатели российской экономики (выпуск продукции, инвестиции в основной капитал) вернулись на докризисный уровень, а финансовые показатели – нет⁵⁹⁸. В.А. Цветков и О.С. Сухарев в качестве одной из причин рецессии в экономике России называют доминирование финансового сектора. По расчетам исследователей при снижении ключевой процентной ставки с 25% до 7-8% финансовые инвестиции увеличиваются примерно в 6 раз (с 3 до 16–17 трлн. руб.), а инвестиции в обрабатывающих секторах – только в 2,5 – 3 раза (с 1 до 2,5 – 3 трлн. руб.). Финансово-спекулятивная деятельность способствует вымыванию финансовых ресурсов из обрабатывающих секторов и отдельных регионов, приводя, в конечном счете, к возрастанию дефицита региональных бюджетов, порождает неэффективную с точки зрения задач развития модель развития территорий и секторов российской экономики за счет неуправляемого перелива ресурсов – труда и капитала – в пространстве, во времени и по объектам⁵⁹⁹. В. Маневич отмечает, что «в течение трех кварталов 2015 г. банковский механизм перераспределения сбережений в пользу субъектов экономики, которые осуществляют реальные инвестиции, практически не функционировал. Это также можно рассматривать как один из факторов рецессии, наряду с сокращением реальных расходов бюджета и депрессивным воздействием падения курса рубля на экономику»⁶⁰⁰. В. Маневич также указывает на сохранение высоких процентных ставок как на фактор экономического спада⁶⁰¹. По данным Росстата,

⁵⁹⁷ Россия: новые источники роста. Доклад ЦМАКП на XI Красноярском экономическом форуме. 27 февраля – 1 марта 2014 г. <http://www.forecast.ru/ARCHIVE/Presentations/Kras2014/CMASF.pdf> (Дата обращения: 06.09.2017)

⁵⁹⁸ Там же, с. 2.

⁵⁹⁹ Цветков В.А., Сухарев О.С. Экономический рост России: новая модель управления. М., ЛЕНАНД. 2017, с. 167 – 168.

⁶⁰⁰ Маневич В. Функционирование денежно-финансовой системы и депрессия российской экономики // Вопросы экономики, 2016, № 2, с. 47.

⁶⁰¹ Там же, с. 50.

средневзвешенная ставка по рублевым кредитам нефинансовым организациям, хотя и снижалась в 2015 – 2016 гг., но оставалась достаточно высокой (19,82% в январе 1915 г., снизившись до 13,5% - 12% в 2016 г.)⁶⁰² по сравнению с рентабельностью по экономике в целом (по данным Росстата рентабельность проданных товаров, оказанных услуг составила в 2015 г. 8,1%)⁶⁰³. При этом имеет место дисбаланс рентабельности в пользу добывающего сектора и ряда транзакционных услуг. По данным Росстата, рентабельность проданных товаров (работ, услуг) составила в добыче полезных ископаемых в 2014 г. 19,2%, увеличившись в 2015 г. до 24,9%, для операций с недвижимым имуществом, аренды и предоставления услуг показатели рентабельности составили соответственно 10,7% и 13,4%, в то время как в обрабатывающей промышленности рентабельность была ниже (9,9% и 11,9% соответственно), а в производстве машин и оборудования – еще ниже (6,2% и 7,5% соответственно)⁶⁰⁴. Сохраняющийся перекос рентабельности в пользу добывающего сектора как одну из непосредственных причин экономического спада называет С. Губанов⁶⁰⁵. Подобный перекос рентабельности задает ложные ориентиры для межотраслевого перелива капитала, подрывает воспроизводственные возможности инвестиционного комплекса (связанного, прежде всего, с машиностроением) и углубляет деиндустриализацию экономики России.

Рассмотрим внутренние причины экономической стагнации со стороны *совокупного предложения*. Так, ряд исследователей называют в качестве ограничительного фактора тенденции в структуре и динамике рабочей силы, опережение роста реальной заработной платы над производительностью труда. По оценкам В. Миронова и В. Канофьева, экономика России находилась на уровне ниже потенциального выпуска до начала 2011 г. Затем некоторое время сохранялся период равновесного состояния, который в середине 2012 г. сменился вступлением эко-

⁶⁰² Росстат, официальный сайт: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/finans/fin32ga.htm (Дата обращения: 06.09.2017).

⁶⁰³ Росстат, официальный сайт: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/finance/# (Дата обращения: 06.09.2017).

⁶⁰⁴ Финансы России. 2016: Стат. сб. / Росстат. М., 2016, с. 101 – 102.

⁶⁰⁵ Губанов С. Автономная рецессия как финальная фаза системного кризиса России // Экономист, 2013, № 9, с. 19.

номики в стадию перегрева⁶⁰⁶. В. Мау отмечает сохранение опережающего роста доходов по отношению к производительности труда в 2013 г. При этом замедление роста сопровождается сохранением занятости и ростом зарплат⁶⁰⁷. Превышение динамики реальной заработной платы над динамикой производительности труда отмечается и другими исследователями⁶⁰⁸.

Следует отметить, что в российской экономике динамика производительности труда в целом повторяла динамику ВВП. Так, производительность труда в России снижалась в 1990-е гг. во время трансформационного кризиса. В период роста экономики 2000-х гг. показатель производительности труда также стал увеличиваться. По некоторым оценкам, уровень 1990 г. был достигнут только в 2005 г.⁶⁰⁹. При этом усилился отрыв по производительности от ведущих индустриальных стран: если в США производительность труда в 1990 г. была в 2,5 раза выше российской, то в 2010 г. – уже в 3 раза. Китай и Индия, напротив, сократили свое отставание от России по показателю производительности труда – соответственно в 5 и в 2 раза⁶¹⁰.

С 2012 г. наблюдается замедление роста производительности труда в российской экономике. «При этом в отраслях материального производства эта тенденция выражена слабее, чем по экономике в целом, а сокращение отработанного времени, наоборот, выше. На замедление темпов роста производительности труда в экономике в целом по сравнению с отраслями материального производства могут влиять сложившиеся структурные диспропорции в экономике: чрезмерно разбухший сектор услуг, в котором реально происходит не производство, а перераспределение созданной стоимости, избыточная занятость в сфере услуг, наличие большого количества посредников в сфере оптовой и розничной торговли и т.п. Повышение производительности труда в этих сферах могло бы быть достигнуто в

⁶⁰⁶ Миронов В., Канюфьев В. Грозная рецессия и как с ней бороться: эмпирический анализ российских реалий и мирового опыта // Вопросы экономики, 2014, № 1, с. 96.

⁶⁰⁷ Мау В. В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие России в 2013 г. // Вопросы экономики, 2014, № 2, с. 10–11.

⁶⁰⁸ Акиндинова Н., Кузьминов Я., Ясин Е. Российская экономика на повороте // Вопросы экономики, 2014, № 6, с. 8.

⁶⁰⁹ Лавровский Б. Оценка производительности труда в России и мире // Экономист, 2014, № 12, с. 35.

⁶¹⁰ Там же, с. 35.

результате оптимизации издержек, сокращении избыточных видов деятельности и разного рода посреднических «услуг». Однако такая оптимизация невозможна без кардинальной смены модели экономического роста, восстановления приоритета реального сектора над финансовым»⁶¹¹.

Тезис об опережающем росте оплаты труда по сравнению с производительностью не является бесспорным. Так, Р. Капелюшников подчеркивает, что «широко распространенное представление об опережающей динамике трудовых издержек по сравнению с динамикой производительности труда – это статистическая иллюзия, возникающая вследствие некорректного использования официальных данных о реальной заработной плате»⁶¹². По расчетам Р. Капелюшникова, в 2003 г. оплата труда составляла 52,9 % от ВДС промышленности, а в 2009 г. только 42,8 %. При этом в посткризисный период она несколько снизилась, составив 36,8 % в 2011–2012 гг.⁶¹³ Расчеты по отдельным видам экономической деятельности подтверждают отмеченную тенденцию. Так, доля оплаты труда в ВДС снизилась с 37,5 % в 2002 г. до 14,3 % в 2012 г. в добыче полезных ископаемых; с 59,7 % в 2003 г. до 50,9 % в 2012 г. в обрабатывающей промышленности; с 54,9 % в 2007 г. до 48,3 % в 2012 г. в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды⁶¹⁴. Данные расчеты показывают, что во всех отраслях промышленности производительность труда росла быстрее, чем заработная плата: в наибольшей степени – в добывающих отраслях, в наименьшей – в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды. Поэтому «тезис о некоем фатальном отставании динамики производительности труда от динамики его оплаты при ближайшем рассмотрении оказывается мифом»⁶¹⁵.

Таким образом, влияние на замедление роста экономики фактора опережающего увеличения трудовых издержек по сравнению с производительностью труда как минимум спорно. Однако часто называется и другой фактор предложения,

⁶¹¹ Теняков И.М. Производительность труда как фактор неоиндустриального роста российской экономики // Философия хозяйства, 2017, № 2, с. 243.

⁶¹² Капелюшников Р. Производительность и оплата труда: немного простой арифметики // Вопросы экономики. 2014, № 3, с. 36.

⁶¹³ Там же, с. 44.

⁶¹⁴ Там же, с. 46.

⁶¹⁵ Там же, с. 47.

тормозящий экономический рост, – исчерпание потенциала использования трудовых ресурсов. Р. Капелюшников и А. Ощепков отмечают, что российская экономика в ближайшее время столкнется с резким сокращением предложения труда в связи с действием неблагоприятных демографических факторов. В частности, динамика численности населения в трудоспособном возрасте достигла пика в 2006 г., а затем монотонно снижалась примерно на 500 тыс. человек ежегодно⁶¹⁶. При этом возможности увеличить экономически активное население за счет дополнительного вовлечения молодежи, женщин и пенсионеров оцениваются пессимистически⁶¹⁷.

Рекордно низкий (5,5 % по данным Росстата) уровень безработицы в 2012–2013 гг. может трактоваться по-разному. Если и ряд отечественных исследователей (Е. Ясин, В. Мау, В. Миронов, В. Канофьев и др.) указывают в этой связи на близость российской экономики к уровню потенциального выпуска, то Р. Капелюшников и А. Ощепков высказывают гипотезу о «дрейфе» так называемого «естественного уровня безработицы» в сторону понижения. Причинами такого дрейфа называются сдвиги в структуре рабочей силы в посткризисный период: снижение доли групп с высоким риском безработицы (прежде всего, молодежи) и повышение доли групп с низким риском безработицы (лица с высшим образованием). Если предположить, что структура рабочей силы в 2012 г. осталась бы такой же, как и в 2008 г., то уровень безработицы в 2012 г. составил бы не 5,5 %, а 6,2 %⁶¹⁸. Отмечается, что в условиях продолжающейся стагнации снижение спроса на рабочую силу может идти параллельно с сокращением предложения труда в связи с неблагоприятными демографическими тенденциями, что приведет к сохранению формально низких показателей уровня безработицы.

Увеличение рабочей силы за счет миграции имеет свои пределы и издержки. По некоторым оценкам, существующие миграционные тенденции не способствуют переходу к инновационному экономическому росту. Е. Ю. Хрусталева и А. С.

⁶¹⁶ Капелюшников Р., Ощепков А. Российский рынок труда: парадоксы посткризисного развития // Вопросы экономики, 2014, № 7, с. 68.

⁶¹⁷ Там же, с. 70.

⁶¹⁸ Там же, с. 82.

Славянов отмечают, что приток преимущественно низкоквалифицированной рабочей силы в Россию отрицательно сказывается на среднем уровне заработной платы и поступлении налогов в бюджет, а полученные мигрантами доходы вывозятся за границу и не участвуют в процессе внутреннего мультипликативного расширения спроса⁶¹⁹. Необходимо переориентировать миграционную политику на привлечение высококвалифицированной рабочей силы. Отметим, что экономическое развитие США в значительной степени обеспечивалось притоком квалифицированных кадров из-за границы, и американские инновационные успехи неправомерно рассматривать в отрыве от мощного потока миграции ученых и специалистов из Европы, а также стран СНГ (особенно в 1990-е гг.)⁶²⁰.

Подчеркнем, что в этой связи повышается значимость интенсивных факторов экономического роста, связанных не с количественным увеличением рабочей силы, а с повышением ее качественных характеристик и производительности труда. Однако рост производительности труда тесно связан с модернизацией экономики в целом, замещении устаревшего оборудования новым, повышающим производительность труда работников. Инвестиции в человеческий капитал в отрыве от инвестиций в материально-техническую базу экономики не могут привести к необходимому для России повышению производительности.

Помимо ограничений по рабочей силе, связанных с действием долгосрочных демографических факторов, экономический рост сдерживают и сложившиеся ограничения по основным фондам. Статистика основных фондов в России не является достаточно разработанной. Росстат приводит данные об основных фондах в сопоставимых ценах, однако подробная методика пересчета «в сопоставимые цены» не раскрывается. Следует учитывать также влияние неоднократных переоценок основных фондов (например, в 2011–2012 гг.), что затрудняет корректное сопоставление временных рядов за достаточно продолжительный период. Росстат приводит также данные о степени износа основных фондов, которая рассчитывается как частное от деления разницы между полной учетной стоимостью и оста-

⁶¹⁹ Хрусталева Е. Ю., Славянов А. С. Трудовая миграция и проблема инновационного развития // Проблемы прогнозирования. 2014. № 1.

⁶²⁰ Кульков В. М., Теняков И. М. К вопросу о координатах инновационных сопоставлений // Экономист. 2013. № 9.

точной стоимостью основных фондов на полную учетную стоимость основных фондов.

Если, по данным Росстата, в 2012 г. основные фонды в экономике России составляли 143,1 % от уровня 1990 г., т. е. увеличились почти в полтора раза, то с учетом степени износа ситуация существенно меняется: скорректированная оценка показывает рост лишь на 16,21 % по сравнению с уровнем 1990 г., причем 8 процентных пунктов из 16,21 пришлось на 2011–2012 гг., что требует дополнительного исследования сопоставимости данных Росстата за последние годы в связи с переоценками основных фондов. Степень износа основных фондов на протяжении посткризисного периода продолжала расти: по данным Росстата, она составила 45,3 % в 2009 г., 47,7 % в 2012 г. и 48,7% в 2016 г.⁶²¹ По отдельным видам экономической деятельности ситуация разнится. Согласно данным по коммерческим организациям, приводимым Росстатом, в 2014 г. износ основных фондов в производстве машин и оборудования составил 44,5 %, в производстве электрооборудования, электронного и оптического оборудования 45,3 %, в производстве транспортных средств и оборудования 48,7%⁶²². Высокая степень износа основных фондов в инвестиционных отраслях (машиностроительный комплекс) ограничивает возможности форсированного увеличения выпуска при использовании существующего оборудования. По оценкам В. В. Ивантера и др., для решения задачи восстановления и поддержания инфраструктуры и основных фондов в рабочем состоянии минимальная величина дополнительных расходов составляет не менее 2 % ВВП в год⁶²³.

Необходима широкомасштабная модернизация производства средств производства, обновление основного капитала, что невозможно осуществить без увеличения инвестиций как в абсолютном, так и в относительном (доля в ВВП) выражении. Ограничения по рабочей силе, складывающиеся в результате действия долгосрочных демографических тенденций, которые не могут быть быстро изме-

⁶²¹ Росстат. Официальный сайт: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/fund/# (Дата обращения: 8.09.2017).

⁶²² Инвестиции в России. 2015: Стат. сб./Росстат. М, 2015, с. 117.

⁶²³ Ивантер В. В., Узяков М. Н., Ксенофонтов М. Ю. и др. Новая экономическая политика – политика экономического роста // Проблемы прогнозирования, 2013, № 6, с. 3.

нены, можно ослабить именно за счет модернизации основного капитала и повышения его качества и производительности. Таким образом, широкомасштабные инвестиции необходимы для выполнения *двойной задачи*: обновления капитала и повышения эффективности ограниченного количества труда на основе роста капиталовооруженности. Отметим, что для перехода к неоиндустриальному типу экономического роста ограничения по рабочей силе могут превратиться из недостатка в преимущество. Неоиндустриальный тип роста основан на всеобщей автоматизации производства (ему предшествует информатизация и «цифровизация» экономики), для которой не требуется массовая рабочая сила, в отличие от зрелого индустриального роста.

В отличие от труда и капитала (основных фондов), ограничения роста экономики России по третьему фактору производства – природным ресурсам – практически отсутствуют. В частности, доля России в мировых разведанных запасах составляет: нефть 10–12 %, уголь 10–11 %, газ 25–30 %, древесина 20–25 %, продуктивные земельные угодья – около 10 %⁶²⁴. По расчетам С.Д. Валентея и Л.И. Нестерова на основе данных Всемирного банка в структуре национального богатства России 40% приходится на природные ресурсы, в то время как в странах ЕС этот показатель составляет только 4%, а по миру в целом 16%⁶²⁵. Реальные ограничения в ресурсной сфере связаны с возможностью эффективного использования ресурсов в национальной экономике, которая зависит от качественных характеристик применяемого капитала и труда. Модернизация и технологическое совершенствование основных фондов позволит дополнительно вовлечь в экономическую деятельность имеющийся природно-ресурсный потенциал.

Помимо ограничений, напрямую связанных с источниками экономического роста – трудом, капиталом, природными ресурсами и технологией, называются также *институциональные факторы* стагнации экономики. Так, Е. Ясин и др. указывают на такие факторы, как недостаточность конкуренции, избыток бюрократического регулирования, плохое качество государственного управления, вы-

⁶²⁴ Там же, с. 4.

⁶²⁵ Национальное богатство и национальный продукт. Монография / под ред. В. Н. Черковца. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова; Рыбинск, Офис 2000, 2010, с. 87–88.

сокие издержки ведения бизнеса и др.⁶²⁶ В. Мау подчеркивает низкую эффективность рынков, препятствующих перетоку труда и капитала в наиболее эффективные секторы, недостаточный уровень конкуренции, связанный с наличием чрезмерного нерыночного или монопольного сектора экономики, а также слишком большого, по мнению В. Мау, госсектора⁶²⁷. По мнению В. Мау, необходимо качественное обновление институтов, проведение коренной реформы социального государства, которая предполагает, в частности, приватизацию социальных услуг при возрастании роли частных расходов на развитие человеческого капитала⁶²⁸. Необходимость институциональных изменений, включающих реформы общественного сектора – образования и здравоохранения – называются также в статье Е. Ясина и др.⁶²⁹

Данная трактовка институциональных факторов стагнации экономики представляется крайне односторонней. С позиции системно-воспроизводственного подхода и с учетом анализа всего периода развития постсоветской России можно сделать вывод, что главный институциональный фактор, тормозящий национальное экономическое развитие, заключен в самой системе институтов сложившейся еще в 1990-е гг. и лишь отчасти скорректированной в 2000-е гг. экономической модели России с высокой ролью оффшорной собственности и противоречием между целями национального экономического развития и интересами частного капитала. Главные институциональные реформы, на наш взгляд, должны заключаться в изменении содержания экономической модели России, переходе к национально-ориентированному пути развития, деоффшоризации собственности. В этом смысле институциональные (а шире – социально-экономические) преобразования действительно являются решающим фактором, способным изменить модель воспроизводства экономики России и преодолеть системную дезинтеграцию национального воспроизводства. Замедление роста российской экономики с 2012

⁶²⁶ Ясин Е., Акиндинова Н., Якобсон Л. и др. Состоится ли новая модель экономического роста в России // Вопросы экономики, 2013, № 5, С. 15.

⁶²⁷ Мау В. В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие России в 2013 г. // Вопросы экономики, 2014, № 2, с. 20.

⁶²⁸ Там же, с. 28.

⁶²⁹ Ясин Е., Акиндинова Н., Якобсон Л. и др. Состоится ли новая модель экономического роста в России // Вопросы экономики, 2013, № 5, с. 19–21.

г., перешедшее в рецессию в 2015 – 2016 гг., - закономерный итог исчерпания потенциала сложившейся в 2000-е гг. экспортно-сырьевой, внешнеориентированной, инерционной модели экономического роста России, дополненного эффектом от внешних шоков. Восстановление устойчивого экономического роста возможно при смене модели – переходе от экспортно-сырьевой к экспортно-индустриальной модели, от преимущественно внешнеориентированной к преимущественно внутреннеориентированной модели, от инерционной, зависящей от притока иностранного капитала и бюджетных расходов, формирующихся за счет доходов от сырьевого экспорта, к инновационной модели, основанной на внутренних источниках формирования денежного предложения и инвестиций.

Анализ проводимой в России экономической политики, а также оценка необходимых мер политики экономического роста для перехода к новой модели роста будет дана в шестой главе. Подводя итоги сложившейся в России в 2000-е гг. модели экономического роста, дадим характеристику качества роста российской экономики.

5.5. Качество экономического роста в России⁶³⁰

Оценка качества экономического роста в России дается с нескольких позиций.

С позиций структурного подхода качество экономического роста в России можно оценить, сопоставляя структурные параметры экономического роста. Со стороны совокупного спроса это, прежде всего, соотношение между динамикой внутреннего и внешнего спроса. Так, ускоренный рост внешнего спроса снижает качество роста, поскольку ставит экономический рост в зависимость от факторов внешнеэкономической конъюнктуры. Напротив, при сравнительно более быстром росте внутреннего спроса качество роста растет, поскольку экономический рост в этом случае опирается на внутренние источники, менее зависимые от внешних шоков. Более детальный анализ предполагает выявление в структуре внешнего

⁶³⁰ Материал раздела 5.5 основывается на работах: Теняков И.М. Современный экономический рост: источники, факторы, качество: Монография. – М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2015, сс. 135 – 140; Теняков И.М. Подходы к оценке качества экономического роста // Вопросы политической экономии, 2016, № 4.

спроса высокотехнологичного и низкотехнологичного экспорта. Хрусталева Е.Ю. и Славянов А.С. отмечают, что антироссийские санкции и падение цен на нефть практически не повлияли на инновационную активность отечественного наукоемкого сектора экономики, предприятия которого значительно увеличили свои продажи на мировых рынках. В 2015 г. по сравнению с 2014 г. экспорт машин и оборудования вырос на 16,7%, при этом рост экспорта легковых автомобилей в натуральном выражении составил 69,7%⁶³¹. Однако рассматриваемый Хрусталева Е.Ю. и Славяновым А.С. временной интервал недостаточно продолжительный, чтобы можно было делать содержательные выводы о повышении качества роста.

Оценим структурное качество роста со стороны совокупного спроса при помощи коэффициента, показывающего отношение темпов роста внутреннего спроса к темпам роста внешнего спроса (экспорта). Темпы роста взяты вместо темпов прироста, чтобы элиминировать влияние знака при сопоставлении растущих и снижающихся показателей. Иначе говоря, коэффициент структурного качества экономического роста по спросу описывается выражением:

$$k_{str}^{AD} = \frac{1+g_h}{1+g_f} \quad (83),$$

где g_h – темп прироста внутреннего спроса, g_f – темп прироста внешнего спроса.

В Таблице 26 представлен расчет данного коэффициента. Отметим, что качество роста по спросу увеличивалось в течение нескольких лет до кризиса 2009 г. (коэффициент $k_{str}^{AD} > 1$), причем поступательно (значение коэффициента превышало единицу и устойчиво росло в период 2005 – 2008 гг.). В 2015 – 2016 гг. структурное качество экономической динамики по спросу снизилось: как было выявлено выше, в период рецессии внутренний спрос упал, в то время как экспорт еще продолжал давать положительный вклад в прирост ВВП. Тем не менее, данный коэффициент, отражая соотношение внутреннего и внешнего спроса, не яв-

⁶³¹ Хрусталева Е.Ю., Славянов А.С. Инновационно-ориентированная методология оценки состояния и возможностей роста национальной экономической системы // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета, 2016, № 115 (01), с. 13.

ляется достаточным при оценке структурного качества роста, поскольку не учитывает факторы, определяющие динамику каждой компоненты.

Таблица 26. Показатели структурного качества экономического роста России со стороны совокупного спроса.

Показатели	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Темп роста внутреннего спроса, в % к предыдущему году	106,3	107,6	107,6	109,2	110,8	107,4	90,9
Темп роста внешнего спроса, в % к предыдущему году	112,6	111,8	106,5	107,3	106,3	100,6	95,3
Коэффициент структурного качества роста по совокупному спросу	0,94	0,96	1,01	1,02	1,04	1,07	0,95
Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Темп роста внутреннего спроса, в % к предыдущему году	104,1	105,5	104,94	100,98	101,10	95,21	97,90
Темп роста внешнего спроса, в % к предыдущему году	107,0	100,3	101,36	104,56	100,51	103,70	103,13
Коэффициент структурного качества роста по совокупному спросу	0,97	1,05	1,04	0,97	1,01	0,92	0,95

Источник: рассчитано автором по данным Росстата: <http://www.gks.ru>

Со стороны совокупного предложения структурное качество экономического роста также может оцениваться различным образом: сопоставлением динамики ВДС, создаваемой в первичном секторе, с динамикой ВДС, создаваемой в высокотехнологичных секторах; сравнением динамики реального и финансового секторов экономики и т.д. Оценим структурное качество экономического роста в России, сопоставив темпы роста трансформационного и транзакционного секторов. К *трансформационному (реальному) сектору* отнесем виды деятельности, создающие непосредственно полезные товары и услуги как в материальном, так и в нематериальном производстве, а также формирующие запас человеческого капитала и содействующие укреплению национальной безопасности (без обеспечения которой невозможно устойчивое суверенное национальное развитие в будущем). С учетом существующей статистической классификации видов экономической деятельности, к трансформационному сектору следует отнести: сельское хозяйство, охоту, лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство, добычу полезных ископаемых, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, обрабатывающие производства, строительство, транспорт и связь, образование, здравоохранение, а также государственное управление и обеспечение военной безопас-

ности (последнее – с оговорками, поскольку оно включает достаточно существенную трансакционную составляющую, вычленив которую, однако, на основе данных статистики не представляется возможным).

Трансакционный (спекулятивный) сектор в таком случае включит виды деятельности, связанные с оказанием услуг, обеспечивающих доведение до потребителя продукции трансформационного сектора, а также разного рода перераспределительную деятельность. Строго говоря, данный сектор представляет собой чистые издержки обращения, без которых, однако, современная рыночная экономика не может существовать. Поэтому высокое качество роста означает не уничтожение, а минимизацию вклада трансакционного сектора. Напротив, низкое качество роста соответствует его разбуханию и доминированию над трансформационным сектором. К трансакционному сектору можно отнести, прежде всего, финансовую деятельность, а также операции с недвижимостью, аренду и отчасти оптовую и розничную торговлю (в той части, в какой данный вид деятельности становится избыточно разбухшим, что, однако, невозможно вычленив напрямую по данным статистики).

Следует подчеркнуть близость приведенного выше определения трансакционного сектора к классификации, разработанной Дж. Уоллисом и Д. Нортом при оценке трансакционного сектора в экономике США⁶³². Так, Дж. Уоллис и Д. Норт отнесли к трансакционному сектору следующие отрасли: операции с недвижимостью (риэлторская деятельность) и финансовые услуги, банковское дело и страхование, юридические фирмы (по оформлению, координации и контролю контрактов), оптовая и розничная торговля (с некоторыми оговорками). Правительственные функции Дж. Уоллис и Д. Норт также отнесли к трансакционному сектору лишь частично.

Коэффициент структурного качества экономического роста по предложению описывается выражением:

⁶³² Wallis J., North D. Measuring the transaction sector in the American economy, 1870 – 1970 // Long-Term Factors in American Economic Growth. Ed. By S.L. Engerman and R.E. Gallman. Chicago: University of Chicago Press, 1986. P. 95 – 148.

$$k_{str}^{AS} = \frac{1+g_{real}}{1+g_{spec}} \quad (84),$$

где g_{real} – темп прироста трансформационного (реального) сектора, g_{spec} – темп прироста транзакционного (спекулятивного) сектора.

Кроме коэффициента, показывающего соотношение динамики трансформационного и транзакционного секторов, более частный показатель качества роста по предложению (в реальном секторе) может быть представлен в виде коэффициента структурного качества роста реального сектора, показывающего соотношение темпов роста ВДС в обрабатывающей промышленности с общим темпом роста трансформационного сектора:

$$k_{str}^{ASreal} = \frac{1+g_m}{1+g_{real}} \quad (85),$$

где g_m – темп прироста ВДС в обрабатывающих производствах, g_{real} – темп прироста трансформационного (реального) сектора.

Таблица 27. Показатели структурного качества экономического роста России со стороны совокупного предложения.

Показатели	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Темп роста трансформационного сектора, в % к предыдущему году	105,7	107,0	102,7	104,6	104,1	102,1	92,1
Темп роста транзакционного сектора, в % к предыдущему году	110,2	105,8	111,6	113,8	116,2	110,6	95,2
Темп роста ВДС в обрабатывающих производствах, в % к предыдущему году	108,8	108,1	104,4	106,6	107,5	97,9	85,4
Коэффициент структурного качества роста по совокупному предложению в целом	0,96	1,01	0,92	0,92	0,90	0,92	0,97
Коэффициент структурного качества роста реального сектора	1,03	1,01	1,02	1,02	1,03	0,96	0,93
Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Темп роста трансформационного сектора, в % к предыдущему году	103,7	104,6	102,9	100,3	100,4	99,2	100,1
Темп роста транзакционного сектора, в % к предыдущему году	105,2	103,0	104,9	104,1	101,6	95,3	99,2
Темп роста ВДС в обрабатывающих производствах, в % к предыдущему году	108,6	106,3	104,6	100,7	100,8	95,4	101,1
Коэффициент структурного качества роста по совокупному предложению в целом	0,99	1,02	0,98	0,96	0,99	1,04	1,01
Коэффициент структурного качества роста реального сектора	1,05	1,02	1,02	1,00	1,00	0,96	1,01

Источник: рассчитано автором по данным Росстата: <http://www.gks.ru>

В Таблице 27 представлены расчеты данных коэффициентов. Качество роста по совокупному предложению в целом оставалось низким на протяжении всего рассматриваемого периода. Его повышение в 2010 – 2011 гг. было связано с особенностями восстановительного роста того периода, который происходил на основе преимущественно реального сектора. Отметим, что в период рецессии 2015 – 2016 гг. коэффициент качества по предложению превысил единицу, что свидетельствует об улучшении структурного качества роста. Как было отмечено выше, в указанный период произошло существенное падение оптовой и розничной торговли, что и отразилось на показателях динамики трансакционного сектора и значении коэффициента. Внутри трансформационного сектора наблюдался в целом более быстрый рост ВДС обрабатывающих производств по сравнению с ВДС всего сектора, что нашло отражение в значениях коэффициента структурного качества роста реального сектора: за исключением 2008 – 2009 и 2015 гг. он был либо выше, либо равен единице. При этом после его резкого повышения в 2010 г. в дальнейшем наблюдалась тенденция устойчивого сокращения данного коэффициента до минимума в 2015 г., после которого в 2016 г. снова был зафиксирован его рост. Однако делать выводы о повышении качества роста в реальном секторе на основе данных только за 2016 г. пока преждевременно.

В целом за период 2003 – 2011 гг. по расчетам на основе данных Росстата ВДС в реальном выражении выросла к соответствующему показателю 2002 г. в трансформационном секторе на 29%, в трансакционном секторе – на 96,3%, в обрабатывающих производствах – на 35,7%. Соответственно, коэффициент структурного качества роста по предложению в целом за рассматриваемый период составил 0,66, а коэффициент структурного качества роста реального сектора – соответственно 1,05. За период 2012 – 2016 гг. по отношению к 2011 г. не произошло практически никаких приращений: так, накопленный прирост ВДС в трансформационном секторе составил 2,9%, в трансакционном секторе – соответственно 4,9%, а в обрабатывающих производствах 2,4%. Оба структурных коэффициента качества близки к единице: соответствующие значения составляют 0,98 и 0,99. Сравнивать показатели 2012 – 2016 гг. с более ранними некорректно, поскольку с

2012 г. Росстат перешел на измерение ВДС в постоянных ценах 2011 г., в то время как ранее использовались в качестве базовых цены 2008 г.

Перейдем теперь к оценке социальной составляющей качества экономического роста в России. Прежде всего, отметим рост доли валовой прибыли и снижение доли заработной платы наемных работников в ВВП, наблюдаемое в последние годы. Однако эти изменения в значительной степени являются результатом изменений в статистической методологии. Так, в 2011 г. по данным Росстата до внедрения нововведений в практику статистики доля заработной платы в ВВП составляла 49,6%, а доля валовой прибыли – 31,1%. После изменений в статистической методологии показатели за 2011 г. существенно изменились: доля заработной платы снизилась до 43,9%, а доля валовой прибыли – выросла до 41,5%. На это обстоятельство указывает и Р. Капелюшников, критикуя тезис об усилении неравенства в доходах между капиталом и трудом в последние годы. Ссылаясь на исследование М. Рогнайла⁶³³, он пишет, что «рост доли капитала в ВВП произошел *полностью* за счет увеличения доходов от «жилищного» капитала, тогда как доля доходов от «бизнес»-капитала снизилась. По методологии СНС, владельцам жилья вменяется доход, как если бы они арендовали его у самих себя. Из-за непрерывного роста стоимости жилья этот вмененный доход также быстро увеличивался. По расчетам М. Рогнайла, приводимых Р. Капелюшниковым, доля «жилищного» капитала в чистой добавленной стоимости частного сектора стран «большой семерки» повысилась примерно с 3% в конце 1940-х годов до 9% в настоящее время, в то время как доля «бизнес»-капитала снизилась примерно с 23 до 20%»⁶³⁴. И хотя с критикой Р. Капелюшниковым тезиса о растущем неравенстве в мире не во всем можно согласиться, но в данном случае аргументы, подтверждающие во многом статистическую природу повышения доли капитала в ВВП, являются вполне обоснованными.

Таким образом, с учетом поправки на изменение статистической методологии, на протяжении постсоветского периода в структуре ВВП по доходам можно отме-

⁶³³ Rognile M. Deciphering the fall and rise in the net capital share: Accumulation or scarcity? // *Brookings Papers on Economic Activity*, Spring, 2015, pp. 1—54.

⁶³⁴ Р. Капелюшников. Неравенство: как не примитивизировать проблему // *Вопросы экономики*, 2017, № 4, с. 132.

тить слабо выраженную тенденцию к повышению доли заработной платы с 40-42% в начале 2000-х гг. до 48 – 50% в настоящее время. Доля валовой прибыли в этом случае несколько сократилась с 40-42% в начале 2000-х гг. до примерно 33% в настоящее время. Чистые налоги на производство и импорт являются наименее стабильным компонентом ВВП по доходам, колеблясь от 15 до 20%. Для проведения более корректных сопоставлений необходимо пересчитать весь предыдущий ряд данных по новой методологии, однако в настоящее время такие расчеты Росстатом не проведены.

Таблица 28. Показатели социального качества экономического роста в России.

Год	Темпы прироста реального ВВП, в %.	Темпы прироста реальных располагаемых доходов населения, в %.	Население с доходами ниже прожиточного минимума, в % от общей численности населения	Соотношение среднедушевых доходов населения с величиной прожиточного минимума, разы	Коэффициент фондов	Коэффициент Джини
1999	6,4	-12	28,4	1,83	14,1	0,400
2000	10,0	12	29,0	1,885	13,9	0,395
2001	5,1	9	27,5	2,041	13,9	0,397
2002	4,7	11	24,6	2,183	14,0	0,397
2003	7,3	15	20,3	2,447	14,5	0,403
2004	7,2	10	17,6	2,693	15,2	0,409
2005	6,4	12	17,8	2,68	15,2	0,409
2006	8,2	13	15,2	2,968	15,9	0,415
2007	8,5	12	13,3	3,26	16,7	0,422
2008	5,2	2,4	13,4	3,236	16,6	0,421
2009	-7,8	3,0	13,0	3,279	16,6	0,421
2010	4,5	5,9	12,5	3,333	16,6	0,421
2011	4,3	0,5	12,7	3,263	16,2	0,417
2012	3,5	4,6	10,7	3,567	16,4	0,420
2013	1,3	4,0	10,8	3,549	16,3	0,419
2014	0,7	-0,7	11,2	3,449	16,0	0,416
2015	-2,8	-3,2	13,3	3,141	15,7	0,413
2016	-0,2	-5,9	13,5	3,128	15,7	0,414

Источники: Росстат: <http://www.gks.ru>; Социальное положение и уровень жизни населения России. 2003, с. 108; Социальное положение и уровень жизни населения России. 2008, с. 104; Социальное положение и уровень жизни населения России. 2014, с. 88; расчеты автора.

В связи с недостаточной репрезентативностью данных о структуре ВВП по доходам для оценки социального качества экономического роста в России анализируем данные о динамике реальных доходов населения, доли населения с

доходами ниже прожиточного минимума в сопоставлении с динамикой реального ВВП (Таблица 28).

Социальные результаты экономического роста в постсоветский период оказываются неоднозначными. Если период роста 2000-х гг. характеризовался, с одной стороны, ускоренным ростом располагаемых доходов населения по сравнению с динамикой ВВП и сокращением как численности, так и доли населения с доходами ниже прожиточного минимума, а с другой стороны, повышением социального неравенства (рост коэффициентов фондов и Джини), то на этапе «новой нормальности», наблюдающемся в стране с 2011 г. по настоящее время, произошло ухудшение социальных показателей воспроизводства. Так, в отличие от кризиса 2009 г., когда удалось избежать падения реальных располагаемых доходов населения, в 2014 – 2016 гг. имел место спад указанного показателя, причем более глубокий по сравнению с падением ВВП. Был зафиксирован рост доли населения с доходами ниже прожиточного минимума и сокращение среднедушевых доходов населения по отношению к величине прожиточного минимума, что также является негативным социальным результатом сложившейся модели экономического роста и подтверждает исчерпание сырьевой модели роста в ее социальных аспектах.

Стоимостные показатели доходов и расходов населения не отражают всех факторов благосостояния. Так, если рассматривать структуру потребления продуктов питания в натуральном выражении, то она также оказывается противоречивой. По данным обследования бюджетов домашних хозяйств в 2008 г., показатели потребления важнейших продуктов питания (молоко, яйца, сахар) были ниже, чем в 1980 г., хотя показатели по другим продуктам (мясо, рыба, фрукты) – выше⁶³⁵. Однако если оценивать калорийность потребленных продуктов питания в среднем на члена домохозяйства в сутки, то в 2008 г. она составляла 2550 ккал / сутки, что ниже показателя 1980 г. (2964,42 ккал / сутки)⁶³⁶. Отметим также увеличение разрыва в структуре потребления между 10-процентной группой с наивысшими доходами и 10-процентной группой с наименьшими доходами. Так,

⁶³⁵ Айзинова И. М. Экономика недопотребления // Проблемы прогнозирования, 2011, № 2, с. 67.

⁶³⁶ Там же, с. 68.

доля расходов на покупку непродовольственных товаров в 10-процентной группе с наивысшими доходами выросла с 40,9 % в 2000 г. до 49 % в 2008 г., в то время как в группе с наименьшими доходами указанный показатель увеличился лишь с 10,4 % до 13,6 % соответственно⁶³⁷.

Помимо динамики и распределения доходов населения, социальная результативность экономического роста может быть охарактеризована рядом не доходных показателей. Наиболее известный показатель – индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), учитывающий, наряду с показателем ВВП на душу населения, также уровень образования и ожидаемую продолжительность жизни при рождении. На протяжении 2000-х гг., а также в посткризисный период ИРЧП России увеличивался, однако отставание от ряда развитых стран по этому показателю все еще сохраняется. Россия по ИРЧП относится ко второй группе – стран с высоким уровнем человеческого развития. Отметим также, что положительное значение естественного прироста населения с 2013 г. пока еще не обозначило устойчивую тенденцию, чтобы можно было сделать вывод о преодолении угрозы депопуляции населения.

Особое внимание следует обратить на состояние жилищно-коммунальной инфраструктуры. Высокие темпы роста ВВП в 2000-е гг. сочетались с повышением удельного веса ветхого и аварийного жилья, а также нуждающихся в замене водопроводной, канализационной и отопительной сетей. Данная тенденция прослеживается и в период после кризиса 2009 г. Рост российской экономики не сопровождался соответствующим обновлением инфраструктуры жилищно-коммунального хозяйства, что негативно сказывается на социальном качестве этого роста. Так, износ основных фондов в сфере ЖКХ превысил 60 %, в том числе: котельных 55 %, коммунальных электросетей 58 %, канализации и теплосетей 63 %. Около 30 % этих объектов полностью отслужили нормативные сроки. 40 % жилого фонда России нуждается в капитальном ремонте⁶³⁸. Решение жилищной

⁶³⁷ Айзинова И. М. Экономика недопотребления // Проблемы прогнозирования, 2011, № 3, с. 79.

⁶³⁸ Порфирьев Б. Н. Оценка и прогноз техногенных рисков долгосрочного экономического роста в России // Проблемы прогнозирования, 2013, № 4, с. 28.

проблемы во всей ее многоаспектности по-прежнему остается одним из вызовов, стоящих перед российской экономикой.

В целом социальная результативность роста в период «новой нормальности» снизилась. Рост реальных располагаемых доходов населения замедлился, уровень неравенства остается высоким, позитивные демографические тенденции пока еще не приняли устойчивого характера, а в сфере жилищно-коммунального хозяйства проблема износа инфраструктуры остается крайне острой. Последний аспект социальной результативности экономического роста предъявляет повышенные требования к величине и структуре инвестиций – требуется масштабное инвестирование в инфраструктуру не только для обеспечения модернизации промышленности и перехода к неоиндустриальному типу роста, но и для повышения социального качества роста. Сложившаяся в 2000-е гг. модель экономического роста не обеспечивала высокое качество роста даже в период своей максимальной продуктивности, а на этапе исчерпания потенциала данной модели произошло снижение качества роста, особенно в его социальных аспектах.

Глава 6. Политика экономического роста: содержание и российская реализация

6.1. Политика экономического роста: цели, инструменты, мировой опыт.

Политика экономического роста – государственная экономическая политика, направленная на формирование благоприятных условий и факторов экономического роста и повышение качества роста. Цель политики экономического роста заключается в стимулировании позитивных факторов экономического роста и устранении негативных факторов, препятствующих экономическому росту при помощи многообразных мер как прямого, так и косвенного воздействия. Политика экономического роста носит системный характер и не может быть сведена к отдельным видам государственной экономической политики (структурная политика, промышленная политика, инновационная политика, политика институциональных изменений и т.п.). Политика экономического роста как система мер включает в себя прогнозирование, программирование и стратегическое планирование национальной экономики, использование инструментов и механизмов структурной, промышленной, инновационной политики, политики в области образования и здравоохранения, а также подчинение им бюджетно-налоговой, кредитно-денежной политики и институциональных преобразований. В соответствии с поставленной целью, вызовами мирового и национального экономического развития, сложившейся исторической траекторией и перспективами развития национальной экономики, приоритет отдается инструментам структурной, инновационной политики, институциональным реформам или традиционным механизмам денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики.

Основными характеристиками политики экономического роста могут быть названы следующие:

- прогнозирование тенденций развития мировой и национальной экономики, программирование и стратегическое планирование основных направлений развития, «полюсов конкуренции» национальной экономики;

- воздействие государства на условия и процессы воспроизводства, в том числе посредством активной структурной, промышленной и инновационной политики;

- осуществление структурной перестройки национальной экономики путем концентрации усилий на перспективных направлениях, аккумулирующих передовые достижения НТП;

- всестороннее стимулирование инвестиций, в том числе через прямое участие государства в капиталовложениях, предоставление гарантий частным инвесторам, в поддержке основных направлений НИОКР, стимулировании «полюсов роста» национальной экономики;

- поддержка национальной конкурентоспособности;

- меры, направленные на формирование качественного человеческого капитала, соответствующего задачам НТП; стимулирование положительных демографических тенденций, регулирование рынка труда, в том числе через развитие национальной системы переподготовки кадров;

- меры, направленные на повышение производительности труда;

- меры социальной политики, направленные на снижение чрезмерной поляризации доходов, сокращение уровня бедности;

- меры региональной политики, направленные на устранение чрезмерных региональных диспропорций, а также стимулирование «территорий опережающего развития» и других региональных «полюсов роста»;

- меры по стимулированию совокупного спроса, совокупного предложения и их отдельных компонент;

- меры, направленные на обеспечение национальной экономической безопасности, защиту от внешних шоков и неблагоприятных факторов внешней среды (в том числе – со стороны внешнего мира).

Таким образом, политика экономического роста использует как прямые, так и косвенные инструменты воздействия на экономику. К прямым инструментам относятся государственные закупки, трансферты, налоги, параметры денежного предложения, процентные ставки и условия кредитования, госгарантии, лицензии,

квоты, экспортные и импортные ограничения и т.п. К косвенным инструментам относится, прежде всего, формирование благоприятной институциональной среды, в том числе, посредством законодательства, проектирования институтов развития, создания общих «правил поведения» для хозяйствующих субъектов, выстраивания системы стандартов, определения единых критериев для передовых инновационных проектов, «полюсов роста» и т.д., а также меры по снижению трансакционных издержек в экономике в целом, в частности, меры, направленные на борьбу с коррупцией, повышение прозрачности функционирования органов государственной власти, судебной системы и т.п.

Эффективность политики экономического роста зависит от соотношения прямых и косвенных инструментов в ходе ее реализации. Прямые и косвенные инструменты политики экономического роста должны дополнять друг друга, а возникающие в ходе их применения противоречия, - своевременно устраняться. Косвенные инструменты влияют на формирование общей траектории национального экономического роста и развития, прямые инструменты используются для уточнения конкретных параметров развития, стимулирования отдельных факторов роста, преодоления «узких мест», возникающих в процессе экономического роста, нивелирования внешних шоков и других неблагоприятных воздействий (в том числе со стороны мировой экономики – в качестве примера можно привести санкции западных стран в отношении России).

Все развитые страны в той или иной степени проводят политику экономического роста, стремятся повысить национальную конкурентоспособность, стимулируя развитие «прорывных» направлений НТП. Соотношение прямых и косвенных инструментов в ходе реализации политики экономического роста различно в зависимости от этапа экономического развития страны и системно-исторического типа экономического роста.

Для раннеиндустриального типа экономического роста политика экономического роста преимущественно сводилась к промышленной политике. В экономической мысли одним из первых теоретиков промышленной политики был Ф. Лист. В первой главе, при характеристике подхода Ф. Листа к экономическому

развитию, отмечалась критика Ф. Листом теории сравнительных преимуществ Д. Рикардо. Как отмечает Г.Г. Попов, рекомендации Ф. Листа по проведению промышленной политики и использования разумного протекционизма реализовывались в странах, ставших на путь индустриального развития позже Англии⁶³⁹. В Германии, Японии, а также в США практическая политика в ходе развертывания раннеиндустриального типа экономического роста проводилась «по Листу», а не «по Смиуту». С.А. Толкачев отмечает, что многие идеи Ф. Листа остаются актуальными и сегодня для стран, имеющих недостаточно развитую промышленность, но стремящихся быстро вписаться в мировую экономическую систему, поскольку рынок, будучи системой естественного отбора, предполагает, что сильные экономические субъекты закрепляют свои конкурентные преимущества и начинают доминировать, а слабые постепенно теряют свои позиции⁶⁴⁰.

Развертывание зрелого индустриального типа экономического роста совпало с преобладанием кейнсианской школы в экономической мысли. Обосновав необходимость активной государственной макроэкономической политики для преодоления последствий кризисов (прежде всего, Великой депрессии 1930-х гг.), кейнсианская школа в дальнейшем развила идею о необходимости активной государственной политики также для достижения высоких темпов экономического роста. Политика экономического роста включала не только промышленную политику в узком смысле, но и структурную политику, направленную на выравнивание ряда структурных диспропорций в экономике (особенно в развивающихся странах), и основывалась на теоретических разработках Р. Харрода, Р. Нурксе, А. Хиршмана, Х. Зингера, Х. Лейбенштайна и др. (данные концепции были рассмотрены во второй главе при характеристике типов экономического роста). Модель «летающих гусей» К. Акамацу отражала специфику экономического роста в послевоенной Японии, а также в странах ЮВА, на которую повлияла проводившаяся в этих странах политика экономического роста.

⁶³⁹ Попов Г.Г. Национальное экономическое развитие в условиях глобализации: Фридрих Лист vs классическая школа // Экономический вестник Ростовского государственного университета, 2007, т. 5, № 4.

⁶⁴⁰ Промышленная политика в условиях новой индустриализации: Монография / Авт. кол.: Андрианов К.Н. и др.; Под ред. Толкачева С.А. –М, МАКС Пресс, 2015, с. 29.

Характеризуя особенности промышленной политики (как ведущей составляющей политики экономического роста) в новых индустриальных странах (НИС) ЮВА, авторы коллективной монографии отмечают⁶⁴¹, что промышленная политика менялась в зависимости от достигнутого этапа экономического развития. На первом этапе преобладала политика импортозамещения, создания привилегированных условий для отечественных производителей, а в экономике производилась массовая стандартная продукция, требующая использования дешевой рабочей силы. Если узость внутреннего рынка становилась ограничением для роста, то страны переходили к развитию экспортоориентированных производств, что требовало соответствующих изменений в политике экономического роста (поддержка экспортоориентированных отраслей). На первом этапе в экспорте, как правило, преобладали трудоемкие товары, на втором этапе – капиталоемкие и наукоемкие. По мере роста доли сложной продукции в экспорте происходило смягчение протекционистских мер, отказ от прямых инструментов в пользу косвенных, нацеленных на создание условий для повышения конкурентоспособности производства.

Гибкое сочетание прямых и косвенных инструментов политики экономического роста характерно и для современного Китая: «с одной стороны, Китай активно организует диалог с инвесторами, стремится, во всяком случае в декларациях, соблюдать права интеллектуальной собственности, вносит изменения в законодательство в связи со вступлением страны в ВТО. С другой стороны, четко просматривается тенденция к жесткому соблюдению национальных приоритетов и селективной поддержке избранных отраслей и видов деятельности»⁶⁴². Последовательно реализуется политика экономического роста и в Республике Корея. Еще в 1999 г. был разработан проект развития промышленности в крупных городах, позднее распространившийся и на другие регионы страны. Были определены перспективные сектора национальной экономики, которые должны были составить основу промышленности страны на 2020 год. В 2004 г. была разработана новая стратегия промышленного развития, предусматривавшая три этапа модерни-

⁶⁴¹ Там же, с. 78 – 79.

⁶⁴² Там же, с. 86 – 87.

зации экономики (2004 – 2008 гг., 2009 – 2013 гг., 2014 – 2018 гг.) и основывавшаяся на идее инновационного развития. Стратегия включала формирование основ инновационно-ориентированной национальной экономики, сглаживание территориальной дифференциации и поддержку ранее отсталых регионов, переход от количественных к качественным измерениям в развитии крупных городских агломераций с целью достижения гармонизации социально-экономического развития, формирование новой территориальной структуры, развитие новой транспортной системы, строительство сети автодорог, создание инфраструктуры для развития внешнеэкономических связей⁶⁴³.

Становление позднеиндустриального типа экономического роста в ведущих развитых странах сопровождалось изменением в политике экономического роста. В. Полтерович и В. Попов отмечают, что в 1980-е гг. на первый план вышла минималистская точка зрения на роль государства: оно должно обеспечить права собственности, проводить ответственную монетарную политику, предоставлять некий минимум социальных гарантий и частично финансировать инфраструктуру, но при этом отказаться от попыток стимулировать экономический рост с помощью субсидий, льготных кредитов, государственных вложений в производство и т.п. Однако в середине 1990-х гг. доминирующие взгляды снова стали меняться, произошел очередной поворот к усилению государственной регулирующей роли в экономическом развитии⁶⁴⁴. Этому способствовало, в частности, выявление положительных экстерналий в высокотехнологичных отраслях: отдача на вложения в развитие таких отраслей только отчасти присваивается инвесторами; в результате выгоды от таких вложений для всего общества оказываются больше, чем для отдельных фирм⁶⁴⁵. Поэтому общество выигрывает от таких вложений даже тогда, когда фирмам их делать невыгодно – как следствие, необходимо государственное вмешательство, чтобы, гарантируя фирмам определенную прибыльность, не потерять положительного воздействия экстерналий на общество в целом.

⁶⁴³ Абдурасулова Дж. Республика Корея: промышленная политика в условиях глобализации // Мировая экономика и международные отношения, 2009, № 5, сс. 100, 103 – 106.

⁶⁴⁴ Полтерович В., Попов В. Эволюционная теория экономической политики / Вопросы экономики, № 7, 2006, с. 7.

⁶⁴⁵ Там же, с. 7.

Опыт развитых стран (США, Западной Европы, Японии) свидетельствует о продолжении реализации политики экономического роста и в настоящее время. Экономический кризис 2008 – 2009 гг. реанимировал механизмы поддержки реального сектора экономики, в частности, в автомобильной промышленности, энергетике, транспорте, строительстве. Так, поддержка автомобильной отрасли включала предоставление кредитов и субсидий для разработки новых моделей (особенно экологически чистых автомобилей), государственные заказы на закупку транспортных средств, программы выкупа у населения старых автомобилей при приобретении новых машин. В энергетике получила широкое распространение государственная поддержка производства экологически чистых видов энергии. В транспортном секторе были предприняты программы модернизации авиационной промышленности, железнодорожного, морского и речного транспорта. В строительном секторе в рамках антикризисной программы выделялись средства на поддержку покупателей первого жилья, а также на финансирование проектов по ремонту дорог, школ и больниц. Под решение задач стимулирования промышленного роста корректировалась налоговая система. Реализовывались программы по снижению налогов (на прибыль, НДС, взносов в фонд социального страхования) для юридических лиц. Стимулировалась инвестиционная активность при помощи льгот и налоговых вычетов компаниям, осуществляющим целевые инвестиции. Наконец, применялись инструменты стимулирующей денежно-кредитной политики (рост предложения денег, снижение учетной ставки, в отдельных странах – снижение нормы обязательных резервов)⁶⁴⁶.

Развертывание неоиндустриального типа экономического роста в США сопровождается процессом реиндустриализации экономики, восстановлением ведущей роли промышленного сектора в национальной экономике (которая была ослаблена в период господства информационно-индустриального типа роста) на новой технологической основе. Исследователями отмечается, что именно обрабатывающая промышленность порождает эффекты распространения новых знаний

⁶⁴⁶ Промышленная политика в условиях новой индустриализации: Монография / Авт. кол.: Андрианов К.Н. и др.; Под ред. Толкачева С.А. –М, МАКС Пресс, 2015, с. 95 – 101.

на всю остальную экономику (спиловер эффект) и обладает наибольшим мультипликатором расходов среди всех прочих сфер экономики (рост ВВП на 1,5 долл. на каждый вложенный в обрабатывающую промышленность 1 долл.). Подчеркивается, что снижение доли страны в отраслях, основанных на знаниях, оказывает негативный эффект на всю экономику, а перевод производства за границу обычно приводит и к последующему оттоку инноваций⁶⁴⁷.

6.2. Особенности реализации политики экономического роста в постсоветской России.

В России в постсоветский период политика экономического роста на системной основе так и не была реализована.

В 1990-е гг. в ходе ускоренной трансформации социально-экономической системы экономическая политика была нацелена на решение краткосрочных проблем макроэкономической нестабильности (инфляция, дефицит бюджета и рост государственного долга, безработица). Неопределенность прав собственности, возникавшая в ходе проведения приватизации, также не способствовала выстраиванию какой-либо долгосрочной государственной политики экономического роста. Тем не менее, как отмечает Д.В. Мантуров, несмотря на резкое падение государственных расходов на НИОКР, отток квалифицированных специалистов из сферы науки и высокотехнологичных отраслей, правительству все же удалось отчасти смягчить кризисные явления в отечественном научно-техническом комплексе. В 1992 г. были созданы Российский фонд фундаментальных исследований и Российский фонд технологического развития (в 2014 г. распоряжением Председателя Правительства Российской Федерации от 28 августа 2014 г. № 1651 преобразован в Фонд развития промышленности). В 1994 г. были учреждены Фонд содействия развитию малых форм предпринимательства в научно-технической сфере⁶⁴⁸ и Российский гуманитарный научный фонд⁶⁴⁹. В 1994 г. была принята Кон-

⁶⁴⁷ Там же, с. 135 – 136.

⁶⁴⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 3 февраля 1994 г. № 65 «О Фонде содействия развитию малых форм предпринимательства в научно-технической сфере».

цепция государственной промышленной политики России на 1994–1995 гг., однако в ней не были четко прописаны цели промышленного развития и инструменты для достижения целей. В 1995 г. были разработаны «Основные направления промышленной политики Российской Федерации на 1995–1997 годы», где ставились задачи совершенствования системы государственного регулирования в промышленности, рационализации налоговой политики, формирования инфраструктуры товарных рынков, стимулирования инноваций и научно-технологического развития в промышленности и др. Однако предпринимаемые меры не способствовали преодолению спада в промышленности⁶⁵⁰.

В марте 1997 г. была принята новая программа «Структурная перестройка и экономический рост в 1997 – 2000 годах»⁶⁵¹, в которой был сделан акцент на необходимости долгосрочных преобразований и признавалась невозможность перестроить структуру экономики, страдающей от столь глубоких диспропорций, быстрее, чем за 10–15 лет. Однако кризис 1998 г. привел к пересмотру вектора экономической политики, сложившегося в предыдущие годы. В качестве одного из принципов нового экономического курса было провозглашено усиление роли государства в регулировании экономики⁶⁵².

Системного развертывания промышленной политики как важнейшей составляющей политики экономического роста не произошло и в 2000-е гг. Велась полемика по вопросу осуществления «либеральной» либо «дирижистской» модели промышленной политики (данная полемика сохраняется и в настоящее время). Тем не менее, достижение определенных результатов в области макроэкономической стабилизации (снижение инфляции и безработицы, устойчивое снижение государственного долга, формирование профицитного бюджета, налоговая реформа и т.д., а также создание более устойчивых «правил игры», в том числе во

⁶⁴⁹ Постановление Правительства Российской Федерации от 8 сентября 1994 г. № 1023 «О Российском гуманитарном научном фонде».

⁶⁵⁰ Мантуров Д.В. Государственное регулирование в промышленности в течение 25 лет. Часть 1: Промышленность 1990-х гг. // Вопросы государственного и муниципального управления, 2016, № 3, сс. 34 – 37.

⁶⁵¹ Постановление Правительства РФ от 31.03.1997 № 360 «Об утверждении Программы Правительства Российской Федерации «Структурная перестройка и экономический рост в 1997–2000 годах».

⁶⁵² Мантуров Д.В. Государственное регулирование в промышленности в течение 25 лет. Часть 1: Промышленность 1990-х гг. // Вопросы государственного и муниципального управления, 2016, № 3, с. 38.

взаимоотношениях государства и частного бизнеса) дало возможность начать разрабатывать и стратегии долгосрочного развития, подкрепляя их необходимыми инструментами реализации и финансовыми ресурсами (в отличие от периода 1990-х гг.).

Важным документом, хотя и носившим неформальный характер, стала «Стратегия 2010», которая предусматривала ряд конкретных мер, например, регулирование естественных монополий, диверсификацию экспорта, стимулирование обрабатывающего сектора с акцентом на высокотехнологичные производства. Так, в 2002 г. была принята Федеральная целевая программа (ФЦП) «Электронная Россия (2002 – 2010 годы)»⁶⁵³, а в 2003 г. утверждена Энергетическая стратегия России на период до 2020 г.⁶⁵⁴ (в 2009 г. ее сменила Энергетическая стратегия России на период до 2030 г.⁶⁵⁵). Были разработаны и приняты «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу»⁶⁵⁶, в которых «были описаны предпосылки перехода страны к инновационному развитию и необходимые для этого меры поддержки со стороны государства. Отдельные разделы документа были посвящены проблемам формирования национальной инновационной системы, повышения эффективности научной и инновационной деятельности, созданию условий для привлечения частных инвестиций в данную сферу. Документ также содержал перечень приоритетных направлений развития науки и технологий, включающий нанотехнологии, ИКТ, энергетику и энергосбережение, рациональное природопользование, транспорт и пр.»⁶⁵⁷

В 2004 – 2007 гг. одним из основных инструментов проведения промышленной политики стали ФЦП, которые, однако, не были увязаны в единую систему. Одним из важных стратегических документов инновационной политики данного периода стали «Основные направления политики Российской Федерации в обла-

⁶⁵³ Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65 «О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002 - 2010 годы)».

⁶⁵⁴ Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 28 августа 2003 г. N 1234-р.

⁶⁵⁵ Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 13 ноября 2009 г. № 1715-р.

⁶⁵⁶ Утверждены Президентом РФ 30 марта 2002 г. № Пр-576.

⁶⁵⁷ Мантуров Д.В. Государственное регулирование в промышленности в течение 25 лет. Промышленность в 2000 - 2009 гг. // Вопросы государственного и муниципального управления, 2016, № 4, с. 103.

сти развития инновационной системы на период до 2010 г.»⁶⁵⁸, в которых был сделан акцент на косвенных инструментах стимулирования инноваций (создание благоприятной институциональной среды, формирование инновационной инфраструктуры, поддержка коммерциализации результатов инновационной деятельности). В 2006 г. была утверждена «Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года»⁶⁵⁹. В 2006–2007 гг. началось формирование структурных элементов национальной инновационной системы - созданы ОАО «Российская венчурная компания», ОАО «Российский инвестиционный фонд информационно-коммуникационных технологий», ГК «РоснаноТех», ГК «Внешэкономбанк», а также были разработаны отраслевые стратегии в авиационной, судостроительной и автомобилестроительной, фармацевтической, электронной отраслях промышленности. Как отмечает Д.В. Мантуров, «отраслевые стратегии 2000-х гг. по-своему повторили путь концепций и программ 1990-х гг.: в тех случаях, когда за их реализацией не стояли конкретные бенефициары и достаточные финансовые ресурсы, стратегические документы оставались декларативными и не развивались в систему нормативных правовых актов и управленческих решений»⁶⁶⁰. Характеризуя промышленную политику 2000-х гг. в целом, Д.В. Мантуров отмечает три ее недостатка: ложное целеполагание (поддерживающий характер промышленности по отношению к нефтегазовой отрасли вместо системного развития наукоемких отраслей), недостаточную сбалансированность и неэффективное правовое обеспечение⁶⁶¹.

Мировой экономический кризис, развернувшийся в российской экономике в IV квартале 2008 г., привел к смещению приоритетов от долгосрочных программ развития к краткосрочным антикризисным мерам. В Программе антикризисных мер Правительства РФ на 2009 г. (утв. Правительством РФ 19 июня 2009 г.) предусматривались меры по поддержке отраслей промышленности - автомобиле-

⁶⁵⁸ Утверждены Председателем Правительства РФ 5 августа 2005 г. № 2473п-П7.

⁶⁵⁹ Утверждена Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике, протокол от 15 февраля 2006 г. № 1.

⁶⁶⁰ Мантуров Д.В. Государственное регулирование в промышленности в течение 25 лет. Промышленность в 2000 - 2009 гг. // Вопросы государственного и муниципального управления, 2016, № 4, с. 104.

⁶⁶¹ Там же, с. 107.

строения и сельхозмашиностроения, ОПК, транспортного и жилищного комплексов и др. Восстановительный рост российской экономики в 2010 – 2011 гг. в значительной степени обеспечивался за счет обрабатывающей промышленности, как было показано в пятой главе. В этот период продолжалась разработка отраслевых стратегий развития (стратегии развития тяжелого⁶⁶² и сельскохозяйственного⁶⁶³ машиностроения, энергомашиностроения⁶⁶⁴, автомобильной промышленности⁶⁶⁵).

В посткризисный период продолжалось развитие инновационной составляющей политики экономического роста. В 2010 г. был создан инновационный центр «Сколково», принята «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года»⁶⁶⁶. Постановление Правительства РФ от 9 апреля 2010 г. № 218⁶⁶⁷ предусматривало выделение субсидий инновационным промышленным предприятиям по аналогии с «инновационными ваучерами», распространенными в Европе. Однако в целом в 2010 – 2011 гг., как и в докризисный период, отсутствовала системная промышленная политика на уровне государства⁶⁶⁸. С.Д. Бодрунов, Р.С. Гринберг и Д.Е. Сорокин отмечают, что «в новой редакции «Стратегии-2020» нет ни одного упоминания о приоритетных направлениях промышленного развития страны»⁶⁶⁹.

Замедление экономического роста, начавшееся в 2012 г. и перешедшее затем в спад 2015 – 2016 гг. вызвало необходимость поиска новых факторов экономического роста. В Указе Президента РФ от 07.05.2012 г. № 596⁶⁷⁰ содержалось требо-

⁶⁶² Приказ Минпромторга России от 09.12.2010 № 1150 «Об утверждении Стратегии развития тяжелого машиностроения на период до 2020 года».

⁶⁶³ Приказ Минпромторга России от 22.12.2011 № 1810 «Об утверждении стратегии развития сельскохозяйственного машиностроения России на период до 2020 года».

⁶⁶⁴ Приказ Минпромторга России от 22.02.2011 № 206 «Об утверждении Стратегии развития энергомашиностроения Российской Федерации на 2010–2020 годы и на перспективу до 2030 года».

⁶⁶⁵ Приказ Минпромторга России от 23.04.2010 № 319 (ред. от 27.12.2013) «Об утверждении Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации на период до 2020 года».

⁶⁶⁶ Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. N 2227-р.

⁶⁶⁷ Постановление Правительства РФ от 9 апреля 2010 г. N 218 «О мерах государственной поддержки развития кооперации российских образовательных организаций высшего образования, государственных научных учреждений и организаций, реализующих комплексные проекты по созданию высокотехнологичного производства, в рамках подпрограммы "Институциональное развитие научно-исследовательского сектора" государственной программы Российской Федерации "Развитие науки и технологий" на 2013–2020 годы».

⁶⁶⁸ Мантуров Д.В., Никитин Г.С., Осьмаков В.С. Государственное регулирование российской промышленности в 2010-х гг. // Вопросы государственного и муниципального управления, 2017, № 1, с. 55.

⁶⁶⁹ Бодрунов С.Д., Гринберг Р.С., Сорокин Д.Е. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски // Экономическое возрождение России. 2013. № 1. С. 30.

⁶⁷⁰ Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. N 596 "О долгосрочной государственной экономической политике".

вание к Правительству РФ предпринять меры для достижения ряда показателей, характеризующих переход к новой, инновационно-направленной национальной модели экономического роста: создание и модернизация 25 млн. высокотехнологичных рабочих мест к 2020 г., увеличение доли инвестиций до 25% ВВП к 2015 г. и до 27% к 2018 г.; повышение доли продукции наукоемких и высокотехнологичных отраслей в 1,3 раза к 2018 г. по сравнению с 2011 г.; повышение производительности труда к 2018 г. в 1,5 раза по отношению к уровню 2011 г, а также повышение позиции России в рейтинге Всемирного банка по условиям ведения бизнеса со 120-й в 2011 г. до 50-й в 2015 г. и до 20-й в 2018 г. Для стимулирования развития промышленности в 2012 г. была принята программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»⁶⁷¹ (доработанная в 2014 г.)⁶⁷². В 2012 г. также были приняты госпрограммы по развитию авиационной промышленности, судостроения, электронной и радиоэлектронной промышленности, фармацевтической и медицинской промышленности. При этом основным инструментом проводимой промышленной политики являлись бюджетные субсидии, в частности – субсидии на компенсацию части затрат на проведение НИОКР по приоритетным направлениям гражданской промышленности⁶⁷³, субсидии на компенсацию уплаты процентов по кредитам, полученным в российских кредитных организациях⁶⁷⁴.

В июне 2014 г. был принят Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации»⁶⁷⁵, а в декабре 2014 г. – Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации»⁶⁷⁶, в котором «впервые были определены ключевые понятия, цели и задачи, ответственные за реализацию про-

⁶⁷¹ Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2012 N 2539-р «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности».

⁶⁷² Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N 328 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности».

⁶⁷³ Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2013 г. N 1312 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским организациям на компенсацию части затрат на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по приоритетным направлениям гражданской промышленности в рамках реализации такими организациями комплексных инвестиционных проектов».

⁶⁷⁴ Постановление Правительства РФ от 03.01.2014 № 3 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским организациям на компенсацию части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным в российских кредитных организациях в 2014–2016 гг. на реализацию новых комплексных инвестиционных проектов по приоритетным направлениям гражданской промышленности».

⁶⁷⁵ Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

⁶⁷⁶ Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации».

мышленной политики органы власти; систематизированы действующие и введены новые инструменты поддержки отечественной промышленности»⁶⁷⁷. В ходе реализации данного закона в 2014 г. был учрежден Фонд развития промышленности для оказания поддержки предприятиям путем предоставления льготных кредитов и займов под конкретные проекты, а также разработан механизм специальных инвестиционных контрактов, предполагающий предоставление инвесторам в российское производство налоговых льгот и преференций на длительный период времени.

Тем не менее, по мнению ряда исследователей и экспертов, указанные законы имеют ряд серьезных недостатков. Так, в Федеральном законе № 488-ФЗ нет четкого представления о месте и роли промышленной политики в экономическом развитии страны. В нем отмечается необходимость формирования экономико-политической среды, создающей равные конкурентные условия для всех промышленных отраслей экономики, но промышленная политика – напротив, предполагает выбор приоритетов, определение приоритетных отраслей и секторов экономики, т.е. заведомо *неравные* условия развития различных отраслей промышленности с целью стимулирования прогрессивного развития национальной экономики⁶⁷⁸. Как отмечает Мухетдинова Н.М., модель стратегического планирования, предлагаемая Федеральным законом № 172-ФЗ, далека от совершенства. Акцент в ней сделан на программном подходе, предполагающем координацию системы документов по планированию, разрабатываемых на всех уровнях управления⁶⁷⁹. По мнению С.Ю. Глазьева, документы стратегического планирования должны включать индикативный план социально-экономического развития на трехлетний период, в котором были бы прописаны целевые показатели и система мер по их достижению⁶⁸⁰.

⁶⁷⁷ Мантуров Д.В., Никитин Г.С., Осьмаков В.С. Государственное регулирование российской промышленности в 2010-х гг. // Вопросы государственного и муниципального управления, 2017, № 1, с. 58.

⁶⁷⁸ Промышленная политика в условиях новой индустриализации: Монография / Авт. кол.: Андрианов К.Н. и др.; Под ред. Толкачева С.А. –М, МАКС Пресс, 2015, сс. 209 – 210.

⁶⁷⁹ Мухетдинова Н.М. О законодательном обеспечении формирования современной системы стратегического планирования в России // Финансы: теория и практика, 2014, № 2 (80), с. 100.

⁶⁸⁰ Глазьев С.Ю. Снова к альтернативной системе мер государственной политики модернизации и развития отечественной экономики (предложения на 2013 год) // Российский экономический журнал, 2013, № 3, с. 8.

Следует отметить, что в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации⁶⁸¹ в качестве стратегических национальных приоритетов определен в том числе «экономический рост». Главными стратегическими угрозами национальной безопасности в области экономики называются: ее низкая конкурентоспособность, сохранение экспортно-сырьевой модели развития и высокая зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры, отставание в разработке и внедрении перспективных технологий, незащищенность национальной финансовой системы от действий нерезидентов и спекулятивного иностранного капитала, уязвимость ее информационной инфраструктуры, несбалансированность национальной бюджетной системы, регистрация прав собственности в отношении значительной части организаций в иностранных юрисдикциях, ухудшение состояния и истощение сырьевой базы, сокращение добычи и запасов стратегически важных полезных ископаемых, прогрессирующая трудонедостаточность, сохранение значительной доли теневой экономики, условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений, незаконной миграции, неравномерное развитие регионов, снижение устойчивости национальной системы расселения. В качестве противодействия угрозам национальной экономической безопасности называются, в частности: стимулирование темпов роста экономики, превышающих аналогичные показатели развитых государств, поддержка реального сектора экономики, осуществление рационального импортозамещения, снижение критической зависимости от зарубежных технологий и промышленной продукции, ускоренное развитие агропромышленного комплекса и фармацевтической промышленности, развитие новых высокотехнологичных отраслей, укрепление позиций в области освоения космоса, ядерной энергетики, возвращение лидерства в традиционных промышленных отраслях (тяжелое машиностроение, авиа- и приборостроение), восстановление электронной и легкой промышленности, судостроения, а также системы статистической оценки уровня технологического состояния отраслей экономики, развитие оборонно-промышленного комплекса страны как двигателя модернизации промышленного производства.

⁶⁸¹ Утверждена Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683.

В мае 2017 г. была утверждена «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации до 2030 г.»⁶⁸², в которой в качестве угроз национальной экономической безопасности отмечается в том числе «исчерпание экспортно-сырьевой модели экономического развития, резкое снижение роли традиционных факторов обеспечения экономического роста, связанное с научно-технологическими изменениями», кроме того, указывается на «низкие темпы экономического роста, обусловленные внутренними причинами, в том числе ограниченностью доступа к долгосрочным финансовым ресурсам, недостаточным развитием транспортной и энергетической инфраструктуры», а «обеспечение экономического роста» стоит в перечне целей государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности. В числе направлений государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности указываются, в частности: развитие системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики; обеспечение устойчивого роста реального сектора экономики; создание экономических условий для разработки и внедрения современных технологий, стимулирования инновационного развития; повышение эффективности внешнеэкономического сотрудничества и реализация конкурентных преимуществ экспортно ориентированных секторов экономики; развитие человеческого потенциала. В числе задач по обеспечению устойчивого роста реального сектора экономики, перечисляются, в том числе: комплексная модернизация производственно-технологической базы отраслей реального сектора экономики с учетом требований промышленной и экологической безопасности; обеспечение достаточного (безопасного) уровня технологической независимости национальной экономики, в первую очередь стратегически важных производств; создание и устойчивое развитие перспективных высокотехнологичных секторов экономики; обеспечение устойчивого развития стратегически значимых организаций оборонно-промышленного комплекса; поддержка высокотехнологичного малого и среднего бизнеса; повышение производительности труда, ре-

⁶⁸² Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».

сурсо- и энергоэффективности производственных процессов; а также развитие территориальных кластеров, транспортной и энергетической инфраструктуры. В числе задач по обеспечению инновационного развития указываются: преодоление критической зависимости от импорта высокотехнологичного оборудования; интеграция образования, науки и производственной деятельности; расширение государственной поддержки научно-технической и инновационной деятельности; развитие технологий (в том числе технологий цифровой экономики), обеспечивающих укрепление конкурентных позиций Российской Федерации на глобальных рынках продукции с высокой добавленной стоимостью, включая фотонику, биотехнологии, аддитивные технологии и новые материалы; развитие инструментов финансирования инновационных проектов, включая венчурное финансирование и др.

Реализация «Стратегии экономической безопасности» по направлению экономического роста и развития требует дальнейшего совершенствования системы инструментов и механизмов политики экономического роста, а также ее более четкого институционального оформления. Внешние вызовы («санкции» и др.) и стагнация российской экономики в 2015 – 2016 гг. создали условия для проведения политики импортозамещения (по меньшей мере – в отдельных отраслях и производствах). В конце 2014 г. начали разрабатываться отраслевые планы по импортозамещению в отдельных отраслях промышленности, а в августе 2015 г. была учреждена Правительственная комиссия по импортозамещению⁶⁸³. В целом же, несмотря на некоторое совершенствование механизмов промышленной политики в период после кризиса 2009 г., как подчеркивают Д.В. Мантуров, Никитин Г.С. и Осьмаков В.С., масштаб государственного стимулирования промышленного роста и развития все еще слишком мал для компенсации снижения инвестиционного спроса, обновления основных фондов и устойчивого роста промышленного производства, особенно на фоне множественности декларируемых (и отсутствия реальных) приоритетов. Значительная доля расходов в рамках госпрограмм поддержки промышленности все еще направлена не на модернизацию предприя-

⁶⁸³ Постановление Правительства Российской Федерации от 4 августа 2015 г. N 785.

тий (инвестиционные расходы), а фактически на консервацию их текущего состояния⁶⁸⁴.

Необходимость смены национальной модели экономического роста, ухода от экспортно-сырьевой модели развития, закреплённая в официальных документах («Стратегия национальной безопасности Российской Федерации»), обостряет вопрос о путях дальнейшего осуществления политики экономического роста в зависимости от системных параметров будущей национальной модели экономического роста. В российском научном и экспертном сообществе существуют различные подходы к определению будущей национальной модели экономического роста (и соответственно – будущей политики экономического роста), которые в целом лежат в русле двух направлений – либерального и дирижистского. Кроме того, следует учитывать рекомендации шumpетерианской теории экономического роста, которые являются «центристскими» по отношению к крайним выражениям либерального и дирижистского подходов. Сопоставим данные подходы более подробно.

6.3. Альтернативные направления политики экономического роста в современной России.

Систематизируем основные выводы представителей либерального, шumpетерианского и дирижистского подходов к формированию будущей модели экономического роста в России и соответствующей ей политики роста.

Либеральный подход. Ещё в 2013 г., когда только началось замедление темпов роста в российской экономике, Е. Ясин, Н. Акиндинова, Л. Якобсон и А. Яковлев поставили вопрос о переходе к новой модели экономического роста с либеральных позиций. В качестве главного ограничителя экономического роста они назвали плохую институциональную среду⁶⁸⁵. Отвергая сценарий развития в фор-

⁶⁸⁴ Мантуров Д.В., Никитин Г.С., Осьмаков В.С. Государственное регулирование российской промышленности в 2010-х гг. // Вопросы государственного и муниципального управления, 2017, № 1, с. 61.

⁶⁸⁵ Ясин Е., Акиндинова Н., Якобсон Л., Яковлев А. Состоится ли новая модель экономического роста в России // Вопросы экономики, 2013, № 5, с. 19.

ме «модернизации сверху», который, по мнению авторов, ведет к негативным результатам, они рассматривали возможность альтернативного сценария («модернизация снизу»), а в его рамках – необходимость «постепенного развития». По представлениям авторов, «новая модель экономического роста предполагает проведение комплексных институциональных изменений, которые способны пробудить силы, скрытые в человеческой личности и составляющие особенности человеческого капитала, ныне у нас недостаточно используемые. Эти силы связаны со свободой, конкуренцией и правом, которое ограничивает свободу и конкуренцию разумными рамками»⁶⁸⁶. В качестве институциональных реформ называются: реализация принципов верховенства права, перестройка взаимоотношений власти и бизнеса, расширение полномочий местного самоуправления, развитие пенсионной реформы, а также сфер здравоохранения, образования, рынка жилья как сфер инвестиций населения; проведение демократизации, обеспечение условий для свободной и эффективной политической конкуренции и периодической смены власти⁶⁸⁷. В качестве «движущих сил» новой модели экономического роста в России Е. Ясин и др. видят «новый бизнес» - ряд успешных компаний, сформировавшихся в 2000-е гг. и способных конкурировать на мировом рынке; конкуренцию между регионами, для чего необходимо провести децентрализацию власти и увеличить автономию региональных властей; деятельность гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций (НКО).

Либеральный подход к формированию новой модели экономического роста, предложенный Е. Ясиным и др., не учитывает ряд факторов, которые активно проявились как раз в период после 2013 г. Прежде всего, это геополитические факторы, задающие ограничения для ряда институциональных реформ. В условиях жесткой геополитической конкуренции на мировой арене, «демократизация», без учета аспектов национальной безопасности, создает возможности для геополитического конкурента (прежде всего – США) по проведению политики «мягкой силы», в том числе через подконтрольные НКО. Повышение автономии регио-

⁶⁸⁶ Там же, сс. 20 – 21.

⁶⁸⁷ Там же, с. 21.

нальных властей, которое хорошо выглядит в теории для закрытой экономики, в условиях открытости может привести к ослаблению единого экономического пространства страны, встраиванию регионов в воспроизводственные связи за пределами страны. При этом следует согласиться с Е. Ясиным и др. в том, что необходимо повышение роли человеческого капитала в экономическом росте России, для чего требуются определенные институциональные реформы. В то же время следует отметить, что в условиях открытой экономики стимулирование развития человеческого капитала может и не отразиться на национальном экономическом развитии, если происходит свободная утечка человеческого капитала из страны (к тому же без всякой компенсации затрат на создание человеческого капитала со стороны его носителей). Следует также согласиться с Е. Ясиным и др. по вопросу о негативном влиянии коррупции на экономическое развитие России. Однако сама по себе «демократизация» не является достаточным лекарством от коррупции, как показывает опыт 1990-х гг. (а также опыт современной Украины после событий 2014 г.). Сама открытость экономики, возможность неограниченного вывоза капитала, а также перевода наличных средств в безналичную форму и обратно – все это создает техническую основу для распространения коррупции. Необходимо искоренение технических возможностей коррупции (в частности, в сфере организации денежного обращения).

В. Мау также отмечает «сугубо институциональную природу» механизма торможения экономического роста в России с 2013 г. К элементам механизма торможения роста В. Мау относит: доминирование потребительского спроса (зарплаты) в ущерб инвестициям (прибыли), низкую эффективность рынков, затрудняющую перелив капитала, низкую эффективность госрегулирования, слабую вовлеченность в мировую торговлю⁶⁸⁸. В числе приоритетов новой политики экономического роста В. Мау называются следующие. Во-первых, проведение консервативной (осторожной) макроэкономической политики, включая сбалансированность бюджета. Во-вторых, уход от ситуации, когда на практике вся экономическая по-

⁶⁸⁸ Мау В. В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие России в 2013 г. // Вопросы экономики, 2014, № 2, с. 20.

литика ограничивается бюджетным процессом (однако конкретные меры по «исправлению ситуации» не называются). В-третьих, при выработке мер экономической политики следует отказаться от решений, вызывающих рост издержек (например, повышение заработной платы бюджетникам). В-четвертых, расширение экономической самостоятельности регионов, усиление федерализма. В-пятых, реформа социального государства в соответствии с требованиями «постиндустриальной экономики» (обучение и лечение в течение всей жизни, глобальная конкуренция в социальной сфере, приватизация социальных услуг). В-шестых, улучшение условий ведения бизнеса в соответствии с международными рейтингами. В-седьмых, стимулирование конкуренции. В-восьмых, реформирование рынка труда, повышение территориальной мобильности рабочей силы, развитие гибкого трудового законодательства. В-девятых, усиление интеграции российской экономики в международное разделение труда – как по линии ЕврАзЭС, так и по направлению образования единого экономического пространства с ЕС. Все названные меры определяются В. Мау как «политика предложения» и противопоставляются «политике спроса»⁶⁸⁹.

Предложенные В. Мау меры политики экономического роста действительно являются примером реализации «политики совокупного предложения», однако в ее неолиберальном варианте, идущем еще от рекомендаций «новых классиков» макроэкономики 1980-х гг. (рейганомика и тетчеризм) с их идеей «минималистского государства». Апелляция к «постиндустриальной экономике» в условиях развертывания процессов «новой индустриализации» в развитых странах (включая реиндустриализацию) является спорной. Отметим, в частности, что повышения мобильности рабочей силы невозможно достичь без создания соответствующей инфраструктуры (единого российского рынка жилья с приемлемыми ценами), что требует не только институциональных, но и вполне материальных затрат со стороны государства. Отметим также, что неолиберальные меры, предлагаемые В. Мау, могут привести к усилению социальной поляризации и росту неравенства

⁶⁸⁹ Там же, сс. 26 – 30.

в российской экономике, что и показала статистика за 2012 – 2016 гг., а это означает снижение качества экономического роста.

Либеральный подход к политике экономического роста представлен также в статье А. Кудрина и Е. Гурвича⁶⁹⁰. Авторы отмечают исчерпанность потенциала сложившейся в 2000-е гг. модели «импортированного роста» и отсутствие перспектив для восстановления действия прежних факторов роста (растущие цены на нефть, приток капитала, возможность для наращивания кредитования и т.д.). При этом подчеркивается, что использование дополнительных сбережений (в форме Стабилизационного, а позднее Резервного фонда) в 2000-е гг. на цели экономического роста дало бы, по оценкам авторов, прибавку к расходам расширенного правительства всего лишь на 3,5%, что недостаточно для решения проблем модернизации российской экономики⁶⁹¹. Оценивая проводившуюся во второй половине 2000-х гг. политику стимулирования роста, А. Кудрин и Е. Гурвич отмечают, что ресурсы, направляемые на модернизацию экономики (госинвестиции, расходы на создание институтов развития, предоставления субсидий и т.п.) не дали осязаемых результатов, поскольку характеристики международной конкурентоспособности страны не увеличились⁶⁹². Следовательно, делают вывод А. Кудрин и Е. Гурвич, необходимо сократить государственное вмешательство в экономический процесс ради усиления рыночных механизмов. Однако на проблему можно взглянуть и с другой стороны: проводимые меры стимулирования роста оказались недостаточными, чтобы дать ощутимый эффект (тем более при отсутствии целостной концепции, которой были бы подчинены разрозненные меры экономической политики), а потому следует не уходить от политики экономического роста, уповая в очередной раз на «невидимую руку рынка» (чего нет давно в развитых странах), а – напротив – совершенствовать систему мер политики роста. В итоге предлагаемые А. Кудриным и Е. Гурвичем меры сводятся к стандартному либеральному набору институциональных преобразований, направленных на усиление конкуренции, демонтаж «мягких бюджетных ограничений», отказ от патерна-

⁶⁹⁰ Кудрин А., Гурвич Е. Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики, 2014, № 12.

⁶⁹¹ Там же, с. 9.

⁶⁹² Там же, с. 16.

листской социальной политики, реформирование бюджетной сферы и т.п.⁶⁹³ Ряд мер укладывается в неолиберальную концепцию «экономики предложения», рассмотренную выше (отказ от повышения зарплаты в бюджетном секторе, повышение мобильности рабочей силы, повышение пенсионного возраста). В плане технологического развития предлагается делать ставку на заимствование передовых технологий вместо акцента на развитии собственных НИОКР и отказаться от «промышленного патернализма».

Защищая либеральный подход к политике экономического роста, А. Кудрин, Е. Горюнов и П. Трунин критикуют альтернативные подходы (условно их можно назвать «дирижистскими»), предполагающие проведение активной денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики. Подчеркивается отсутствие наблюдаемой положительной корреляции между приростом денежной базы и приростом монетизации, отмечается, что в российской экономике с 2000 г. темпы прироста денежной базы следовали по нисходящему тренду, а коэффициент монетизации монотонно рос на протяжении рассматриваемого периода. Приход Э. Набиуллинной в руководство Банка России, переход к свободному плаванию рубля и инфляционному таргетированию, умеренно жесткая антиинфляционная политика не снизили монетизацию⁶⁹⁴.

Прежде всего отметим метрологическую некорректность прямого сравнения таких разных показателей как динамика денежной базы (измеряется темпами прироста – в процентах к предыдущему году) и уровень монетизации (структурный показатель, измеряемый как отношение денежного агрегата М1 или М2 к ВВП). Уровень монетизации зависит не только от текущей динамики денежной базы, но и от накопленного результата в предыдущие годы, ведь эмитированная ранее денежная база продолжает функционировать в экономике. Поэтому при любых положительных темпах прироста денежной базы, при прочих равных условиях, отношение М2/ВВП будет со временем возрастать, что и демонстрирует график, приводимый в статье А. Кудрина, Е. Горюнова и П. Трунина на стр. 12. Для кор-

⁶⁹³ Там же, с. 30.

⁶⁹⁴ Кудрин А., Горюнов Е., Трунин П. Стимулирующая денежно-кредитная политика: мифы и реальность // Вопросы экономики, 2017, № 5, с. 11.

ректного сравнения необходимо перейти к сопоставимым показателям, измеренным в темпах прироста к предыдущему году. По данным Таблицы П-8.1 Приложения 8 была построена эконометрическая модель, в которой в качестве зависимой переменной рассматривался темп прироста уровня монетизации ВВП, $\Delta(\frac{M2}{Y})$, в процентах к предыдущему году. Независимые переменные – темп прироста денежной базы, ΔMB (в процентах к предыдущему году), темп прироста реального ВВП, ΔYr (в процентах к предыдущему году). Результаты эконометрического моделирования в программе Gretl 1.9.13 представлены уравнением (86), параметры которого описаны в Таблице 29:

$$\Delta\left(\frac{M2}{Y}\right) = -2,25401 + 0,797605 * \Delta MB - 1,76894 * \Delta Yr \quad (86).$$

Таблица 29. Модель 7: МНК, использованы наблюдения 2003-2016 (T = 14)

Зависимая переменная: $\Delta(\frac{M2}{Y})$

	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение	
const	-2,25401	2,78725	-0,8087	0,43584	
ΔMB	0,797605	0,1402	5,6891	0,00014	***
ΔYr	-1,76894	0,49679	-3,5607	0,00447	***
Среднее зав. перемен	6,726132		Ст. откл. зав. перемен	12,38712	
Сумма кв. остатков	504,9498		Ст. ошибка модели	6,775288	
R-квадрат	0,746858		Испр. R-квадрат	0,700832	
F(2, 11)	16,22694		P-значение (F)	0,000523	
Лог. правдоподобие	-44,96295		Крит. Акаике	95,92590	
Крит. Шварца	97,84307		Крит. Хеннана-Куинна	95,74843	
Параметр rho	-0,571243		Стат. Дарбина-Вотсона	3,071843	

Построенная модель 7 показывает, что темпы монетизации экономики прямо пропорциональны темпам прироста денежной базы и обратно пропорциональны темпам прироста реального ВВП. Таким образом, модель, построенная для переменных, измеренных в однородных единицах (темпы прироста), подтверждает прямую связь между скоростью монетизации экономики и динамикой денежной базы, зависящей от политики ЦБ, и опровергает вывод А.Кудрина, Е. Горюнова и П. Трунина об отсутствии зависимости между монетизацией и динамикой денежной базы для российской экономики.

Критикуя предложения по проведению российского аналога политики «количественного смягчения», А. Кудрин, Е. Горюнов и П. Трунин отмечают инфляционный риск перемещения эмитированных средств на валютный рынок и рынки потребительских товаров на втором этапе – в ходе выплаты заработной платы и оплаты сырья и материалов предприятиями – получателями «целевой эмиссии»⁶⁹⁵. Подчеркивается, что в российской экономике безработица крайне низкая, а ВВП находится на уровне, близком к потенциальному, потому «целевая эмиссия» приведет лишь к инфляции. При этом А. Кудрин, Е. Горюнов и П. Трунин игнорируют возможность расширения потенциального выпуска в ходе осуществления инвестиций, финансируемых за счет «целевой эмиссии». Как было показано в пятой главе, фактор инвестиций является одним из ключевых факторов роста российской экономики, и его влияние сильнее и более значимее, чем влияние динамики цен на нефть (Модель б). Кроме того, механизм «целевой эмиссии», безусловно, должен дополняться рядом институциональных преобразований, препятствующих бесконтрольному оттоку капитала, но о них А. Кудрин, Е. Горюнов и П. Трунин не упоминают. Все аргументы А. Кудрина, Е. Горюнова и П. Трунина против сторонников активистского подхода к ДКП для экономического роста, в конечном счете, сводятся к стандартному аргументу о том, что «рынок сам все расставит на свои места», в том числе и отсекает «рентабельные» инвестиционные проекты от «нерентабельных». В пятой главе отмечался сложившийся в российской экономике перекос рентабельности в пользу добывающего сектора и ряда транзакционных услуг при низкой рентабельности высокотехнологичных отраслей (в частности, в производстве машин и оборудования), для которых ставка банковского кредитования оказывается выше показателей рентабельности. Отказ от «целевого кредитования» и упование на «невидимую руку рынка» с ее российскими особенностями в этом случае приведет лишь к окончательной деградации высокотехнологичных отраслей промышленности и утрате какой-либо перспективы инновационного развития в будущем.

⁶⁹⁵ Там же, с. 14.

В итоге, рекомендации А. Кудрина, Е. Горюнова и П. Трунина по проведению политики экономического роста сводятся лишь к широкому спектру «экономических реформ, направленных на повышение качества государственного управления, расширение частной инициативы, сокращение доли государства в экономике, стимулирование инвестиций в человеческий капитал и технологическое обновление, встраивание отечественных компаний в глобальные цепочки добавленной стоимости и др.»⁶⁹⁶ При этом авторы не уточняют, в каком качестве должно происходить встраивание отечественных компаний в глобальные цепочки добавленной стоимости – в качестве поставщиков сырья, экспортеров «мозгов» для нужд глобальной экономики или на иных принципах, предполагающих становление собственного развитого наукоемкого производства.

Либеральный подход к политике экономического роста развивается в статье А. Кудрина и И. Сололова⁶⁹⁷. Авторы подразделяют государственные расходы на «производительные» (инвестиции в физический и человеческий капитал, расходы на фундаментальные исследования) и «непроизводительные» (социальные расходы, расходы на национальную оборону, правопорядок, частично на государственное управление), следуя за классификацией Р. Барро и в целом находясь в русле подхода, идущего еще от классической политической экономии. Подобное деление расходов на «производительные» и «непроизводительные» критиковалось еще в XIX в. Ф. Листом, как было показано в первой главе. Более корректно было бы определить данные группы расходов бюджета как расходы прямого стимулирования экономического роста и расходы, косвенно влияющие на рост (посредством достижения национальной экономической безопасности, исправления чрезмерного социального неравенства и т.п.). Кроме того, социальные расходы по своим результатам могут оказаться и в группе расходов прямого стимулирования роста – в том случае, когда снижение неравенства в ходе перераспределения доходов повышает темпы экономического роста. Отрицательная взаимосвязь между неравенством и экономическим ростом подтверждается множеством исследова-

⁶⁹⁶ Там же, с. 21.

⁶⁹⁷ Кудрин А., Соколов И. Бюджетный маневр и структурная перестройка российской экономики // Вопросы экономики, 2017, № 9.

ний⁶⁹⁸. А. Кудрин и И. Соколов предлагают оптимизировать «непроизводительные» расходы, в частности, сократить расходы на оборону и общегосударственные вопросы, повысить пенсионный возраст. При этом ряд расходов на инфраструктуру (дорожное хозяйство, транспорт) предполагается увеличить на треть, расходы на образование – увеличить на 0,8 – 1,0 п.п. ВВП к 2024 г., расходы на здравоохранение – на 0,7 – 0,8 п.п. ВВП к текущему уровню⁶⁹⁹. Проводимые изменения в бюджетной политике должны сопровождаться преобразованиями, нацеленными на повышение качества государственного управления (отмена избыточного нормативного регулирования, акцент на показателях работы губернаторов, характеризующих приоритеты развития страны, формирование единой прозрачной кадровой политики и т.д.)⁷⁰⁰.

Несмотря на некоторое признание стимулирующей роли отдельных видов государственных расходов (на инфраструктуру, на человеческий капитал) в целом либеральный подход, представленный в работах Е. Ясина, В. Мау, А. Кудрина и др. проводит линию на сохранение «минималистского государства», отказывая последнему в выборе каких-либо значимых структурных или технологических приоритетов в развитии страны (достаточно создать инфраструктуру и человеческий капитал, а структуру экономики определит «невидимая рука рынка»). Полностью отсутствуют ссылки на современный опыт США и других развитых стран по проведению реиндустриализации и переходу к экономике на основе достижений «четвертой промышленной революции». Либеральный подход по определению не ставит вопросы о границах «открытости» экономики и допустимости сохранения и в дальнейшем неконтролируемой утечки капитала, о возможности изменения налоговой системы в целях достижения большего социально справедливого распределения доходов, о необходимости в эпоху развертывания автомати-

⁶⁹⁸ Alesina A., Rodrick D. Distributive Politics and Economic Growth // *Quarterly Journal of Economics*, 1994, 109, pp. 465 – 490; Persson T., Tabellini G. Is Inequality Harmful for Growth // *American Economic Review*, 1994, 84(3), pp. 600 – 621; Агийон Ф., Уильямсон Дж. Экономический рост, неравенство и глобализация: теория, история и политическая практика. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015; Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., Ад Маргинем Пресс, 2015.

⁶⁹⁹ Кудрин А., Соколов И. Бюджетный маневр и структурная перестройка российской экономики // *Вопросы экономики*, 2017, № 9, с. 22 – 24.

⁷⁰⁰ Там же, с. 25.

зации производства не повышения, а наоборот – сокращения продолжительности рабочего времени и более раннего выхода на пенсию. Следование либеральным рецептам в проведении политики экономического роста означает дальнейшее инерционное движение российской экономики с ценой на нефть в качестве главного ориентира.

Шумпетерианский подход. Теоретической основой новой политики экономического роста, проводимой в развитых странах в ходе осуществления реиндустриализации и новой индустриализации, является неошумпетерианская теория экономического роста, разобранный в четвертой главе. Ф. Аггйон и А. Фестре, полемизируя со сторонниками «Вашингтонского консенсуса», отмечают, что последние игнорировали фактор различного уровня развития стран. Необходимо же соотносить политику с другими переменными, такими как степень технологического или институционального развития страны. Хотя макроэкономическая стабильность и защита прав собственности, как представляется, являются универсальными факторами роста, они не являются достаточными: необходимо оценивать влияние на рост конкурентной политики, различные способы проектирования образовательной системы, выбор валютных систем, устройство рынка труда, специфику кредитования, учитывая при этом уровень технологического или институционального развития⁷⁰¹.

Ф.Аггйон и А. Фестре высказывают следующие соображения по вопросу о новой политике экономического роста. Во-первых, правительство должно уходить от кейнсианской практики неизбирательного стимулирования спроса в пользу селективного инвестирования государственных средств. Следует сосредоточить государственные инвестиции на ограниченном числе растущих секторов (образование, университеты, инновационные предприятия, принадлежащие к промышленным секторам с высоким потенциалом роста), а также способствовать гибкости рынка труда. Во-вторых, хотя приоритет следует отдавать «политике

⁷⁰¹ Aghion P., Festre A. Schumpeterian Growth Theory, Schumpeter, and Growth Policy Design // J Evol Econ (2017) 27, pp. 25–42.

предложения», нельзя полностью игнорировать и «политику спроса», поскольку инновационные стимулы фирм зависят от размеров рынка их продукции. Роль автоматических стабилизаторов, поддерживающих потребительский спрос, имеет решающее значение. По этой причине важно, в частности, субсидировать доступ к кредитам для домашних хозяйств, желающих приобрести инновационные промышленные продукты. В-третьих, как показал ряд исследований⁷⁰², более антициклическая фискальная и монетарная политика способствуют экономическому росту. Контрцикличность налогово-бюджетной политики относится к странам, которые увеличивают свой государственный дефицит и задолженность в условиях рецессии, но уменьшают их при подъеме. Контрцикличность денежно-кредитной политики относится к центральным банкам, позволяющим реальным краткосрочным процентным ставкам снижаться в условиях спадов, в то время как они снова увеличиваются во время подъемов. Такая политика может помочь фирмам с ограниченной ликвидностью или доступом к кредитованию проводить инновационные инвестиции (НИОКР, навыки и обучение и т.д.) в течение цикла, несмотря на ужесточение кредитования во время спадов, а также помогает поддерживать совокупное потребление и, следовательно, размер рынка фирм за период цикла. Как БНП, так и КДП в этом случае поощряют фирмы вкладывать больше средств в НИОКР и инновации. И снова взгляд на роль макроэкономической политики с позиций шumpетерианской теории роста отличается как от кейнсианского подхода к пропаганде нецелевых государственных расходов для стимулирования спроса в ходе рецессии, так и от неолиберальной политики, сводящей к минимуму налоги и государственные расходы в условиях рецессии. Подобная антициклическая денежно-кредитная и фискальная политика неэффективна или может даже нанести ущерб росту. Наконец, следует проводить гибкую налоговую политику. С одной стороны, чрезмерное перераспределение доходов через налоговую систему может сдерживать инновации и, следовательно, рост, однако некоторое перераспределение доходов, напротив, может способствовать усилению конкуренции за счет

⁷⁰² Aghion P, Farhi, E, Kharroubi E. Monetary policy, liquidity and growth.//NBER Working Paper, 2012, No 18072; Aghion P, Hémous D, Kharroubi E. Cyclical fiscal policy, credit constraints, and productivity growth //J Monet Econ, 2014, No 62, pp.41–58.

предотвращения поляризации общества по доходам (когда формируются обособленные группы как на «дне», так и в верхней части распределения доходов и богатства)⁷⁰³. Таким образом, новая политика экономического роста требует для своей реализации, по выражению Ф.Агийона и А. Фестре, «стратегического государства», отличающегося как от кейнсианского «государства всеобщего благосостояния», так и от неолиберального «минималистского государства».

Следует отметить сдержанное отношение сторонников шумпетерианской теории экономического роста к возможностям конкурентной политики по стимулированию спроса на инновации. Как отмечает В.Е. Дементьев, при большом отставании страны от стран-лидеров обострение конкуренции чревато угнетающим влиянием на инновационную активность частных компаний. Наоборот, конкурентный прессинг весьма полезен при относительной близости к лидерам и переход к такому прессингу оправдан после модернизации производства⁷⁰⁴.

Политика экономического роста в развитых странах, прежде всего, США, в период после кризиса 2009 г., учитывает рекомендации неошумпетерианской теории экономического роста. Так, в США оказывается поддержка специальным технологическим хамам при крупнейших университетах, где осуществляется распространение новейших технологий и обучение рабочих новым производственным навыкам, стимулируются программы наставничества (обучения молодых практикантов на рабочем месте под руководством профессионалов), выделяются «производственные университеты», которым предоставляются льготы для создания образовательных программ в области современных производственных технологий, финансируются институты, способствующие внедрению новых технологических инноваций (например, разработана программа Национальной сети для производственных инноваций - National Network for Manufacturing Innovation,

⁷⁰³ Aghion P., Festre A. Schumpeterian Growth Theory, Schumpeter, and Growth Policy Design // J Evol Econ (2017) 27, p. 38 - 39.

⁷⁰⁴ Дементьев В.Е. Структурные факторы технологического развития // Экономика и математические методы. 2013.Т. 49. № 4. С. 43.

NNMI)⁷⁰⁵. На наш взгляд, следует актуализировать рекомендации разработчиков шумпетерианской теории экономического роста и в российской практике.

Дирижистские подходы представлены сторонниками «активистского государства», предлагающими проведение активной государственной политики по стимулированию экономического роста и развития. При этом имеются заметные различия между разными версиями «дирижистского» направления, что не позволяет говорить о нем как о некоем едином подходе. Далее охарактеризуем основные подходы сторонников «дирижизма» в условиях российской экономики.

«*Активное государство*». Данный подход представлен, прежде всего, в работах С.Ю. Глазьева и опирается на теорию технологических укладов⁷⁰⁶. Автором последовательно аргументируется тезис о необходимости проведения активной государственной политики экономического роста для перехода к шестому ТУ. Стратегия долгосрочного развития экономики должна опираться, во-первых, на систему стратегического планирования, способную выявлять перспективные направления экономического роста и направлять деятельность государственных институтов развития на их реализацию, во-вторых, на обеспечение необходимых для опережающего роста нового технологического уклада макроэкономических условий; в-третьих, на формирование институтов финансирования проектов создания и развития производственно-технологических комплексов нового технологического уклада и сфер потребления их продукции⁷⁰⁷. Первое направление предполагает разработку системы стратегического планирования, основанного на долгосрочных (25 – 50 лет) прогнозах, среднесрочных (10 – 12 лет) концепциях раз-

⁷⁰⁵ Промышленная политика в условиях новой индустриализации: Монография / Авт. кол.: Андрианов К.Н. и др.; Под ред. Толкачева С.А. –М, МАКС Пресс, 2015, сс. 154 – 165.

⁷⁰⁶ Глазьев С.Ю. Какая модернизация нужна России? //Экономист, 2010, № 8; Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г. О стратегии устойчивого развития экономики России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2013, № 1; Глазьев С. Ю. О роли Центрального банка России в экономическом кризисе: проблемы и решения // Экономическое возрождение России, 2014, № 4; Глазьев С. Санкции США и политика Банка России: двойной удар по национальной экономике // Вопросы экономики, 2014, № 9; Глазьев С., Жуковский В. Прокризисный характер концептуально-программных основ деятельности «мегарегулятора» // Российский экономический журнал, 2014, № 6; Глазьев С. О таргетировании инфляции // Вопросы экономики, 2015, № 9; Глазьев С. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития //Российский экономический журнал, 2015, № 5.

⁷⁰⁷ Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г. О стратегии устойчивого развития экономики России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2013, № 1, с. 29.

вития, 3-летних индикативных планах и среднесрочных государственных программах, годовых бюджетах и 3-летних бюджетных планах. Второе и третье направления требует изменения проводимой БНП и КДП: ориентацию БНП на цели развития (в частности, снижение налоговой нагрузки на инновационные виды деятельности), активную КДП в форме целевого рефинансирования коммерческих банков, включение в перечень целей центрального банка цели экономического роста и развития, эмиссионный механизм рефинансирования Банком России коммерческих банков под их требования к предприятиям реального сектора экономики и в меру роста финансовых потребностей приоритетных направлений развивающейся экономики. Следует сделать акцент на долгосрочной стабилизации реального обменного курса рубля, а также расширять сферу использования рубля в международных расчетах. Важным направлением стратегии развития является расширение внутреннего рынка посредством развития единого рынка ЕврАзЭС и создания соответствующих институтов⁷⁰⁸.

Непосредственной причиной стагнации российской экономики в конце 2014 – 2015 гг. стал, по мнению С.Ю. Глазьева, происходящий под давлением антироссийских санкций отток капитала, значительные масштабы которого, в свою очередь, связаны с беспрецедентной для крупных стран открытостью и оффшоризацией российской экономики, как следствие - чрезмерной уязвимостью финансовой системы перед внешними факторами⁷⁰⁹. С.Ю. Глазьев критикует деятельность Банка России, который, по его мнению, некорректно рассчитывает соотношение потенциального и фактического выпуска в российской экономике, занижая этот разрыв, что не позволяет активно применить меры стимулирующей КДП. С.Ю. Глазьевым предлагаются следующие меры. Во-первых, стабилизация курса рубля и прекращение оттока капитала за рубеж (контроль государства и ЦБ за валютными операциями на Московской бирже и в банковском секторе, налогообложение спекулятивной прибыли и валютных операций, переход от наличного обра-

⁷⁰⁸ Там же, с. 29 – 34.

⁷⁰⁹ Глазьев С.Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития. Доклад. / С.Ю. Глазьев. М.: Институт экономических стратегий, Русский биографический институт, 2015, с. 5.

щения иностранной валюты к безналичной форме и др.). Во-вторых, деофшоризация российской экономики (введение реестра «национальных компаний», удовлетворяющих требованиям резидентства и ведения основной деятельности в России, заключение соглашений об обмене налоговой информацией с офшорами, введение налогов на спекулятивно-валютные операции и др., а также общее усиление контроля за финансовым рынком). В-третьих, упрочение потенциала и безопасности российской денежной системы, придание рублю функций международной резервной валюты (стимулирование перехода во взаимных расчетах в ЕАЭС на рубли, в расчетах с ЕС – на рубли и евро, в расчетах с Китаем – на рубли и юани, организация биржевой торговли сырьевыми товарами в рублях, замещение кредитов в иностранной валюте рублевыми на основе рефинансирования ЦБ коммерческих банков, создание платежно-расчетной системы в национальных валютах государств – членов ЕАЭС, а в перспективе – и БРИКС)⁷¹⁰. Во внутренней политике акцент делается на необходимость целевой эмиссии со стороны Банка России, которая может вестись по разным воспроизводственным контурам с разными условиями (для предприятий ОПК и госпрограмм развития – под нулевую процентную ставку, для строительного и агропромышленного комплекса – под ставку не выше 2%, отдельно – для контура импортозамещения). В качестве альтернативы предлагается запуск механизма целевого кредитования инвестиционной и инновационной активности посредством институтов развития, действующий параллельно существующей денежно-кредитной политике⁷¹¹. Детально комплекс мер в сфере денежно-кредитной политики предполагает: настройку денежно-кредитной системы на цели развития и расширение возможностей кредитования реального сектора; целевое кредитование производственных предприятий, сбыт которых гарантирован экспортными контрактами, госзаказами, договорами с внутренними потребителями и торговыми сетями; целевое финансирование одобренных государством инвестиционных проектов по ставке 1% на 5- 15 лет под облигации правительства, госкорпораций, субъектов РФ, муниципалитетов, между-

⁷¹⁰ Там же, с. 38 – 43.

⁷¹¹ Там же, с. 47.

народных организаций; льготные кредиты на поддержку малого бизнеса, сельского хозяйства, жилищного строительства; разработка программы импортозамещения в объеме не менее 3 трлн. руб.; постепенное замещение иностранных займов отечественными и др. Кроме того, С.Ю. Глазьевым предлагается комплекс мер по стабилизации банковской системы (поддержание текущей ликвидности банков, отложить внедрение международных стандартов) и повышения мощности российской финансовой системы в целом⁷¹². Как уже было отмечено, С.Ю. Глазьевым придается большое значение созданию системы стратегического управления экономическим ростом и развитием (прогнозирование, программирование и стратегическое планирование национальной экономики, создание надведомственного органа, стимулирующего «конвейер знаний» от фундаментальной науки через прикладные разработки к использованию инноваций на предприятиях)⁷¹³.

К подходу, разрабатываемому С.Ю. Глазьевым, примыкают рекомендации, предлагаемые рядом экономистов и экспертов. В.В. Ивантер, М.Н. Узяков, М.Ю. Ксенофонтов и др. называют в качестве важнейшего императива для развития экономики России переход к *инвестиционно-инновационному росту*, что потребует, по мнению исследователей, повышения нормы накопления до 35% к 2020 г.⁷¹⁴ Авторы также предлагают организацию действенного механизма рефинансирования коммерческого банковского кредита в реальный сектор, для чего необходимо создать систему банков развития. В качестве ведущего банка развития называется Внешэкономбанк (ВЭБ) при условии соответствующего обновления его функций. Отмечается необходимость перехода к эмиссии денег на основе внутреннего рефинансирования⁷¹⁵.

Необходимость переключения на внутренний спрос, поддерживаемый преимущественным развитием российского производства, в качестве ведущего фактора новой модели экономического роста в России указывает В.Т. Рязанов⁷¹⁶. Для

⁷¹² Там же, с. 48 – 51.

⁷¹³ Там же, с. 54.

⁷¹⁴ Ивантер В.В., Узяков М.Н., Ксенофонтов М.Ю. и др. Новая экономическая политика – политика экономического роста // Проблемы прогнозирования, 2013, № 6, с. 12.

⁷¹⁵ Там же.

⁷¹⁶ Рязанов В.Т. Неустойчивый экономический рост как «новая нормальность»? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5, 2013, № 4, с. 31.

устранения перекосов во взаимосвязи финансового и реального секторов экономики В.Т. Рязанов предлагает проведение «социализации финансов», что потребует, в частности, установление контроля за отраслевыми нормами прибыли и ее переливом между сферами деятельности, введение «налога Тобина» на финансовые трансакции, реформирование мировой валютной системы на основе восстановления обеспеченности денежной эмиссии реальными активами⁷¹⁷.

Авторы коллективной монографии «Социально-экономические условия перехода к новой модели экономического роста»⁷¹⁸ посвятили большой раздел рассмотрению финансовых механизмов, обеспечивающих экономический рост. В области налогообложения авторами предлагается: реформировать налог на прибыль (в частности, введение единой 15%-й ставки налога на инвестируемую (нераспределяемую) прибыль предприятий и организаций и 5%-й ставки на дивиденды; реализация системы реальных вычетов из налогооблагаемой базы затрат предприятий на НИОКР), подоходное налогообложение (отменить все формы прямого обложения доходов, не превышающих прожиточный минимум, введение прогрессивной налоговой шкалы, переход к рассмотрению в качестве объекта налогообложения не дохода индивида, а дохода семьи)⁷¹⁹. Характеризуя политику Банка России, авторы отмечают, что в отдельных случаях им уже применяются меры целевого кредитования (кредиты под 6,5% Российскому Банку поддержки малого и среднего предпринимательства, программа по стимулированию несырьевого экспорта, кредитование под 9% отдельных проектов, утвержденных Правительством). Авторы отмечают, что «представляется нелогичным сначала устанавливать высокую ключевую ставку, а потом ее субсидировать для отдельных заемщиков, список которых определяют чиновники»⁷²⁰. Предлагается возврат к управляемому обменному курсу рубля, ограничивая диапазон его колебаний с помо-

⁷¹⁷ Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016, с. 632 – 639; Рязанов В. Социализация финансов и беспроцентная экономика: варианты и альтернативы нового финансового порядка // Экономист, 2016, № 8.

⁷¹⁸ Социально-экономические условия перехода к новой модели экономического роста: монография / рук. авт. кол. Д.Е. Сорокин; под ред. Н.Ю. Ахапкина, Л.В. Никифорова. С.: Инфра-М, 2017.

⁷¹⁹ Там же, с. 166 – 168.

⁷²⁰ Там же, с. 175.

щью валютных интервенций⁷²¹. Авторы рекомендуют использовать возможности стимулирования экономического развития путем увеличения внутреннего долга: необходимо возобновить нерыночные продажи ОФЗ Центральному банку, наладить выпуск ценных бумаг нерыночных займов и облигаций инвестиционных займов, инфраструктурных облигаций⁷²². Отдельным направлением политики роста называется государственное регулирование цен и тарифов, предполагающее формирование институциональной инфраструктуры в сфере ценообразования во главе с федеральным органом, контроль за ценами на товары первой необходимости, введение моратория на рост цен и тарифов, устанавливаемых органами государственной власти и естественными монополиями, сроком на три года, ужесточение контроля над ценовой политикой естественных монополий и т.п.⁷²³ Отдельным блоком выделены мероприятия в области социальной политики и политики занятости. В области занятости предлагается сделать акцент не на сохранении занятости любой ценой, а на создание новых рабочих мест, эффективных как с точки зрения продуктивности, так и с точки зрения качества занятости и оплаты труда; обеспечить защиту национального рынка труда от нелегальных мигрантов (в том числе разработка антидемпингового законодательства, которое бы запрещало работодателю намеренно снижать заработную плату); изменить методику определения минимума оплаты труда (переход к ориентиру на среднюю заработную плату по экономике); ввести в коллективные договора, заключаемые профсоюзами и администрацией, пункт, регулирующий максимально допустимую дифференциацию оплаты труда; ввести ограничения для окладов и прочих выплат топ-менеджеров, а также восстановить прогрессивную шкалу налогообложения⁷²⁴.

Необходимость активной структурно-инвестиционной политики обосновывается в Докладе Института народнохозяйственного прогнозирования РАН⁷²⁵. В.Е. Маневичем предлагается комплекс мер, необходимый для приближения нормы

⁷²¹ Там же, с. 176.

⁷²² Там же, с. 189 – 190.

⁷²³ Там же, с. 193 – 194.

⁷²⁴ Там же, с. 263 – 265.

⁷²⁵ Структурно-инвестиционная политика в целях устойчивого роста и модернизации экономики. Научный доклад. Руководитель и отв. редактор: академик В.В. Ивантер. М., ИНП РАН, 2017.

накопления реального капитала к сложившейся в экономике норме сбережений, равной 30% ВВП без снижения расходов на текущее потребление. Как отмечает В.Е. Маневич, перераспределение инвестиций в пользу инфраструктурных и перерабатывающих отраслей будет способствовать росту предельной эффективности капитала и ускорению роста российской экономики⁷²⁶.

М. Ершов отмечает, что в российской финансовой системе имеются резервы для формирования ее суверенной основы. Так, государственные облигации в России обеспечивают денежную эмиссию всего лишь на 5% (для сравнения: в США – на 95%, в Японии – на 85%). Фактически «низкая доля российских госбумаг в денежной базе говорит о том, что у нас не используются механизмы монетизации на основе бюджетных приоритетов, а российский регулятор, по сути, постоянно осуществляет интервенции в поддержку доллара, то есть покупает иностранную валюту, формируя на этой основе эмиссию рублей. (В результате вся монетизация опирается на приток валюты.)»⁷²⁷. Предложения «программы Глазьева» в части перехода к суверенной эмиссии в этом случае получают объективное основание – наличие в российской финансовой системе потенциала для выстраивания суверенного механизма денежной эмиссии, опирающейся на внутренние источники и не зависящей от притока иностранной валюты.

«Стратегия роста», предлагаемая Столыпинским клубом, также в целом разделяет рекомендации и предложения С.Ю. Глазьева. Б. Титов и А. Широ́в отмечают, что выход на устойчивую траекторию экономического роста возможен в три этапа: 1) восстановление экономического роста (1918 – 1919 гг.), 2) выход на высокие темпы и качество экономического роста (2020 – 2025 гг.), 3) этап устойчивого развития (2026 – 2035 гг.)⁷²⁸. В качестве мер политики экономического роста Б. Титов и А. Широ́в называют следующие: 1) отказ от избыточно консервативного «бюджетного правила» и рост государственных инвестиций; 2) снижение реальных процентных ставок до 3 – 4% в краткосрочной и до 2% - в среднесрочной

⁷²⁶ Маневич В.Е. Альтернативные стратегии преодоления стагнации и «новая модель роста» российской экономики // Вопросы экономики. 2017. № 8.

⁷²⁷ Ершов М. Россия и мир: насколько устойчив экономический рост? Риски и препятствия // Вопросы экономики, 2017, № 12, с. 73.

⁷²⁸ Титов Б., Широ́в А. Стратегия роста для России // Вопросы экономики, 2017, № 12, с. 28.

перспективе; 3) расширение механизмов проектного финансирования и развитие многоканальности финансовой системы для стимулирования роста в стратегически важных секторах; 4) проведение политики сдерживания роста тарифов инфраструктурных монополий; 5) поддержка спроса населения с низкими доходами; 6) создание новых рынков и секторов экономики; 7) настройка налоговой системы на стимулирование экономического роста; 8) судебная реформа и защита прав собственности; 9) стимулирование развития человеческого капитала; 10) снижение издержек на услуги инфраструктурных и сырьевых монополий; 11) активизация незадействованных активов государства, 12) разработка и внедрение российской концепции развития «цифровой экономики», включая разработку конкретных «дорожных карт» внедрения новых технологий (Индустрия 4.0, «компании – платформы», блокчейн-технологии, «умные» контракты, биотехнологии, генный инжиниринг)⁷²⁹.

В целом, мероприятия, предлагаемые «программой Глазьева» и близкими к ней программами (программа Столыпинского клуба, разработки Института народнохозяйственного прогнозирования РАН) являются более адекватным ответом на текущие вызовы, стоящие перед российской экономикой, нежели либеральный курс на постепенное институциональное улучшение при невмешательстве в работу «невидимой руки рынка». Однако следует подчеркнуть, что *ряд предлагаемых С.Ю. Глазьевым и др. мер нуждается в дополнительной проработке и конкретизации с учетом российской специфики*. В частности, опасность раскручивания инфляции спроса при широком применении целевой денежной эмиссии, на которую указывают экономисты «либерального лагеря», нельзя полностью игнорировать. В условиях российской экономики выстраивание громоздких схем «спецконтроля» и «спецнадзора» посредством умножения регулирующих и контролирующих органов может привести к усложнению и без того громоздкого бюрократического аппарата государственного управления, снижению эффективности расходуемых средств, усилению коррупции. Необходимо предварительно обеспечить адекватные *институционально-технологические условия* для введения

⁷²⁹ Там же, с. 30 – 32.

механизма целевой эмиссии. Прежде всего, требуется радикально сократить количество коммерческих банков в России, фактически провести социализацию финансов. Проводимая Банком России политика по отзыву лицензий у проблемных банков должна быть продолжена и по возможности ускорена. Кроме того, необходимо подготовить технологические элементы инфраструктуры, обеспечивающей безопасность и реальную независимость функционирования национальной платежной системы, снижение обращения наличных денег (в том числе наличной иностранной валюты), необходимо также подготовить инфраструктуру для запуска взаиморасчетов в национальных валютах среди стран ЕАЭС и в перспективе – БРИКС. Развитие данной инфраструктуры невозможно без внедрения достижений «цифровой экономики». В то же время запаздывание с реализацией предложений С.Ю. Глазьева по организации целевой эмиссии означает дальнейшее топтание российской экономики на месте в условиях близких к нулю темпов экономического роста. «Социализация финансов» также является необходимым условием для запуска новой модели экономического роста. Ужесточение санкций со стороны западных стран, в том числе по отношению к оффшорному российскому капиталу, в этой связи может стать фактором, даже ускоряющим реализацию перехода к национально-ориентированной модели экономического роста.

Однако прежде, чем подводить итоги, необходимо рассмотреть, по меньшей мере, два варианта «дирижистского подхода», отличающихся по ряду положений от «программы Глазьева», хотя и имеющих общие с ней предложения (особенно тактического порядка).

«Развитие креатосферы». Концепцию «развития креатосферы» активно продвигают А.В. Бузгалин и А.И. Колганов, полемизируя с подходом сторонников «новой индустриализации» (о нем будет сказано далее). Раскрывая свое представление вектора будущего социально-экономического развития, А.В. Бузгалин пишет: «я отношу себя к кругу авторов-футуристов, для кого будущее – это мир, в котором есть не только программирование экономики и социальная защита. Для нас это мир викиномики, краудсорсинга, копилефта и других современных форм

пострыночной и посткапиталистической организации социально-экономической жизни; мир, где главная сфера жизнедеятельности человека — творческая деятельность воспитателя детского сада, учителя, профессора, врача, эколога, социального работника, инженера, ученого; где именно эти люди составляют 80 процентов занятых; где трата денег на приобретение дли-и-и-инных яхт, миллионно-долларовых часов и других симулякров человеческого достоинства — удел неталантливых, отставших от жизни и достойных безглаговного сожаления людей...»⁷³⁰. Социально-экономическая программа, которую авторы обозначили еще в 1992 г. как «Экономика для человека»⁷³¹, предлагает отдать приоритет развитию общедоступного, бесплатного образования, здравоохранения, культуры, «осуществляющиеся в рамках прозрачности и общественного контроля и нацеленные прежде всего на формирование Человека и Гражданина, а не только производство рыночных услуг, удовлетворяющих платежеспособный спрос»⁷³².

Полемизируя со сторонниками «реиндустриализации, критикующими «постиндустриальную экономику», А.В. Бузгалин и А.И. Колганов выделяют четыре значения «постиндустриализма»: 1) как экономика с доминированием сферы услуг в ВВП, 2) как экономика, основанная на пятом ТУ; 3) как экономика с гипертрофированным транзакционным сектором и 4) как экономика, в которой на смену репродуктивному труду (в том числе машинному) приходит всеобщее распространение общедоступной творческой деятельности (креатосферы)⁷³³. По мнению А.В. Бузгалина и А.И. Колганова, сторонники «реиндустриализации», справедливо критикуя «постиндустриализм» в его первых трех ипостасях, игнорируют его четвертую форму, и, призывая к необходимости восстановления роли материального производства, упускают из виду «креатосферу». Однако последняя в отраслевом разрезе представлена А.В. Бузгалиным и А.И. Колгановым только от-

⁷³⁰ Бузгалин А.В. Обновление экономической системы России: необходим отказ от «рыночного фундаментализма» // Проблемы современной экономики, 2014, № 3, с. 55.

⁷³¹ Бузгалин А.В., Колганов А.И., Ракитская Г.Я. Экономика для человека (Антикризисная программа Демократических левых). М.: Экономическая демократия, 1992.

⁷³² Бузгалин А.В. Обновление экономической системы России: необходим отказ от «рыночного фундаментализма» // Проблемы современной экономики, 2014, № 3, с. 54.

⁷³³ Колганов А.И., Бузгалин А.В. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс // Социологические исследования, 2014, № 1, с. 86.

раслями образования, науки и культуры, а также рекреации общества и природы, а материальное производство, по мнению А.В. Бузгалина и А.И. Колганова, оказывается всего лишь «отраслью, обслуживающей «производство» человеческих качеств, подобно тому, как в XIX-XX веках сельское хозяйство постепенно превратилось из основы жизни человека во все сокращающуюся сферу производства сырья для промышленности»⁷³⁴. Авторы выделяют два подразделения внутри креатосферы (I - производство творческого потенциала человека – в образовании, науке, культуре, и II – использование произведенного творческого потенциала для функционирования креатосферы – фундаментальная и прикладная наука, инженерное и социальное творчество, управление), добавляя в качестве III подразделения – собственно материальное производство и сектор полезных для человека услуг.

На наш взгляд, А.В. Бузгалин и А.И. Колганов чрезмерно заостряют противоречие между «материальным производством» и «креатосферой», как будто сторонники «реиндустриализации» (и шире – новой индустриализации) не видят возможностей, открывающихся при повышении производительной силы труда в ходе развития науки, и будто бы призывают к восстановлению прежней отраслевой структуры с соответствующими пропорциями занятости. Как отмечает В.Т. Рязанов, если «“старая индустриализация” была индустриализацией “моторов и машин” и определила переход от аграрной к ранней индустриальной экономике, то ее современное содержание в своей конечной фазе опирается на информационные и когнитивные технологии, био- и нанотехнологии т.п., которые важны не только своим самостоятельным значением, но и способны обновить облик традиционных промышленных отраслей»⁷³⁵. Но против таких технологий не возражают и А.В. Бузгалин и А.И. Колганов, только почему-то называют их «постиндустриальными»⁷³⁶, тем самым привязывая термин «индустрия» исключительно к этапам

⁷³⁴ Там же, с. 88.

⁷³⁵ Рязанов В.Т. Новая индустриализация России или мечты о постиндустриальном идеале // Социологические исследования, 2014, № 11, с. 141.

⁷³⁶ Колганов А.И., Бузгалин А.В. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс // Социологические исследования, 2014, № 3, с. 122

раннего и зрелого индустриального роста (если следовать классификации, представленной во второй главе).

А.В. Бузгалин и А.И. Колганов предлагают «поддержать уже давно выдвигаемые многими социальными, гуманитарными, экологическими и т.п. сетями, а также известными интеллектуалами (начиная едва ли не с теоретиков “Римского клуба” [Печчеи, 1980]) иные, нежели типичные для “позднего капитализма” критерии прогресса социально-экономической системы», в качестве которых называется «выращивание отношений ассоциированной собственности, базирующейся на сетевой общественной самоорганизации в отраслях материального производства и собственности каждого на все, характерной для мира культуры»⁷³⁷. Однако в умолчаниях остается вопрос, а кто будет реализовывать отношения «ассоциированной собственности», преодолевая сопротивление «государства и частно-корпоративного капитала», откуда возьмутся ресурсы на изменение основ экономической системы, какой ценой предлагается перейти к новой системе общественных отношений? Последнее особенно актуально для России, пережившей в XX веке две мировые войны, революцию, гражданскую войну и трансформационный кризис 1990-х гг.

Но главное даже не эти нюансы терминологии. Развитие «креатосферы» видится А.В. Бузгалину и А.И. Колганову как абстрактная самоцель, без конкретизации сфер ее применения. Чему будут учить «через всю жизнь» и как лечить «через всю жизнь»? для кого будут совершенствоваться «человеческие качества»? кто будет задавать вектор развития образования, науки, культуры? – на эти сложные вопросы авторы не дают ответов. Получается, что предлагается своего рода концепция «искусство ради искусства»: наука ради науки, образование ради образования, культура ради культуры, садоводство и рекреация ради садоводства и рекреации. Получается, что люди будут всю жизнь друг друга учить, лечить и т.п.; не называется ни одного внешнего (за пределами «креатосферы» в узком смысле) направления для реализации человеческого потенциала. Нет мегацели, которой должно быть подчинено развитие всех этих отраслей в концепции «креа-

⁷³⁷ Там же, с. 124.

тосферы» (например, это могло бы быть освоение Солнечной системы, а затем и дальнего Космоса, а для России на нынешнем этапе в рамках создания суверенной и экономически самодостаточной национальной экономики, например, – это могли бы стать задачи освоения Арктики, Сибири, Ледовитого океана и т.п.), поскольку мегацель задает и определенные критерии для развития образования, здравоохранения, культуры и т.п. отраслей, формирующих человеческий потенциал. А.В. Бузгалиным и А.И. Колгановым полностью игнорируются сложнейшие геополитические реалии современного мира, а «геополитика» без всякого обоснования объявляется «превратной деятельностью». В.Т. Рязанов подчеркивает, что «политические санкции и опасность их распространения на экономическую сферу актуализирует вопрос о безопасном и самостоятельном развитии нашей страны, превращая его из гипотетической постановки в важнейший показатель реальной политики. Собственно, данный вопрос имеет самое прямое отношение к выживаемости России в антагонистическом мире. Или мы станем независимым и полноправным субъектом хозяйственно-общественного развития, или окончательно превратимся лишь в объект управления глобальным капиталом?»⁷³⁸ Реализация концепции «креатосферы» напрямую в современной российской экономике, без учета вызовов и угроз со стороны внешних факторов (и соответствующее этому урезание военных расходов и рост расходов на искусство ради искусства и т.п. деятельность) будет способствовать лишь ослаблению геополитических и экономических позиций страны, что сыграет на руку глобальным конкурентам. Концепция развития «креатосферы» может быть принята лишь в том гипотетическом случае, когда в мире исчезнут все противоречия между национальными и глобальными игроками, между развитыми и развивающимися странами, будет ликвидирована (или самоликвидируется) экономическая, политическая и особенно геополитическая конкуренция, что не соответствует современной ситуации в мире.

⁷³⁸ Рязанов В.Т. Новая индустриализация России или мечты о постиндустриальном идеале // Социологические исследования, 2014, № 11, с. 142.

Следует также подчеркнуть искусственность противопоставления «креатосферы» отраслям материального производства, как будто образование, наука, культура могут развиваться в отрыве от потребностей последних. Как отмечает В.М. Кульков, характеризуя «постиндустриальный империализм», «все научно-технические достижения — будь то космические технологии, атомная энергетика, информационные технологии, биотехнологии и многое другое из подобных значимых событий (т.е. относящиеся в основном к 5-му технологическому укладу, частично к 4-му и, конечно, к 6-му) плюс вся сфера формирования и использования «человеческого капитала», «экономика знаний и инноваций» и сервисная экономика в ее разнообразных проявлениях — объявлялись постиндустриальными, насаждая попутно мысль об исторической ущербности и пространственной ограниченности индустриальной экономики. Это не вполне адекватная картина, поскольку при внимательном рассмотрении оказывается, что в основе многих новых достижений лежали преимущественно изменения в самом индустриальном базисе или сопряженные с ними, а за «постиндустриализм» выдавалось то, что можно было бы считать качественно новым этапом индустриального общества»⁷³⁹. Кроме того, В.М. Кульков отмечает, что абстрактность тезиса «экономики для человека» «может довести и до признания «сверхчеловека», не имеющего никаких ограничений»⁷⁴⁰. Выше было отмечено, что в концепции «креатосферы» не заданы мега-цели (они же – ограничения), которым следует развитие «креатосферы», а «экономика для человека» - всего лишь абстрактное высказывание, за которым может скрываться многообразие конкретных проявлений (экономика для *какого* человека?). Следует согласиться с В.М. Кульковым в том, что «российская креатосфера должна «работать», прежде всего, на свою страну, вносить свой умножающийся вклад в создание и развитие материально-технической и интеллектуальной базы отечественной суверенной экономики, придерживаться национального приоритета и самоограничений при распространении знаний, проявлять национальную ответственность, исповедовать и отстаивать здоровую систему

⁷³⁹ Кульков В.М. Постиндустриализация или новая индустриализация //Проблемы современной экономики, 2014, № 3. с. 52 – 53.

⁷⁴⁰ Там же, с. 54.

ценностей с акцентом на традиционно присущие российскому социуму ценности»⁷⁴¹.

Таким образом, признавая объективную значимость цели развития человеческого потенциала в перспективе, с учетом ее национально-специфической и цивилизационной конкретизации, следует отметить, что для решения непосредственно стоящих перед российской экономикой проблемы перехода к новой модели экономического роста рекомендации, следующие из концепции «креатосферы», сводятся к увеличению доли ассоциированной собственности, сокращению превратного сектора в экономике, повышению расходов на образование и здравоохранение в структуре ВВП, а по ряду частных вопросов полностью совпадают с рекомендациями, предлагаемыми С.Ю. Глазьевым и его сторонниками, а также рядом рекомендаций, разрабатываемых в рамках концепции «новой индустриализации». Перейдем теперь к анализу последней.

«Новая индустриализация». Концепцию «новой индустриализации» активно разрабатывает ее автор С.С. Губанов, а также ряд его сторонников. Данная концепция в развернутом виде была представлена С.С. Губановым еще в 2008 г.⁷⁴² и последовательно развивается автором⁷⁴³. За последующие годы по тематике «новой индустриализации» было опубликовано множество работ, в литературе представлена широкая дискуссия по проблемам новой индустриализации⁷⁴⁴.

⁷⁴¹ Там же, с. 54.

⁷⁴² Губанов С.С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист, 2008, № 9.

⁷⁴³ Губанов С.С. К политике неоиндустриализации России // Экономист, 2009, № 9; Губанов С.С. Путь развития России: назревшее уточнение // Экономист, 2010, № 4; Губанов С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. М.: Книжный мир, 2012; Губанов С.С. Неоиндустриальная модель развития и её системный алгоритм // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2014, Т. 33, № 3; Губанов С. Неоиндустриализация России и нищета ее саботажной критики // Экономист, 2014, № 4; Губанов С. От экспортно-сырьевой модели к неоиндустриальной экономической системе // Экономическое возрождение России, 2015, № 4; Губанов С. Об экономической модели и долгосрочной стратегии новой индустриализации России // Экономист, 2016, № 2; Губанов С. Неоиндустриальный подъем России требует снятия системных ограничений // Экономист, 2017, № 4.

⁷⁴⁴ Амосов А. К дискуссии о новой индустриализации // Экономист, 2009, № 6; Наймушин В.Г. «Постиндустриальные» иллюзии или системная «неоиндустриализация»: выбор современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2009, № 2; Цветков В. Об отправной точке неоиндустриальной модернизации // Экономист, 2010, № 11; Толкачев С. Поиск модели неоиндустриализации России // Экономист, 2010, № 12; Амосов А. О неоиндустриальном сценарии в концепции развития до 2020 г. // Экономист, 2011, № 6; Рязанов В. От рентной экономики к новой индустриализации России // Экономист, 2011, № 8; Иванова Л. К вопросу о стратегии неоиндустриальной модернизации // Экономист, 2012, № 2; Вечканов Г. Неоиндустриализация и

«Неоиндустриализацией» С.С. Губанов называет вторую фазу индустриализации. «Первая фаза имеет своим результатом электрификацию производительных сил общества и способа производства. Результат второй фазы – автоматизированные, или технотронные производительные силы»⁷⁴⁵. Соответствующие неоиндустриализации производственные отношения подчинены закону вертикальной интеграции, «в соответствии с которым рентабельность промежуточного производства должна быть равна нулю – лишь тогда достигим максимум конечных результатов общественного воспроизводства»⁷⁴⁶. Конкретно (в том числе – в современных ведущих индустриальных странах) вертикальная интеграция проявляется как «воспроизводственная интеграция науки, добывающих и обрабатывающих производств, со специализацией на выпуске конкретных видов конечной наукоемкой продукции: микропроцессоров, ЭВМ, технотронных двигателей различного применения, авиационной техники, судов и кораблей, систем цифровой связи и цифрового телевидения, автоматизированной техники бытового назначения и

модернизация // Экономист, 2012, № 9; Селезнев А. Ресурсное обеспечение неоиндустриальной модели развития // Экономист, 2013, № 2; Сухарев О. Реиндустриализация России: возможности и ограничения // Экономист, 2013, № 3; Хубиев К. Неоиндустриальная модернизация и альтернативные подходы к ней // Экономист, 2013, № 4; Матвиенко В. О новой индустриализации России // Экономист, 2013, № 7; Бодрунов С.Д. К вопросу о реиндустриализации российской экономики // Экономическое возрождение России, 2013, № 4; Рязанов В. Время для новой индустриализации: перспективы России // Экономист, 2013, № 8; Душкова Н.А. К дискуссии по вопросу об обществе будущего: постиндустриальном или неоиндустриальном // Вестник Воронежского государственного технического университета, 2013, № 4, том 9; Позднякова Е.А. Неоиндустриализация как новый этап экономического развития // Журнал экономической теории, 2013, № 1; Дасковский В., Киселев В. Основы новой стратегии, модели и политики неоиндустриальной реконструкции // Экономист, 2014, № 1; Амосов А. Об экономическом механизме нового индустриального развития // Экономист, 2014, № 2; Архангельский Ю. Неоиндустриализация: некоторые полемические соображения // Экономист, 2014, № 5; Рязанов В.Т. Новая индустриализация России: стратегические цели и текущие приоритеты // Экономическое возрождение России, 2014, № 2; Черкасов Г. Странная логика критиков новой индустриализации // Экономист, 2014, № 9; Кульков В.М. О позиционировании новой индустриализации // Экономист, 2014, № 10; Кульков В.М. Постиндустриализация или новая индустриализация // Проблемы современной экономики, 2014, № 3; Рязанов В. Импортозамещение и новая индустриализация России, или как преодолеть стагнацию // Экономист, 2014, № 11; Дышаева Л. К вопросу о новой российской индустриализации // Экономист, 2015, № 2; Бодрунов С. Д. Какая индустриализация нужна России? // Экономическое возрождение России, 2015, № 2; Широков А., Гусев М. Логика перехода к новой модели экономического роста // Экономист, 2015, № 9; Семенова Н.Н. Неоиндустриальная модернизация как закономерный этап общественного развития // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2015, № 31; Татаркин А., Андреева Е. Перспективы неоиндустриального развития России в условиях текущих сдвигов // Экономист, 2016, № 2; Побываев С.А., Толкачев С.А. Переход к неоиндустриализации России: повестка дня и анализ вариантов // Экономическое возрождение России, 2016, № 1; Рассадина А.К. Новая индустриализация как основа прогрессивной модели экономического развития. Роль государства // Экономическое возрождение России, 2016, № 1; Ленчук Е.Б. Технологический вектор новой индустриализации в России // Экономическое возрождение России, 2016, № 2; Пронин П., Гриценко В. Концепция неоиндустриализации и ее критики // Экономист, 2016, № 12; Сухарев О. Экономический рост России: различия в подходах к выбору траектории развития (ответ «либералам») // Экономист, 2017, № 2; Черковец В., Покрытан П. К вопросу о неоиндустриализации // Экономист, 2017, № 3.

⁷⁴⁵ Губанов С.С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист, 2008, № 9, с. 17.

⁷⁴⁶ Там же, с. 7.

т.д.»⁷⁴⁷ С.С. Губановым выделяются семь особенностей вертикальной интеграции: 1) межотраслевое объединение ранее отраслевых предприятий в полный и единый цикл воспроизводства конкретной наукоемкой продукции конечного спроса; 2) гарантированное внутреннее обеспечение необходимыми материальными ресурсами, начиная с сырьевого передела; 3) специализация на выпуске наукоемкой продукции, способной удовлетворять как конечный, так и промежуточный спрос; 4) объединение производства средств производства и производства предметов конечного потребления; 5) гибкая организационная структура, подвижная во времени и пространстве; 6) поддержание отношений как прямой, так и косвенной экономической зависимости ключевых поставщиков; 7) концентрация базовой науки в составе корпораций и в университетах⁷⁴⁸. Иначе говоря, неоиндустриальная экономика – это экономика вертикально-интегрированных ТНК.

Сложившаяся в постсоветской России социально-экономическая система характеризуется С.С. Губановым как «компрадорская, экспортно-сырьевая, критически зависимая от иностранного капитала, несuverенная и архаичная, непригодная для успешного осуществления неоиндустриальной реконструкции»⁷⁴⁹, а рецессия, наблюдающаяся в российской экономике с 2013 г., - как «кризис олигархически-компрадорской системы»⁷⁵⁰. Поэтому выход из кризиса может быть только системным – необходим переход к «неоиндустриальной экономической системе», целевая функция которой характеризуется С.С. Губановым как «воспроизводство человека на основе систематического увеличения реальной покупательной способности всех трех опорных категорий общества: населения, производственных комплексов, государства. При этом человек не низводится до коммерциализируемого «человеческого капитала»⁷⁵¹.

Отметим в этой связи определенное сближение позиции С.С. Губанова с позицией А.В. Бузгалина и А.И. Колганова, поскольку в статье 2008 г. С.С. Губановым

⁷⁴⁷ Там же, с. 23.

⁷⁴⁸ Там же, с. 24 – 25.

⁷⁴⁹ Губанов С.С. Кризисные реалии России и их преломление в оценках правительства (анализ статьи Д.Медведева) // Экономист, 2015, № 10, с. 7.

⁷⁵⁰ Там же, с. 5.

⁷⁵¹ Там же, с. 7.

воспроизводство человека как цель неоиндустриализации не называлась, а сведение неоиндустриальной экономики к «экономике вертикально-интегрированных ТНК» теоретически допускает и ситуацию, в которой человек низводится до «робота», «винтика», чье предназначение – способствовать максимизации прибыли ТНК (пусть даже получаемой только из конечного продукта при нулевой рентабельности промежуточного производства). Автор осознает такую возможность, когда пишет: «В условиях капитализма процесс новой индустриализации не свободен от антагонистических и стадийных противоречий, идет весьма противоречиво, через циклические кризисы, с чередованием прогрессивных и регрессивных начал, с наступлением и отступлением» и далее уточняет: «чтобы перейти к гибкому автоматизированному производству по индивидуальным заказам, нужно вначале заменить одну социальную систему на другую и пройти обязательную промежуточную ступень в виде системы социального капитала. <...> Будущая система будет выведена на параметры времени удовлетворения заказов и потребностей людей, станет ядром воспроизводства человека, а не прибыли»⁷⁵².

В качестве исходного пункта необходимых преобразований предлагается изменение отношений собственности, устранение компраторского характера всех форм собственности (включая государственную) при сохранении иерархии многоукладных форм собственности, при том, что ведущей формой собственности в такой иерархии должна стать вертикально-интегрированная собственность. При этом опасения критиков неоиндустриальной программы по вопросу об «экспроприации» снимаются. Как отмечает С.С. Губанов, «нужно помочь компраторам сделаться промышленными капиталистами. Заметим, помочь не средствами из госбюджета, а с помощью вертикальной интеграции, прежде всего через слияния и поглощения, реорганизацию, реструктуризацию и т. д. Компраторский капитал, включенный в проектируемые вертикально интегрированные цепочки воспроизводства наукоемкой конечной продукции, растворится в промышленном и окажется связанным не с промежуточным, а с конечным производством. Тогда не бу-

⁷⁵² Там же, с. 34.

дет возможности извлекать прибыль из промежуточного добывающего сектора в нарушение закона вертикальной интеграции»⁷⁵³.

Более конкретно, предлагаемые неоиндустриальной программой меры экономической политики состоят в следующем: 1) национализация стратегических высот экономики (земля, топливно-энергетический и добывающий комплекс, инфраструктурные монополии, банковская сфера, внешняя торговля); 2) вертикальная интеграция собственности добывающей и обрабатывающей промышленности, прикладной науки в рамках общенациональных межотраслевых корпораций, специализированных на выпуске инновационной и наукоемкой продукции конечного спроса; 3) формирование мощного государственно-корпоративного сектора в качестве ядра всей российской экономики; 4) создание системы общегосударственного планирования, ориентированного на показатель производительности труда; 5) подчинение общегосударственному плану работы финансово-банковской системы; 6) внедрение принципа «точно вовремя» в систему отношений между предприятиями; 7) переход к регулированию системы оплаты труда на почасовой основе; 8) компьютеризация платежно-расчетной системы с сокращением сферы наличного денежного обращения; 9) разработка и всеобщее внедрение новой системы стандартов – технологий и продуктов; 10) разработка плана неоиндустриализации на основе собственного производства критически важных технологий (технотронных средств производства)⁷⁵⁴.

В целом неоиндустриальная программа представлена наиболее системно и имеет глубокую теоретическую проработку среди всех рассматриваемых «дирижистских» подходов. Ряд перечисленных выше практических мер целиком укладывается и в русло развития «цифровой экономики», интерес к которой в настоящее время усиливается (развитие Национальной платежной системы, компьютеризация денежного обращения и др.). Тем не менее, в представленной программе не до конца проработаны практические мероприятия по переходу от «компратор-

⁷⁵³ Губанов С.С. От экспортно-сырьевой модели к неоиндустриальной экономической системе // Экономическое возрождение России, 2015, № 4, с. 58.

⁷⁵⁴ Губанов С.С. Системный кризис и выбор пути развития России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2015, № 2 (38), сс. 39 – 40.

ской» к вертикально-интегрированной собственности. Нет ответа на вопрос, каким образом государство (и какие конкретно государственные структуры) будет контролировать и направлять процесс слияний и поглощений, реорганизаций и т.п. в интересах «новой индустриализации» (а не в государственно-олигархических интересах)? Каким образом промышленный капитал России сможет подавить сопротивление компрадорского капитала (включая мощный финансово-спекулятивный капитал)? Кроме того, сохраняется опасность искажения гуманистической составляющей новой индустриализации – когда последняя пойдет не по пути, предлагаемому С.С. Губановым и его коллегами, нацеленному в конечном счете на развитие человека, а по пути создания «экономики ТНК» на жестких принципах капиталистической эксплуатации и подавления всякого развития человека путем организации жесткой системы всеобщей цифровизации, жесткой автоматизации с выбрасыванием на улицу работников с «не вписавшимися» в автоматизацию профессиями и т.д. Увлекаясь прогрессивными сторонами новой индустриализации, ее сторонники недостаточно раскрывают возможные негативные стороны данного процесса и недооценивают гибкость и изворотливость капитализма как экономической системы, нацеленной на максимизацию, прежде всего, прибыли частного капитала (независимо от формы собственности, в которой он находится). При этом, конечно, с учетом всех оговорок, следует согласиться с главным выводом сторонником новой индустриализации: будущее России – в новой индустриализации как системы, которая способна обеспечить сохранение за страной лидирующей позиции в условиях жесткой геополитической и геоэкономической конкуренции, а только сохранение такого лидерства способно обеспечить высокий уровень и качество жизни собственного населения не на коротком, но на длительном интервале исторического времени.

Систематизированные результаты сопоставления различных подходов к политике экономического роста и формированию новой модели роста в России представлены в Таблице 30.

Таблица 30. Сопоставление либерального, шumpетерианского и дирижистских подходов к формированию новой модели экономического роста в России.

Критерии сравнения	Либеральный подход	Шumpетерианский подход	Дирижистские подходы		
			Активное государство	Развитие креатосферы	Новая индустриализация
1. Теоретическая основа	«Экономика предложения», новый институционализм	Шumpетерианская теория экономического роста	Теория технологических укладов, неокейнсианство	Неомарксизм	Воспроизводственный подход российской школы экономической мысли
2. Тип политики экономического роста (ПЭР) и государства	Пассивная («политика правил»), «минималистское государство»	Сочетание пассивной и активной политики, «стратегическое государство»	Активная («политика свободы действий»), активистское государство		
3. Основа будущей модели роста в России	Встраивание российской экономики в глобальные цепочки создания стоимости в рамках существующего разделения труда в мире	Инновационная экономика на основе внедрения НИОКР, развития университетов, инновационных видов деятельности	Суверенное развитие на основе импортозамещения, реиндустриализации, с акцентом на евразийскую интеграцию	Экономика для абстрактного человека на основе развития человеческого потенциала	Суверенное развитие на основе новой индустриализации
4. Приоритеты ПЭР	Институциональные улучшения	Сочетание институциональных преобразований и мер инновационной политики (стимулирование НИОКР, образования, отчасти - поддержка спроса)	Структурная, промышленная, дискреционная бюджетно-налоговая и денежно-кредитная политика, формирование суверенной денежной системы	Структурная и социальная политика, дополняемая активной общественной инициативой снизу	Преобразование системы отношений собственности как основа последующей структурной и промышленной политики
5. Приоритетные сферы воздействия	Нет четко выделенных сфер, некоторый акцент на образовании и инфраструктуре.	Образование, НИОКР, новые технологии в рамках 4 промышленной революции	Реальный сектор экономики, развитие внутреннего спроса	Образование, здравоохранение, культура, рекреация	Высокотехнологичное и наукоемкое машиностроение на основе вертикально-интегрированных хозяйственных комплексов
6. Недостатки и ограничения предлагаемых мер	Недооценка возможностей государственного стимулирования роста (опыт Китая, стран Азии), общая пассив-	Недооценка диспропорций инновационного развития России, недооценка возможностей по стимулирова-	Недооценка институциональных ограничений при проведении активистской экономической политики	Недооценка геополитического фактора, переоценка возможностей «общественной инициативы»	Недооценка институциональных и структурных ограничений при формировании вертикально-интегрированной собственности

	ность	нию спроса.			
7. Основные представители	Е.Г. Ясин, В.А. Мау, А.Л. Кудрин, Е.Т. Гурвич	Ф.Агийон, А. Фестре, О.С. Сухарев, В.А. Цветков	С.Ю. Глазьев, Б.Ю. Титов, В.В. Ивантер, В.Е. Маневич, А.А. Широв	А.В. Бузгалин, А.И. Колганов	С.С. Губанов, С.Д. Бодрунов

Источник: составлено автором.

6.4. Формирование национальной стратегии экономического роста.

Все рассмотренные выше подходы к формированию новой модели экономического роста имеют как достоинства, так и недостатки. Реалистичная национальная стратегия экономического роста должна аккумулировать все положительные стороны каждого подхода, однако не может рассматриваться как их простое смешение, поскольку должна соответствовать ключевым параметрам новой российской модели экономического роста и, соответственно, ранжировать меры, предлагаемые в каждом подходе, по уровню приоритетности и соподчиненности.

Новая российская модель экономического роста должна соответствовать тенденциям мирового развития с учетом трендов ведущих индустриальных стран, которые заключаются, во-первых, в переходе от информационно-индустриального типа роста к неоиндустриальному типу роста в рамках завершения становления позднеиндустриального типа экономического роста в целом. Материально-технологической основой новой российской модели экономического роста в этой связи должно стать завершение процесса информатизации экономики и параллельное ему развертывание всеобщей автоматизации производства и потребления. Это повышает требования к факторам производства и вынуждает по-новому раскрыть содержание «экономики предложения» как «экономики предложения неоиндустриального типа», основанной на автоматизированном вертикально-интегрированном производстве и качественной рабочей силе, реализующей преимущественно творческие и управленческие функции (проектирование, разработка, внедрение автоматизированной системы машин, контроль за автоматизированными процессами непосредственно на производстве, в более широком ключе – дальнейшее превращение науки в непосредственную производительную силу). Как было показано в четвертой главе, человеческий и научный потенциал

России недоиспользовался в рамках сложившейся в 2000-е гг. модели экспортно-сырьевого роста, однако его высокий запас может стать дополнительным фактором формирования неоиндустриальной модели роста, в частности, при реализации рекомендаций шумпетерианской теории экономического роста.

Вторая тенденция мирового развития, которая также должна учитываться при разработке новой российской модели экономического роста, заключается в завершении Американского системного цикла накопления капитала и становления новых центров накопления, прежде всего, в Азии. Переход от однополярной к многополярной глобализации открывает перед Россией окно возможностей по формированию собственного, евразийского системного центра накопления капитала, соответственно, новая российская модель экономического роста должна выстраиваться с учетом потенциала этого центра. В этой связи резко возрастают требования к инфраструктурному обеспечению экономического роста: повышается необходимость в развитии транспортной, коммуникационной, финансовой инфраструктуры, в частности, в формировании суверенной евразийской расчетно-платежной системы, а в перспективе – и собственной валютной зоны. Появляется возможность реализовать географические преимущества России в развитии системы как внутреннего транзита, так и международных транзитных путей («Новый Шелковый путь», Северный морской путь), что требует повышения роли государства в формировании национальной инфраструктуры.

Третья тенденция мирового развития заключается в замедлении темпов экономического роста как в ведущих индустриальных странах, так и в развивающихся экономиках. В этой связи ориентация на наращивание экспорта в рамках новой российской модели экономического роста может не дать значительного положительного эффекта. Необходимо перейти от преимущественно экспортоориентированной модели к модели, опирающейся на внутренний спрос, включая формирование интегрированных рынков в рамках евразийских международных объединений (например, ЕврАзЭС), в которой экспорт в остальные страны является необходимым дополнением, но не главным фактором роста. Переход к модели преимущественно внутреннеориентированного роста потребует перестройки всей де-

нежно-кредитной системы, переходу к суверенной эмиссии национальной валюты, нацеленной на задачи внутреннего развития, социализации финансовой системы в целях ее большего соответствия задачам внутреннего развития. Кроме того, развитие человеческого потенциала также следует превратить в фактор внутреннеориентированного роста, поскольку если такое перенаправление не осуществляется, стимулирование накопления человеческого капитала ведет лишь к его экспорту во внешний мир, а Россия, уходя от роли энерго-сырьевого донора мировой экономики, превращается в донора человеческого капитала для остального мира.

Помимо указанных мировых тенденций новая российская модель экономического роста должна решить и сугубо внутренние задачи – во-первых, задачу реиндустриализации страны, восстановления собственного ядра обрабатывающей промышленности и высокотехнологичных услуг в связке с наукой, но на новой, неоиндустриальной технологической основе. Необходимо восстановление российского суверенитета над технологическими высотами в неоиндустриальной экономике: разработка и производство собственных микропроцессоров и программного обеспечения как базовых продуктов неоиндустриальной экономики. Во-вторых, новая модель экономического роста должна соответствовать требованиям национальной экономической безопасности и по другим параметрам: в частности, обеспечение продовольственной безопасности, что требует проведения импортозамещения в агропромышленном комплексе. В-третьих, новая модель экономического роста должна отвечать критериям не только эффективности, понимаемой в узком смысле, но и социальной справедливости. Как показали многочисленные исследования, высокое социальное неравенство негативно сказывается на темпах и качестве экономического роста. Снижение социального неравенства в условиях России способно дать дополнительный импульс именно для внутреннеориентированного роста, поскольку повышение групп населения с низкими доходами приводит к росту прежде всего внутреннего спроса, что вызывает мультипликативный эффект для расширения выпуска и т.д. Напротив, рост доходов групп населения с наивысшими доходами зачастую выливается лишь в отток ка-

питала и почти ничего не дает для стимулирования роста российской экономики. Снижение социального неравенства тесно корреспондирует и с задачей ликвидации структурных перекосов между реальным и финансовым сектором, проведением социализации финансов, ликвидацией оффшорного характера российского капитализма. В этой связи усиление санкций западных стран по отношению к российскому капиталу может стать позитивным фактором для проведения деоффшоризации и социализации финансов. Создание национальной платежно-расчетной инфраструктуры, соответствующей требованиям неоиндустриальной экономики, также должно способствовать решению указанных задач.

Таким образом, *новая российская модель экономического роста должна представлять собой модель суверенного неоиндустриального преимущественно внутренне-ориентированного (евразийского) безопасного инновационного социально-ориентированного роста.* Формирование новой модели российского экономического роста требует становления «*стратегического государства*» в соответствии с рекомендациями шумпетерианской теории экономического роста при использовании элементов неоиндустриальной парадигмы развития. Конкретные меры политики экономического роста, необходимые для становления новой российской модели экономического роста, сводятся к следующему:

- суверенизация собственности, включая социализацию финансового сектора, деоффшоризацию экономики;
- становление развитой гибкой системы национального прогнозирования, программирования и стратегического планирования, увязывающей долгосрочные цели развития российской экономики с решением краткосрочных и среднесрочных задач, использующей многообразные, гибкие инструменты экономической политики, в том числе меры ДКП и БНП, а также формирующей систему национальных стандартов (научных, образовательных, технологических, продуктовых и т.п.), независимых от требований «мирового сообщества»;
- развертывание системы вертикально-интегрированных производств и соответствующих им форм собственности с выделением в качестве ведущего звена –

неоиндустриального ядра в науке, технологиях автоматизации и «цифровой экономики», машиностроении, других отраслях экономики;

- импортозамещение по ряду ключевых направлений (финансовая система, машиностроение, агропромышленный комплекс, другие отрасли, влияющие на параметры национальной экономической безопасности);

- формирование евразийского финансового и экономического макрорегиона, на этой основе переход к суверенной эмиссии, снижающей зависимость российской денежной системы от доллара США и мирового финансового рынка, суверенной организации функционирования денежно-кредитной и платежно-расчетной системы, переход к взаиморасчетам в рублях, а также в национальных валютах стран – участниц интеграционного процесса, развитие инфраструктуры, закрепляющей формирование единого экономического пространства евразийского макрорегиона (финансовой, транспортной, средств связи и т.п.);

- проведение стимулирующей ДКП и БНП и ряда институциональных преобразований, направленных на развитие науки, НИОКР, образования, ключевых производств (неоиндустриальное ядро, импортозамещение, производства, обеспечивающие национальную экономическую безопасность). Снижение налоговой нагрузки для инноваторов и иные формы поддержки инновационной деятельности;

- политика в области образования, науки и рынка труда, направленная на формирование качественного человеческого потенциала, рост человеческого капитала в целях его использования как фактора внутренне-ориентированного роста, опирающаяся на систему национальных стандартов;

- повышение эффективности трансформации существующих сбережений в реальные инвестиции, а также общее повышение нормы сбережений для стимулирования инновационного, шумпетерианского экономического роста;

- социальная политика, направленная на сокращение чрезмерного социального неравенства (в том числе посредством перехода к прогрессивному налогообложению, введению налога Тобина на финансовые операции, повышения оплаты труда, социализации отношений труда и капитала, сокращения продолжительности и

интенсивности рабочего времени в соответствии с требованиями воспроизводства неоиндустриальной рабочей силы, развитие инфраструктуры переподготовки и переквалификации работников), развитие рынка доступного жилья, политика по созданию комфортной городской среды и т.д.;

- развитие системы мониторинга и оценки качественных результатов экономического роста посредством системы показателей, нацеленных на отражение качества жизни (акцент на росте свободного времени) при условии обеспечения требований национальной экономической безопасности;

- стимулирование активности отечественного гражданского общества и подавление коррупции посредством внедрения достижений «цифровой экономики», де-бюрократизация на основе внедрения неоиндустриальных технологий в сферу государственного управления, образования и науки, разработка мер по снижению транзакционных издержек в управлении, науке, образовании и здравоохранении (упорядочение нормативно-правовой базы, оптимизация законодательства, устранение противоречий в сложившихся нормативно-правовых документах, алгоритмический подход к законотворчеству, переход от формальных к реальным показателям и смещение акцентов от интернациональных к национальным стандартам в научном и образовательном процессе, в здравоохранении, и др.).

Представленная система мер синтезирует как рекомендации, предлагаемые шумпетерианской теорией экономического роста, так и предложения сторонников «новой индустриализации» и других рассмотренных подходов в русле «дирижизма», а также ряд предложений и уточненных рекомендаций сторонников либерального подхода.

Заключение

В ходе решения поставленных в настоящем исследовании задач были получены следующие *выводы*.

1. Системная характеристика экономического роста раскрывается с учетом многообразия его аспектов. С позиции первого (абстрактно-всеобщего) канона экономический рост раскрывается в трех аспектах. В ресурсном аспекте (аспекте затрат) экономический рост предстает как количественное увеличение и качественное совершенствование экономического потенциала (физический, человеческий капитал, технологический потенциал и природно-ресурсный потенциал), рост экономии труда. Во временном аспекте экономический рост увязывается с долгосрочным трендом динамики потенциального выпуска, хотя различие между фактическим и потенциальным выпуском в современных условиях постепенно сглаживается. В аспекте результатов экономический рост проявляется, во-первых, как рост реального дохода, в том числе на душу населения; во-вторых, как качественное улучшение жизненных стандартов в ходе процесса «созидательного разрушения»; в-третьих, как увеличение недоходных составляющих благосостояния – прежде всего, свободного времени. С позиции второго канона экономический рост рассматривается в аспектах реализации воспроизводственного потенциала национальной экономики. Тем самым результаты роста (повышение уровня жизни, дохода и благосостояния) ставятся в соответствие с развитием производительных сил национальной экономики, действием национально-специфических факторов роста и ограничениями, которые накладывают на рост требования национальной экономической безопасности. При этом национально-специфическое измерение экономического роста позволяет конкретизировать следующие структурные аспекты экономического роста: внутриэкономические и внешнеэкономические, по совокупному спросу и по совокупному предложению, по параметрам распределения. Национально-специфическое измерение экономического роста позволяет дополнительно конкретизировать источники, факторы и типы экономического роста, выделить национально-специфические факторы и национально-специфические типы роста («национальные модели роста»).

2. Конкретизировано различие между источниками и факторами экономического роста. Источники экономического роста определяют принципиальную возможность возникновения экономического роста, являются его необходимыми условиями. Факторы экономического роста конкретизируют возможность возникновения экономического роста, превращая ее в действительность, или, другими словами, определяют достаточные условия для экономического роста в конкретной национальной экономике в конкретный период исторического времени. К источникам экономического роста относится способность к труду и «технологический потенциал природы», которые конкретизируются в форме факторов производства. Система факторов экономического роста является открытой и структурируется по содержательным и формальным критериям. Содержательные критерии классификации факторов экономического роста на исходном уровне анализа даны по сфере возникновения (экономические, демографические, социальные, культурные, политические, географические, геополитические факторы) и по отношению к национальной экономике (внутренние и внешние факторы). В свою очередь на втором уровне анализа экономические факторы классифицируются по критериям: по роли в процессе воспроизводства (реальные и финансовые (монетарные) факторы), по уровням воспроизводства (факторы микро- и макроуровня), по отношению к хозяйственному механизму (структурные и институциональные факторы). На третьем уровне анализа реальные факторы роста подразделяются на факторы совокупного спроса, факторы совокупного предложения и факторы распределения. По формальным критериям факторы экономического роста дополнительно характеризуются по параметрам их воздействия на экономический рост: по времени, по устойчивости, по силе, по охвату, по результатам.

3. Развитие индустриальной экономической системы сопровождается сменой системно-исторических типов экономического роста. Базовыми критериями типологизации являются ключевые технологические принципы функционирования производства (механизация, электрификация, автоматизация) и доминирующие технологии широкого применения. Дополнительными критериями разграничения системно-исторических типов роста выступают: доминирующие технологические

уклады, количественное и качественное соотношение между факторами производства (прежде всего, между капиталом и трудом), параметры неравенства в распределении доходов, темпы и устойчивость роста. Выделены три системно-исторических типа экономического роста: раннеиндустриальный, зрелый индустриальный и позднеиндустриальный рост. В рамках позднеиндустриального типа роста дополнительно выделены информационно-индустриальный и неоиндустриальный рост. Показано, что в основе современного развития ведущих индустриальных стран находится процесс перехода от информационно-индустриального к неоиндустриальному типу экономического роста.

4. Неустойчивость и нестабильность мирового экономического развития, сопровождающая становление неоиндустриального типа экономического роста, повышает значимость для развития национальной экономики формирования адекватной национальной модели экономического роста. Теоретическое содержание национальной модели экономического роста может быть раскрыто с позиций «двух канонов» экономической теории следующим образом. С позиции «первого канона» национальная модель экономического роста представляет собой форму спецификации системно-исторических типов роста в условиях конкретной национальной экономики. С позиции «второго канона» национальная модель экономического роста определяется как системный интегратор действия национально-специфических факторов экономического роста (как экономических, так и неэкономических), задающий долгосрочную «историческую колею» социально-экономического развития страны. При этом следует подчеркнуть, что переход от одной национальной модели экономического роста к другой может происходить в разных режимах: либо эволюционно-естественным путем в ходе смены системно-исторических типов роста по мере развития индустриальной экономической системы, либо в форсированно-«ручном» режиме в ходе проведения активной политики экономического роста в ответ на вызовы и угрозы экономическому развитию, стоящие перед конкретной национальной экономикой.

5. В условиях становления неоиндустриального типа экономического роста повышается роль качественных параметров экономического роста, а также усили-

ваются значимость оценки качества роста со стороны экономической статистики. Системный подход к содержанию качества экономического роста интегрирует структурный, экологический, социальный и социально-психологический подходы. Оценка качества экономического роста строится на основе сопоставления структурно-воспроизводственных параметров роста (внутреннего и внешнего спроса, трансформационного и трансакционного секторов, высокотехнологичных и низкотехнологичных видов деятельности), параметров безопасности (со стороны требований национальной экономической безопасности) и социально-воспроизводственных параметров роста (динамики дохода и продукта, показателей неравенства в распределении доходов, недоходных показателей благосостояния) с особым выделением недоходных параметров благосостояния (прежде всего, показатель роста свободного времени).

б. Сложившиеся в современной теории экономического роста подходы в ограниченной степени раскрывают реалии экономического роста России. Подход К. Маркса подтверждает значимость факторов нормы накопления и рентабельности в росте российской экономике. Кейнсианский подход делает акцент на факторах сбережений и инвестиций и позволяет выявить тенденции в динамике капиталоемкости в российской экономике и дать оценку эффективности инвестиций на макроуровне. Неоклассический подход акцентирует внимание на факторах производительности труда и капиталовооруженности. Показано, что в России по мере исчерпания потенциала восстановительного роста возрастающая отдача от капиталовооруженности сменяется убывающей отдачей. Новая теория роста с акцентом на человеческом капитале позволяет оценить вклад человеческого капитала в экономический рост в России. Показано, что экономический рост в России положительно зависит от работников с высоким и средним уровнем человеческого капитала образования, но динамика неквалифицированного труда (занятых с низким уровнем человеческого капитала) не оказывает влияния на темпы экономического роста. Отмечено также слабое соответствие моделей шumpетерианской теории роста реалиям российской экономики, отсутствует значимая зависимость между параметрами НИОКР и темпами экономического роста.

7. Исследование долгосрочной траектории экономического роста в России показало, что в ходе социально-экономической трансформации, начавшейся в 1990-е гг., в стране произошел переход с высокой траектории экономического роста на низкую, и даже ускоренный рост в 2000-е гг. не смог вернуть страну на прежнюю высокую траекторию роста. При этом главными потерями в ходе смены траектории явились потери исторического времени и упущенные возможности для развития. В этой связи смена национальной модели экономического роста требуется, в том числе, для наверстывания упущенных возможностей и выхода на новую высокую траекторию экономического роста, что позволит укрепить геоэкономические позиции России на мировой арене и обеспечить устойчивость повышения благосостояния населения.

8. Эконометрический анализ специфических факторов экономического роста в России в рамках сложившейся в 2000-е гг. национальной модели экономического роста подтвердил положительную зависимость темпов экономического роста от динамики инвестиций в основной капитал, динамики мировых цен на нефть и динамики реальной денежной массы. При этом выявлена более значимая роль инвестиций в основной капитал по сравнению с двумя другими факторами роста. Структурный анализ параметров российской модели экономического роста уточнил специфику структурных факторов экономического роста. Со стороны совокупного спроса выявлена высокая значимость факторов внешнего спроса и потребления домашних хозяйств и дана оценка вкладу внешнего и внутреннего спроса в накопленный прирост ВВП (соответственно $2/3$ и $1/3$). Со стороны совокупного предложения отмечена ускоренная динамика сектора торгово-посреднических услуг и определен вклад в накопленный прирост ВДС по четырем секторам: первичный (около 11%), вторичный (около 30%), третичный (более 50%) и четвертичный (около 5%). Подтверждено низкое качество сложившейся в 2000-е гг. модели экономического роста российской экономики и отмечено ухудшение структурных и социальных параметров качества роста в период после кризиса 2009 г.

9. Анализ экономической динамики России в условиях «новой нормальности» выявил структурные сдвиги в соотношении факторов совокупного спроса и совокупного предложения: снижение вклада внутреннего спроса и третичного сектора. Были систематизированы факторы стагнации российской экономики в 2012 – 2016 гг. с выделением внешних (замедление мирового экономического роста, снижение цен на товары сырьевого экспорта, санкции, отток капитала) и внутренних (ограничения по структуре и динамике факторов труда и капитала, институтам, снижение производительности труда, диспропорции рентабельности, сдерживающая БНП и ДКП)

10. Исследование политики экономического роста показало зависимость применяемых инструментов политики экономического роста от особенностей конкретного системно-исторического типа экономического роста и специфики «исторической колеи» национальной экономики. Отмечено, что в условиях ужесточения международной конкуренции и повышения роли геополитических факторов усиливается роль «ручного» режима в переходе к новой национальной модели экономического роста и повышается актуальность шumpетерианского и дирижистских подходов к политике экономического роста. Выявлены контуры новой модели экономического роста: неоиндустриального типа, основанной на всеобщей автоматизации производства и сокращении транзакционного сектора, инновационно-ориентированного, сочетающего импортозамещение по ряду видов деятельности, ориентированных на внутренний спрос и необходимых для обеспечения национальной экономической безопасности, с развитием экспортно-ориентированных производств с растущим уровнем добавленной стоимости; нацеленного на широкое использование человеческого потенциала и повышение уровня и качества жизни.

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать следующие *рекомендации*:

1. В условиях становления зрелого индустриального типа экономического роста количественные критерии роста уступают место качественным параметрам. Необходимо разработать и внедрить в систему национальной статистики широ-

кую «панель индикаторов», отражающих качественные показатели экономического роста и обеспечить ее увязку с традиционными количественными показателями роста. Необходимо повысить общее качество макроэкономической статистики, прежде всего, обеспечить сопоставимость и эквивалентность временных рядов за разные периоды, разработать алгоритмы пересчета макроэкономических показателей роста, рассчитанных по разным статистическим методологиям, в целях повышения качества экономического анализа и точности научного обоснования проводимой макроэкономической политики.

2. Разработать национальную стратегию перехода к неоиндустриальной российской модели экономического роста, интегрирующую предложения и рекомендации сторонников либерального, шumpетерианского и дирижистского подходов при сохранении приоритета шumpетерианского подхода в условиях ужесточения геополитической и геоэкономической конкуренции и формирования новых системных центров накопления капитала и экономического роста в мировой экономике. Конкретные направления национальной стратегии перехода к неоиндустриальной российской модели экономического роста включают: суверенизацию и деофшоризацию собственности; становление гибкой системы национального прогнозирования, программирования и стратегического планирования; развертывание системы вертикально-интегрированных производств с поддержкой неоиндустриального ядра в науке, технологиях автоматизации и «цифровой экономики», машиностроении; импортозамещение по ряду ключевых направлений, критических для обеспечения национальной экономической безопасности; активное участие в формировании евразийского финансового и экономического макрорегиона, подкрепленное переходом к суверенной денежной эмиссии; проведение политики в области образования, науки, НИОКР и рынка труда, направленной на формирование качественного человеческого потенциала как фактора российского неоиндустриального роста; реализация социальной политики, направленной на развитие человека и раскрытие его творческого потенциала; стимулирование активности отечественного гражданского общества, де бюрократизация сферы государственного управления, науки и образования.

3. Модернизировать курсы по экономике и экономической теории с интегрированием в них достижений современной теории экономического роста, включая шумпетерианскую теорию роста.

Перспективы дальнейшего исследования могут быть представлены по следующим направлениям:

1. Конкретизация и углубление российской спецификации представленных в теории экономического роста подходов и моделей.

2. Синтез универсалистского и национально-ориентированных подходов на основе развития теоретического и конкретно-прикладного содержания категории «национальная модель экономического роста».

3. Уточнение и конкретизация параметров качества экономического роста с учетом национально-специфических условий и факторов России.

Список литературы

1. Абалкин Л.И. Логика экономического роста. М.: Институт экономики РАН, 2002.
2. Абдурасулова Дж. Республика Корея: промышленная политика в условиях глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 5.
3. Абель Э., Бернанке Б. Макроэкономика. 5-е изд. СПб., Питер, 2010.
4. Автономов В. Абстракция – мать порядка? (Историко-методологические рассуждения о связи экономической науки и экономической политики) // Вопросы экономики. 2013. № 4.
5. Агийон Ф., Уильямсон Дж. Экономический рост, неравенство и глобализация: теория, история и политическая практика. М., Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015.
6. Айзинова И. М. Экономика недопотребления // Проблемы прогнозирования. 2011. №2.
7. Айзинова И. М. Экономика недопотребления // Проблемы прогнозирования. 2011. №3.
8. Акаев А.А., Румянцева С.Ю., Сарыгулов А.И., Соколов В.Н. Причины длинных волн и проблема неравномерного экономического развития мировой экономики // Кондратьевские волны: аспекты и перспективы. 2012.
9. Акиндинова Н., Кузьминов Я., Ясин Е. Российская экономика на повороте // Вопросы экономики. 2014. № 6.
10. Амосов А. К дискуссии о новой индустриализации // Экономист. 2009. № 6.
11. Амосов А. Об экономическом механизме нового индустриального развития // Экономист. 2014. № 2.
12. Амосов А. О неоиндустриальном сценарии в концепции развития до 2020 г. // Экономист. 2011. № 6.
13. Андросов Д.В., Головин А.А. Измерение и факторы экономического роста // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2010. Т. 4. № 4.

14. Антипина О.Н. Информационная экономика: современные технологии и ценообразование. М., ТЕИС, 2009.
15. Антипина О. Н. Экономическая теория счастья как направление научных исследований // Вопросы экономики. 2012. № 2.
16. Анчишкин А. И. Прогнозирование роста социалистической экономики. – М.: «Экономика». 1973.
17. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени / пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельмана. М.: Территория будущего, 2006.
18. Архангельский Ю. Неоиндустриализация: некоторые полемические соображения // Экономист. 2014. № 5.
19. Аузан А.А., Архангельский А.Н., Лунгин П.С., Найшуль В.А. Культурные факторы модернизации. СПб.: 2011.
20. Аузан А.А. Национальные ценности и модернизация. М.: 2010.
21. Аузан А.А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер. 2014.
22. Аузан А.А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2015. № 1.
23. Байнев В. «Четвертая промышленная революция» как очередной этап экономической интеграции // Экономист. 2017. № 2.
24. Банк России, официальный сайт: URL: <http://www.cbr.ru>
25. Беккин Р. И. Исламская экономика: между капитализмом и социализмом // Вопросы экономики. 2007. № 10.
26. Беккин Р. И. Исламская экономическая модель и современность. М.: ИД Марджани. 2009.
27. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999.
28. Белоусов А.Р., Клепач А.Н. Кризис индустриальной модели советского типа // Шансы российской экономики. Анализ фундаментальных оснований ре-

формирования и развития / Под ред. Осипова Ю.М. и Шургалиной И.Н. М.: Ассоциация «Гуманитарное знание». Выпуск I. 1996.

29. Белоусов А.Р. Эволюция системы воспроизводства российской экономики: от кризиса к развитию. М.: Макс Пресс. 2006.

30. Белоусов Д.Р., Апокин А.Ю., Пенухина Е.А., Сабельникова Е.М., Фролов И.Э. Развитие науки и технологий: возможности и риски для общества. М.: МГИУ. 2015.

31. Белоусов Д.Р. Операция «Развитие»: как преодолеть долгосрочную стагнацию // Экономическое возрождение России. 2017. № 2.

32. Белоусов Д. Р. Проблема экономического роста: краткосрочный и среднесрочный аспекты. Доклад. 2014. Апрель. Интернет-ресурс: URL: <http://www.forecast.ru/ARCHIVE/Presentations/HSE/2014/DB2014.pdf>

33. Белоусов Р.А. Экономическая история России: XX век. М.: ИздАТ. 2006. Книга 5.

34. Бобков В.Н. 20 лет капиталистических трансформаций в России: влияние на уровень и качество жизни // Мир России. 2012. № 2.

35. Богомоллов В.А., Богомоллова В.А. Антикризисное регулирование экономики. Теория и практика. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2003.

36. Бодрунов С.Д., Гринберг Р.С., Сорокин Д.Е. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски // Экономическое возрождение России. 2013. № 1.

37. Бодрунов С. Д. Какая индустриализация нужна России? // Экономическое возрождение России. 2015. № 2.

38. Бодрунов С.Д. К вопросу о реиндустриализации российской экономики // Экономическое возрождение России. 2013. № 4.

39. Бодрунов С.Д. Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты // Экономическое возрождение России. 2016. № 2.

40. Бодрунов С.Д. Новое индустриальное общество. Структура и содержание общественного производства, экономические отношения, институты // Экономическое возрождение России. 2015. № 4.

41. Бодрунов С.Д. Российская экономическая система: будущее высокотехнологического материального производства // Экономическое возрождение России. 2014. № 2.
42. Борисова И., Замараев Б., Козлова И., Назарова А., Суханов Е. Российская экономика под гнетом санкций и дешевой нефти // Вопросы экономики. 2016. № 7.
43. Бреннер Р. Экономика глобальной турбулентности. Развитые капиталистические экономики в период от долгого бума до долгого спада, 1945 – 2005 /Пер. с англ. М.: Издательский дом ВШЭ. 2014.
44. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. В 3-х тт. М.: Издательство «Весь мир». 2006.
45. Будущее России: инерционное развитие или инновационный прорыв (долгосрочный сценарный прогноз) // Проблемы прогнозирования. 2005. № 5.
46. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. В 2-х т. Издание 3-е. М.: Ленанд. 2015.
47. Бузгалин А.В., Колганов А.И., Ракитская Г.Я. Экономика для человека (Антикризисная программа Демократических левых). М.: Экономическая демократия. 1992.
48. Бузгалин А.В. Обновление экономической системы России: необходим отказ от «рыночного фундаментализма» // Проблемы современной экономики. 2014. № 3.
49. Бюро экономического анализа: URL: http://www.bea.gov/iTable/index_industry_gdpIndy.cfm
50. Варнавский В. Экономический рост в США: тренды и факторы // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Том 60. № 2.
51. Вереникин А. О. Оптимизационные процессы в механике и экономике: поиск энергетических оснований трудовой теории стоимости // Вестник МГУ. Сер. 6 «Экономика». 2010. № 3.
52. Вечканов Г. Неиндустриализация и модернизация // Экономист. 2012. № 9.

53. Гайдар Е.Т. Восстановительный рост и некоторые особенности современной экономической ситуации в России // Вопросы экономики. № 5. 2003.
54. Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело. 2005.
55. Галаган А.Б., Савинов Ю.А. Эволюция модели экономического развития Китая // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 6.
56. Глазьев С., Жуковский В. Прокризисный характер концептуально-программных основ деятельности «мегарегулятора» // Российский экономический журнал. 2014. № 6.
57. Глазьев С.Ю. Какая модернизация нужна России? //Экономист. 2010. № 8.
58. Глазьев С.Ю. Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов // Вопросы экономики. 2009. № 3.
59. Глазьев С.Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития. Доклад. / С.Ю. Глазьев. М.: Институт экономических стратегий, Русский биографический институт. 2015.
60. Глазьев С. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития //Российский экономический журнал. 2015. № 5.
61. Глазьев С. Ю. О роли Центрального банка России в экономическом кризисе: проблемы и решения // Экономическое возрождение России. 2014. № 4.
62. Глазьев С. О практичности количественной теории денег или сколько стоит догматизм денежных властей // Вопросы экономики. 2008. № 7.
63. Глазьев С. О таргетировании инфляции // Вопросы экономики. 2015. № 9.
64. Глазьев С. Санкции США и политика Банка России: двойной удар по национальной экономике // Вопросы экономики. 2014. № 9.

65. Глазьев С.Ю. Снова к альтернативной системе мер государственной политики модернизации и развития отечественной экономики (предложения на 2013 год) // Российский экономический журнал. 2013. № 3.

66. Глазьев С.Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России. 2012. № 2 (57).

67. Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар. 1993.

68. Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г. О стратегии устойчивого развития экономики России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2013. № 1.

69. Гобсон Дж. А. Империализм. Л.: Рабочее издательство «Прибой». 1927.

70. Годовой отчет МВФ. Содействие всеобъемлющему росту. МВФ. 2017. URL: <http://www.imf.org>

71. Горшков А.В., Силова Е.С. Качество институциональной среды как фактор экономического роста // Известия Уральского государственного экономического университета. 2006. № 4 (16).

72. Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. /пер. с англ. И. Кушнareвой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2013.

73. Грейф А. Институты и путь к современной экономике: уроки средневековой торговли // Экономическая социология. Т. 13. № 2. Март 2012.

74. Громан В. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруженных в нашем народном хозяйстве // Плановое хозяйство. 1925. № 1,2.

75. Группа Всемирного банка. От рецессии к восстановлению. Доклад об экономике России. Май 2017 г., Электронный ресурс: URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/894401495493535366/RER-37-May26-FINAL-with-summary-RUS.pdf>

76. Губанов С. Автономная рецессия как финальная фаза системного кризиса России // Экономист. 2013. № 9.

77. Губанов С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. М.: Книжный мир. 2012.
78. Губанов С.С. К политике неоиндустриализации России // Экономист. 2009. № 9.
79. Губанов С.С. Кризисные реалии России и их преломление в оценках правительства (анализ статьи Д.Медведева) // Экономист. 2015. № 10.
80. Губанов С.С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. 2008. № 9.
81. Губанов С. Неоиндустриализация России и нищета ее саботажной критики // Экономист. 2014. № 4.
82. Губанов С.С. Неоиндустриальная модель развития и её системный алгоритм // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. Т. 33. № 3.
83. Губанов С. Неоиндустриальный подъем России требует снятия системных ограничений // Экономист. 2017. № 4.
84. Губанов С. Об экономической модели и долгосрочной стратегии новой индустриализации России // Экономист. 2016. № 2.
85. Губанов С.С. От экспортно-сырьевой модели к неоиндустриальной экономической системе // Экономическое возрождение России. 2015. № 4.
86. Губанов С.С. Путь развития России: назревшее уточнение // Экономист, 2010. № 4.
87. Губанов С. Рост без развития и его пределы // Экономист. № 4. 2006.
88. Губанов С. Рост без развития // Экономист. № 9. 2003.
89. Губанов С.С. Системный кризис и выбор пути развития России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 2 (38).
90. Гурвич Е., Прилепский И. Влияние финансовых санкций на российскую экономику // Вопросы экономики. 2016. № 1.
91. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. Избранное / Дж. К. Гэлбрейт. – М.: Эксмо. 2008.
92. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Известия. 2003.

93. Данилишин Б. М., Веклич О. А. Индикатор подлинного прогресса как адекватный макроэкономический показатель общественного благосостояния // Проблемы прогнозирования. 2010. № 6.
94. Дасковский В., Киселев В. Основы новой стратегии, модели и политики неоиндустриальной реконструкции // Экономист. 2014. № 1.
95. Дементьев В.Е. Длинные волны экономического развития и финансовые пузыри. М.: ЦЭМИ РАН. 2009.
96. Дементьев В.Е. Роль фирм разных размеров на отдельных фазах длинной волны // Экономика и математические методы. 2012. Т. 48. № 4.
97. Дементьев В.Е. Структурные факторы технологического развития // Экономика и математические методы. 2013. Т. 49. № 4.
98. Дементьев В.Е. Финансовые пузыри на длинных волнах экономического развития // Экономика и математические методы. 2011. Т. 47. № 1.
99. Дзарасов Р. С., Новоженев Д. В. Теория качественной неоднородности ресурсов и условия экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2005. № 5.
100. Долговая проблема как феномен XXI века. Монография / под ред. А. А. Пороховского. М.: Макс-Пресс. 2014.
101. Дорнбуш Р., Фишер С. Макроэкономика. М.: ИНФРА, 1997.
102. Душкова Н.А. К дискуссии по вопросу об обществе будущего: постиндустриальном или неоиндустриальном // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2013. № 4. Том 9.
103. Дышаева Л. К вопросу о новой российской индустриализации // Экономист. 2015. № 2.
104. Ершов М. О «длинных деньгах» в посткризисных условиях // Вестник Финансового университета. 2011. № 4.
105. Ершов М. Россия и мир: насколько устойчив экономический рост? Риски и препятствия // Вопросы экономики. 2017. № 12.
106. Замаев Б., Киюцевская А., Назарова А. и др. Замедление экономического роста в России // Вопросы экономики. 2013. № 8.

107. Зубов В. М. Качество экономического роста. Красноярск. 1991.
108. Иванова Л. К вопросу о стратегии неоиндустриальной модернизации // Экономист. 2012. № 2.
109. Иванов Ю. М. Соотношение экстенсивных и интенсивных процессов в расширенном воспроизводстве. М.: 1980.
110. Иванов Ю. Н. Система национальных счетов 2008 года // Экономический альманах. 2011. № 2.
111. Ивантер В. В., Узяков М. Н., Ксенофонтов М. Ю. и др. Новая экономическая политика – политика экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2013. № 6.
112. Инвестиции в России. 2015: Стат. сб./Росстат. М.: 2015.
113. Инновационный путь развития для новой России / отв. ред. В. П. Горегляд. М.: Наука. 2005.
114. Иноземцев В. Будущее России – в новой индустриализации // Экономист. 2010. № 11.
115. Исаев А. Г. Транспортная инфраструктура и экономический рост: пространственные эффекты // Пространственная экономика. 2015. № 3.
116. Камаев В. Д. Развитой социализм: темпы и качество экономического роста. М.: Мысль. 1977.
117. Капелюшников Р. Идея «вековой стагнации»: три версии // Вопросы экономики. 2015. № 5.
118. Р. Капелюшников. Неравенство: как не примитивизировать проблему // Вопросы экономики. 2017. № 4.
119. Капелюшников Р. Производительность и оплата труда: немного простой арифметики // Вопросы экономики. 2014. № 3.
120. Капелюшников Р. И. Сколько стоит человеческий капитал России? /препринт WP3/2012/06. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2012.
121. Капелюшников Р., Ощепков А. Российский рынок труда: парадоксы посткризисного развития // Вопросы экономики. 2014. № 7.

122. Капелюшников Р.И. Технологический прогресс – пожиратель рабочих мест? // Вопросы экономики. 2017. № 11.
123. «Капитал» и экономикс: вопросы методологии, теории и преподавания. Выпуск 5 / под ред. В. Н. Черковца. М.: ТЕИС. 2012.
124. «Капитал» прирастает тиражом // Известия. 2010. 29 янв.
125. Капустин Е. И. Уровень, качество и образ жизни населения России. М.: Наука. 2006.
126. Картаев Ф. Полезно ли инфляционное таргетирование для экономического роста? // Вопросы экономики. 2017. № 2.
127. Качество и цена экономического роста. (Проблемы хозяйственной реформы) / отв. ред. Э. П. Горбунов. М.: 1988.
128. Квашнина Н.А. Экономический рост и инвестиционный процесс: вопросы методологии, теории и практики (региональный аспект). Иваново. Ивановский гос. Ун-т, 2004.
129. Красникова Е.В. Социально-экономический портрет российской модели капитализма. М.: ТиРу. 2012.
130. Кенэ Ф., Тюрго А-Р. Ж., Дюпон де Немур П.-С. Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: Эксмо, 2008.
131. Клейнер Г.Б., Рыбачук М.А. Системная сбалансированность экономики. Монография. М.: Издательский дом «Научная библиотека». 2017.
132. Клоцвог Ф.Н., Новичков В.А. Применение динамической модели межотраслевого баланса для народнохозяйственных расчетов на длительную перспективу // Методология прогнозирования экономического развития СССР. / Под ред. Л. М. Гатовского, С. А. Хейнмана, Ю. Е. Ковтуна. М.: Экономика. 1971.
133. Клюкин П. Н., Кривенко П. А. Суздальская модель Н. Д. Кондратьева в контексте теорий экономического роста. Электронный ресурс: URL: <http://www.hse.ru/data/193/418/1241/krivenko-klyukin.doc>.
134. Козельский А.В. Эволюция сферы инфраструктурных услуг как фактор экономического роста // Terra Economicus. 2013. Том 11. № 4.

135. Колганов А.И., Бузгалин А.В. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс // Социологические исследования. 2014. № 1.
136. Колганов А.И., Бузгалин А.В. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс // Социологические исследования. 2014. № 3.
137. Колодко Гж. В. Мир в движении. М., Магистр. 2009.
138. Коломак Е. А. Эффективность инфраструктурного капитала в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2011. № 10.
139. Кондратьев В.Б. Инфраструктура и экономический рост // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 11.
140. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989.
141. Кудрин А., Горюнов Е., Трунин П. Стимулирующая денежно-кредитная политика: мифы и реальность // Вопросы экономики. 2017. № 5.
142. Кудрин А., Гурвич Е. Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. 2014. № 12.
143. Кудрин А., Соколов И. Бюджетный маневр и структурная перестройка российской экономики // Вопросы экономики. 2017. № 9.
144. Кузнецова Н. П. Экономический рост в историческом контексте. СПб.: Изд-во СПбГУ. 1996.
145. Кульков В.М. Завершился ли переходный период в экономике России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 4.
146. Кульков В.М., Кайманаков С.В., Теняков И.М. Экономический рост в России: национальная модель, качество и безопасность // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 38.
147. Кульков В. М. Национальная ориентация политической экономии: необходимость и формы реализации // Журнал экономической теории. 2013. № 2.
148. Кульков В.М. О позиционировании новой индустриализации // Экономист. 2014. № 10.

149. Кульков В. М. Параметры исследования и формирования национальной экономической системы в России // Экономическое возрождение России. 2014. № 3.
150. Кульков В.М. Постиндустриализация или новая индустриализация // Проблемы современной экономики. 2014. № 3.
151. Кульков В. М. Современные экономические институты и сравнительный анализ теоретических парадигм // Вопросы политической экономии. 2013. № 3.
152. Кульков В.М., Теняков И.М. К вопросу о координатах инновационных сопоставлений // Экономист. 2013. № 9.
153. Курс на зеленый рост. Резюме для лиц, принимающих решения. ОЭСР. 2011. Май.
154. Курс экономической теории. /Под ред. А. В. Сидоровича 3-е изд. М.: ДИС. 2007.
155. Лавров Е.И., Капогузов Е.А. Экономический рост: теории и проблемы: учебное пособие. Омск.: Изд-во ОмГУ. 2006.
156. Лавровский Б. Оценка производительности труда в России и мире // Экономист. 2014. № 12.
157. Ланге О. Введение в экономическую кибернетику. М.: Прогресс, 1968.
158. Ларионова Н.И. Экономический подход к социальному капиталу // Экономика образования. 2014. №4.
159. Лахман В. Экономика народного хозяйства. М.: Волтерс Клувер. 2008.
160. Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // ПСС. Т. 27. М.: Издательство политической литературы. 1969.
161. Ленчук Е.Б. Технологический вектор новой индустриализации в России // Экономическое возрождение России. 2016. № 2.
162. Леонтьев В. В. Баланс народного хозяйства СССР. Методологический разбор работы ЦСУ // Плановое хозяйство. 1925. № 12.
163. Лист Ф. Национальная система политической экономии. М.: Европа. 2005.

164. Лоскутова М.В. Социокультурные факторы экономического роста // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 10.
165. Лукас Р. Э. Лекции по экономическому росту / пер. с англ. М.: Изд. Института Гайдара. 2013.
166. Лушников О.Е. О некоторых практических результатах общественно-экономической трансформации в странах Центральной и Восточной Европы // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 3 (8).
167. Львов Д.С., Глазьев С.Ю. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. 1986, № 5.
168. Лэйярд Р. Счастье: уроки новой науки / пер. с англ. М.: Издательство Института Гайдара. 2012.
169. Любимов И. От человеческого капитала к экономическому росту: прямая дорога или долгое блуждание по лабиринту // Вопросы экономики. 2017. № 8.
170. Маевский В. Воспроизводство основного капитала и экономическая теория // Вопросы экономики. 2010. № 3.
171. Маевский В., Малков С. Перспективы макроэкономической теории воспроизводства // Вопросы экономики. 2014. № 4.
172. Макаров В.Л., Рубинов А.М. Математическая теория экономической динамики и равновесия. М.: Наука. 1973.
173. Макашева Н. Проблема интеграций теорий экономического цикла и равновесия (вторая половина 1920-х – 1930-е годы) и проект теории экономической динамики Н. Д. Кондратьева // Вопросы экономики. 2014. № 1.
174. Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс. Принципы, проблемы и политика. 14-е издание. М.: ИНФРА-М. 2003.
175. Макроэкономика. /Под ред. К.А. Хубиева. М.: ТЕИС. 2004.
176. Макроэкономика. Теория и российская практика. / Под ред. А. Г. Грязновой, Н. Н. Думной 6-е изд. М.: КНОРУС. 2011.
177. Макроэкономика: учебник для бакалавров. / Под ред. С.Ф. Серegiной. 2-е изд. М.: Юрайт. 2013.

178. Максимова Е.И. Экономика Китая: перспективы смены модели экономического роста // Восточная аналитика. 2014. № 4.
179. Маневич В.Е. Альтернативные стратегии преодоления стагнации и «новая модель роста» российской экономики // Вопросы экономики. 2017. № 8.
180. Маневич В. Функционирование денежно-финансовой системы и депрессия российской экономики // Вопросы экономики. 2016. № 2.
181. Мантуров Д.В. Государственное регулирование в промышленности в течение 25 лет. Промышленность в 2000 - 2009 гг. // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 4.
182. Мантуров Д.В. Государственное регулирование в промышленности в течение 25 лет. Часть 1: Промышленность 1990-х гг. // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 3.
183. Мантуров Д.В., Никитин Г.С., Осьмаков В.С. Государственное регулирование российской промышленности в 2010-х гг. // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 1.
184. Маркс К. К критике политической экономии. М.: Политиздат. 1990.
185. Маркс К., Энгельс Ф., Собр. соч., М.: Госполитиздат. 1960. Т. 23.
186. Маркс К., Энгельс Ф., Собр. соч., М.: Госполитиздат. 1960. Т. 24.
187. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., Госполитиздат. 1961. Т. 24.
188. Маршалл А. Принципы экономической науки. М.: Прогресс, 1993. Т. 3.
189. Матвиенко В. О новой индустриализации России // Экономист. 2013. № 7.
190. Мау В. В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие России в 2013 г. // Вопросы экономики. 2014. № 2.
191. Мау В. Уроки стабилизации и перспективы роста: экономическая политика в России в 2016 году // Вопросы экономики. 2017. № 2.
192. Мау, В.А., Ясин, Е.Г. Двадцать лет рыночных реформ и новая модель экономического роста [Текст] : докл. к XIII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 3–5 апр. 2012 г. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2012.

193. Медведев Д.А. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. 2015. № 10.
194. Международный валютный фонд. Официальный сайт: URL: <http://www.imf.org>.
195. Микульский К. И. Экономический рост при социализме. Современный опыт и перспективы. М.: Наука. 1983.
196. Миронов В., Канофьев В. Грозящая рецессия и как с ней бороться: эмпирический анализ российских реалий и мирового опыта // Вопросы экономики. 2014. № 1.
197. Мишулин Г.М., Стягун А.В. Экономический рост: факторы, источники, механизмы. Монография. – М.: ЗАО «Издательство современная экономика и право», Краснодар: Изд. ФГБОУ ВПО «КубГТУ». 2012.
198. Модернизация и конкурентоспособность российской экономики. Монография / под ред. И. Р. Курнышевой и И. А. Погосова. СПб.: Алетейя. 2010.
199. Мозиас П. М. «Новая нормальность» китайской экономики //Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 12.
200. Мониторинг Минэкономразвития: «Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в январе - ноябре 2013 года». Электронный ресурс: URL: http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/activity/sections/macros/monitoring/doc20131227_26
201. Моришима М. Равновесие, устойчивость, рост (Многоотраслевой анализ). М.: Наука. 1972.
202. Московский А.И. Современные экономические институты. М.: Экономический факультет МГУ, ТиРу. 2012.
203. Мухетдинова Н.М. О законодательном обеспечении формирования современной системы стратегического планирования в России // Финансы: теория и практика. 2014. № 2 (80).
204. Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории / пер. с англ. М.: Изд. Института Гайдара. 2012.

205. Мэнкью Н. Г. Принципы экономикс. СПб.: Питер. 1999.
206. Наймушин В.Г. «Постиндустриальные» иллюзии или системная «неоиндустриализация»: выбор современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2009. № 2.
207. Натхов Т. Образование, социальный капитал и экономическое развитие (обзор основных исследований) // Вопросы экономики. 2014, № 8.
208. Натхов Т., Полищук Л. Инженеры или юристы? Институты и спрос на высшее образование // Вопросы экономики. 2012. № 10.
209. Национальное богатство и национальный продукт. Монография / под ред. В. Н. Черковца. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова; Рыбинск.: Офис 2000. 2010.
210. Никифоров А.А., Антипина О.Н., Миклашевская Н.А. Макроэкономика: научные школы, концепции, экономическая политика. 2-е изд. М.: ДИС. 2010.
211. Николаев М., Махотаева М. Роль территориального фактора в экономической динамике // Экономист. 2015. № 3.
212. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология/Под редакцией В. Л. Иноземцева. М.: Academia. 1999.
213. Новожилов В. В. Измерение затрат и результатов. М.: 1965.
214. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономик. М.: Начала. 1997.
215. Норт Д. Капитализм и экономический рост // Журнал экономической теории. 2005. № 3.
216. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества /Пер. с англ. М.: 2011.
217. Ноткин А. И. Вопросы определения экономической эффективности капитальных вложений в промышленности СССР. М.: 1953.
218. Ноткин А. И. Интенсивный тип расширенного воспроизводства // Проблемы экономической науки и практики. М.: 1972.
219. Ноткин А. И. Проблемы социалистического воспроизводства. М.: Наука. 1984.

220. Нуреев Р.М. Экономика развития. М.: Норма. 2008.
221. «Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 г.» Утверждены Председателем Правительства РФ 5 августа 2005 г. № 2473п-П7.
222. «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу». Утверждены Президентом Российской Федерации 30 марта 2002 г. № Пр-576.
223. Панорама экономической мысли конца XX столетия / Под ред. Д. Гринэуэй, М. Блини, И. Стюарт // Пер. с англ. СПб.: 2002.
224. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / пер. с англ. Ф. В. Маевского. М.: Дело АНХ. 2011.
225. Перспективы развития мировой экономики // Бюллетень основных прогнозов ПРМЭ. Электронный ресурс: URL: <http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/weo/2014/update/02/pdf/0714r.pdf>
226. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс. 2015.
227. Плато К. Два года спустя после доклада комиссии Стиглица - Сена - Фитусси: что нового в статистическом измерении благосостояния и устойчивого развития общества? // Вопросы статистики. 2011. № 11.
228. Платонов О. Экономика русской цивилизации. М.: Институт русской цивилизации. 2008.
229. Побываев С.А., Толкачев С.А. Переход к неоиндустриализации России: повестка дня и анализ вариантов // Экономическое возрождение России. 2016. № 1.
230. Погосов И.А., Соколовская Е.А. Факторы долгосрочного экономического роста: соотношение капитала и труда в приросте валового дохода экономики, численность занятых и производительность труда // Проблемы прогнозирования. 2015. № 6.

231. Погосов И.А. Факторы долгосрочного экономического роста: научно-технический прогресс и капиталоемкость производства // Проблемы прогнозирования. 2015. № 5.
232. Погосов И. А. Чистый внутренний продукт как основа анализа и прогнозирования развития экономики // Проблемы прогнозирования. 2013. № 4.
233. Позднякова Е.А. Неоиндустриализация как новый этап экономического развития // Журнал экономической теории. 2013. № 1.
234. Полищук Л., Меняшев Р. Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. 2011. № 12.
235. Полтерович В.М. Куда идти: двадцать четыре тезиса // Экономическая наука современной России. 2014. № 3 (66).
236. Полтерович В., Попов В. Эволюционная теория экономической политики / Вопросы экономики. № 7. 2006.
237. Попов Г.Г. Национальное экономическое развитие в условиях глобализации: Фридрих Лист vs классическая школа // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5. № 4.
238. Пороховский А.А. За и против «рыночной колеи» России в XXI в. // Экономическое возрождение России. 2016. № 2.
239. Пороховский А.А. Системное перестроение российской экономики: возможности «рыночной колеи» // Философия хозяйства. 2017. № 1.
240. Пороховский А.А., Фомина В.С. Большой бизнес в США: динамика и сферы влияния // США – Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 10.
241. Порфирьев Б. Н. Оценка и прогноз техногенных рисков долгосрочного экономического роста в России // Проблемы прогнозирования. 2013. № 4.
242. Постановление Правительства Российской Федерации от 3 февраля 1994 г. № 65. «О Фонде содействия развитию малых форм предпринимательства в научно-технической сфере».
243. Постановление Правительства Российской Федерации от 8 сентября 1994 г. № 1023. «О Российском гуманитарном научном фонде».

244. Постановление Правительства Российской Федерации от 31 марта 1997 № 360. «Об утверждении Программы Правительства Российской Федерации «Структурная перестройка и экономический рост в 1997–2000 годах».

245. Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65. «О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002 - 2010 годы)».

246. Постановление Правительства РФ от 9 апреля 2010 г. N 218. «О мерах государственной поддержки развития кооперации российских образовательных организаций высшего образования, государственных научных учреждений и организаций, реализующих комплексные проекты по созданию высокотехнологичного производства, в рамках подпрограммы "Институциональное развитие научно-исследовательского сектора" государственной программы Российской Федерации "Развитие науки и технологий" на 2013–2020 годы"».

247. Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2013 г. N 1312. «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским организациям на компенсацию части затрат на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по приоритетным направлениям гражданской промышленности в рамках реализации такими организациями комплексных инвестиционных проектов».

248. Постановление Правительства РФ от 3 января 2014 г. № 3. «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским организациям на компенсацию части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным в российских кредитных организациях в 2014–2016 гг. на реализацию новых комплексных инвестиционных проектов по приоритетным направлениям гражданской промышленности».

249. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. N 328. «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности».

250. Приказ Минпромторга России от 23.04.2010 № 319 (ред. от 27.12.2013). «Об утверждении Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации на период до 2020 года».

251. Приказ Минпромторга России от 09.12.2010 № 1150. «Об утверждении Стратегии развития тяжелого машиностроения на период до 2020 года».

252. Приказ Минпромторга России от 22.02.2011 № 206. «Об утверждении Стратегии развития энергомашиностроения Российской Федерации на 2010–2020 годы и на перспективу до 2030 года».

253. Приказ Минпромторга России от 22.12.2011 № 1810. «Об утверждении стратегии развития сельскохозяйственного машиностроения России на период до 2020 года».

254. Проблемы и противоречия воспроизводства в России в контексте мирового экономического развития. Теория. Сопоставления. Поиски / под ред. В. Н. Черковца. М.: Экон. ф-т МГУ, ТЕИС. 2004.

255. Промышленная политика в условиях новой индустриализации: Монография / Авт. кол.: Андрианов К.Н. и др.; Под ред. Толкачева С.А. М.: МАКС Пресс. 2015.

256. Пронин П., Гриценко В. Концепция неоиндустриализации и ее критики // Экономист. 2016. № 12.

257. Радыгин А., Энтов Р. В поисках институциональных характеристик экономического роста (новые подходы на рубеже XX – XXI вв.) // Вопросы экономики. 2008. № 8.

258. Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2014.

259. Распоряжение Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. N 2539-р. «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности».

260. Рассадина А.К. Новая индустриализация как основа прогрессивной модели экономического развития. Роль государства // Экономическое возрождение России. 2016. № 1.

261. Роговский Е. А. Кибер-Вашингтон: глобальные амбиции. М.: Международные отношения. 2014.

262. Ромер Д. Высшая макроэкономика / пер. с англ. М.: НИУ ВШЭ. 2014.

263. Россия: новые источники роста. Доклад ЦМАКП на XI Красноярском экономическом форуме. 27 февраля – 1 марта 2014 г. URL: <http://www.forecast.ru/ARCHIVE/Presentations/Kras2014/CMASF.pdf>
264. Росстат. Официальный сайт: URL: <http://www.gks.ru>
265. Рудакова И.Е., Курносова Т.И. Представление о человеке и человеческий капитал в экономической теории // Философия хозяйства. 2013. № 2.
266. Рудакова И.Е. Проблема экономического роста: роль ресурсных и нересурсных факторов // Философия хозяйства. 2015. № 2.
267. Рябов И.В., Смирнова О.О., Агапова Е.В. Подходы к оценке влияния институциональных факторов на экономический рост // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2013. № 5.
268. Рязанов В. Время для новой индустриализации: перспективы России // Экономист. 2013. № 8.
269. Рязанов В. Импортзамещение и новая индустриализация России, или как преодолеть стагнацию // Экономист. 2014. № 11.
270. Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М.: Экономика. 2016.
271. Рязанов В.Т. Неустойчивый экономический рост как «новая нормальность»? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. 2013. № 4.
272. Рязанов В.Т. Новая индустриализация России или мечты о постиндустриальном идеале // Социологические исследования. 2014. № 11.
273. Рязанов В.Т. Новая индустриализация России как реальная цель и постиндустриальный идеал // Проблемы современной экономики. 2014. № 4.
274. Рязанов В.Т. Новая индустриализация России: стратегические цели и текущие приоритеты // Экономическое возрождение России. 2014. № 2.
275. Рязанов В. Т. Об универсальности экономики и возможностях универсального экономического знания // Экономическая теория на пороге XXI века. Т. 1 / под ред. Ю. М. Осипова, В. Т. Пуляева. СПб.: Петрополис. 1996.
276. Рязанов В. От рентной экономики к новой индустриализации России // Экономист. 2011. № 8.

277. Рязанов В. Социализация финансов и беспроцентная экономика: варианты и альтернативы нового финансового порядка // Экономист. 2016. № 8.
278. Рязанов В. Т. Хозяйственный строй России. На пути к другой экономике. СПб.: Издат. дом С.-Петербур. гос. ун-та. 2009.
279. Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX - XX вв. СПб.: Наука. 1998.
280. Сакс Д., Ларрен Ф. Макроэкономика. Глобальный подход. М.: Дело. 1996.
281. Салийчук В.Ф. Экономический рост: теоретические аспекты. Курган.: Изд-во Курганского гос. ун-та. 2004.
282. Селезнев А. Ресурсное обеспечение неоиндустриальной модели развития // Экономист. 2013. № 2.
283. Селищев А.С. Сравнительный анализ моделей экономического роста (на примере стран Восточной Азии). СПб.: 1995.
284. Семенова Н.Н. Неоиндустриальная модернизация как закономерный этап общественного развития // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 31.
285. Сидорович А.В. Экономическая стратегия государства и модель национальной экономики России // Общество. Государство. Политика. 2008. № 2.
286. Сидорович А.В. Экономическая теория – основа экономической стратегии государства // Экономическая теория. 2010. Т. 7. № 1.
287. Симчера В.М. Развитие экономики России за 100 лет: 1900 – 2000. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы / В.М. Симчера. – М.: Наука. 2006.
288. Система национальных счетов 2008. Нью-Йорк. 2012.
289. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо. 2007.
290. Соколова И. Ю. Проблемы измерения ВВП США // США – Канада: экономика, политика, культура. 2008. № 12.

291. Сорокин А.В. Кейнсианская проверка теории Маркса // Журнал экономической теории. 2016. № 3.
292. Сорокин А.В. Модель общественного богатства – матрица синтеза категорий микро- и макроэкономики // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2014. Том 6. № 1.
293. Сорокин А.В. Общая экономика: бакалавриат, магистратура, аспирантура. М.-Берлин: Директ-Медиа. 2016.
294. Сорокин Г. М. Закономерности социалистической интенсификации // Вопросы экономики. 1982. № 10.
295. Сорокин Д.Е. Какой будет траектория развития экономики России? // Эффективное антикризисное управление. 2010. № 1.
296. Сорокин Д.Е. Сценарии посткризисного развития: возможности инновационного перестроения // Философия хозяйства. 2010. № 1.
297. Сорокин Д.Е. Условия перехода к инновационному типу экономического роста // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2010. № 2.
298. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2003. М. Росстат. 2003.
299. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2008. М. Росстат. 2008.
300. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2014. М. Росстат. 2014.
301. Социально-экономические условия перехода к новой модели экономического роста: монография / рук. авт. кол. Д.Е. Сорокин; под ред. Н.Ю. Ахапкина, Л.В. Никифорова. М.: Инфра-М. 2017.
302. Спенс М. Следующая конвергенция: будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях. М.: Изд-во Института Гайдара. 2013.
303. Сраффа П. Производство товаров посредством товаров. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 1999.

304. Стиглиц Дж. Е. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: Эксмо. 2011.
305. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо. 2015.
306. «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года». Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. N 2227-р.
307. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683.
308. «Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года». Утверждена Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике, протокол от 15 февраля 2006 г. № 1.
309. Структурно-инвестиционная политика в целях устойчивого роста и модернизации экономики. Научный доклад. Руководитель и отв. редактор: академик В.В. Ивантер. М.: ИНП РАН. 2017.
310. Суворов А.В., Суворов Н.В., Гребенников В.Г., Иванов В.Н., Болдов О.Н. Оценка динамики и структуры человеческого капитала для российской экономики за 1991 – 2012 гг. // Проблемы прогнозирования. 2015. № 2.
311. Сундарараджан А. Будущее работы // Финансы и развитие. Июнь 2017 г.
312. Сухарев О. Научно-техническое развитие: опыт СССР и задачи новой индустриализации России // Экономист. 2017. № 12.
313. Сухарев О. Реиндустриализация России: возможности и ограничения // Экономист. 2013. № 3.
314. Сухарев О.С. Технологические изменения и модели роста экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 48.
315. Сухарев О. Экономический рост России: различия в подходах к выбору траектории развития (ответ «либералам») // Экономист. 2017. № 2.
316. Сухарев О.С. Экономический рост, институты и технологии. 2-е изд., перераб. М., Финансы и статистика. 2015.

317. Сытник А.А. Современные подходы к определению технологических укладов // Вестник Саратовского государственного социально-экономического института. 2011. № 3(37).
318. Тарасевич Л.С., Гребенников П.И., Леусский А.И. Макроэкономика. 7-е изд. М.: Юрайт-Издат. 2009.
319. Татаркин А., Андреева Е. Перспективы неоиндустриального развития России в условиях текущих сдвигов // Экономист. 2016. № 2.
320. Теняков И.М. Воспроизводственный и функционально-экономический подходы в экономической теории // Философия хозяйства. 2009. № 6.
321. Теняков И. М. Качество экономического роста как фактор национального развития. Диссертация на соискание ученой степени канд. экон. наук. М.: 2007.
322. Теняков И.М., Корчагина З.А. Инновации и традиции в методологии и теории экономических исследований // Философия хозяйства. 2009. № 5.
323. Теняков И.М. Оценка потерь экономического роста в странах, перешедших к рынку // Экономическое возрождение России. 2017. № 1.
324. Теняков И.М. Подходы к оценке качества экономического роста // Вопросы политической экономии. 2016. № 4.
325. Теняков И.М. Производительность труда как фактор неоиндустриального роста российской экономики // Философия хозяйства. 2017. № 2.
326. Теняков И.М. Публикации в экономических журналах США: основные тенденции // США - Канада: экономика, политика, культура. 2013. № 12.
327. Теняков И.М. Развитие основных подходов в теории экономического роста // Журнал экономической теории. 2016. № 3.
328. Теняков И.М. Региональные аспекты структуры совокупного продукта и качества экономического роста в России // Инновационное развитие экономики России: региональное разнообразие: Шестая международная научная конференция; Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова, Экономический факультет. Сборник статей / Под ред. Аузана А.А., В.П.Колесова, Л.А.Тутова. М.: РГ-Пресс. 2013. Том 1.

329. Теняков И.М. Системно-историческая типология экономического роста // Журнал экономической теории. 2017. № 4.
330. Теняков И.М. Современные экономические публикации: американский опыт и российская специфика // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2014. № 1.
331. Теняков И.М. Современный экономический рост: источники, факторы, качество: Монография. – М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. 2015.
332. Теняков И.М. Современный экономический рост как особая форма процесса накопления капитала // Философия хозяйства. 2016. № 2.
333. Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 35. М.: ЦЭМИ РАН. 2016.
334. Теория капитала и экономического роста / под ред. С. С. Дзарасова. М.: Изд-во МГУ. 2004.
335. Титов Б., Широков А. Стратегия роста для России // Вопросы экономики. 2017. № 12.
336. Тобин Дж. Денежная политика и экономический рост / пер. с англ. М.: Книжный дом «Либроком». 2010.
337. Тодаро М. Экономическое развитие. М.: Изд-во МГУ, ЮНИТИ. 1997.
338. Тойнби Дж. Постижение истории. М.: Айрис-Пресс. 2002.
339. Толкачев С. Поиск модели неоиндустриализации России // Экономист. 2010. № 12.
340. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ. 2004.
341. Труд и занятость в России. 2003. М.: Росстат. 2003.
342. Труд и занятость в России. 2007. М.: Росстат. 2007.
343. Труд и занятость в России. 2011. М.: Росстат. 2011.
344. Труд и занятость в России. 2015. М.: Росстат. 2015.
345. Узяков М.Н. О перспективах экономического роста в России // Проблемы прогнозирования. 2002. № 4.

346. Узьяков М. Н. Трансформация российской экономики и возможности экономического роста. М.: ИСЭПН. 2000.
347. Узьяков М. Н. Экономический рост России: количественная и качественная составляющие // Проблемы прогнозирования. 2004. № 3.
348. Узьяков М. Н. Эффективность использования первичных ресурсов как индикатор технологического развития: ретроспективный анализ и прогноз // Проблемы прогнозирования. 2011. № 2.
349. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. N 596. "О долгосрочной государственной экономической политике".
350. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208. «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».
351. Фальцман В.К. Форсирование импортозамещения в новой геополитической обстановке // Проблемы прогнозирования. 2015. № 1.
352. Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ. «О промышленной политике в Российской Федерации».
353. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. «О стратегическом планировании в Российской Федерации».
354. Фельдман Г.А. К теории темпов народного дохода // Плановое хозяйство. 1928. № 11.
355. Фельдман Г.А. К теории темпов народного дохода // Плановое хозяйство. 1928. № 12.
356. Финансы России. 2016: Стат. сб. / Росстат. М.: 2016.
357. Фридман М. Методология позитивной экономической науки // THESIS, 1994. Вып. 4.
358. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция. 2004.
359. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ. 2006.
360. Харрод Р. К теории экономической динамики. М.: Гелиос. 1999.
361. Харрод Р. Теория экономической динамики: Пер. с англ. В.Е. Маневича / Под ред. В.Г. Гребенникова. – М.: ЦЭМИ РАН. 2008.

362. Хелпман Э. Загадка экономического роста / пер. с англ. М., Изд. Института Гайдара. 2011.
363. Хрусталева Е. Ю., Славянов А. С. Трудовая миграция и проблема инновационного развития // Проблемы прогнозирования. 2014. № 1.
364. Хрусталева Е.Ю., Славянов А.С. Инновационно-ориентированная методология оценки состояния и возможностей роста национальной экономической системы // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 115 (01).
365. Хубиев К.А. Большой трансформационный цикл и императивы посткризисного развития // Проблемы современной экономики. 2010. № 4.
366. Хубиев К. Неиндустриальная модернизация и альтернативные подходы к ней // Экономист. 2013. № 4.
367. Цветков В. Об отправной точке неиндустриальной модернизации // Экономист. 2010. № 11.
368. Цветков В.А., Сухарев О.С. Экономический рост России: новая модель управления. М.: ЛЕНАНД. 2017.
369. Центробанк: возобновление экономического роста в России будет неравномерным. // РИА-новости. 02.12.2016. Электронный ресурс: URL: <https://ria.ru/economy/20161202/1482696845.html>
370. Черкасов Г. Странная логика критиков новой индустриализации // Экономист. 2014. № 9.
371. Черковец В., Покрыган П. К вопросу о неиндустриализации // Экономист. 2017. № 3.
372. Черковец В. Н. Политическая экономия. Принципы. Проблемы. Политика. М.: Теис. 2005.
373. Черковец В.Н. Размышления о прошлом и настоящем. Очерки политической экономии. М.: РГ-Пресс. 2014.
374. Черковец В. Н. Социализм как экономическая система. М.: Экономика. 1982.
375. Шагас Н.Л., Туманова Е.А. Макроэкономика-2. М.: ТЕИС. 2006.

376. Шараев Ю.В. Теория экономического роста. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ. 2006.
377. Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория. – 3-е изд., перераб. и доп. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС. 2002.
378. Шваб К. Четвертая промышленная революция: пер. с англ. М.: Издательство «Э». 2017.
379. Широ́в А.А., Янтовский А.А., Потапенко В.В. Оценка потенциального влияния санкций на экономическое развитие России и ЕС // Проблемы прогнозирования. 2015. № 4.
380. Широ́в А., Гусев М. Логика перехода к новой модели экономического роста // Экономист. 2015. № 9.
381. Широ́в А. От кризиса механизмов финансирования к устойчивому экономическому росту // Проблемы прогнозирования. 2016. № 4.
382. Шпенглер О., Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том. 1. М.: Мысль. 1993.
383. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс. 1982.
384. Щербанин Ю. А. Транспорт и экономический рост: взаимосвязь и влияние // Евразийская экономическая интеграция. 2011. № 3.
385. Экономическая эффективность капитальных вложений и новой техники / под редакцией Т. С. Хачатурова. М.: 1959.
386. Экономический рост и вектор развития современной России / Под ред. К.А. Хубиева. М., Экономический факультет МГУ, ТЕИС. 2004.
387. Энергетическая стратегия России на период до 2020 г. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 28 августа 2003 г. N 1234-р.
388. Энергетическая стратегия России на период до 2030 г. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 13 ноября 2009 г. № 1715-р.
389. Эскиндаров М.А., Перская В.В. Можно ли расти без «новой нормальности»? Стратегические инициативы развивающихся экономик // Вестник Финансового университета. 2016. № 5.

390. Юсуф Ш., Дитон А., Дервиш К., Истрели У., Ито Т., Стиглиц Дж. Экономика развития сквозь десятилетия. Критический взгляд на 30 лет подготовки Докладов о мировом развитии. Всемирный банк. Издательство «Весь мир». М.: 2012.
391. Яковец Ю.В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. М.: 1999.
392. Янг С. Подготовка к «зеленому росту». Почему экономическое развитие Кореи не приводит к ухудшению экологической обстановки // ЮНИДО в России. Вестник Центра Организации Объединенных Наций по промышленному развитию. 2012. № 7.
393. Яременко Ю. В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики. М.: Наука. 1997.
394. Ясин Е., Акиндинова Н., Якобсон Л. и др. Состоится ли новая модель экономического роста в России // Вопросы экономики. 2013. № 5.
395. Ясин Е., Андрущак Г., Ивантер А., Косарева Н., Овчарова Л., Пономаренко А., Фадеев В. Социальные итоги трансформации, или двадцать лет спустя // Вопросы экономики. 2011. № 8.
396. Abramovitz, M. Catching Up, Forging Ahead, and Falling Behind // *Journal of Economic History*. 1986, June.
397. Acemoglu D, Aghion P, Zilibotti F Distance to frontier, selection, and economic growth. // *J Eur Econ Assoc*, 2006, 4(1), pp. 37–74.
398. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. Institutions as a Fundamental Cause of Long-term Growth / Ed by Ph. Aghion, S.N. Durlauf // *Handbook of Economic Growth*. 2005. Vol. 1. Part A.
399. Acemoglu D., Laibson D., List J. A. *Macroeconomics*, 1-st edition, Pearson Education, Inc., 2015.
400. Acemoglu D., Robinson J. *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
401. Acemoglu D., Ventura J. The World Income Distribution // *Quarterly Journal of Economics*, 2002, 117, pp. 659–694.

402. Adelman, I. *Theories of Economic Growth and Development*, 1958, Stanford: Stanford University Press.
403. Aghion P., Akcigit U., Howitt P. What do we learn from Schumpeterian Growth Theory? // NBER Working Paper 18824, Cambridge, February 2013.
404. Aghion P., Banerjee A., Piketty T. *Dualism and Macroeconomic Volatility*. Mimeo, University College London, 1997.
405. Aghion P, Dewatripont M, Hoxby C, Mas-Colell A, Sapir A. The Governance and performance of Universities: evidence from Europe and the US. // *Econ Policy*, 2010, 25, pp.7–59.
406. Aghion P. *Entrepreneurship and Growth: Lessons from Intellectual Journey* // *Small Bus Econ*, 2017, 48, p. 9-24.
407. Aghion P, Farhi, E, Kharroubi E. Monetary policy, liquidity and growth.//NBER Working Paper, 2012, No 18072.
408. Aghion P., Festre A. Schumpeterian Growth Theory, Schumpeter, and Growth Policy Design // *J Evol Econ*, 2017, No 27.
409. Aghion P, Hemous D, Kharroubi E. Cyclical fiscal policy, credit constraints, and productivity growth // *J Monet Econ*, 2014, No 62, pp.41–58.
410. Aghion P., Howitt P. A model of growth through creative destruction// *Econometrica*, 1992, No 60.
411. Aghion P., Howitt P. *Endogenous growth theory*. MIT Press. 1988.
412. Aghion P., Howitt P. Joseph Schumpeter Lecture: Appropriate Growth Policy: A Unifying Framework.// *Journal of the European Economic Association*, 2006, 4, pp. 269–314.
413. Aghion P., Howitt P. *The Economics of Growth*. MIT, 2009.
414. Akamatsu K. A Theory of Unbalanced Growth in the World Economy // *Weltwirtschaftliches Archiv*. 1961, № 86.
415. Alesina A., Rodrick D. Distributive Politics and Economic Growth // *Quarterly Journal of Economics*, 1994, 109, pp. 465 – 490.

416. Allardt, E., The Research Group for Comparative Sociology. The Scandinavian welfare survey 1972. Data material. 1972, Tampere: Available at the Finnish Social Science Data Archive.
417. Andrés, J, Hernando I. Does Inflation Harm Economic Growth? Evidence from the OECD // *The Costs and Benefits of Price Stability* /ed. by Martin Feldstein, University of Chicago Press, January 1999.
418. Arrow, K.J. The Economic Implications of Learning by Doing // *Review of Economic Studies*, 1962, 29.
419. Aschauer D. Is Public Expenditure Productive? // *Journal of Money, Credit and Banking*. 1989. Vol. 23.
420. Augier L., Sghari J. Money Supply in a Simple Economic Growth Model and Multiple Steady States Equilibria // *Frontiers in Finance and Economics*, Vol. 6, No.2, October 2009.
421. Ayres R.U., Warr B. *The Economic Growth Engine. How Energy and Work Drive Material Prosperity*. Edward Elgar Publishing, Inc., Cheltenham, UK, Massachusetts, USA, 2009.
422. Bairoch P. *Economics and World History*. Chicago: University of Chicago Press, 1993.
423. Barro R. J. Government Spending in a Simple Model of Endogenous Growth // *Journal of Political Economy*, 1990, N 98, pp. 103–125.
424. Batabyal A.A., Yoo S.J. On Research and Development in a Model of Schumpeterian Economic Growth in a Creative Region // *Technological Forecasting & Social Change*, 2017, 115, pp. 69-74.
425. Baumol W.J., Litan R.E., Schramm C.J. *Good capitalism, bad capitalism, and the economics of growth and prosperity*. Yale University Press, New Haven, London, 2007.
426. Berentsena A. Breu M.R., Shi S. Liquidity, Innovation and Growth // *Journal of Monetary Economics*, Vol. 59, Issue 8, December 2012.
427. Blanchard O. Debt, Deficits, and Finite Horizons // *Journal of Political Economy*, 1985, N 93, pp. 223–247.

428. Blanchard O. *Macroeconomics*. 7-th edition. Pearson Education, Inc., 2017.
429. Boucekkine R., Licandro O., Puch L.A., del Rio F. *Vintage Capital and the Dynamics of the AK Model // Journal of Economic Theory*, 2005, 120.
430. Bradley R. Schiller. *The Macro Economy Today*. 11-th edition. Published by McGraw-Hill/Irwin. N.Y., 2008.
431. Brock W., Mirman L. *Optimal Economic Growth under Uncertainty: The Discounted Case // Journal of Economic Theory*, 1972, N 4, pp. 497–513.
432. Broda C., Greenfield J., Weinstein D. *From Groundnuts to Globalization: A Structural Estimate of Trade and Growth// NBER Working Paper*, 2006, No. 12512.
433. Byrne D., Oliner S., Sichel D. *Is the Information Technology Revolution Over? // International Productivity Monitor*, 2013, No 25.
434. Cass D. *Optimum Growth in an Aggregative Model of Capital Accumulation // Review of Economic Studies*, 1965, N 32, pp. 233–240.
435. Campbell, A., Converse, P., Rodgers, W. L. *The quality of American life: Perceptions, evaluations, and satisfactions*. 1976, New York: Russel Sage Foundation.
436. Checherita C., Rother P. *The Impact of High and Growing Government Debt on Economic Growth. An Empirical Investigation for the Euro Area // European Central Bank, Worker Paper Series, № 1237, August 2010*.
437. Clark N., Juma K. *Long-term economics: An Evolutionary Approach to Economic Growth*. L.; N.Y., 1987.
438. Clemens M., Williamson J. *Why Did the Tariff-Growth Correlation Reverse after 1950? // NBER Working Paper*. 2002. № 9181.
439. Commendatore P., D'Acunto S., Panico C., Pinto A. *Keynesian Theories of Growth //The Theory of Economic Growth*. Ed. By Salvadory N. Edward Elgar, Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA, 2003.
440. Denicolò V., Matteuzzi M. *Public debt and the Pasinetti paradox //Cambridge Journal of Economics*, 1990, 14(3).
441. Denison, E.F. *Accounting for United States Growth, 1929–1969*. 1974, Washington, DC: The Brookings Institution.

442. Denison, E.F. Trends in American Economic Growth, 1985, Washington, DC: The Brookings Institution.
443. Denison, E.F. Why Growth Rates Differ: Post-War Experience in Nine Western Countries. 1967, Washington, DC: The Brookings Institution.
444. Dixon, R., Thirlwall A.P. A model of regional growth-rate differences on Kaldorian lines //Oxford Economic Papers, 1975, 27(2), pp. 201–214.
445. Domar. E. D. A Soviet Model of Growth // Essays in the Theory of Economic Growth. N.Y., 1957.
446. Domar E.D. Expansion and Employment // The American Economic Review. 1947. Mar. Vol. 37, № 1.
447. Easterlin R. Happiness, Growth and the Life Cycle. Oxford, 2010, Oxford University Press.
448. Easterlin R. Income and Happiness: Towards a Unified Theory // Economic Journal. 2001. 111. P. 465–484.
449. Easterly W., King R., Levine R., Rebelo S. Policy, technology adoption and growth //NBER Working Paper, No. 4681, 1994, March.
450. El-Ashker A. A. F., Wilson R. Islamic Economics: a Short History. Leiden - Boston, 2006.
451. El-Erian M. Navigation the New Normal in Industrial Countries // Per Jacobsson Foundation Lecture. 2010.
452. Fabbri G., Gozzi F. Solving Optimal Growth Models with Vintage Capital: the Dynamic Programming Approach // Journal of Economic Theory, 2008, 143, pp. 331-373.
453. Frankel M. The Production Function in Allocation of Growth: A Synthesis // American Economic Review, 1962, 52, pp. 995–1022.
454. Gallup, J., Sachs, J.D. and Mellinger, A. Geography and Economic Development // NBER Working Paper, No. 6849, 1998, December.
455. Georgescu-Roegen N. The Entropy Law and the Economic Process, 1971, Cambridge, MA: Harvard University Press.

456. Getachew Y.Y. Credit Constraints, Growth and Inequality Dynamics // *Economic Modelling*, 2016, 54, pp. 364-376.

457. Glatzer, W., Zapf, W. (Eds.). *Lebensqualität in der Bundesrepublik. Objektive Lebensbedingungen und subjektives Wohlbefinden*. 1984. Frankfurt/New York: Campus Verlag.

458. Gomme, P. Money and Growth Revisited: Measuring the Costs of Inflation in an Endogenous Growth Model // *Journal of Monetary Economics*, 1993, Vol. 32(1).

459. Gordon C., Sachs, J.D. Development, Structure and Transformation: Some Evidence on Comparative Economic Growth // *NBER Working Paper*, No. 19512, 2013, October.

460. Gordon R.J. Is US economic growth over? Faltering innovation confronts the six headwinds // *CEPR. Policy Insight*, No 63, September 2012.

461. Gordon R.J. *The Rise and Fall of American Growth: The U.S. Standard of Living since the Civil War*. Princeton University Press, 2016.

462. Hall, R.E., Jones, C.I. Levels of Economic Activity Across Countries // *American Economic Review*, 1997, May.

463. Hall, R.E., Jones, C.I. Why Do Some Countries Produce So Much More Output Per Worker Than Others? // *Quarterly Journal of Economics*, 1999, February.

464. Hamermesh D. Six Decades of Top Economics Publishing: Who And How? // *NBER Working Paper 18635*, Cambridge, December 2012.

465. Harrod R. An essay in dynamic theory // *Economic Journal*, 1939, Vol.49.

466. Harrod R.F. *Economic Dynamics*, London: Macmillan. 1973.

467. Harrod R.F. *Towards a Dynamic Economics*, London, Macmillan, 1948.

468. Helliwell J. How's Life? Combining Individual and National Variables to Explain Subjective Well-Being // *Economic Modelling*. 20. P. 331–360.

469. Hirshman A.O. *The Strategy of Economic Development*. New Haven, 1961.

470. Hodges Michael W. The Grandfather Economic Report. P. 1-2. Электронный ресурс: URL: <http://www.grandfather-economic-report.com/debt-nat-a.htm>

471. Hofstede G.H. *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations across Nations*. Sage, 2001.

472. Jones L. E., Manuelli R. E. Neoclassical Models of Endogenous Growth: The Effects of Fiscal Policy, Innovation, and Fluctuations.// Handbook of Economic Growth. / Ed. by P. Aghion and S. N. Durlauf. 2005, Amsterdam: Elsevier North-Holland.
473. Jonson B. K. Contributions of Public Infrastructure Investment to Economic Growth: New Estimates Using Ridge Regression // Bronx, New York, Ph. D., 1996.
474. Jorgenson, D.W. Information Technology and the US Economy // American Economic Review, 2001, March.
475. Jorgenson, D.W. Postwar US Economic Growth. 1996, Cambridge, MA: MIT Press.
476. Jorgenson, D.W., Stiroh, K. Raising the Speed Limit: US Economic Growth in the Information Age // Brookings Papers on Economic Activity, 2000.
477. Kahneman D. A Psychological Perspective on Economics // American Economic Review. 2003. 93. P. 162– 168.
478. Kahneman D. Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics // American Economic Review. 2003. 93. P. 1449–1475.
479. Kaldor N. A model of economic growth // Economic Journal, 1957, No 67.
480. Kaldor N. Capital Accumulation and Economic Growth // The Theory of Capital/ eds. Lutz F.A., Hague D.C. — New York: St. Martins Press, 1961.
481. Koopmans T. C. On the Concept of Optimal Economic Growth // The Econometric Approach to Development Planning. 1965, Amsterdam: North-Holland.
482. Kuznets S. Economic growth and income inequality // The American Economic Review, Vol. XLV, March, 1955, No 1.
483. Layard R. Happiness and Public Policy: A Challenge to the Profession // Economic Journal. 2006. 116(510).
484. Layard R. Human Satisfaction and Public Policy // Economic Journal. 1980. 90. P. 737–750.
485. Leibenstein H. Economic Backwardness and Economic Growth. N.Y., 1957.
486. Lucas R. On the Mechanics of Economic Development // Journal of Monetary Economics. 1988. Vol. 22(1).

487. Maddison, A. Explaining Economic Growth. // Banca Nazionale del Lavoro Quarterly Review, 1972, September.

488. Maddison, A. Explaining the Economic Performance of Nations, Aldershot, UK and Brookfield, USA: Edward Elgar, 1995.

489. Maddison, A. Growth and Slowdown in Advanced Capitalist Economies: Techniques of Quantitative Assessment // Journal of Economic Literature, 1987, June.

490. Madonia G., Cracolici M. F., Cuffaro M. Exploring Wider Well-Being in the EU-15 Countries: An Empirical Application of the Stiglitz Report // Soc Indic Res, 2013, № 111, pp. 117–140.

491. Mankiw N.G. Macroeconomics. 9-th edition, Harvard University, Worth Publishers, N.Y., 2016.

492. Markevich A., Harrison M. Great War, Civil War, and Recovery: Russia's National Income, 1913 to 1928 // Journal of Economic History, 2011, Vol. 71, No 3, pp. 672 – 703.

493. Meadows D. H., Meadows D. L., Randers J. Limits to Growth: The 30-Year Update. 2004.

494. Meadows D. H., Meadows D. L., Randers J. W. Behrens III. The Limits to Growth. A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. Universe Book. N. Y., 1972.

495. Mensch G. Stalemate in Technology: Innovations Overcome the Depression. Cambridge, 1979.

496. Miao J., Xie D. Economic growth under money illusion // Journal of Economic Dynamics & Control, No 37, 2013.

497. Murphy K., Shleifer A., Vishny R. Allocation of talent: Implications for growth // Quarterly Journal of Economics, 1991, Vol. 106, No. 2, pp. 503—530.

498. National Accounts Main Aggregates Database. Электронный ресурс. <http://unstats.un.org/unsD/snaama/resQuery.asp>

499. Necati A. Redefining Islamic Economics as a New Economics Paradigm // Islamic Economic Studies. Vol. 21. 2013. June. № 1. (1 - 34).

500. Noll H-H. The Stiglitz-Sen-Fitoussi-Report: Old Wine in New Skins? Views from a Social Indicators Perspective // Soc Indic Res, 2011, № 102.
501. Nordhaus W. D., Tobin J. Is Growth Obsolete? // Economic Research: Retrospect and Prospect. Vol 5. Economic Growth. NBER, 1972.
502. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905 – 2016 // NBER Working Paper, No 23712, August 2017.
503. Nurkse R. Equilibrium and Growth in the World Economy. Cambridge, 1961.
504. Orphanides A., Solow R.M. Money, Inflation and Growth // Handbook of Monetary Economics / ed. by B. M. Friedman and F. H. Hahn, 1990, Elsevier Science Publishers B. V., Amsterdam.
505. O'Rourke K. Tariffs and Growth in the Late 19th Century // Economic Journal. 2000. Vol. 110. P. 456–483.
506. Panizza, U., Presbitero, A. F. Public debt and economic growth: Is there a causal effect? // POLIS Working Papers, № 198, April 2012.
507. Parente S. L., Prescott E. C. Barriers to Technology Adoption and Development // The Journal of Political Economy, 1994, Vol. 102, No. 2.
508. Perez C. Structural Change and the Assimilation of New Technologies in the Economic and Social Systems // Futures, 1983, Vol. 15, No. 5, pp. 357–375.
509. Perez C. Technological revolutions and techno-economic paradigms // Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics, Working Paper No. 20, Tallin: Norway and Tallinn University of Technology, Tallinn 2009.
510. Persson T., Tabellini G. Is Inequality Harmful for Growth // American Economic Review, 1994, 84(3), pp. 600 – 621.
511. Persson T., Tabellini G. The Growth Effect of Democracy: Is It Heterogenous and How Can It Be Estimated? // CESifo Working Paper Series. 2007. N 2016.
512. Phelps E.S. The Golden Rule of Accumulation // American Economic Review. 1961. September, p. 638 – 642.

513. Phillips K.L., Wrase J. Is Schumpeterian ‘creative destruction’ a plausible source of endogenous real business cycle shocks? // *Journal of Economic Dynamics & Control*, 30, 2006, pp. 1885-1913.
514. Prasad E.S., Rajan R.G. Modernizing China’s Growth Paradigm // Discussion Paper No 2248, IZA, August 2006.
515. Pritchett L. Understanding Patterns of Economic Growth // *The World Bank Economic Review*. 2000. Vol. 14. N 2.
516. Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J., Limongi F. Democracy and Development. 2000. Cambridge: Cambridge University Press.
517. Ray M., Anderson D. Krugman’s Macroeconomics for AP (Adapted from *Macroeconomics*, Second edition by P. Krugman and R. Wells). Worth Publishers, USA, 2011.
518. Reinhart C. M., Rogoff, K. S. Growth in a Time of Debt // *American Economic Review: Papers & Proceedings*, 2010, 100, pp. 573-578.
519. Rifkin J. *The Third Industrial Revolution*. Palgrave Macmillan, 2011.
520. Robinson J. *Essays in the Theory of Economic Growth*, 1962, London: Macmillan.
521. Rodrik D. Democracies Pay Higher Wages // *Quarterly Journal of Economics*. 1999. Vol. 114. P. 707–738;
522. Rodrik, D. (ed.) *In Search of Prosperity: Analytic Narratives on Economic Growth*, 2003, Princeton: Princeton University Press.
523. Rognile M. Deciphering the fall and rise in the net capital share: Accumulation or scarcity? // *Brookings Papers on Economic Activity*, Spring, 2015.
524. Romer P. Endogenous Technological Change // *Journal of Political Economy*. 1990. Vol. 98(5).
525. Romer P. Increasing Returns and Long-Run Growth // *Journal of Political Economy*, 1986, 94.
526. Rosenstein-Rodam P. *The Notes of the Theory of the “Big Push” in Economic Development for Latin America*. London – New York, 1961.
527. Rostow W. *Politics and the Stages of Growth*. 1971.

528. Rostow W. W. The Stages of Economic Growth: A Non-communist Manifesto. Cambridge: Univ. press, 1960.
529. Rostow, W.W. Theories of Economic Growth from David Hume to the Present, 1990, Oxford: Oxford University Press.
530. Rostow W.W. The Take-Off into Self-Sustained Growth // The Economic Journal, Vol. 66, No 261 (Mar. 1956).
531. Sachs J. Tropical Underdevelopment // NBER Working Paper. 2001. № 8119.
532. Sahin O., Can N., Demirbas E. The Effects of Infrastructure Determinants on Economic Growth: European Union Sample // Eurasian Journal of Business and Economics 2014. Vol. 7 (13).
533. Samuelson P.A., Nordhaus W.D. Economics, 19-th edition, McGraw-Hill/Irwin, N.Y., 2010.
534. Segerstrom P. S. The Long-Run Growth Effects of R&D Subsidies.// Journal of Economic Growth, 2000, 5, pp. 277–305.
535. Singer H.W. International Development: Growth and Change. N.Y. 1964.
536. Snowdon B., Vane H.R. Modern Macroeconomics. Its Origins, Development and Current State. Edward Elgar Publishing, Inc. Massachusetts, USA, 2005.
537. Solow R. M. A Contribution to the Theory of Economic Growth //The Quarterly Journal of Economics. 1956. Feb. Vol. 70. № 1.
538. Spulber N. Spviet Strategy for Economic Growth. Bloomington. L., 1967.
539. Statistical Abstract of the United States. 1990.
540. Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.-P. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. 2009. <http://www.stiglitz-sen-fitoussi.fr>
541. Stevenson B., Wolfers J. Economic Growth and Subjective Well-Being: Re-assessing the Easterlin Paradox // Brooking Papers on Economic Activity, 2008. 1. P. 1-87.
542. Straub S. Infrastructure and Development: A Critical Appraisal of the Macro Level Literature // The World Bank. 2007.

543. Swanson B. Beyond The New Normal: The new era of growth. URL: <https://www.uschamberfoundation.org/bhq/beyond-new-normal-new-era-growth>
544. Temple, J. The New Growth Evidence // Journal of Economic Literature, 1999, March.
545. The productivity-inclusiveness nexus. OECD. Paris, 1-2 June 2016. <http://www.oecd.org>
546. The Ten Largest Military Powers in the World. 2011. 14 April. Электронный ресурс: <http://247wallst.com/investing/2011/04/14/the-ten-largest-military-powers-in-the-world/>
547. The Theory of Economic Growth: a 'Classical' Perspective / Ed. By Salvadore N. Edward Elgar, Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA, 2003.
548. Tobin J. Economic Growth as an Objective of Government Policy // American Economic Review. 1964. May. № 54.
549. Wallerstein I. World-Systems Analysis // Social Theory Today/ Ed.by A.Giddens & J.H.Turner. Cambridge: Polity Press,1987.
550. Wallis J., North D. Measuring the transaction sector in the American economy, 1870 – 1970 // Long-Term Factors in American Economic Growth. Ed. By S.L. Engerman and R.E. Gallman. Chicago: University of Chicago Press, 1986. P. 95 – 148.
551. Whalley J., Zhao X. The Contribution of Human Capital to China's Economic Growth //NBER Working Paper No 16592, 2010, December.
552. Williamson S.D. Macroeconomics. 5-th edition, Pearson Education, Inc., 2014.
553. World Bank. World Development Report. 1991.
554. World Economic Outlook. October 2000. IMF, 2000. URL: <http://www.imf.org>
555. World Economic Outlook. October 2017. IMF, 2017. URL: <http://www.imf.org>
556. Wyplosz C. Ten Years of Transformation: Macroeconomic Lessons /World Bank Annual Conference on Development Economics, Washington, April 28-30, 1999.

Приложение 1. Модель накопления капитала К. Маркса

Таблица П-1. Данные по экономике России для оценки модели накопления капитала К. Маркса (Модель 1).

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Год (t)	Темп прироста реального ВВП, в долях ⁱ	Рентабельность проданных товаров, в долях ⁱ	Доля капитала в доходе (Валовая прибыль экономики и валовые смешанные доходы к ВВП), в долях ⁱ	Норма сбережений (Отношение валового сбережения к ВВП), в долях ⁱ	Вывоз капитала частным сектором, млрд. долл. ⁱⁱ	ВВП России в млрд. долл. ⁱⁱⁱ	Норма утечки капитала (отношение 6 к 7), в долях	Норма сбережений для накопления капитала в национальной экономике (5 – 8), в долях
	g	r	α	s			S_f	S_h
1995	-0,041	0,158	0,427569	0,277776	3,9	313,451	0,012442	0,265334
1996	-0,03608	0,048	0,348321	0,270684	23,8	391,775	0,060749	0,209935
1997	0,013811	0,063	0,334403	0,219352	18,2	404,946	0,044944	0,174408
1998	-0,05345	0,081	0,360009	0,193219	21,7	271,038	0,080063	0,113156
1999	0,063511	0,185	0,441926	0,282324	20,8	195,907	0,106173	0,176151
2000	0,100457	0,189	0,427058	0,361587	23,1	259,702	0,088948	0,272639
2001	0,050911	0,144	0,412877	0,325278	13,6	306,583	0,044360	0,280918
2002	0,047438	0,109	0,361105	0,28812	7	345,125	0,020283	0,267837
2003	0,072959	0,102	0,36828	0,282863	0,3	430,289	0,000697	0,282166
2004	0,071759	0,132	0,37039	0,30313	8,6	591,177	0,014547	0,288583
2005	0,063762	0,135	0,36498	0,305556	0,3	763,704	0,000393	0,305163
2006	0,081534	0,132	0,354591	0,307238	-43,7	989,932	-0,044144	0,351382
2007	0,085351	0,131	0,342494	0,313015	-87,8	1299,70	-0,067554	0,380569
2008	0,05248	0,13	0,327028	0,301675	133,6	1660,846	0,080441	0,221234
2009	-0,07821	0,108	0,307187	0,21098	57,5	1222,645	0,047029	0,163951
2010	0,045037	0,1	0,325939	0,263582	30,8	1524,915	0,020198	0,243384
2011	0,042642	0,096	0,414157	0,279831	81,4	1904,79	0,042734	0,237097
2012	0,035179	0,086	0,410954	0,262145	53,9	2017,469	0,026717	0,235428
2013	0,012795	0,07	0,39161	0,223161	60,3	2096,774	0,028758	0,194403
2014	0,007064	0,073	0,388995	0,250008	152,9	2057,301	0,074321	0,175687
2015	-0,03727	0,081	0,43719	0,27173	58,1	2098,848	0,027682	0,244048

ⁱ По данным Росстата, официальный сайт: <http://www.gks.ru>;

ⁱⁱ По данным Банка России, официальный сайт: <http://www.cbr.ru>; для периода 1995 – 2000 гг. по данным: <http://investorschool.ru/ottok-kapitala-iz-rossii-ctatistika-po-godam>.

ⁱⁱⁱ По данным МВФ. Официальный сайт: <http://www.imf.org>.

Приложение 2. Модель Р. Солоу.

Таблица П-2.1. Данные по российской экономике для оценки производственной функции модели Солоу (Модель 3).

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Год	ВВП в постоянных ценах, млрд. руб. ⁱ	Занятые, млн. чел. ⁱⁱ	Дефлятор ВВП (2008 г. = 1) ⁱⁱⁱ	Дефлятор валового накопления основного капитала (2008 г. = 1) ⁱⁱⁱ	Основные фонды в ценах 2008 г., млрд. руб. ^{iv}	Расчетный ВВП в постоянных ценах 2008 г., млрд. руб.	Производительность труда, тыс. руб. базового года (7 к 3)	Капиталооруженность труда, тыс. руб. базового года (6 к 3)
t	Y _{Росстат}	L	P _Y	P _I	K	Y	y	k
1998	9584,63	58,4372	0,1238	0,147	97126,1224	21190,23	362,61539	1662,0598
1999	10193,35	62,4749	0,2136	0,226	63428,2434	22536,04	360,72152	1015,2596
2000	11217,35	65,070406	0,2939	0,34	51365,2118	24799,93	381,12463	789,379
2001	11788,43	65,122912	0,3424	0,423	50816,1608	26062,53	400,20521	780,31156
2002	27312,3	66,65886	0,3961	0,472	55790,8326	27312,27	409,73198	836,9605
2003	29304,9	66,339407	0,4504	0,52	61871,7038	29304,93	441,74241	932,65386
2004	31407,8	67,318614	0,5419	0,594	58709,9731	31407,84	466,55501	872,12094
2005	33410,5	68,338992	0,6464	0,659	62964,4431	33410,46	488,89306	921,35458
2006	36134,6	69,168735	0,7447	0,724	65593,2293	36134,56	522,41172	948,30749
2007	39218,7	70,770303	0,8475	0,839	71980,2789	39218,67	554,16848	1017,0972
2008	41276,8	71,003063	1	1	74441,095	41276,85	581,33899	1048,4209
2009	38048,6	69,410458	1,02	1,084	75925,2482	38048,63	548,16861	1093,8589
2010	39762,2	69,933708	1,1648	1,201	77590,0183	39762,24	568,57046	1109,4795
2011	41457,8	70,856613	1,35	1,314	82192,7298	41457,77	585,09391	1159,9867
2012	62486,4	71,545416	1,4729	1,419	85460,8231	46286,2	646,94882	1194,4975
2013	63602,0	71,39146	1,5524	1,518	87958,8478	47112,6	659,91916	1232,064
2014	64071,8	71,539	1,6689	1,634	90226,2277	47460,6	663,42265	1261,2173
2015	62259,7	72,3236225	1,8057	1,861	86364,9979	46118,3	637,66574	1194,1465
2016	62119,6	72,3926281	1,8707	1,987	86444,0121	46014,5	635,62437	1194,0997

ⁱ По данным Росстата: официальный сайт: <http://www.gks.ru>; для 1998 – 2002 гг. – в ценах 2003 г., для 2003 – 2011 гг. – в ценах 2008 г., для 2012 – 2016 гг. – в ценах 2011 г.

ⁱⁱ По данным Росстата;

ⁱⁱⁱ Рассчитано по данным Росстата.

^{iv} Рассчитано по данным Росстата с учетом столбца (5) Таблицы П-2.

Таблица П-2.2. Оценка коэффициентов Модели 3 для разных периодов.

Период	Значение коэффициента при ln(k)	Уровень значимости коэффициента при ln(k)	Значение константы	Уровень значимости константы
2001 – 2016	1,08185	*** (1%-ный)	-1,21622	** (5%-ный)
2002 – 2016	1,08602	*** (1%-ный)	-1,24554	* (10%-ный)
2003 – 2016	1,02328	*** (1%-ный)	-0,804058	Не значим
2004 – 2016	0,929482	*** (1%-ный)	-0,140262	Не значим
2005 – 2016	0,913240	*** (1%-ный)	-0,0257284	Не значим
2006 – 2016	0,872423	*** (1%-ный)	0,262577	Не значим

2007 – 2016	0,939037	***(1%-ный)	-0,208335	Не значим
2008 – 2016	1,04775	***(1%-ный)	-0,978342	Не значим
2009 – 2016	1,44775	***(1%-ный)	-3,81426	** (5%-ный)
2010 – 2016	1,36614	***(1%-ный)	-3,23486	Не значим
2011 – 2016	1,34837	** (5%-ный)	-3,10863	Не значим
2012 – 2016	0,715407	** (5%-ный)	1,39372	Не значим

Рассчитано в программе Gretl 1.9.13.

Таблица П-2.3. Данные по российской экономике для построения Модели 4.

1	2	3	4
Год	Темп прироста реально-го ВВП ⁱ , в %	Темп прироста занятых ⁱⁱ , в %	Темп прироста основных фондов, измеренных в ценах 2008 г. ⁱⁱ , в %
t	g	\hat{L}	\hat{K}
1999	6,3511	6,9094686	-34,6349797
2000	10,04566	4,154478	-18,9420025
2001	5,091119	0,0806911	-1,05978976
2002	4,743782	2,358537	9,67526855
2003	7,295854	-0,479236	10,9698174
2004	7,175949	1,4760563	-5,16710306
2005	6,376187	1,5157442	7,38435108
2006	8,153432	1,2141575	4,04521785
2007	8,53508	2,3154508	9,81723425
2008	5,247954	0,328895	3,40980664
2009	-7,82089	-2,243009	1,99345609
2010	4,503726	0,7538489	2,18666211
2011	4,264177	1,3196855	5,94039138
2012	3,655902	0,9721083	3,96710877
2013	1,785355	-0,215186	2,90070791
2014	0,738601	0,2066634	2,61761395
2015	-2,82824	1,0967759	-4,28592161
2016	-0,22491	0,0954122	0,063817

ⁱ По данным Росстата: официальный сайт: <http://www.gks.ru>

ⁱⁱ Рассчитано по данным Таблицы П-2.1.

Таблица П-2.4. Оценка коэффициентов Модели 4 для разных периодов

Период	Значение константы	Значение коэффициента при \hat{L} (***)	Значение коэффициента при \hat{K} (**)	Исправленный R-квадрат
1999 – 2016	1,28964	2,2717	0,244678	0,44
2003 – 2016	0,295359	2,79	0,423315	0,59
2005 – 2016	-0,73189	2,60108	0,550037	0,75
2006 – 2016	-0,752558	2,63381	0,578581	0,73
2007 – 2016	-0,973458	2,45019	0,567804	0,76
2008 – 2016	-1,3011	2,83505	0,769831	0,73
2009 – 2016	-1,53521	2,81064	0,700259	0,79

Рассчитано в программе Gretl 1.9.13.

Приложение 3. Человеческий капитал и экономический рост в России

Таблица П-3.1. Занятые в российской экономике по уровню образования

Год	Занятые с соответствующим образованием, в % к общей численности занятых						
	Высшее профессиональное (включая неполное)	Среднее профессиональное	Начальное профессиональное	Среднее (полное) общее	Основное общее	Не имеют основного общего	Среднее (полное) общее, основное общее и без основного общего
1998	22,6	33,5	7,5	25,3	9,3	1,9	36,5
1999	22,5	33,2	8,8	24,2	8,7	2,7	35,6
2000	26,3	28,6	11	23,5	8,7	2	34,2
2001	26,7	31,1	11,7	22,7	7	0,9	30,6
2002	26,3	32,2	11,1	23,2	6,5	0,8	30,5
2003	25,7	26,8	16,5	22,9	7,4	0,8	31,1
2004	26,9	26,1	17,6	22,6	6,2	0,5	29,3
2005	26,6	25,4	18,3	22,7	6,3	0,7	29,7
2006	27,3	25,6	18	22,6	5,9	0,5	29
2007	29,3	25,9	17,6	21,5	5,3	0,4	27,2
2008	29,5	26,5	19,3	20,1	4,1	0,5	24,7
2009	28,2	27,1	18,9	20,9	4,6	0,4	25,9
2010	28,9	27,1	19,7	20	4	0,3	24,3
2011	29,8	27	19,4	19,6	3,9	0,3	23,8
2012	30,4	26,2	19,5	19,9	3,7	0,3	23,9
2013	31,7	25,8	18,5	20,2	3,5	0,3	24
2014	32,2	25,8	19	19,2	3,5	0,2	22,9
	Занятые с соответствующим образованием, тыс. чел.						
1998	13206,81	19576,462	4382,79	14784,612	5434,66	1110,307	21329,579
1999	14056,85	20741,667	5497,791	15118,926	5435,316	1686,822	22241,064
2000	17113,52	18610,136	7157,745	15291,545	5661,125	1301,408	22254,078
2001	17387,82	20253,226	7619,382	14782,901	4558,604	586,106	19927,611
2002	17531,28	21464,153	7399,133	15464,856	4332,826	533,271	20330,953
2003	17049,23	17778,961	10946,002	15191,724	4909,116	530,715	20631,555
2004	18108,71	17570,158	11848,076	15214,007	4173,754	336,593	19724,354
2005	18178,17	17358,104	12506,036	15512,952	4305,356	478,373	20296,681
2006	18883,06	17707,196	12450,372	15632,134	4080,955	345,844	20058,933
2007	20735,7	18329,508	12455,573	15215,615	3750,826	283,081	19249,522
2008	20945,9	18815,812	13703,591	14271,616	2911,126	355,015	17537,757
2009	19573,75	18810,234	13118,577	14506,786	3192,881	277,642	17977,309
2010	20210,84	18952,035	13776,94	13986,742	2797,348	209,801	16993,891
2011	21115,27	19131,286	13746,183	13887,896	2763,408	212,57	16863,874
2012	21749,81	18744,898	13951,356	14237,538	2647,180	214,636	17099,354
2013	22631,09	18418,997	13207,42	14421,075	2498,701	214,174	17133,95
2014	23035,56	18457,062	13592,41	13735,488	2503,865	143,078	16382,431

Источник: Труд и занятость в России. 2003. М., Росстат, 2003, с. 68; Труд и занятость в России. 2007. М., Росстат, 2007, с. 69; Труд и занятость в России. 2011. М., Росстат, 2011, с. 66; Труд и занятость в России. 2015. М., Росстат, 2015, с. 44; расчеты автора.

Приложение 4. Национально-специфические факторы экономического роста в России

Таблица П-4.1. Данные по российской экономике для построения Модели 6.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Год	Темп прироста реального ВВП, в % к предыдущему году. ⁱ	Темп прироста инвестиций в основной капитал, в % к предыдущему году. ⁱ	Среднегодовая цена на нефть, долл./баррель ⁱⁱ	Темп прироста средней цены на нефть, в % к предыдущему году	Денежная масса, М2, в среднем на год, млрд. руб. (до 1998 г. – трлн. руб.) ⁱⁱⁱ	Индекс потребительских цен, 2008 г. = 1 ^{iv} .	Денежная масса в реальном выражении (6 к 7)	Темп прироста денежной массы в реальном выражении
t	g	\hat{I}	P_{oil}	\widehat{P}_{oil}	M	P	$\frac{M}{P}$	$\widehat{\left(\frac{M}{P}\right)}$
1996	-3,608	-18,1	20,373	-	261,03	0,113771	2294,38	-
1997	1,381	-5	19,268	-5,424	340,36	0,126285	2695,15	17,467
1998	-5,345	-12	13,074	-32,147	379,79	0,23287	1630,92	-39,487
1999	6,351	5,3	17,981	37,533	574,10	0,317868	1806,10	10,741
2000	10,046	17,4	28,234	57,021	911,41	0,382077	2385,41	32,075
2001	5,091	11,7	24,331	-13,824	1314,47	0,453143	2900,78	21,605
2002	4,744	2,9	24,95	2,544	1763,28	0,521568	3380,74	16,546
2003	7,296	12,7	28,892	15,800	2552,48	0,584156	4369,52	29,248
2004	7,176	16,8	37,76	30,694	3638,40	0,652502	5576,07	27,613
2005	6,376	10,2	53,354	41,298	4935,58	0,723625	6820,63	22,320
2006	8,153	17,8	64,273	20,465	7079,71	0,788751	8975,85	31,599
2007	8,535	23,8	71,128	10,665	10656,72	0,882613	12074,06	34,517
2008	5,248	9,5	97,035	36,423	13276,49	1	13276,49	9,959
2009	-7,821	-13,5	61,777	-36,335	12681,13	1,088	11655,45	-12,210
2010	4,504	6,3	79,03	27,928	16963,86	1,183744	14330,68	22,953
2011	4,264	10,8	104,008	31,606	20866,55	1,255952	16614,13	15,934
2012	3,656	6,8	105,007	0,961	24369,93	1,338845	18202,20	9,559
2013	1,785	0,8	104,069	-0,893	28091,68	1,42587	19701,43	8,237
2014	0,739	-1,5	96,247	-7,516	30149,65	1,588419	18980,91	-3,657
2015	-2,828	-10,1	50,793	-47,226	32121,88	1,793325	17911,91	-5,632
2016	-0,2	-0,9	42,837	-15,664	35465,38	1,890165	18763,12	4,752

ⁱ По данным Росстата: официальный сайт: <http://www.gks.ru>.

ⁱⁱ По данным World Economic Outlook Database, IMF: официальный сайт: <http://www.imf.org>

ⁱⁱⁱ Рассчитано по данным Банка России: официальный сайт: <http://www.cbr.ru>. При расчете использовались данные о показателе М2 на начало каждого месяца соответствующего года, итоговые показатели получены как простая средняя из месячных данных за соответствующий год.

^{iv} Рассчитано по данным Росстата.

Приложение 5. Динамика промышленного производства в России и США

Таблица П-5.1. Динамика промышленного производства по видам экономической деятельности в России и США, 2007–2013 гг., в % к предыдущему году.

Виды экономической деятельности	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Россия							
Промышленное производство, всего	6,8	0,6	-10,7	7,3	5,0	3,4	0,4
Добыча полезных ископаемых	3,3	0,4	-2,8	3,8	1,8	1,0	1,1
Обрабатывающие производства, в том числе:	10,5	0,5	-15,2	10,6	8,0	5,1	0,5
– производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	7,3	1,9	0,3	3,2	3,9	4,1	0,6
– текстильное и швейное производство	-0,5	-5,4	-16,1	8,8	0,8	0,7	4,3
– обработка древесины и производство изделий из дерева	7,9	-0,1	-23,1	13,4	10,2	-3,8	8,0
– производство кокса и нефтепродуктов	2,8	2,8	-0,6	6,0	3,8	3,1	2,3
– химическое производство	6,6	-4,6	-5,4	10,6	9,5	4,1	5,4
– производство резиновых и пластмассовых изделий	25,5	22,8	-12,9	24,4	11,4	12,8	5,9
– металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	4,5	-2,2	-6,4	12,4	7,0	4,8	0,0
– производство машин и оборудования	26,7	-0,5	-33,2	15,2	11,1	2,7	-3,4
– производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	10,9	-7,4	-31,6	18,9	11,9	6,4	-1,0
– производство транспортных средств и оборудования	7,8	0,4	-31,5	27,2	17,2	10,3	2,2
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	-0,6	0,6	-2,7	2,2	0,2	1,3	-2,5
США							
Промышленное производство, всего	1,8	-1,7	-6,0	3,0	1,8	2,6	2,1
Горнодобывающая промышленность	0,7	2,5	-5,5	2,8	7,5	11,5	8,1
Обрабатывающие производства, в том числе:	2,6	-5,5	-12,4	5,6	3,2	2,8	2,5
– производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	0,3	-1,1	1,6	-0,3	-0,5	-2	–
– текстильное и швейное производство	-12,4	-12	-20,4	5,6	-2,8	0,7	–
– производство изделий из дерева	-7,7	-13,5	-22,3	3,2	1,1	4,6	–
– продукты из нефти и угля	2,6	-3,8	-0,9	-2,7	2,4	-1,0	–
– химическое производство	7,1	-9,5	-10,9	6,8	-1,3	2,2	–
– производство резиновых и пластмассовых изделий	-1,8	-10	-15,3	8,4	1,6	2,5	–
– металлургическое производство	3,2	1,2	-26,2	22,5	7,7	12	–
– готовые металлические изделия	4,1	-2,7	-21,5	4,6	8,1	3,1	–
– производство машин и оборудования	3,1	-2,2	-21	10,8	12,8	5,6	–
– компьютеры и электроника	10,0	1,2	-13,7	5,9	4,0	1,9	–
– электрооборудование, приборы и компоненты	3,3	-4,5	-20	3,9	5,9	0,7	–
– автомобили и запчасти	-3,2	-19,6	-25	31,3	12,6	8,2	–
– прочие транспортные средства	20,2	0,8	-9,1	-1,8	-0,5	17,1	–
Коммунальные услуги	4,8	3,7	-15,1	6,3	-7,3	-0,7	2,7

Составлено по: Росстат: <http://www.gks.ru/>;

Бюро экономического анализа: http://www.bea.gov/iTable/index_industry_gdpIndy.cfm

Приложение 6. Динамика компонент совокупного спроса в российской экономике

Таблица П-6.1. Динамика ВВП России и его компонент по расходам, измеренным в реальном выражении (в ценах 2005 г.), в % к уровню 1990 г.

Год	ВВП	Конечное потребление домашних хозяйств (С)	Конечное потребление органов государственного управления (G)	Валовое накопление (I)	Внутренний спрос (С + G + I – Im)	Внешний спрос (экспорт, Ex)	Импорт (Im)
1990	100,00	100,00	100,00	100,00	100	100	100
1991	95,00	97,05	90,74	84,50	79,77	271,40	271,40
1992	81,22	94,25	81,04	80,71	80,36	217,12	173,69
1993	74,16	95,33	75,60	57,08	68,61	212,56	157,37
1994	64,74	94,38	73,36	39,05	57,90	222,97	172,16
1995	62,09	90,74	74,29	34,29	53,63	239,03	186,10
1996	59,85	86,40	76,62	29,48	50,01	247,92	188,58
1997	60,67	90,57	74,81	28,26	50,45	246,73	189,27
1998	57,43	87,62	75,53	15,47	44,93	251,35	156,37
1999	61,08	85,08	77,85	14,44	45,46	279,59	129,72
2000	67,21	91,14	79,45	25,31	51,06	306,24	171,73
2001	70,63	99,61	78,82	29,54	54,26	319,16	203,88
2002	73,99	107,87	80,86	28,77	55,52	351,91	233,60
2003	79,38	115,93	82,76	32,87	58,55	396,39	273,96
2004	85,08	129,77	84,52	36,88	62,24	443,20	337,68
2005	90,50	144,96	85,74	40,39	66,46	471,83	393,84
2006	97,88	162,31	87,72	47,54	71,90	506,38	477,63
2007	106,24	185,33	90,11	58,02	78,78	538,13	602,79
2008	111,81	204,66	93,14	64,11	84,29	541,31	691,83
2009	103,07	194,15	92,56	37,82	78,89	515,67	481,38
2010	107,71	204,78	91,19	48,61	80,89	552,01	605,64
2011	112,30	218,53	92,46	58,81	84,30	553,74	728,50
2012	116,25	234,60	94,75	61,13	87,64	561,27	799,03
2013	117,74	244,79	96,08	56,69	87,62	587,05	828,01
2014	118,57	248,31	96,31	52,17	90,10	590,47	765,27
2015	114,15	224,91	94,60	42,42	87,54	611,66	568,82

Рассчитано по данным: National Accounts Main Aggregates Database:

<http://unstats.un.org/unsD/snaama/resQuery.asp>

Приложение 7. Динамика компонент совокупного предложения в российской экономике

Таблица П-7.1. Динамика ВДС России и ее компонент по видам экономической деятельности, измеренным в реальном выражении (в ценах 2005 г.), в % к уровню 1990 г.

Год	ВДС	Компоненты ВДС по разделам ¹						
		А и В	С и Е	Д	F	I	G и H	J - P
1990	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00
1991	95,80	96,29	94,30	94,30	88,00	94,24	96,62	100,90
1992	82,57	87,63	77,41	77,41	58,96	79,08	91,96	95,26
1993	76,62	84,12	66,24	66,24	54,24	63,15	89,11	97,14
1994	66,42	74,19	52,96	52,97	43,94	52,98	89,02	87,15
1995	63,90	67,00	51,10	51,09	39,98	51,63	85,37	85,23
1996	62,56	63,54	49,71	49,70	33,27	49,22	87,12	85,74
1997	63,43	64,62	50,59	50,62	31,46	48,33	91,77	86,81
1998	60,95	52,81	48,10	48,06	29,48	46,94	85,91	86,73
1999	64,29	61,41	52,85	52,84	31,23	51,41	84,26	89,38
2000	69,34	68,81	58,66	58,82	36,67	54,58	94,52	91,56
2001	72,38	76,42	61,75	61,44	40,30	57,62	98,24	93,57
2002	75,34	78,64	63,87	63,98	41,42	60,91	106,30	96,23
2003	80,50	77,45	68,79	69,60	46,67	65,32	119,95	99,52
2004	85,69	78,35	77,36	75,21	51,28	69,18	131,97	101,60
2005	90,42	77,96	78,03	78,55	56,52	73,28	144,04	107,84
2006	97,28	80,14	76,35	83,71	63,74	80,40	163,98	116,54
2007	105,72	81,10	73,08	90,01	72,03	84,30	183,32	131,97
2008	111,57	85,80	74,17	88,10	80,01	88,72	201,41	141,30
2009	104,53	87,21	73,58	75,22	68,25	81,11	188,77	137,31
2010	108,73	76,76	77,62	81,70	71,27	85,55	199,78	140,59
2011	112,70	87,57	79,06	86,83	76,72	91,09	206,47	141,85
2012	116,68	86,61	80,06	91,55	79,81	94,74	213,64	147,15
2013	118,23	90,68	76,46	95,58	79,88	96,73	214,63	150,00
2014	119,25	92,48	77,09	96,13	78,23	97,44	218,94	151,40
2015	115,10	95,17	75,29	91,27	76,68	93,83	210,20	145,68

¹ Разделы приведены согласно международной статистической классификации (ISIC):

А – сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство;

В – рыболовство, рыбоводство;

С – добыча полезных ископаемых;

Д – обрабатывающие производства;

Е – производство и распределение электроэнергии, газа и воды;

F – строительство;

G – оптовая и розничная торговля;

H – гостиницы и рестораны;

I – транспорт и связь;

J – P – прочие виды деятельности (финансовое посредничество, гос. управление, образование, здравоохранение, социальные услуги и т.п.).

Рассчитано по данным: National Accounts Main Aggregates Database:

<http://unstats.un.org/unsD/snaama/resQuery.asp>

Таблица П-7.2. Динамика ВДС России и ее компонент по секторам экономики, измеренным в реальном выражении (в ценах 2005 г.), в % к уровню 1990 г.

Год	ВДС	Первичный сектор (разделы А, В, С, Е)	Вторичный сектор (разделы D, F, I)	Третичный и четвертичный сектора (разделы G, H, J – P)
1990	100,00	100,00	100,00	100,00
1991	95,80	94,81	93,01	99,33
1992	82,57	80,03	74,18	94,04
1993	76,62	70,82	62,89	94,19
1994	66,42	58,40	51,14	87,83
1995	63,90	55,17	49,01	85,28
1996	62,56	53,25	46,23	86,24
1997	63,43	54,18	46,06	88,64
1998	60,95	49,30	43,96	86,43
1999	64,29	55,04	48,04	87,50
2000	69,34	61,26	53,07	92,65
2001	72,38	65,51	56,02	95,29
2002	75,34	67,66	58,49	99,93
2003	80,50	71,01	63,68	107,02
2004	85,69	77,61	68,56	112,76
2005	90,42	78,01	72,51	121,14
2006	97,28	77,32	78,68	133,97
2007	105,72	75,13	84,66	150,83
2008	111,57	77,15	86,64	163,38
2009	104,53	77,07	75,57	156,21
2010	108,73	77,40	80,74	162,33
2011	112,70	81,24	86,06	165,59
2012	116,68	81,74	90,13	171,58
2013	118,23	80,10	92,75	173,75
2014	119,25	81,03	92,90	176,21
2015	115,10	80,38	89,08	169,38

Рассчитано по данным: National Accounts Main Aggregates Database:

<http://unstats.un.org/unsD/snaama/resQuery.asp>

Приложение 8. Динамика денежной базы и монетизация российской экономики

Таблица П-8.1. Динамика денежной базы, реального ВВП и уровня монетизации экономики России, в % к предыдущему году

Год	Темпы прироста монетизации экономики, $\Delta(\frac{M2}{Y})$	Темпы прироста широкой денежной базы, ΔMB	Темпы прироста реального ВВП, ΔYr
2003	23,36085	55,30586	7,295854
2004	5,37196	24,3431	7,175949
2005	9,164903	22,42995	6,376187
2006	19,39275	41,45906	8,153432
2007	16,14197	33,74005	8,53508
2008	-18,7833	1,186222	5,247954
2009	25,14898	15,92844	-7,82089
2010	9,842135	26,64172	4,503726
2011	0,078431	5,540701	4,264177
2012	-6,14982	13,98295	3,517942
2013	8,086789	6,608274	1,279454
2014	-9,00783	7,883738	0,731458
2015	5,881255	-2,54324	-2,82824
2016	5,636766	7,596117	-0,22491

Рассчитано по: Сайт Банка России: www.cbr.ru, Росстат: www.gks.ru